

ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1958

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1958

**Гравюры художника
А. ГОНЧАРОВА**

ТИТ АНДРОНИК

Перевод
А. КУРОШЕВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сатурнин, сын умершего римского императора, потом император.

Басснан, брат Сатурнина.

Тит Андроник, знатный римлянин.

Марк Андроник, народный трибун, брат Тита.

Люций

Квинт

Марций

Муций

} сыновья Тита Андроника.

Люций Младший, мальчик, сын Люция.

Публий, сын Марка Андроника.

Эмилий, знатный римлянин.

Аларб

Деметрий

Хирон

} сыновья Таморы.

Арон, мавр, возлюбленный Таморы.

Военачальник, трибун, гонец, деревенский парень (шут), римляне и готы.

Тамора, королева готов.

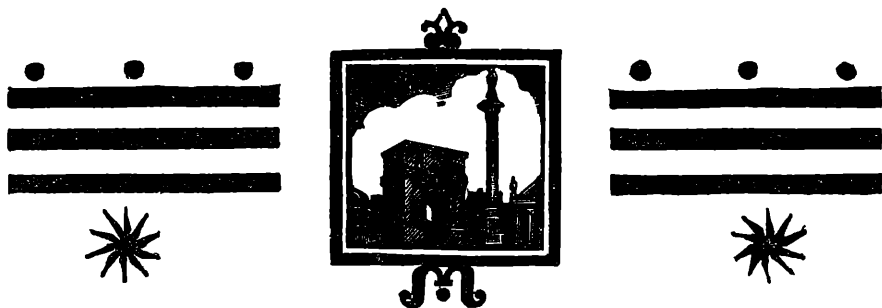
Лавиния, дочь Тита Андроника.

Кормилица и черный ребенок.

Родственники Тита, сенаторы, трибуны, военачальники, воины, слуги.

Место действия — Рим и его окрестности.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Рим. Перед Капитолием. Видна гробница Андроников.
Трубы.

Входят наверху трибуны и сенаторы; затем входят внизу, с барабанами и знаменами, с одной стороны — Сатурнии и его приверженцы, с другой — Бассиан и его приверженцы.

С а т у р н и и

Патриции, опора прав моих,
Оружьем защищайте их законность;
И вы, сограждане, друзья, мечами
Наследный сан отстаивайте мой:
Я — первородный сын того, кто был
До нас последним венценосцем Рима.
Величие отца за мной упрочьте
И старшинство мое не опорочьте.

Б а с с и а н

Вы, римляне, защита прав моих,
Коль Бассиан, сын цезаря, снискал
Благоволение царственного Рима,—
Вход в Капитолий охраняйте здесь.
Да не приблизится порок бесчестить
Трон цезарей, величию посвященный,
Умеренности, правде и добру;

Да воссияют в избранном заслуги.
Боритесь за свободный выбор ваш.

Входит наверху Марк Андроник с короной.

Марк

При помощи друзей и партий, принцы,
Вы боретесь за титул и за власть,
Но знайте, что народом Рима, чьею
Особой волей мы облечены,
На цезарский престол единогласно
Андроник избран, по прозванию Пий,
За многие заслуги перед Римом:
Достойней мужа, воина храбрее
Нет в наше время в городских стенах.
Сенатом он на родину отозван
С войны тяжелой против диких готов;
С сынами смелыми, грозой врагов,
Он покорил воинственное племя.
Десятилетье протекло с тех пор,
Как, став за Рим, он дерзких покарал
Оружием; пять раз он возвращался,
Изранен, в Рим и сыновей отважных
К нам привозил в гробах.
И вот, добычей славной отягченный,
Андроник добрый возвратился в Рим,
Достойный Тит, великий в деле бранном.
Во имя цезаря, кому хотели б
Преемника достойного вы дать,
И правом Капитолия с сенатом,
Столь чтимых вами, говорите вы,—
Вас заклинаем избежать насилья
И, отпустив друзей, в смирение, в мире
За право состязаться как истцы.

Сатурний

Смирил мой дух трибун красноречивый!

Бассиан

Так в честь твою я верю, Марк Андроник,
И в беспристрастие и в прямоту,
Так почитаю и люблю тебя,
И Тита, брата твоего, с сынами,
И ту, которой предан я всецело,—
Лавинию, красу и гордость Рима,—

Что отпустить своих друзей готов;
И милости народа и судьбе
Вверяю я мое избранье взвесить.

Приверженцы Бассиана уходят.

Сатурнин

Друзья, за ревность к праву моему
Благодарю всех вас и отпускаю;
И милости, любви моей отчизны
Вверяю я избранье и себя.

Приверженцы Сатурнина уходят.

Будь так же милостив ко мне, о Рим,
И справедлив, как мною ты любим! —
Открыть ворота! Пропустить меня!

Бассиан

И я войду в них, скромный соискатель.

Трубы.

Сатурнин и Бассиан поднимаются в Капитолий.
Входит военачальник.

Военачальник

Дорогу, римляне! Андроник добрый.
Поборник правды, Рима лучший воин,
Победоносный в битвах, данных им,
Вернулся к нам со славою и честью,
Мечом из римских вытеснив владений
И в рабство наших обратив врагов.

Трубы и барабаны.

Входят Марций и Муций, за ними два человека, несущих покрытый черным гроб; затем Люций и Квинт. За ними Тит Андроник; затем Тамора, королева готов, с Аларбом, Хироном. Демертием, Ароном и другими пленными готами; за ними следуют воины и народ. Гроб ставят на землю, и Тит говорит.

Тит

Привет, о Рим, и в трауре победный!
Как тот корабль, который груз свой сбросил
И с драгоценной кладью входит в порт,
Откуда с якоря впервые снялся,—
Андроник прибыл, лаврами повит,
Приветствовать отчизну со слезами,
Слезами счастья о возврате в Рим.
Хранитель Капитолия великий,

Будь милостив к обрядам предстоящим!
Вот двадцати пяти сынов отважных,—
Приам имел и вдвое больше их,—
Остаток жалкий — мертвых и живых!
Кто жив, тех награди любовью, Рим;
Кого я вез к последнему жилищу,
Тех подле праха предков упокой.
Мне дали готы в ножны меч вложить.
Что ж, допускаю, нерадивый к близким,
Сынов своих еще не погребенных
Блуждать по мрачным Стикса берегам!
Им возле братьев отведите место.

Открывают гробницу.

В молчанье встретьтесь, как довлеет мертвым,
И спите с миром, за отчизну пав!
Вместилище былой моей отрады,
Обитель доблести и благородства,
Хранишь ты многих сыновей моих
И никогда не возвратишь мне их!

Л ю ц и й

Дай нам славнейшего из пленных готов,
Чтоб, изрубив, мы на костре его
Ad manes fratrum ¹ в жертву принесли
Перед земной темницей их останков,—
Чтоб не томились тени неотмщенных,
Смущая нас зловещим появлением.

Т и т

Возьмите, вот знатнейший из живых:
Он старший сын несчастной королевы.

Т а м о р а

О, стойте, братья-римляне! Ты, Тит,
Великодушный победитель, сжался
Над матерью, страдающей за сына;
О, если дорог сын тебе родной,
Подумай! Мне ведь так же дорог мой!
Иль мало вам того, что нас пригнали
Украстить въезд твой триумфальный в Рим,
Твоих рабов и Рима подъяремных?

Братским теням... (Все иноязычные фразы и отдельные слова в этой пьесе — латинские.)

Ужели сыновей моих зарежут
За подвиги в защиту их отчизны?
О, если этот подвиг должно чтить
В твоих сынах,— в моих он так же славен.
Андроник, не пятнай гробницы кровью.
Ты хочешь уподобиться богам?
Так будь же в милосердье им подобен:
Ведь милосердье — признак благородства.
Оставь мне сына, благородный Тит.

Т и т

Прости мне, королева, и смирись.
Вот братья тех, кого-видали готы
В живых и мертвыми; за павших жертвы
Благочестиво требуют они.
Твой сын к тому намечен и умрет,
Чтоб успокоить тени отошедших.

Л ю ц и й

Забрать его и развести огонь!
Мечами будем тело на костре
Рубить, пока не обратится в пепел.

Сыновья Андроника с Аларбом уходят.

Т а м о р а

Обряд бесчеловечный, несчастный!

Х и р о н

Была ли Скифия такой жестокой?

Д е м е т р и й

Со Скифией сравнится ль властный Рим?
Аларб почует, мы же остаемся
Под грозным взором Тита трепетать.
Смирись же, королева, но надейся,
Что боги, давшие царице Трон
Возможность беспощадно отомстить
В его шатре фракийскому тирану,
Тебе помогут, королеве готов,—
Пока мы готы, ты ж их королева,—
За кровные обиды отплатить.

Входят сыновья Андроника с окровавленными мечами.

Л ю ц и й

Отец и господин, исполнен нами
Обряд наш римский. Уж Аларб изрублен,
И внутренности брошены в огонь,
И дым, как фимиам, воскурен в небо.
Похоронить осталось наших братьев
И бранным звоном в Риме здесь их встретить.

Т и т

Да будет так, и да пошлет Андроник
Последнее прощанье душам их.

Трубы. Гроб вносят в гробницу.

Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью;
Герои Рима, тихо почивайте,
Сокрыты от превратностей и бедствий.
Не сторожат измена здесь, ни зависть,
Отрава не растет; здесь нет ни шума,
Ни бурь, но тишина и вечный сон.
Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью!

Входит Лавиния.

Л а в и н и я

Да здравствует Андроник с миром, с честью!
Отец и господин, живи во славе!
Здесь, на могиле, приношу слезами
Дань погребенью братьев и, склонясь
К твоим ногам, я слезы проливаю
От радости, что ты вернулся в Рим.
Благослови меня десницей славной;
Ее победам рукоплещет Рим.

Т и т

Рим благосклонный бережет любовно,
На радость сердцу, старости утеху! —
Переживи мой век! Цвети по праву,
Извечной добродетели во славу!

Входят внизу Марк Андроник и трибуны; возвращаются
Сатурнии и Бассиан со свитой.

М а р к

Да здравствует любимый брат мой Тит,
Любезный взорам Рима, триумфатор!

Т и т

Благодарю, трибун и брат мой Марк.

М а р к

Племянники, с победой поздравляю
И вас, живых, и спящих в славе, вас!
В удаче все вы, юноши, сравнялись,
Поднявшие за родину мечи.
Но погребенья торжество надежней:
Оно Солонова взыскует счастья,
На ложе чести победив превратность.—
Андроник Тит, тебе народ наш римский,
Чьим другом истинным ты был всегда,
Через меня, посредника, трибуна,
Шлет паллий непорочной белизны
И намечает к выборам на царство
С наследниками цезаря — тебя:
Надев его, стань нашим *candidatus* ¹
И Рим наш обезглавленный возглавь.

Т и т

Прилична телу славному глава
Получше этой, что от лет трясется.
К чему смущать вас, в паллий облачившись?
Быть избранным сегодня всенародно,
А завтра власть сложить, и жизнь отдать,
И новые навлечь на вас заботы?
Рим, сорок лет я был твоим солдатом,
И силой ратной управлял с успехом,
И девятнадцать смелых сыновей
Похоронил, что мужественно пали
За родину с оружием в руках.
Почетный посох дайте мне на старость,
Не скипетр — миром управлять; держал
Его высоко, кто держал последним.

М а р к

Тит, пожелай лишь — и получишь власть.

С а т у р н и н

Трибун надменный, можешь ли ручаться?

Носящий белый плащ (паллий), какой надевали в Риме кандидаты на высокие государственные должности.

Т и т

Терпенье, принц.

С а т у р н и н

О Рим, будь справедлив.
Меч обнажив, патриции, не прячьте,
Пока я в Риме цезарем не стал.
Андроник, в ад отправишься ты прежде,
Чем у меня сердца народа взять!

Л ю ц и й

Гордец ты, Сатурнин,— добру мешаешь,
Которое готовит Тит тебе!

Т и т

Принц, успокойся, я верну тебе
Сердца народа, у него ж отняв их.

Б а с с и а н

Андроник, я не льщу тебе, но чту
И буду чтить тебя, пока не умер;
И если партию мою поддержишь,
Признателен я буду; для достойных
Признательность — почтней всех наград.

Т и т

У римского народа и трибунов
Поддержки я прошу и голосов.
Их дружески Андронику дадите ль?

Т р и б у н ы

Чтоб доброго Андроника почитать,
Отпраздновав счастливое прибытие,—
Кто избран им, того народ признает.

Т и т

Благодарю, трибуны, и прошу,
Чтоб выбор пал на старшего из принцев,
На Сатурнина, чьи заслуги, верю,
Рим озарят, как землю — луч Титана,
И правосудие в стране возрастят.
Итак, совет мой вам — венчать его,
Провозгласив: «Да здравствует наш цезарь!»

Марк

С согласия и при одобренье всех,
Патрициев, как и плебеев, принца
Им императором провозглашаем:
«Да здравствует наш цезарь, Сатурний!»

Непрерывные трубные звуки, пока они сходят вниз.

Сатурний

Андроник, за твои услуги, нынче
Оказанные при избрании нам,
Тебе я благодарность изъявляю
И по заслугам наградить хочу.
И для начала, Тит, чтоб возвеличить
Твой славный род, хочу императрицей
Лавинию назвать, царицей Рима,
Властительницей сердца моего,
С ней сочетавшись браком в Пантеоне.
Доволен этим предложеньем ты?

Тит

Да, господин мой, и высокой честью
Союз тот почитаю для себя.
И здесь же, перед Римом, Сатурнину,
Вождю и повелителю народа,
Властителю вселенной, посвящаю
Мой меч, и пленников, и колесницу —
Дары, достойные владыки Рима.
Прими же их как дань, трофеи славы,
К твоим ногам повергнутые мной.

Сатурний

Благодарю, отец моей любви,
Тит славный! Как я горд тобой и даром —
Свидетель Рим; и, если я забуду
Малейшую из всех заслуг бесценных,
Вы, римляне, забудьте верность мне.

Тит

(Таморе)

Ты цезаревой пленницею стала;
Согласно с савом, Тамора, твоим
Поступит благородно он с тобою.

С а т у р н и н

(в сторону)

Красавица от головы до ног!
Ах, если б ею обладать я мог!

(Громко.)

Лик скорбный, королева, пролсни.
Войны превратности тому причиной;
Но ты явилась в Рим не на позор:
В тебе всегда признают королеву.
Доверься мне и не давай печали
Затмить надежды все. Твой повелитель
Возвысить может королеву готов.—
Лавиния, не гневаешься ты?

Л а в и н и я

О пет! Поручой Сатурнина честь,
Что эта речь — лишь царственная лесть.

С а т у р н и н

Благодарю.— Ну, римляне, идемте.
Без выкупа мы пленных отпускаем.
Пусть нашу славу трубы возвестят.

Трубы.

Сатурнин ухаживает за Таморой.

Б а с с и а н

(хватая Лавинию за руку)

Тит, разреши мне! Девушка — моя.

Т и т

Как! Ты серьезно говоришь, мой принц?

Б а с с и а н

Да. Тит, вполне; и доказать намерен
Как право, так и правоту свою.

М а р к

Suum cuique ¹ — в нашем римском праве:
Лишь собственность берет по праву принц.

Л ю ц и й

И он возьмет ее, коль буду жив.

¹ Всякому — свое.

Т и т

Изменники! Где стража государя?
Лавиния похищена! Измена!

С а т у р н и н

Похищена! Но кем же?

Б а с с и а н

Тем, кто прав,
Свою невесту ото всех отняв.
Бассиан и Марк с Лавинией уходят.

М у ц и й

Вы, братья, помогите скрыться ей,
А я останусь охранять здесь двери.
Квинт, Люций и Марций уходят.

Т и т

Ее верю я. Государь, за мной!

М у ц и й

Ты не пройдешь здесь.

Т и т

Как, мальчишка дерзкий!
Пусть в Риме преграждаешь мне?

(Закалывает Муция.)

М у ц и й

На помощь!

(Умирает.)

Во время этой схватки Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон
и Арон уходят и появляются наверху.
Входит Люций.

Л ю ц и й

Отец, ты больше чем несправедлив:
В неправой ссоре умертвил ты сына.

Т и т

Ни ты, ни он — не сыновья вы мне:
Так сын не опозорил бы. Изменник,
Лавинию ты цезарю вернешь!

Л ю ц и й

Лишь мертвою! Она обручена
С другим — и цезарю женой не будет!
(Уходит.)

С а т у р н и н

Знай, Тит, нет нужды цезарю в тебе,
Ни в ней, ни в ком из твоего семейства.
Я лучше верюсь тем, кем был осмеян,
Вам — никогда, надменным, вероломным
Виновникам позора моего.
Иль не нашлось вам на потеху в Риме
Другого никого? Согласны, Тит,
Дела такие с похвалой твоей,
Что у тебя я выклянчил державу.

Т и т

Чудовищно! Какое оскорбление!

С а т у р н и н

Но будь по-твоему; отдай девчонку
Тому, кто за нее махал мечом;
Зять будет славный: он поспорить может
С беспутными твоими сыновьями
В уменье государство возмутить.

Т и т

Нож — эта речь для раненого сердца.

С а т у р н и н

Ты ж, Тамора, правительница готов,
Затмившая собой красавиц римских,
Как дивная Фебея — нимф своих,
Коль выбором неожиданным ты довольна,
Тебя, своей супругою избрав,
Провозглашу императрицей Рима.
Одобришь ли мой выбор, королева?
Здесь римскими богами я клянусь,
Затем, что близко жрец с водой святою,
И факелы пылают, и готово
Для Гименея все, — не покажусь
На римских улицах, и во дворце
Я не войду, пока, обвинчан с нею,
Не уведу отсюда я супругу.

Т а м о р а

Здесь, пред лицом небес, клянусь я Риму,—
Коль Сатурнин возвысит королеву,
Она слугой его желаний станет
И матерью — для юности его.

С а т у р н и н

В храм, королева.— Следуйте, друзья,
За императором с супругой милой,
Дарованною Сатурнину небом,
Исправившим судьбу ее премудро.
Там совершатся брачные обряды.

Уходят все, кроме Тита.

Т и т

Не позван я сопровождать невесту.
Когда ты был, Андроник, так отвергнут,
Так опозорен, обвинен в измене?

Входят Марк, Люций, Квинт и Марций.

М а р к

О Тит, подумай, что ты совершил!
В ничтожной ссоре сына ты убил.

Т и т

Нет, нет, глупец-трибун, не сын мне он;
И ты и те сообщники деянья,
Нас опозорившего,— кто вы мне?
Презренный брат, презренные сыны!

Л ю ц и й

Дай схоронить его как подобает;
Как братьев, Муция дай схоронить.

Т и т

Не смей, изменник! Здесь ему не место,
Гробница эта пять веков стоит;
Я заново ее отстроил пышно.
Здесь только войны и слуги Рима
Покоятся во славе — не буяны.
Где знаете, кладите, но не здесь.

М а р к

О брат мой, это будет нечестиво:
Оправдывают Муция деянья.
Он должен с братьями быть погребен.

К в и н т и М а р ц и й

И будет, иль за ним уйдем мы следом.

Т и т

«И будет»! Кто сказал здесь это слово?

К в и н т

Тот, кто его повсюду подтвердит.

Т и т

Как! Схоронить без моего согласия?

М а р к

Нет, славный Тит, но просим у тебя
Прощенья Муцию и погребенья.

Т и т

И ты меня ударил, Марк, по шлему!
С мальчишками ты ранил честь мою!
Вас за врагов всех почитаю я;
Уйдите прочь, оставьте все меня.

М а р ц и й

Он вне себя; нам лучше удалиться.

К в и н т

Не схоронив останков, не уйду.

Марк и сыновья Тита становятся на колени.

М а р к

Мой брат, природы голос умоляет...

К в и н т

Отец, природы голос говорит...

Т и т

Молчи, твой голос их надежд лишает.

М а р к

О Тит, часть бóльшая души моей...

Л ю ц и й

Отец, душа и сущность сыновей...

М а р к

О, допусти, чтоб был схоронен Марком
В жилище добродетели племянник,
Погибший за Лавинию и честь!
Ты римлянин — так варваром не будь.
Ведь греки предали земле Аякса,
Убившего себя; об этом их
Просил усердно мудрый сын Лаэрта.
Дай Муцию — он был твоей утехой —
Сюда войти свободно.

Т и т

Встань же, Марк! —
Несчастней для я не знавал, чем этот:
Я опозорен сыновьями в Риме! —
Похорони его, за ним — меня.

Муция вносят в гробницу.

Л ю ц и й

Покойся там с друзьями, милый Муций,
Пока трофеей гробницы не украсил!

В с е

(преклонив колени)

По Муцию не проливайте слез;
Кто пал за дело чести, жив во славе.

М а р к

Брат, чтоб из мрачного унынья выйти,
Скажи, как хитрой королеве готов
Возвыситься вдруг в Риме удалось?

Т и т

Не знаю, Марк, но знаю — это так.
А ловкостью иль пст, то скажет небо.
Но не обязана ль она тому,
Кто издали привел ее к величью?
Да, и она вознаградит его.

Трубы.

Входят с одной стороны Сатурнин со свитой, Тамора, Деметрий, Хирон и Арон; с другой — Бассиан, Лавиния и другие.

С а т у р н и н

Ты получил награду, Бассиан!
Пошли тебе бог счастья от супруги.

Б а с с и а н

Тебе того же. Больше не скажу
И меньше не желаю. С тем оставляю.

С а т у р н и н

Коль в Риме есть закон и власть у нас,
Ты с шайкою расквасься в насилие.

Б а с с и а н

Насильем называешь, что беру я
Свое — мою невесту и жену?
Но пусть законы Рима все решат;
Пока же, что мое, тем и владею.

С а т у р н и н

Отлично, принц; ты очень резок с нами;
Так будем столь же строги мы с тобой.

Б а с с и а н

За то, что я свершил, я в полной мере
Ответить должен и ответчу — жизнью.
Одно лишь милости твоей скажу
Из чувства долга моего пред Римом:
Патриций этот, благородный Тит,
Во мнение всех и в чести опорочен,
Лавинию освободить пытаюсь,
Убил он сына собственной рукой,
Служа тебе и разъяренный тем,
Что дар, который он тебе назпачил,
Похитили тебе наперекор.
Верни же милость, Сатурнин, тому,
Кто выказал себя во всех поступках
Как друг, отец и Риму и тебе.

Т и т

Не защищай мои поступки, принц.
Ты сам помог предать меня позору.
Пусть судит Рим и праведное небо,
Как мной любим и чтим был Сатурнин!

Т а м о р а

О цезарь, если Тамора достойна
Благоволенья в царственных глазах,
Послушай, что скажу я беспристрастно,
И прошлое, прошу тебя, прости.

С а т у р н и н

Как! Получить открыто оскорбленье
И низко вытерпеть, не отомстив?

Т а м о р а

Нет, государь, да не допустят боги,
Чтоб на тебя я навлекла позор!
Но честью я осмелюсь в том ручаться,
Что неповинен добрый Тит ни в чем:
Гнев непритворный говорит о горе.
Взгляни же милостиво на него;
Из подозренья не лишайся друга,
В нем сердце строгим взглядом не печаль.

(Тихо, Сатурнину.)

Послушайся меня, на просьбы сдайся,
Печаль свою и недовольство скрой.
Ты только что взошел на свой престол;
Народ и знать, все на сторону Тита
По здравом размышленье могут стать,
Тебя низвергнув за неблагодарность,—
Что Рим считает низменным пороком.
Склонись к мольбам и предоставь все мне:
Я день найду, чтоб всех их перерезать,
Искоренить их партию и род,
Отца-злодея, сыновей коварных,
Кого за сына милого молила:
Пусть впредь не заставляют королеву
С мольбой средь улиц падать на колени.—

(Громко.)

Прости же, цезарь! — Подойди, Андроник! —
Ты старца подними, ободрь сердце,
Убитое грозю гневных глаз.

С а т у р н и н

Встань, Тит, императрица победила.

Т и т

Вас, государь, благодарю обоих:
От этих слов и взглядов ожил я.

Т а м о р а

Тит, я сроднилась с Римом. Принял он
Как римлянку меня, тем осчастливив,—
И я должна подать благой совет.
Все распри ныне кончены, Андроник.—
Честь предоставь мне, добрый государь,
Тебя с друзьями помирить твоими.—
Принц, за тебя замолвила я слово
И обещанье цезарю дала,
Что станешь ты сговорчивей и мягче.—
Лавиния, вы, юноши,— не бойтесь:
Совет мой вам — смиренно на коленях
У цезаря прощения просить.

Л ю ц и й

Охотно, и клянемся государю,
Что поступали сколь возможно мирно,
Честь уважая нашу и сестры.

М а р к

В том я своею честью заверяю.

С а т у р н и н

Прочь, и молчать: не досаждайте нам!

Т а м о р а

Нет, цезарь, нет, нам должно быть друзьями.
Они пощады просят на коленях.
Ужели ты откажешь мне, любимый?

С а т у р н и н

Марк, снизойдя к мольбам твоим и Тита,
По настояньям Таморы любезной,
Я юношам прощаю их проступки.
Вставайте! —
Лавиния, пусть брошен я тобою,
Но я нашел подругу. Клятвой, верной
Как смерть, клянусь, что жрец нас повенчает.—

Пойдем,— пусть двор отпразднует две свадьбы:
Будь гостьей у меня с друзьями всеми.—

(Таморе.)

День нынешний пусть будет днем любви.

Т и т

А завтра, коль тебе угодно будет
Загнать со мной пантеру, нас разбудят
Рога и лай — охотничий привет.

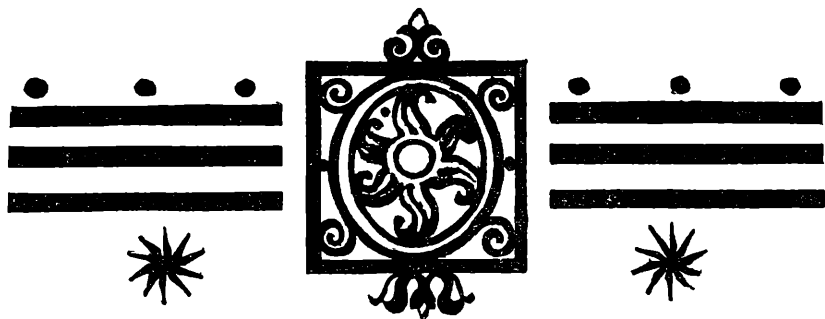
С а т у р н и н

Пусть так и будет. Тит, благодарю.

Трубы.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Рим. Перед дворцом.

Входит А р о н.

А р о н

Достигла Тамора высот Олимпа,
Ударам рока недоступна там,
Защищена от грома и от молний,
Над завистью грозящей вознесясь.
Как солнце в час, когда, зарю встречая
И золотя лучами океан,
По зодиаку мчится в колеснице
И озирает выси дальних гор,—
Так Тамора!
Все на земле ей лъстиво угождает,
Трепещет добродетель перед ней.—
Арон, во всеоружье сердца, мыслей
С любовницей венчанной вознесись;
Возвысься с той, которую ты долго
Держал, как пленницу, в цепях любви,
Прикованной к очам Арона крепче,
Чем Прометей прикован был к скале.
Прочь, рубище раба и раболепство!
Хочу блистать я в жемчугах и злате,
Императрице новой послужить.
Служить? Нет, тешиться с ней, королевой,

Богиней, нимфою, Семирамидой
Сиреною, завлекшей Сатурнина
И видеть гибель Рима и его.—
Эй! Это что за шум?

Входят Деметрий и Хирон, угрожая друг другу.

Деметрий

Твоим годам, Хирон, недостает
Ума. Уму же — остроты, с которой
Проник бы он туда, где я любезен
И даже буду, может быть, любим.

Хирон

Деметрий, ты всегда самонадеян;
И тут ты хочешь похвалбою взять.
Не оттого, что я на год моложе,
Я менее удачлив и любим.
И я, как ты, возлюбленной служить
И милость заслужить ее способен.
Меч подтвердит сейчас мои слова
И на любовь Лавинии права.

Арон

(в сторону)

Дубин, дубин! Влюбленные буянят.

Деметрий

Не потому ль, что мать неосторожно
Твой бок украсила мечом для танцев,
Ты стал так яростно грозить друзьям?
Уйди отсюда! И пускай твой меч
Игрушечный прилипнет к детским ножнам,
Пока ты им владеть не научился.

Хирон

Тем временем и с небольшим уменьем
Я покажу тебе, на что гожусь.

Деметрий

Храбришься, мальчик?

Они обнажают мечи.

А р о н

(выступая вперед)

Это что такое?

Так близко от дворца открыто смели
В подобной ссоре обнажить мечи!
Известна мне причина вашей распри;
И за миллион не пожелал бы я,
Чтоб знали те о ней, кто в том замешан;
Ни за какие деньги ваша мать
Не пожелала б в Риме так срамиться.
Стыдитесь! Прочь оружие!

Д е м е т р и й

Нет, покуда

Меч не вложу я в грудь ему и с ним
Не всуну в глотку все попреки эти,
Которыми порочил он меня.

Х и р о н

Трусливый сквернослов! Ты мечешь громы
Лишь языком, но не было ни разу,
Чтоб ты оружием что-нибудь свершил.

А р о н

Прочь, говорю!
Клянусь богами непокорных готов,
Нас всех погубит ваш пустой раздор.
Иль не подумали вы, как опасно
На право принца дерзко посягать?
Лавиния ли стала столь распутной,
Иль Бассиан так низко пал, что в ссору
Вступать возможно за ее любовь,
Ни правосудья не страшась, ни мести?
Узнай причину ссоры ваша мать,
Не по сердцу была б ей эта распря.

Х и р о н

Что в том? Пусть мать узнает и весь мир:
Лавиния милей мне, чем весь мир.

Д е м е т р и й

Молокосос, понижее выбирай:
В Лавинии — Деметрия надежда.

А р о н

В уме ли вы? Не знаете, как в Риме
Несдержанны и вспыльчивы мужья?
Что здесь соперников в любви не терпят?
Себе готовите вы только смерть
Таким путем.

Х и р о н

И тысячу раз смерть
Готов принять я, чтоб добиться милой.

А р о н

Добиться! Как?

Д е м е т р и й

Что странного в том видишь?
Коль женщина она, то добивайся!
Коль женщина она, бери ее!
И коль Лавиния,— любви достойна.
На мельнице воды уходит больше,
Чем видит мельник, и украсть легко
Кусочек от разрезанного хлеба.
Пусть Бассиан — брат цезаря,— носили
И лучшие Вулкана украшение.

А р о н

(в сторону)

И так же хорошо, как Сатурний.

Д е м е т р и й

Так что ж отчаиваться, если знаешь,
Как нежным взглядом, словом обольстить?
Иль не умел ты серну уложить
И унести под самым носом стражи?

А р о н

Сдается мне, что нечто в этом роде
Уладит дело?

Х и р о н

Если б сладить с ним!

Д е м е т р и й

(Арону)

Попал ты в цель.

А р о н

Попасть бы так и вам,
Чтоб не шумели вы по пустякам.
Послушайте, иль глупы вы настолько,
Чтоб ссориться? Вам мало, если вместе
Вам повезет?

Х и р о н

Не мне.

Д е м е т р и й

Ни мне, будь я один из двух.

А р о н

Сдружитесь в том, из-за чего вы в ссоре.
Помогут хитрость и умение вам
Желанным овладеть; итак, решайтесь:
Чего достичь не в силах, как хотели б,—
Как можете, исполнить то должны.
Лукреция была не чище, верьте,
Лавинии, подруги Бассиана.
Скорейший путь, чем долгое томленье,
Должны избрать мы; я нашел тропу.
Готовится парадная охота;
Там соберутся римлянки, друзья.
Лесные чащи глубоки, обширны,
И много там пустынных уголков,
Природой созданных для злодеяний;
Туда сманите лакомую лань,
С ней справьтесь силой, если не словами.
Лишь этот путь надежду подает.
Императрице, чей священный разум
Бесчестию и мести посвящен,
Откроем мы намерения наши;
Ее совет отточит нам оружие;
Он не допустит ссоры между вами,
На высоту желаний вознесет.
Двор Цезаря подобен храму Славы,
Что полон глаз, ушей и языков.
Леса безжалостны, дремучи, глухи;
Кричите там, творите что хотите,
Насытите страсть, от взоров неба скрыты,
Сокровищем Лавинии натешьтесь.

Х и р о н

Совет твой трусостью не отзываает.

Д е м е т р и й

Sit fas aut nefas ¹, до поры, когда
Найду поток, что охладит мой пыл,
И чары, что утихомят страсти.
Per Styge, per manes vehor ².

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лес близ Рима.

Слышны рога и собачий лай.

Входят Тит Андроник с охотниками, Марк, Люций, Квиат
и Марций.

Т и т

Охота началась, сияет утро.
Поля благоухают, зелен лес.—
Спустите псов, и пусть их лай разбудит
И цезаря с супругою и принца;
И пусть звенит охотничий призыв,
Весь двор наполнив многозвучным эхом.
Вы, сыновья, себе поставьте долгом,
Как мы, особе цезаря служить.
Мой сон был беспокоен нынче ночью,
Но вновь дохнул отрадою рассвет.

Собаки лают, рога звенят.

Входят Сатурний, Тамора, Бассиан, Лавиния, Деметрий,
Хиرون и свита.

Дней добрых много, государь, желаю,—
И столько ж их, императрица, вам! —
Я обещал вам славную охоту.

С а т у р н и й

Да, звучно вы трубили, господа,
Но рановато все ж для новобрачных.

Б а с с и а н

Лавиния, что скажешь ты?

¹ Будет ли это законно или незаконно.

² Я несусь через Стикс и царство мертвых.

Л а в и н и я

О нет,
Уж два часа прошло, как я проснулась.

С а т у р н и н

Идемте же; коней и колесницы
Подайте нам.

(Таморе.)

Ты римскую охоту
Увидишь, государыня.

М а р к

Затравят
Сильнейшую пантеру псы мои,
На высочайшую из гор взберутся.

Т и т

За зверем вслед погонится мой конь —
И ласточкой над долом пронесется.

Д е м е т р и й

(тило, Хирону)

Надеемся без псов и без коней
Мы лакомую лапъ загнать верней.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Пустынная часть леса.

Входит А р о н с мешком золота.

А р о н

Разумный муж сочтет меня безумцем
За то, что столько золота я прячу
Под деревом, чтоб не владеть им больше.
Пусть знает тот, кто обо мне так мыслит,
Что это золото перекуется
В жестокий замысел, который будет
Искусно выполнен и породит
Поистине прекраснейшую подлость.
(Зарывает золото в землю.)

Покойся, чтоб у тех покой отнять,
Кто дар императрицы должен взять.

Входит Тамора.

Тамора

Арон мой милый, что печален ты,
Когда всё похвывается, ликуя?
На каждой ветке птицы распевают;
Змея на солнышке, свернувшись, спит;
Под свежим ветерком листва трепещет,
Бросая пятнами на землю тень.
Под сенью сладостной, Арон, присядем
И, между тем как эхо дразнит псов,
На звук рогов крикливо отзываясь,
Как будто две охоты слышны разом,—
Сидеть мы будем, слушая их лай.
Вслед за борьбой, какою, полагаем,
С Дидоной тешился скиталец-принц,
Когда, застигнутых грозой счастливой,
Пещера скрытная их приютила,—
В объятиях друг друга сплетены,
Сном золотым забудемся, натешась,
Меж тем как лай, рога и пенье птиц
Нам будут колыбельной песней няпъки,
Баюкающей сонное дитя.

Арон

Тобою, Тамора, Венера правит
В твоих желаньях; мной в моих — Сатурн.
Что означает взор мой омертвевший,
Задумчивая мрачность и молчанье,
Моих волос развившиеся кольца,—
Так змей коварный распускает кольца,
К смертельному готовясь нападению?
Нет, Тамора, то не Венеры знаки;
Месть в этом сердце, смерть в моей руке,
Кровь и отмщенье мне стучат в виски.
Души моей владычица, в которой
Заключено все небо для нее,
День роковой настал для Бассиана;
Отнимется язык у Филомелы;
Похитив честь ее, сыны твои
Омоют руки кровью Бассиана.
Вот здесь письмо,— прошу тебя, возьми
И цезарю отдай фатальный свиток.

Не спрашивай,— за нами наблюдают:
Сюда идет добычи нашей часть,
О гибели своей не помышляя.

Т а м о р а

Мой милый мавр, ты жизни мне милее!

А р о н

Довольно, Тамора, вот Бассиан.
Будь резкой с ним; я сыновей сыщу,
Чтоб поддержать тебя во всяком споре.

(Уходит.)

Входят Б а с с и а н и Л а в и н и я.

Б а с с и а н

Кто это здесь? Императрица Рима,
Без свиты, подобающей по сану?
Иль то Диана (весь наряд — ее!)
Покинула священные дубравы,
Чтоб на охоту смертных посмотреть?

Т а м о р а

ХулиТЕЛЬ дерзостный поступков наших!
Имей я власть, присущую Диане,
Твой лоб рогами тут же б увенчался,
Как с Актеоном было то,— и псы
На тело превращенное твое
Набросились бы, мерзостный невежа!

Л а в и н и я

Сдается, милая императрица,
Что ты умеешь наделять рогами,
И с мавром ты затем уединилась,
Чтоб в этом опыт с ним произвести:
Храни Юпитер цезаря от псов!
Жаль, если за оленя будет принят.

Б а с с и а н

Твой черный киммериец, королева,
Поверь мне, запятнает честь твою
Позорным, грязным, гнусным цветом тела.
Зачем бы удалилась ты от свиты,
Со снежно-белого сойдя коня,
И забрела в глухое это место

В сопровождение мавра-дикаря,
Коль не была б влекома низкой страстью?

Л а в и н и я

За то, что помешал твоей утехе,
Супруг мой славный в дерзости тобою
Был обвинен.— Уйдем, и пусть любовью,
Как ворон черной, тешитс я опа,—
Ложбина эта отвечает цели.

Б а с с и а н

Узнать об этом должен брат мой, цезарь.

Л а в и н и я

Проступка знак уже давно он носит.
Наш добрый цезарь,— как обманут он!

Т а м о р а

Ужель терпенья хватит всё снести?

Входят Д е м е т р и й и Х и р о п.

Д е м е т р и й

В чем дело, матушка и королева?
Ты так бледна! Скажи нам, что с тобою?

Т а м о р а

Бледна я, думаете, без причины?
Вот эти двое завлекли меня
В бесплодную, проклятую ложбину!
Деревья даже летом здесь мертвы,
Их душат мох и злобная омега;
Здесь солнца нет, и водятся здесь только
Сова ночная да зловеющий ворон.
И, показав мне этот гнусный ров,
Они сказали, что глухою ночью
Здесь тысячи злых духов, змей шипящих,
Раздутых жаб и тысячи ежей
Такой нестройный, страшный крик поднимают,
Что каждый смертный, услышав его,
Сойдет с ума вдруг иль умрет внезапно.
Едва окончив адский свой рассказ,
Здесь привязать меня они грозили
К стволу грозящего бедою тиса
И жалкой этой гибели предать.
Меня прелюбодейкой грязной звали,

Распутной готкой, всяким бранным словом,
Какое уху слышать доводилось,
И, если б чудом не явились вы,
Они свершили б надо мной расправу.
Отметите, если любите вы мать,
Иль впредь детьми моими не зовитесь.

Д е м е т р и й

Вот доказательство, что я твой сын.

(Поражает Бассиана.)

Х и р о н

И я ударом силу покажу.

(Также поражает Бассиана, который умирает.)

Л а в и н и я

Семирамида! Нет, тебе пристало
Лишь варварское имя, что ты носишь!

Т а м о р а

Дай мне кинжал: оплатит ваша мать
Своей рукою за свою обиду.

Д е м е т р и й

Стой, государыня; ей мало смерти:
Хлеб смолоти, потом солому жги.
Красотка чистотой горда своею
И верностью супружеской и ею
Бросает вызов вашему величью.
Ужели ей в могилу все забрать?

Х и р о н

Да, если так, пусть евнухом я буду!
Давай ее супруга стащим в ров;
Пусть труп послужит изголовьем страсти.

Т а м о р а

Желанный мед вкусив, не оставляйте
Осу живой, не то ужалит вас.

Х и р о н

Уж ты поверь, ее мы приручим.—
Идем, голубушка: мы насладимся
Насильно чистотой, что ты блюла.

Л а в и н и я

О Тамора! Ты женщина лицом...

Т а м о р а

Я не желаю слушать. Прочь ее!

Л а в и н и я

Друзья мои, пусть даст сказать хоть слово.

Д е м е т р и й

Позволь ей, матушка, и торжествуй
При виде слез ее; но сердце им
Пусть, как кремьнь дождю, не поддается.

Л а в и н и я

Иль учат мать тигрята? Не внушай
Ей ярости, тебе внушенной ею.
От молока ее окаменел ты:
Жестокость ты с младенчества всосал.
Но не всегда же сын на мать походит!

(Хирону.)

Проси; пусть женскую проявит жалость.

Х и р о н

Как! Доказать, что сын я незаконный?

Л а в и н и я

Ты прав: дрозда не высидит ворона.
Но я слыхала,— если б это сбылось! —
Что, тронут жалостью, позволил лев
Себе обрезать царственные когти.
Вороны кормят брошенных детей,
Птенцов голодных оставляя в гнездах.
О, будь ко мне, хоть сердцу вопреки.
Не столь добра, но только милосердна.

Т а м о р а

Я этих слов не понимаю. Прочь!

Л а в и н и я

Дай научить тебя. Во имя Тита —
Тебе ведь жизнь он дал, хоть мог убить! —
Не будь жестокосердной и глухою.

Т а м о р а

Не будь тобой оскорблена я даже,
Из-за него тебя не пощажу.—

(Сыновьям.)

Вы помните, как слезы я лила,
Чтоб в жертву брат ваш не был принесен,
Свирепый же Андроник не смягчился.
Возьмите, тешьтесь ею как хотите:
Чем хуже ей, тем вы милее мне.

Л а в и н и я

О Тамора, будь доброй королевой,
Своей рукой ты здесь меня убей!
Молила я так долго не о жизни:
Со смертью Бассиана я мертва.

Т а м о р а

О чем ты молишь, глупая, оставь.

Л а в и н и я

О смерти здесь, немедленно, и о том,
Что женский мой язык сказать не смеет.
Избавь меня от худшего, чем смерть,—
От похоти их мерзкой. Брось меня
В глубокую, ужаснейшую яму,
Где трупа не увидит глаз людской.
Убей, но будь убийцей милосердной.

Т а м о р а

Лишить награды милых сыновей?
Нет, пусть насытят страсть красой твоей.

Д е м е т р и й

Вперед! И так ты здесь нас задержала.

Л а в и н и я

Ни жалости? Ни женственности? Зверь!
Позор и враг ты имени всех женщин!
Да поразит...

Х и р о н

Нет, рот тебе заткну я.— Брат, скорей
Тащи-ка в ров сюда ее супруга.
Здесь спрятать труп его велел Арон.

Дементрий бросает тело Бассиана в ров, после чего Дементрий и Хирон уходят, увозя силой Лавинию.

Т а м о р а

Счастливый путь! Вы с нею обручитесь.—
И пусть веселья сердцем не вкушу,
Пока с Андрониками не покончу.
Теперь пойду за милым мавром я.
Пусть эту тварь бесчестят сыновья.

(Уходит.)

Входят А р о н с Квинтом и Марцием.

А р о н

Сюда, друзья мои, прибавьте шаг:
Сейчас я приведу вас к страшной яме,
Где спящую пантеру подстерег.

К в и н т

В глазах темнеет; это неспроста.

М а р ц и й

И у меня. Когда б не стыдно было,
Я бросил бы охоту и заснул.

(Падает в яму.)

К в и н т

Как, ты упал? Предательская яма,
Прикрытая терновником лесным!
На листьях — крови капли незасохшей,
Свежей росы поутру на цветах!
Зловещим кажется мне это место.
Брат, при паденье ты не пострадал?

М а р ц и й

От зрелища ужасного страдаю:
Изноет сердце, глядя на него!

А р о н

(в сторону)

Теперь я государя приведу:
Найдя их здесь, сочтет он вероятным,
Что брат его был ими умерщвлен.

(Уходит.)

М а р ц и й

Что ж не ободрить, не поможешь выйти
Из окровавленной проклятой ямы?

К в и н т

Я поражен необычайным страхом.
Дрожу, холодным потом весь облит,
И сердце чувствует больше, чем я вижу.

М а р ц и й

Чтоб убедиться, что ты чувствуешь правду,
С Ароном вместе в яму посмотри,
И ты увидишь ужас — кровь и смерть!

К в и н т

Арон ушел, а сострадание в сердце
Не позволяет глазу видеть то,
В предчувствии чего оно трепещет.
Скажи, что там? Досель я не боялся
По-детски так, не зная сам чего.

М а р ц и й

Принц Бассиан окровавленной тушей
Лежит здесь, как зарезанный ягненок,
В проклятой, черной, полной крови яме.

К в и н т

Но в темноте как ты узнал его?

М а р ц и й

На пальце окровавленном надет,
Бесценный перстень яму освещает;
Подобно факелу в гробнице, он
Землистые ланиты мертвеца
И недра взрытой ямы озаряет.
Так свет луны Пирама озарял,
Когда лежал он, весь в крови девичьей.
Брат, помоги рукою ослабшей,—
Коль ты от страха ослабел, как я,—
Подняться из прожорливой трущобы,
Как устье мглистое Коцита, мерзкой.

К в и н т

Дай руку мне, тебе я помогу;
Иль, если сил не хватит это сделать,
Я провалюсь в разверстую утробу
Той ямы, где схоронен Бассиан.
Я вытащить тебя наверх не в силах.

Марций

А я не в силах выйти без тебя.

Квинт

Дай руку вновь; не выпущу ее,
Пока тебя не вытащу наверх,
Иль окажусь внизу, с тобою вместе.
Ты не придешь, так я к тебе приду.

(Падает в яму.)

Входят Сатурнин и Арон.

Сатурнин

Идем,— взгляну я, что за яма эта
И кто тут спрыгнул только что в нее.—
Скажи, кто ты, скрывающийся в черном
Зияющем провале? Отвечай!

Марций

Несчастный сын Андроника, попавший
Не в добрый час сюда, чтоб твоего
Найти здесь брата, Бассиана, мертвым.

Сатурнин

Мой брат — здесь, мертвый? Шутишь ты, конечно,
Он в домике охотничьем с женой
На северной окраине загона
Лишь час назад оставлен мною был.

Марций

Не знаем, где оставлен был живым,
Но здесь, увы, он найден нами мертвым!

Входят Тамора со свитой, Тит Андроник и Люций.

Тамора

Где цезарь, мой супруг?

Сатурнин

Здесь, Тамора; но страдает он смертельно.

Тамора

А где же брат твой, Бассиан?

С а т у р н и н

До глубины исследуешь ты равну;
Лежит здесь бедный Бассиан, убит.

Т а м о р а

(подавая письмо)

Я опоздала с роковым письмом,
Где этой ранней смерти план начертан.
Дивлюсь я, сколько лютости лицо
Скрывать умеет под улыбкой сладкой.

С а т у р н и н

(читает)

«Коль в час удобный мы его не встретим,
Охотник милый (речь о Бассиане),
Ты вырой сам могилу для него;
Ты понял нас. Ищи себе награду
В крапиве возле корня бузины,
Что осеняет ямы той отверстье,
Где мы зарыть решили Бассиана.
Исполни; в нас найдешь друзей навек».—
О Тамора! Да слыхано ли это?
Вот яма здесь, а вот и бузина;
Ищите, не найдется ль и охотник,
Который должен был убийцей стать?

А р о н

Мой государь, вот с золотом мешок.

С а т у р н и н

(Титу)

Твои щенки, породы кровожадной,
Лишили жизни брата моего.—
Из ямы вытащив, в тюрьму их бросьте:
Пусть изнывают там, пока для них
Неслыханной не выдумаем казни.

Т а м о р а

Как! В яме здесь они? Вот чудеса!
Как быстро обнаружилось убийство!

Т и т

Великий император, на коленях
Молю тебя в слезах,— я редко плачу! —

Проступок адский сыновей проклятых,—
Проклятых, если б он доказан был...

С а т у р н и н

«Доказан был»! Смотри: он очевиден! —
Кто, Тамора, письмо нашел? Не ты ль?

Т а м о р а

Его нашел и поднял сам Андроник.

Т и т

Я, государь. Дай мне их па поруки.
Гробницей предков, чтимой мной, клянусь:
Лишь повели — и тотчас же ови
За подозрение вам заплатят жизнью.

С а т у р н и н

Ступай за мной; не дам их на поруки.—
Убитого возьмите и убийц.
И пусть молчат — вина неоспорима.
Найдись конец, что горше смерти будет,
Клянусь, такой конец им уготован.

Т а м о р а

Андроник, цезаря я упрошу;
Не бойся,— сыновья не пострадают.

Т и т

Оставь их, Люций, и пойдем со мной.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Другая часть леса.

Входят Деметрий и Хирон с обесчещенной Лавинией, у которой
отрублены руки и отрезан язык.

Д е м е т р и й

Ступай, рассказывай всем, если можешь,
Кто отнял у тебя язык и честь.

Х и р о н

Пиши, что думаешь, чего желаешь;
Изображай с обрубками писца.

Д е м е т р и й

Смотри, что нацарапает значками.

Х и р о н

Спроси воды душистой вымыть руки.

Д е м е т р и й

Нет языка — спросить, ни рук — умыть.
Мы предоставим ей гулять в молчанье.

Х и р о н

На месте бы ее я удавился.

Д е м е т р и й

Будь руки у тебя, чтоб взять веревку.

Д е м е т р и й и Х и р о н уходят.

За сценой охотничьи рога.

Входит Марк в охотничьем костюме.

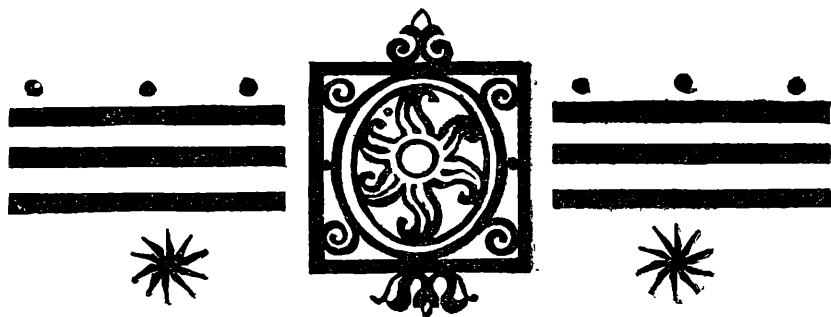
М а р к

Кто здесь? Племянница? И прочь бежит? —
Одно лишь слово: где же твой супруг? —
О, если сплю, всё дам я, чтоб проснуться!
Не сплю,— так пусть недобрая планета
Сразит меня, чтоб я заснул навек! —
Скажи, чьи руки грубые так зверски
От става отрубили твоего
Две ветви, сладостное украшение,
Под сенью чьей мечтали короли
Забиться сном, но счастья не снискали
Твоей любви. Но что же ты молчишь? —
Увы! Ручей горячей алой крови,
Как водомет под ветром, то встает,
То падает меж уст окровавленных
Вслед за дыханьем сладостным твоим.
Тебя Терей, зная, некий обесчестил,
Язык отняв, чтоб выдать не могла.
Ах, вот, стыдясь, лицо ты отвращаешь.
О, несмотря на всю потерю крови,
Из трех отверстий бьющей, как из труб,
Оно зарделось, словно лик Титана,
Когда столкнется с облаками он.
Отвечу ль за тебя? Скажу ль — то правда?

О, если б сердце знать твое, знать зверя,
Чтоб душу облегчить, прокляв его!
Как печь закрытая, немое горе
Сжигает в пепел сердце, где живет.
Лишь языка лишилась Филомела
И вышила рассказ свой на холсте.
Но у тебя возможность эту взяли,
Хитрейшего ты встретила Теря:
Он отрубил прекрасные персты,
Что выткали б искусней Филомелы.
О! Если б изверг видел эти руки
Лилейные, когда они касались
На лире струн, как листья трепетавших
В восторженных и нежных поцелуях,—
О нет, он отрубить бы их не смог!
Внимая же гармонии, творимой
Сладчайшим языком,
Заснуло б, выронив кинжал, как встарь
У ног фракийского поэта Цербер.
Пойдем со мной и ослепи отца:
Ведь он при зрелище таком ослепнет.
За час грозы затопятся луга,—
За годы слез что станется с глазами?
Останься, будем вместе слезы лить.
Когда бы стон мог горе облегчить!

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Рим. Улица.

Входят судьи, сенаторы и трибуны со связанными Марцием и Квинтом, которых ведут на казнь; Тит идет впереди, умоляя.

Т и т

Молю, сенаторы! Трибуны, стойте!
Из сожаленья к старику, чья жизнь
Прошла средь войн, пока вы мирно спали;
Во имя крови, пролитой за Рим,
Ночей морозных, проведенных в бденье,
И горьких этих слез, текущих ныне
По старческим морщинам на щеках,—
Над осужденными сынами сжалятся,
Чьи души не испорчены, поверьте!
О двадцати двух сыновьях не плакал,—
На ложе чести умерли они;
Об этих же в пыли напечатлею
Тоску сердечную и скорбь души.
Пусть слезы жажду утолят земли;
Кровь сыновей краснеть ее заставит.

(Бросается на землю.)

Судьи и другие проходят мимо него и уходят.

Земля! Тебе я услужу дождем,
Струящимся из этих древних урн

Сильнее ливней юного апреля:
Я летом знойным орошу тебя,
Зимою снег я растоплю слезами
И вечную весну тебе доставлю,—
Не пей лишь крови сыновей моих.

Входит Люций с обнаженным мечом.

О старцы благосклонные, трибуны!
Возьмите смертный приговор назад,
Пусть я, еще ни разу слез не ливший,
Скажу, что ныне слезы победили.

Люций

Отец мой, ты взываешь здесь напрасно:
Трибуны не услышат, все ушли,
И скорбь свою ты поверяешь камню.

Тит

За братьев, Люций, дай просить твоих.—
Еще раз умоляю вас, трибуны...

Люций

Тебя не слышит ни один трибун.

Тит

Что в том? Не важно это, друг; и слыша,
Не вняли б мне, а если бы и вняли,
Не пожалели бы; но, хоть и тщетно,
Я должен умолять...
Вот почему я скорбь вверяю камням;
Пусть отозваться на тоску не могут,
Но лучше для меня они трибунов
Уж тем, что не прервут моих речей.
Когда я плачу, камни молчаливо
Приемлют слезы, словно плачут вместе;
И если бы их в тоги облачить,
Трибунов равных не нашлось бы в Риме.
О, камни — мягкий воск, трибуны тверже камней:
Безмолвен камень, зла он не творит;
А ведь трибуны языком жестоким
Людей на смерть способны обречь.

(Поднимается на ноги.)

Но почему ты меч свой обнажил?

Л ю ц и й

Двух братьев я хотел спасти от смерти,
Но за попытку эту вынес суд
Мне приговор: изгнание навеки.

Т и т

Счастливец ты! Он услужил тебе.
Как, глупый Люций, разве ты не видишь,
Что Рим — пустыня, где живут лишь тигры?
Нужна добыча им; но в Риме нет
Для них добычи, кроме нас: как счастлив
Ты, изгнанный от хищников навек!
Но кто идет к нам вместе с братом Марком?

Входят Марк и Лавиния.

М а р к

Твои глаза готовы ль плакать, Тит,
Иль сердце благородное — разбиться?
Смертельную тебе несу я муку.

Т и т

Коль смерть она мне даст, приму ее!

М а р к

Вот это дочь твоя была.

Т и т

И есть.

Л ю ц и й

Убит я тем, что вижу!

Т и т

Встань, мальчик малодушный, и смотри.—
О дочь моя! Лавиния! Скажи нам,
Скажи нам, чья проклятая рука
Тебя свирепо сделала безрукой?
Глупец! Он воду в море подливал,
Он поджигал пылающую Трою!
Достигла скорбь предела: ты пришла —
Она, как Нил, из берегов выходит.
Где меч мой? Руки отрублю себе
За то, что Рим напрасно защищали;
Питая жизнь мою, вскормили скорбь,
С мольбою безуспешной простирались

И бесполезно послужили мне.
Одной лишь требую от них услуги:
Чтоб мне одна другую отрубила.—
Дочь, хорошо, что у тебя нет рук:
На службе Риму руки не нужны нам.

Л ю ц и й

Прекрасная сестра моя, скажи нам:
Кто страшное нанес тебе увечье?

М а р к

Орудье усладительное мыслей,
Им выраженных с милым красноречьем,
Из клетки ныне вырвано прелестной,
Где сладкогласной птицей распевало
И сладкозвучьем нам пленяло слух.

Л ю ц и й

Сам за нее ответь: чье это дело?

М а р к

Такой я повстречал ее в лесу,
Где в поисках убежища блуждала
Она, как насмерть раненная лань.

Т и т

О лань моя! Тот, кто ее изранил,
Меня сильней, чем смертью, поразил.
И я тому подобен, кто с утеса,
Пустыней моря окружен, следит
За нарастающим в волнах прибоем
И ждет, чтоб он его коварным валом
В своих соленых недрах поглотил.
Здесь сыновья мои прошли на казнь;
Вот здесь стоит мой третий сын, изгнанник;
Здесь брат мой плачет над моей бедою.
Но всех больнее дочь мне душу ранит.—
Дочь милая, милей моей души,—
Явись ты мне такой в изображенье,
И б обезумел; что же делать мне,
Когда тебя такой во плоти вижу?
Рук лишена, чтоб слезы отереть,
И языка, чтоб мне назвать злодея.
Супруг твой умер; братьев, обвиненных
В его убийстве, нет уже в живых.

Смотри-ка, Марк, ах, Людий, посмотри:
Лишь братьев назвал, выступили слезы
Росой медовой на ее лице,
Как на завядшей сорванной лилее.

М а р к

О том ли плачет, что убит он ими,
Иль потому, что нет вины на них?

Т и т

Будь рада, если ими он убит:
Закон свершил возмездие над ними.—
Нет, в деле мерзостном они невинны:
О том сестры свидетельствует скорбь.—
Дай, поделую, милая, тебя,
Иль сделай знак мне, как тебя утешить.
Не сесть ли брату Люцию и дяде,
Тебе и мне, всем нам у водоема;
Склонясь над ним, смотреть на щеки наши,
Подобные лугам еще сырым
И в пятнах ила после наводнения;
И долго на воду смотреть, пока
Свой чистый вкус она не потеряет,
Соленой став от горьких наших слез?
Иль руки отрубить, как у тебя?
Иль, откусив нам языки свои,
Остаток дней проклятых провести?
Что делать нам? Пусть, языком владея,
Замыслим мы дальнейшие несчастья,
Чтоб в будущем все удивлялись нам.

Л ю ц и й

Отец, не надо слез; при виде их
Несчастливая сестра моя рыдает.

М а р к

Терпи, племянница.— Тит, вытри слезы.

Т и т

Ах, Марк, мой Марк! Прекрасно знаю, брат:
Платок твой слез моих впитать не может;
Своими ты, бедняк, его смочил.

Л ю ц и й

Лавиния, тебе я вытру щеки.

Т и т

Смотри-ка, Марк! Я понял знак ее.
Имей она язык, она бы брату
Сказала то же, что и я тебе:
Его платок, его слезами смочен.
Ее заплаканных не вытрет щек.
Единодушны мы среди мучений,
Как ад — блаженству, чужды утешений!

Входит А р о н.

А р о н

Андроник! Государь мой цезарь шлет
Приказ свой: если сыновей ты любишь,
Пусть Люций, Марк иль сам ты, старший Тит.—
Любой из вас,— себе отрубит руку
И цезарю пошлет, а он за это
Тебе вернет живыми сыновей.
То будет выкуп их за преступление.

Т и т

О добрый цезарь! Милый мой Арон!
Певал ли ворон с жаворонком сходно,
Несущим о восходе солнца весть?
Всем сердцем рад я государю руку
Послать.—
Арон, ты мне ее отсечь поможешь.

Л ю ц и й

Постой, отец мой! Доблестную руку,
Сразившую бесчисленных врагов,
Нельзя послать; моя в обмен послужит:
Кровь легче в юности нам расточать;
Так пусть моя спасает братьям жизнь.

М а р к

Не каждая ль из ваших рук за Рим
Кровавую секиру поднимала,
Смерть начертав на вражеских стенах?
За каждой есть высокие заслуги,
Моя ж осталась праздною. Пусть послужит
За жизнь невинных выкупом она,
Ее сберег я для достойной цели.

А р о н

Решайте же, чью руку отрубить,
Не то умрут, не получив прощенья.

М а р к

Пошлем мою.

Л ю ц и й

Ее мы не пошлем!

Т и т

Друзья, не будем спорить: подобает
Засохшие растенья вырывать;
А посему мою рубите руку.

Л ю ц и й

Отец мой милый, если я твой сын,
Дай мне от смерти выкупить двух братьев.

М а р к

Нет, в честь отца и материнской ласки
Дай доказать мне братнюю любовь.

Т и т

Кончайте сговор! Сохраню я руку.

Л ю ц и й

Я принесу топор.

М а р к

Я в ход пушу топор.

Люций и Марк уходят.

Т и т

Я их обоих обману; дам руку
Тебе, Арон, но помоги своею.

А р о н

(в сторону)

Коль это звать обманом,— буду честным
И никогда не обману я так.
Но по-другому обману я вас,
С чем согласитесь, не пройдет и часа.

(Отрубает руку Титу.)

Входят Люций и Марк.

Т и т

Оставьте спор ваш: должное свершилось.—
Дай эту руку цезарю, Арон:
Скажи, что ей обязан он спасеньем
От тысяч бед; пусть он ее схоронит,
Хотя достойна большего опа.
Скажи, что сыновей ценю не меньше
Алмазов, дешево приобретенных,
И вместе дорого: свое купил я.

А р о н

Иду, Андроник, и взамен руки
Жди с сыновьями скорого свиданья,

(в сторону)

Верней — с их головами. О, я сыт
Одной лишь мыслью о злодействе этом!
Кто чист и глуп, утешен добрым делом;
Я ж буду черен и душой и телом.

(Уходит.)

Т и т

Я воздеваю руку к небесам,
Обрубок жалкий долу опускаю;
Коль сила есть, что тронется слезами,
Взываю к ней.

(Лавинии.)

Стать хочешь на колени?

Стань, милая, мольбы услышит небо,
Иль вздохами затмим мы небосвод
И солнце затуманим, словно тучи,
Когда его объемлет лоно их.

М а р к

О брат мой, рассуждай благоразумно
И так глубоко в крайность не впадай.

Т и т

Не глубока ли скорбь, коль дна ей нет?
Так пусть отчаянье бездонным будет.

М а р к

Но жалобой пусть разум управляет.

Т и т

Когда бы в этих бедах разум был,
Я заключил бы скорбь свою в границы.
Заплачет небо,— залита земля;
Вихрь забушует,— обезумев, море
Грозится небу вздувшимся челом.
А ты разумности в смятение ищешь?
Я — море; слышишь, как оно вздыхает?
Оно, как небо, плачет; я — земля;
Меня, как море, вздох ее волнует;
Меня, как землю, слез его поток
Потопом заливает, наводняя;
Я не могу вместить его скорбей.
Как пьяница, я должен их извергнуть.
Оставь меня: кто много потерял,
Тот горькой речью облегчает сердце.

Входит го п е ц, неся две головы и руку.

Г о н е ц

Андроник, плохо ты вознагражден
За руку, послапную государю.
Вот головы двух сыновей твоих,
И руку шлют тебе назад с насмешкой.
Забавно горе им, смешна решимость.
Скорблю сильнее я о твоих скорбях,
Чем вспоминая об отце умершем.

(Уходит.)

М а р к

Пусть Этны жар в Сицилии остынет,
В моем же сердце запылает ад!
Несчастья эти свыше наших сил.
Кто плачет с нами, нашу боль смягчает;
Осмеянное горе — смерть вдвойне.

Л ю ц и й

Ах, это зрелище так тяжело ранит,
А все проклятой жизни нет конца!
Пусть жизни смерть свое уступит имя,
Раз в жизни благо лишь одно — дышать!

Лавиния целует Тита.

М а р к

Бедняжка, безотраден поцелуй:
Вода студеная земле замерзшей.

Т и т

Когда же сну жестокому конец?

М а р к

Не обольщай себя; умри, Андроник!
Не сновиденье это; посмотри —
Вот головы двух сыновей твоих,
Твоя рука, и дочь твоя — калека,
И третий сын — изгнанник, смертно-бледный
При этом зрелище, и я, твой брат,
Как изваянье, холодный и недвижный.
Ах! Сдерживать не стану скорбь твою:
Рви серебро сединок своих, и руку
Грызи зубами в ярости, и пусть
При страшном этом зрелище навеки
Сомкнутся наши скорбные глаза!
Теперь безумствуй. Что же ты затих?

Т и т

Ха-ха-ха!

М а р к

Что ты смеешься, Тит? Не время смеху.

Т и т

Нет больше слез, чтоб плакать, у меня.
К тому же горе — враг и завладеть
Глазами, влагой полными, желало б,
Чтоб ослепить их данью слез моих.
Но как найду тогда берлогу Мести?
Все мнится, головы мне говорят,
Грозя, что не достигну я блаженства,
Пока все злодеянья в глотки тех,
Кто учинил их, вновь не возвратятся.
Подумаем — решим, что делать мне. —
Несчастные, вокруг меня вы встаньте,
Чтоб каждому из вас душой поклониться
Я мог отмстить за зло, я клятву дал. —
Возьми же, брат, одну из двух голов;
Своей рукой я понесу другую. —
Ты, дочь, участие в этом примешь тоже:
Ты эту руку понесешь в зубах. —
А ты ступай, мой мальчик, удались;
Изгнанник ты и здесь не должен медлить.
Отправься к готам, набери войска.

И, если любите меня, как верю,
Обнимемся, пойдем. Нас ждут дела.

Уходят все, кроме Люция.

Л ю ц и й

Прощай, Андроник, мой отец достойный,
Несчастнейший из всех, кто в Риме жил! —
Прощай, надменный Рим. Вернется Люций:
В залог остались те, кем был он жив.—
Прощай, Лавиния, сестра моя.
О, если б ты была такой, как прежде!
И Люций и Лавиния живут
В забвенье ныне и в жестоких муках.
Но отомщу я, если буду жив:
Пусть Сатурний с женою у ворот
Здесь молят, как Тарквиний с королевой.
Теперь же — к готам: собирать войска,
Чтоб Риму отомстить и Сатурнину.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Зала в доме Тита. Накрытый стол.

Входят Тит, Марк, Лавиния и Люций Младший — мальчик.

Т и т

Садитесь же; смотрите, есть не больше,
Чем следует, чтоб силы поддержать
Для мщения за горькие обиды.—
Марк, разомкни сплетенье скорбных рук;
И дочь и я — безрукие страдальцы,
И выразить не можем тяжкой боли,
В отчаянье заламывая руки.
Ты видишь, только правая рука
Осталась у меня, чтоб грудь терзать.
И, если сердце, обезумев с горя,
Забьется здесь, в глухой темнице плоти,
Вот так стучу по нем.

(Лавинии.)

Ты, образ скорби, говоришь без слов!
Но коль неистово забьется сердце,
Ударом в грудь его не усмирить.

Рань сердце вздохом, стонами убей;
Иль в зубы пожик небольшой возьми
И возле сердца сделай им отверстие,
Чтоб слезы все, текущие из глаз,
Струились в сток и скорбного безумца
Своей соленой влагой затопили.

М а р к

Стыдись! Так дочь ты учишь налагать
На жизнь свою насильственные руки?

Т и т

Ты заговариваться стал от горя!
Нет, Марк, безумным должен быть лишь я.
Как может руки наложить она?
О, для чего ты молвил слово: руки!
Энея ль принуждать, чтоб гибель Трон
И скорбь свою поведал дважды он?
Руководись иным, не трогай руки,
Чтоб не напомнить, что у нас их нет.—
О стыд! Я речь слагаю, как безумец!
Как будто мы забыли б, что безруки,—
Не повтори брат Марк нам слово: руки! —
Давайте ссть. Отведай это, дочь.—
Здесь нет питья! Марк, слушай, дочь сказала,—
Толкую я страдальческие знаки,—
Сказала: нет питья ей, кроме слез,
От горя накипевших на щеках.
Хочу понять страдальницу немую
И выучить движенья наизусть,
Как нищие отшельники молитву:
Вздохнешь ли ты, обрубки ль к небу вскинешь,
Мигнешь, кивнешь иль станешь на колени,—
Из жестов всех составить алфавит
И научиться понимать все мысли.

Л ю ц и й М л а д ш и й

Брось, дедушка, ты сетовать так горько,
Развесели забавной сказкой тетю.

М а р к

Увы, мой нежный отрок,— он растроган
И плачет, видя огорченье деда.

Т и т

О нежный отпрыск! Создан ты из слез,
И слезы скоро жизнь твою растопят.

Марк ударяет по блюду ножом.

Что ты ударил, Марк, своим ножом?

М а р к

То, что убил я, брат мой: это муха.

Т и т

Убийца! Сердце мне ты убиваешь...
Мой взор пресыщен видом всяких зверств:
Нет, не пристало Марку, брату Тита,
Убить невинного. Уйди отсюда:
Мы, видно, не товарищи с тобой.

М а р к

Увы! Убита мной всего лишь муха.

Т и т

А если мать с отцом у мухи были?
Как золотые крылышки повесят
И жалобно в пространство зажужат!
Бедняжка муха!
Жужжаньем мелодическим потешить
Явись к нам,— а ты убил ее.

М а р к

Прости,— была противной, черной муха,
Как мавр Ароц,— и я убил ее.

Т и т

О-о-о!
Тогда прости, что упрекал тебя:
Ты, значит, совершил благодеянье.
Дай мне твой нож, натешусь я над нею,
Вообразив себе, что это мавр,
Чтоб отравить меня, сюда явился!
Так вот тебе! За Тамору теперь!
Ах, подлый! —
Надеюсь я, не так мы низко пали,
Чтоб мухи не убить нам, если муха,
Как уголь, черным мавром мнится нам.

М а р к

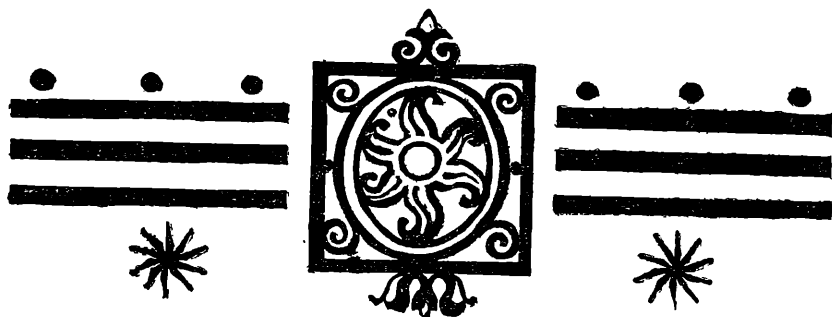
Увы, бедняк так горем поражен,
Что призраки за правду принимает.

Т и т

Убрать все со стола! — К тебе пойдем,
Лавиния, и вместе мы прочтем
О старине печальные сказанья.—
Идем со мной, мой мальчик; зреньем юный,
Читай, когда начнет слабеть мое.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Рим. Сад Тита.

Входят Люций Младший и Лавиния, которая преследует его; мальчик, с книгами под мышкой, убегает от нее. Затем входят Тит и Марк.

Люций Младший

На помощь, дедушка, на помощь! Тетя
Преследует меня — зачем, не знаю.—
О дядя, посмотри, она бежит!
Мне страшно; я не знаю, что ей надо...

Марк

Встань, Люций, подле нас, не бойся тети.

Тит

Она тебя, мой мальчик, нежно любит,
И зла тебе не сделает она.

Люций Младший

Любила — да, когда отец был в Риме.

Марк

Что хочет знаками сказать она?

Т и т

Не бойся, милый Люций. В самом деле,
Она как будто что-то затевает:
Смотри, как около тебя хлопочет;
Куда-то хочет увести тебя.
Ах! Сыновьям Корнелия читала
Не так усердно, как она тебе,
Стихи и книгу Туллия «Оратор».

М а р к

Ты отгадал, что от тебя ей нужно?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Не знаю, не могу и отгадать;
Безумье, верно, ею овладело.
Я слышал, дедушка так говорил:
Чрезмерность горя делает безумным.
И я читал,— троянская Гекуба
От горя помешалась. Потому
И стало страшно мне, хоть знаю — тетя
Меня так любит, как любила мать,
И, не сойдя с ума, пугать не стала б.
Вот почему бежал я, бросив книги,—
Напрасно, может быть. Прости мне, тетя;
И если с нами дядя Марк пойдет,
Тогда и я пойду с тобой охотно.

М а р к

Идем же, Люций.

Лавиния своими обрубками перебирает книги, которые уронил Люций.

Т и т

Ну что, Лавиния? — В чем дело, Марк?
Какую-то из этих книг ей нужно.—
Которую же, дочь? — Раскрой их, мальчик.—
Но ты читала больше, больше знаешь,—
Найди же нужную среди книг моих
И горе позабуди, пока нам небо
Проклятого злодея не открыло.—
Но почему она таким движеньем
Поочередно руки поднимает?

М а р к

Мне кажется, ей хочется сказать,
Что не один в содеянном виновен;
А может быть, она вздымает руки,
Взывая об отмщенье, к небесам...

Т и т

Но что за книгу треплет так она?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Овидий это, матушкин подарок,—
«Метаморфозы».

М а р к

Любовь к умершей, может быть, внушилась...

Т и т

Ты видишь, как листы перебирает?
Помочь бы ей...
Что хочет отыскать? — Прочесть тебе
Трагический рассказ о Филомеле,
Предателе Терее и насилье;
Боюсь,— в том корень и твоей беды.

М а р к

Смотри, смотри, мой брат, с каким волнением
Она глазами пожирает строки!

Т и т

Была ль настигнута ты так же, дочь,
И обещана, как Филомела,
В дремучем и безжалостном лесу? —
Смотри!
То место, где охотились мы вместе,—
О, лучше б не охотились мы там! —
Вот здесь оно описано портретом,
Природой созданное для злодейств.

М а р к

Не создала б она такой трущобы,
Не возлюби трагического боги!

Т и т

Дай знак нам, милая,— здесь все друзья,—
Кто из патридиев пошел на это?

Иль Сатурний прокрался, как Тарквиний,
Покинувший свой стан, чтобы на ложе
Лукрецию бесчестьем осквернить?

М а р к

Садись, племянница; брат, сядь.— О боги,
Паллада, Аполлон, Юпитер строгий,
Внушите, как предательство раскрыть! —
Смотри-ка, брат,— Лавиния, смотри:
Песок здесь гладкий, вслед за мной попробуй
Водить вот этим.

(Пишет свое имя тростью, держа ее во рту и направляя ногами.)

Имя здесь свое

Я написал, не пользуясь руками.—
Будь проклят тот, кто прибегать к уловкам
Принудил нас! — Попробуй написать
И ты, племянница, и нам поведай,
Что бог судил разоблачить для мщенья.
О, да поможет бог напечатлеть
Рассказ плачевный о твоих невзгодах,
Чтоб мы узнали правду о злодеях!

Лавиния берет трость в рот и, направляя ее своими обрубками, пишет.

Т и т

Прочел ты, брат, что написала дочь?
«Stuprum. Chiron. Demetrius»¹.

М а р к

Как! Таморы распутные сыны —
Виновники кровавого злодейства?

Т и т

Magni Dominator poli,
Tam lentus audis scelera? Tam lentus vides? ².

М а р к

Брат, успокойся, хоть и знаю я:
Здесь на земле начертано довольно,
Чтоб возмутить кротчайшие умы
И громкий вопль исторгнуть у младенцев.

¹ «Изнасилование. Хирон. Деметрий».

² Великий властелин мира, столь терпеливо внемлешь ты злодействам? Столь терпеливо зришь на них?

Мой брат, Лавиния,— все на колени! —
И ты, мой мальчик, в ком надежду видит
Наш римский Гектор! — Поклянемся все,
Как Юний Брут с отцом и мужем жертвы
Насилия — Лукреции невинной,—
Что будем мы осуществлять упорно
Жестокую злодеям-готам месть,
Что мы их кровь увидим иль умрем
С позорной мыслью, что не отоместили.

Т и т

Все это так, когда б я знал, как взяться;
Но, медвежат затронув, берегись:
Проснется матка их, тебя почуяв,
Со львом в союзе, на спине валяясь,
Заигрываньем усыпит его
И сделает тогда, что пожелает.
Марк, ты неопытный охотник: брось!
Я медный лист возьму и острой сталью
На нем слова вот эти напишу
И сохраню их. Северные ветры
Песок развеют, как листы Сивиллы,
И где ж урок твой? — Что ты скажешь, мальчик?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Скажу я, дед, что, будь мужчиной я,
И матери их спальня не укрыла б
Рабов негодных римского ярма.

М а р к

Да, мальчик мой! Так делал твой отец
Не раз для родины неблагодарной.

Л ю ц и й М л а д ш и й

И я так сделаю, коль буду жив.

Т и т

Пойдем со мной, и в оружейне, Люций,
Я снаряжу тебя; затем, мой мальчик,
Снесешь ты сыновьям императрицы
Мной предназначенные им подарки.
Пойдем, пойдем. Исполнишь порученье?

Л ю ц и й М л а д ш и й

Да, дедушка, всадив им в грудь кинжал.

Т и т

Нет, мальчик, научу тебя другому.—
Ступай же, дочь.— Марк, присмотри за домом.—
Идем мы подвизаться при дворе;
Да, право так, и примут нас с почетом.

Тит, Лавиния и Люций Младший уходят.

М а р к

О небо! Слыша праведника стоны,
Не тронешься, не сжалишься над ним?
Марк, будь ему, безумному, опорой!
На сердце больше шрамов у него,
Чем на щите его зарубок вражьих.
Но столь он праведен, что мстить не станет.
О небо, за Андроника отмсти!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Рим. Зала во дворце.

Входят с одной стороны — А р о н, Д е м е т р и й и Х и р о н, с другой —
Л ю ц и й М л а д ш и й и с л у г а, несущий связку оружия с написанными
на нем стихами.

Х и р о н

Деметрий, вот сын Люция пришел;
Какое-то принес он порученье.

А р о н

Безумен дед, безумно порученье.

Л ю ц и й М л а д ш и й

От имени Андроника смиренно
Приветствую я, принцы, вашу честь.

(В сторону.)

И у богов вам гибели молю.

Д е м е т р и й

Благодарю. Что у тебя за новость?

Люций Младший
(в сторону)

Что вас разоблачили — вот вам новость,—
Как злых насильников.

(Громко.)

Не обессудьте;

Мой дедушка послал через меня
Вам лучшее оружие от себя,
Им жалуя в вас юношей достойных,
Надежду Рима,— как велел сказать,
Я так и говорю,— чтоб ваша милость
В подарках этих в случае нужды
Имела все оружие и доспехи.
С тем вас оставлю,

(в сторону)

подлецов кровавых!

Люций Младший и слуга уходят.

Деметрий

Что это? Свиток; весь кругом исписан!
Прочтем...

(Читает.)

«Integer vitae, sceleris que purus,
Non eget Mauri jaculis, nec arcu»¹.

Хирон

Стих из Горация; знаком он мне:
В грамматике читал его когда-то.

Арон

Стих из Горация, он самый, точно.

(В сторону.)

Однако вот что значит быть ослом!
Здесь не до шуток! Их разоблачив,
Старик им шлет оружие со стихами,
Разящими помимо их сознания.
Будь хитрая императрица наша
Сейчас здорова, сразу бы она
Андроника затею оценила.
Но надо дать покой ей в беспокойстве.—

(Громко.)

¹ «Тот, кто живет честно и чужд беззакония, не нуждается ни в мавритавских копьях, ни в луке».

А р о н

Ну, принцы, не счастливая ль звезда
В Рим привела нас, иноземцев пленных,
Чтоб возвести на эту высоту?
Не счастье ль было — у ворот дворца
Трибуну вызов бросить перед Титом?

Д е м е т р и й

Не счастье ль видеть, как вельможа важный,
Заискивая, шлет подарки нам?

А р о н

Иль оснований нет к тому, Деметрий?
Не дружески ль вы с дочкой обошлись?

Д е м е т р и й

Пусть тысяча б красавиц римских пала,
Затравлена, чтоб утолить нам страсть.

Х и р о н

В желанье том — любовь и милосердь.

А р о н

Нет только матери — сказать: аминь.

Х и р о н

Сказала б то же, будь их двадцать тысяч.

Д е м е т р и й

Пойдем и станем всем богам молиться
За матушку в мученьях родовых.

А р о н

(в сторону)

Чертям молитесь, — боги нас забыли.

За сценой трубы.

Д е м е т р и й

Что трубы цезаря нам возвешают?

Х и р о н

Рожденью сына радуется он.

Д е м е т р и й

Тсс... Кто идет?

Входит кормилица с черным ребенком на руках.

К о р м и л и ц а

День добрый, принцы.
Вы не видали, где Арон-арап?

А р о н

Раб, или господин он, иль никто,
Вот здесь Арон: что нужно от Арона?

К о р м и л и ц а

О дорогой Арон, мы все погибли!
Спасай, иль горе вечное тебе!

А р о н

Ну, что еще тут за концерт кошачий?
Что кутаешь и тискаешь в руках?

К о р м и л и ц а

Что скрыть хотела бы от взоров неба,
Императрицын стыд, бесчестье Рима!
Ах, принесла она, ах, принесла.

А р о н

Что? И куда?

К о р м и л и ц а

Куда? В постель! Ребенка!

А р о н

Дай бог ей счастья. Кто ж ей послан богом?

К о р м и л и ц а

Да черт.

А р о н

Ну что ж! Мать чертова она!
Счастливый вывод.

К о р м и л и ц а

Выводок дурной —
Неладный, черный, гадкий, будто жаба.
Среди породы белой наших стран.
Императрица шлет тебе твой оттиск.
Чтоб острием кивжала окрестить.

А р о н

Черт побери! Чем черный цвет так плох?
Морданчик милый, славненький цветочек!

Д е м е т р и й

Что сделал ты, подлец?

А р о н

Тебе того не переделать.

Х и р о н

Бед матери наделал.

А р о н

Ее лишь матерью я сделал.

Д е м е т р и й

И этим, чертов пес, ей бед наделал.
Будь проклят выбор мерзостный ее!
Проклятье дьявольскому порождению!

Х и р о н

Он жить не должен.

А р о н

Нет, он не умрет.

К о р м и л и ц а

Так надлежит, Арон: так мать желает.

А р о н

Как — надлежит? Так пусть никто другой, —
Сам плоть и кровь свою предаю смерти.

Д е м е т р и й

Я головастика проткну мечом.
Дай мне его: покончу с ним я скоро.

А р о н

Скорей я выпущу тебе кишки.

(Берет ребенка у кормилицы и обнажает меч.)

Прочь, подлецы! Убить хотите брата?
Но светочами я клянусь небес,
Сиявшими, когда зачат был мальчик, —

Тот под мечом моим умрет, кто тронет
Наследника и первенца Арона!
Вам говорю, юнцы: ни Энкелад
С исчадьями грозящими Тифона,
Ни славный сам Алкид, ни бог войны
Его не вырвут из отцовских рук.
Мальчишки, выбелены вы, как стены,
Как вывески кабачные, пестры!
Цвет черный лучше всех других цветов:
Он отвергает все цвета другие.
Не обелить всем водам океана
Вовеки черных лебединых лап,
Хоть он их омывает непрерывно.
Скажи императрице, — я не мальчик:
Свое возьму; пусть делает как знает.

Д е м е т р и й

Ты хочешь госпожу свою предать?

А р о н

То госпожа моя, а это — сам я;
Подобье юности моей и сила.
Я это миру предпочту всему,
Я это миру вопреки спасу,
Иль поплатиться вам придется в Риме.

Д е м е т р и й

Осрамлена навеки этим мать.

Х и р о н

Рим заклеймит ее позор презреньем.

К о р м и л и ц а

И в гнев цезарь обречет на смерть.

Х и р о н

При мысли о бесчестье я краснею.

А р о н

В том преимущество всех вас, красавцев:
Коварный цвет! Он краской выдает
Поступки скрытые и тайны сердца!
Вот паренек, окрашенный иначе:
Плутиска улыбается отцу,
Как будто молвя: «Старина, я твой».

Он брат ваш, принцы: той же кровью вскормлен,
Которая дала вам прежде жизнь;
Из той же заключавшей вас утробы
Освободясь, явился он на свет;
Так, он ваш брат с вернейшей стороны,
Хоть на лице мою печать он носит.

К о р м и л и ц а

Арон, что я скажу императрице?

Д е м е т р и й

Решай, Арон, что делать надлежит:
Мы под твоим подпишемся решением.
Спаси дитя так, чтоб мы все спаслись.

А р о н

Присядем и давайте все обсудим.
Нам с сыном лучше быть настороже:
Садитесь-ка подальше, и давайте
Про безопасность нашу толковать.

Они садятся.

Д е м е т р и й

А сколько женщин видело ребенка?

А р о н

Так, молодцы! Когда мы все в ладу,
Ягненок я; но лишь заденьте мавра,—
Ни бешеный кабан, ни львица гор,
Ни океан, вздымающийся бурно,
С неистовством Арона не сравнятся.
Но кто ж ребенка видел? Отвечай!

К о р м и л и ц а

Корнелия-повитуха, я сама,
Да кто ж еще? — Одна императрица.

А р о н

Императрица, бабка, ты сама...
Хорош секрет, коль третьего в нем нет.
Ступай скажи о том императрице.

(Закалывает кормилицу.)

Куви! Куви!

Вот так визжит пред вертелом свинья.

Д е м е т р и й

Что ты, Арон! Зачем ты это сделал?

А р о н

Принц, осторожностью поступок вызван.
В живых оставить — выдала бы нас
Болтливым длинным языком. Нет, принцы!
Узнайте же намеренье мое:
Мудей, земляк мой, близко здесь живет:
Его жена вчера лишь разрешилась.
Дитя — в нее и белое, как вы.
Дав золота жене, вы с ним столкнитесь
И расскажите все подробно им:
Как через то возвысится ребенок,
И цезаря наследником он станет
За моего, подмененного им,
Чтоб успокоить при дворе грозу;
И пусть с ним цезарь нянчится, как с сыном.
Смотрите, принцы, я ей дал лекарство,

(показывая на кормилицу)

А вы устройте похороны ей;
Поля вблизи, вы ловкие ребята.
Покончив с этим, не теряйте время,
Сейчас же присылайте бабку мне.
А раз кормилицу и бабку сбудем,
Пусть женщины болтают что хотят.

Х и р о н

Ты тайны, вижу, на ветер не бросишь.
Арон.

Д е м е т р и й

За мать и за внимание к ней
Премного мы обязаны тебе.

Деметрий и Хирон уходят, унося тело кормилицы.

А р о н

Теперь быстрее ласточки я — к готам:
Пристроить там сокровище мое
И Таморы друзей увидеть тайно.—
Я унесу тебя, мой толстогубый;
Ведь это ты толкнул нас на уловки.
Кормиться будешь ягодами ты,

Кореньями, плодами, творогом,
Сосать козу, и жить в пещере будешь,
И станешь воином и полководцем.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Площадь.

Входит Тит, неся стрелы, к концам которых прикреплены записки;
с ним Марк, Люций Младший и другие патриции
(Публий, Семпроний и Кай) с луками.

Тит

Сюда, мой Марк, сюда.— Друзья, вот здесь.—
Ну, покажи свою стрельбу мне, мальчик.
Потуже натяни,— достигнет цели.—
Terras Astraea reliquit¹.
Марк, помпшишь ты — она бежала, скрылась.—
Ну, примемся за дело. Вы, друзья,
Измерьте океан, закиньте сети:
Поймаете ее, быть может, в море,
Хоть там не больше правды, чем на суше.—
Нет, Публий и Семпроний, вы должны
Лопатою и заступом рыть землю
И прорубиться в самый центр ее;
А вступите в Плутоново владенье,
Не откажите передать прошение;
Сказать, что помощи и правосудья
Старик Андроник просит у него,
Что страждет он в неблагодарном Риме.—
О Рим! Тебя несчастным сделал я
В тот час, как отдал голоса народа
Тому, кто ныне так жесток ко мне.
Ступайте и внимательнее будьте,
Военные суда все обыщите:
Преступный цезарь мог сослать ее —
И правды ищем мы, что ветра в поле.

Марк

О Публий мой, не тяжело ли видеть
В таком расстройстве дядю твоего?

¹ Астрея покинула землю.

П у б л и й

И потому, отец, и днем и ночью
Нам следует заботиться о нем
И потакать причудам всем его,
Пока не сыщем средства к исцелению.

М а р к

Друзья, его скорбям нет исцеленья.
Соединимся с готами; войной
Отплатим Риму за неблагодарность
И Сатурнину лживому отмстим.

Т и т

Ну что же, Публий? Что, друзья мои?
Вы не нашли ее?

П у б л и й

Нет, но Плутон велел тебе сказать,
Что просьбу о возмездье ад исполнит;
Астрея же так занята на небе
С Юпитером иль где-нибудь еще,
Что подождать еще тебе придется.

Т и т

Увы, меня отсрочками он кормит!
Я в огненное озеро нырну
И вытащу ее из Ахерона.—
Марк, лишь кустарник, а не кедр мы;
Костяк наш сделан не под стать циклопам.
Но мы — металл, мы сталь вплоть до спины,
Хоть от обид спина разбита, гнется.
И если правды нет в аду, ни здесь,
Мы к небу обратимся: пусть нам боги
Для мщенья правосудье ниспошлют.
За дело! Ты стрелок хороший, Марк.

(Раздает им стрелы.)

Ad Iovem — это вам; вот — ad Apollinem:
Ad Martem¹ — для меня;
Меркурию, Палладе это, мальчик;
Сатурну это, Кай, не Сатурнину:
Ты б на ветер пустил свою стрелу.—

¹ Юпитеру... Аполлону... Марсу.

Когда скажу я, Люций, Марк,— стреляйте!
Поверьте, я обдуманно писал:
Мной из богов никто не обойден.

М а р к

Друзья, пускайте во дворец все стрелы:
Мы цезаря в гордыне уязвим.

Т и т

Теперь стреляйте!

Они стреляют.

Славно, Люций! В лоно
Ты Девы угодил: теперь — в Палладу.

М а р к

Брат, целюсь я на милю за Луну;
Твое письмо уж получил Юпитер.

Т и т

О Публий, Публий, что же ты наделал?
Смотри, смотри, ты рог отбил Тельцу.

М а р к

Брат, вот потеха: выстрелил наш Публий,
И Бык, задетый, Овна так боднул,
Что во дворец рога бараньи сбросил.
Кто ж их нашел? Подлец императрицын.
Она же — рассмеялась и велела
Их цезарю в подарок поднести.

Т и т

В час добрый! Дай бог радость государю!

Входит деревенский парень, неся корзину с парой голубей.

Весть! С неба весть! Вот почта, Марк, пришла! —
Что нового, приятель? Нет ли писем?
Добьюсь ли правды? Что сказал Юпитер?

П а р е н ь

Кто? Палач Питер? Он говорит, что разобрал виселицу, потому что молодчика будут вешать не раньше будущей недели.

Т и т

Я спрашиваю тебя: что сказал Юпитер?

П а р е н ь

Виноват, сударь! С господином Юпитером я не знаком; отродясь не выпивал с ним.

Т и т

Как, плут, разве ты не разносишь письма?

П а р е н ь

Сударь, я разношу только своих голубей.

Т и т

Как, разве ты не явился с небес?

П а р е н ь

С небес? Виноват, сударь, никогда там не был. Упаси боже, я не такой смельчак, чтобы в мои молодые годы торопиться на небо. Я иду со своими голубями к народному трепуну, чтобы уладить ссору между моим дядей и одним из имперьяльских слуг.

М а р к

Брат, вот самый подходящий случай, чтобы передать твоё послание; и пусть он поднесет императору голубей от твоего имени.

Т и т

Скажи, можешь ли ты учтиво передать императору это послание?

П а р е н ь

По правде говоря, нет, сударь; насчет учтива я всю жизнь свою был очень слаб.

Т и т

Поди сюда. Не рассуждай, приятель,
Но цезарю ты голубей вручи,—
И чрез него найдешь ты правосудье.
Возьми пока; здесь деньги за услугу.—
Перо мне и чернил! —
Вручить учтиво можешь ты прошение?

П а р е н ь

Да, сударь.

Т и т

Вот тебе прошение. И когда ты придешь к императору, ты прежде всего должен преклонить колени; потом поцеловать ему ногу; потом вручить ему твоих голубей и затем ожидать награды; я буду, сударь, поблизости; постарайся же исполнить все как следует.

П а р е н ь

Ручаюсь, сударь; положишься на меня.

Т и т

Есть нож с тобою? Покажи-ка мне.—
Вот, Марк, возьми и заверни в посланье:
Его писал смиренный челобитчик.—

(Парню.)

Когда же цезарю все передашь,
Зайди ко мне, скажи, что он ответил.

П а р е н ь

Храни тебя бог, сударь; приду.

(Уходит.)

Т и т

Идем же. Марк.— За мною следуй, Публий.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Рим. Перед дворцом.

Входят Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон, патриции
и другие. У Сатурнина в руках стрелы, пущенные Титом.

С а т у р н и н

Не оскорбление ль это? Кто видал,
Чтоб в Риме цезарю так досаждали,
Противоречили; за правый суд
К нему с таким презреньем относились?
Известно вам, как и богам всемогущим,
Что ни шептали бы смутьяны там
Народу в уши,— по закону были
Андроника мятежные сыны
Осуждены. И если огорчение
Рассудок повредило в нем,— ужели
Должны мы выносить его причуды,
Припадки бешенства и раздраженья?
Теперь он пишет к небесам прошения:
Юпитеру, Меркурию. Смотрите:
Вот — богу Аполлону, вот — Аресу...
Как раз летать им в Риме, этим свиткам!

Ведь это клевета на наш сенат
И обвинение в неправосудье!
Прекрасная, не правда ли, забава?
Как будто в Риме правосудья нет!
Пока живу я, мнимому безумью
Прикрытьем оскорблений не бывать!
Пусть знает он, что мною правосудье
Живет и совершается. Не надо
Его будить, когда оно задремлет:
Оно способно в ярости казнить
Мятежника надменнейшего в мире.

Т а м о р а

Мой государь, мой милый Сатурний,
Владыка дней моих, властитель мыслей,
Не гневайся на старца, чьи проступки
Печалью вызваны о сыновьях,—
Потеря их ему пронзила сердце,—
И лучше утоли его печали,
Чем знатного иль низкого карать
За оскорбления.

(В сторону.)

Так подобает
Высокоумной Таморе всем льстить.
Тит, ранен мной, ты кровью истекаешь;
И, если будет мой Арон разумен,
Все спасено, в порту наш якорь брошен.

Входит деревенский парень.

Ты что, приятель? Ты по делу к нам?

П а р е н ь

Ну да, похоже на то, коль вы — господин Имперьял.

Т а м о р а

Императрица я; вот император.

П а р е н ь

Он это.— Дай тебе бог и святой Стефан доброго вечера.
Я принес тебе письмо и пару голубей.

С а т у р н и я

(читает письмо)

Эй, взять его и тотчас же повесить!

П а р е н ь

А сколько мне отвесят?

Т а м о р а

Ступай, повешен будешь.

П а р с ь н ь

Повешен? Святая дева, славный же конец я уготовил
своей шее!

(Уходит под стражей.)

С а т у р н и н

Жестокие, несносные обиды!
Чудовищную подлость допущу ль?
Известно мне, откуда все исходит.
Стерплю ли? — Будто б сыновья его
Не по закону за убийство принца,—
По произволу мною казнены!
Эй, за волосы притащить мерзавца:
Ни сан его, ни годы не спасут.—
Я палачом твоим за дерзость буду.
Притворщик подлый, ты меня возвысил
В надежде Римом управлять и мной!

Входит Э м и л и й.

Что нового, Эмелий?

Э м и л и й

К оружию! В опасности наш Рим!
Вновь готы поднялись и с силой ратной
Из удалцов, наклонных к грабежу,
Идут сюда стремительно; их Люций,
Сын старого Андроника, ведет,
Грозя расправу учинить над нами
Такую же, как встарь Кориолан.

С а т у р н и н

У готов полководцем — храбрый Люций?
Весть гибельная: никну головой,
Как цвет в мороз или трава под вихрем.
Да, вот оно, начало наших бедствий:
Простым народом очень он любим;
Я слышал сам, как говорили,—
Когда бродил как частное лицо,—

Что Люций незаконно изгнан был,
И цезарем его иметь желали.

Т а м о р а

К чему боязнь? Не укреплен ли город?

С а т у р н и н

Но Люций в милости у горожан,
И против нас они его поддержат.

Т а м о р а

Как в имени, имей величье в мыслях.
Затмят ли солнце мошки, в нем летая?
Орел дает и малым пташкам петь,
О том, что на уме их, не заботясь,
Уверенный, что тенью крыл своих
Он при желанье прекратит их пенье:
Так не заботься о смутьянах Рима.
Развеселись и знай ты, император,—
Я старика Андроника прельщу
Словами сладостнее и опасней,
Чем клевер для овцы, живец для рыбы:
Одна бывает ранена крючком.
От корма сладкого другая гибнет.

С а т у р н и н

За нас просить не станет сына он.

Т а м о р а

Но, если Тамора упросит,— станет.
Слух старческий сумею я задобрить
Посредством обещаний золотых;
Пусть неприступно сердце, глухи уши,—
Ушам и сердцу мой язык — приказ.

(Эмилию.)

Ступай вперед послом от нас,— скажи,
Что цезарь с Люцием в переговоры
Вступить желает, для свиданья дом
Его отца, Андроника, назначив.

С а т у р н и н

Исполни поручение достойно;
И, если он заложников захочет
Для верности, пусть выберет их сам.

Э м и л и й

Я в точности исполню ваш приказ.

(Уходит.)

Т а м о р а

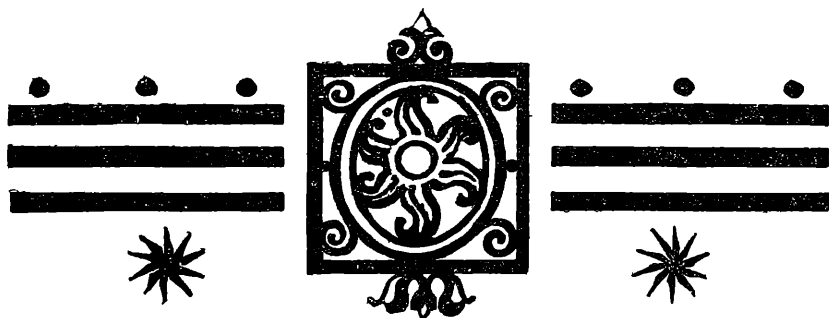
Я к старому Андронику отправлюсь;
Склоню его со всем моим искусством
От храбрых готов Люция отвlechъ.
Так будь же снова весел, император,
Сладчайший цезарь! Позабудь тревоги
И спрячься в сети хитрости моей.

С а т у р н и н

Ступай скорей и убеди его.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Равнина близ Рима

Трубы.

Входят Люций и готы с барабанами и знаменами.

Люций

Испытанные воины, друзья,
Великий Рим шлет письма, где мне пишут
О том, как цезаря там ненавидят
И как нетерпеливо все нас ждут.
Итак, вожди, согласно с саном вашим,
Из гордости обид не потерпите
И, в чем бы ни нанес ущерб вам цезарь,
Вознагражденья требуйте тройне.

Первый гот

Ты, смелый отпрыск доблестного Тита,
Чье имя, нас страшившее, нам — радость,
Чьи подвиги высокие презреньем
Вознаградил неблагодарный Рим,
Доверься нам: пойдем вслед за тобою,
Как жалящие пчелы в знойный день
За маткою летят на луг цветущий,
И Таморе проклятой отомстим.

Г о т ы

Что он сказал, то все мы повторяем.

Л ю ц и й

Благодарю его и вас усердно.
Кого ведет к нам этот честный гот?

Входит второй гот, ведя Арона с ребенком на руках.

В т о р о й г о т

Я отошел от войска, славный Люций,
Чтоб поглазеть на древний монастырь.
Но лишь внимательней я присмотрелся
К строению разрушенному, вдруг
Из-за стены раздался детский крик;
Я бросился туда и услышал,
Как кто-то уговаривал ребенка:
«Молчи, смугляк, в ком я и мать смешались.
Когда б не выдал цвет, чье ты отродье,
Будь создан ты похожим лишь на мать,
Ты стал бы императором, бездельник;
Но, если бык с коровой снежно-белы,
Им черного теленка не родить.
Молчи, пострел! — так он журил ребенка.—
Я к готу верному тебя спесу.
Узнав, что ты — дитя императрицы,
Он ради матери тебя возьмет».
С мечом в руке к нему я устремился,
Напал врасплох и к вам его привел,
Чтоб поступить с ним, как найдете нужным.

Л ю ц и й

Так знай же, это воплощенный дьявол,
Лишивший Тита доблестной руки,—
Жемчужина очей императрицы;
А это пылкой страсти гнусный плод.—
Куда снести ты думал, белоглазый,
Подобье хари дьявольской своей?
Что ты молчишь? Как! Иль ты глух? Ни слова?
Веревку! Вздернуть их на сук — отца
И плод прелюбодейства подлнца.

А р о н

Не тронь его! Он царственного рода.

Л ю ц и й

Он весь в отца: в нем злобная природа.—
Сперва дитя повесьте: пусть глядит
Отец на корчи сына и скорбит.
Эй, лестницу!

Приносят лестницу, на которую заставляют подняться Арона.

А р о н

Спаси ребенка, Люций,
Императрице отнеси его.
Исполнишь это — я открою вещи,
Которые тебе полезно знать.
А не исполнишь,— будь что будет с нами,—
Скажу одно: «Пусть месть покончит с вами!»

Л ю ц и й

Рассказывай; и, если угодишь мне,
Ребенок твой и жив и вскормлен будет.

А р о н

Я ужогу ль? О, будь уверен, Люций,
Всю душу истерзает речь моя;
То об убийствах речь, резне, насилиях.
Ночных злодействах, гнусных преступленьях.
Злых умыслах, предательствах — о зле,
Взывающем ко всем о состраданье;
И это все уйдет со мной в могилу,
Иль поклянись, что сын мой будет жить.

Л ю ц и й

Я обещаю. Говори теперь.

А р о н

Клянись, что будет жить, тогда начну.

Л ю ц и й

Чем клясться мне? Не веришь в бога ты:
Какой же можешь ты поверить клятва?

А р о н

А если б и не верил? Да, не верю,
Но знаю: ты к религии привержен,
В тебе есть то, что совестью зовут;
Поповских выдумок и церемоний

Усердный, знаю, исполнитель ты.—
Вот почему и требую я клятвы.—

(В сторону.)

Дурак за бога палку принимает
И держит клятву, данную ему,—
Того и надо мне.—

(Громко.)

Клянись же богом,
Тем самым,— кто бы ни был этот бог,—
Которого ты чтишь, пред ним склоняясь,
Спасти дитя, вскормить и воспитать,—
Иначе ничего я не открою.

Л ю ц и й

Клянусь мной чтимым богом, все исполню.

А р о н

Знай, что ребенок — от императрицы.

Л ю ц и й

Развратница, чья похоть ненасытна!

А р о н

Ну, это лишь невинная забава
В сравнение с тем, что ты услышишь здесь:
Ее сыны убили Бассиана,
Лишили чести, языка и рук
Твою сестру,— украсили на славу.

Л ю ц и й

Украсить — это ты зовешь, мерзавец!

А р о н

Смочить, подстричь, украсить всю на славу —
Забава славная для тех, чей труд!

Л ю ц и й

О звери, варвары, как и ты сам!

А р о н

То правда, я наставником их был.
Мать похотливостью их наделила,—
Вот так выигрывает карта ставку;
А кровожадность взяли у меня.—

Вот так бульдог хватает всех за горло.
Чего я стою, пусть дела покажут:
Я братьев двух твоих к коварной яме,
Где Бассиана труп лежал, завлек;
Я исписал найденный Титом свиток
И спрятал клад, указанный в письме,
В согласье с Таморой и сыновьями.
И делалось ли что тебе на горе
Без злобного участия моего?
Обманом раздобыл я руку Тита,
А получив, в сторонку отошел
И сердце чуть не надорвал от смеха.
Я подсмотрел сквозь трещину в стене,
Как получил он головы детей,
Как плакал,— и смеялся так усердно,
Что прослезился я и сам, как он.
А выслушав забавный мой рассказ,
Пришла в восторг моя императрица,
За весть поцеловав меня раз двадцать.

Л ю ц и й

Ты говоришь все это, не краснея?

А р о н

Как в поговорке — словно черный пес.

Л ю ц и й

Ты не жалеешь обо всем, что сделал?

А р о н

Жалею лишь о том, что сделал мало.
Клянущу я каждый день,— хоть дней таких
Немного в жизни у меня бывало,—
Когда бы я злодейства не свершил:
Не умертвил, убийства не замыслил,
Не подготовил, не свершил насилья,
Не обвинил и не дал ложных клятв,
Не перессорил насмерть двух друзей,
Скотину бедняка не покалечил,
Гумна иль стога ночью не поджег,
Хозяев принудив гасить слезами.
Частенько, вырыв из могилы трупы,
Перед дверьми друзей я ставил их,
Когда печаль была почти забыта:
На коже их, как на коре древесной,

Я по-латыни вырезал ножом:
«Да не умрет печаль, хоть я и умер».
И тысячу я ужасов свершил
Так, невзначай, как убивают муху;
Но лишь одно мне сердце сокрушает:
Что в тысячу раз больше не свершу.

Л ю ц и й

Спустите черта; умереть не должен
Столь легкой, скорой смертью, как в петле.

А р о н

Коль черти есть, хотел бы я быть чертом,
Чтоб жить и в вечном пламени гореть
И, ваше общество имея в пекле,
Вас ядовитым языком язвить!

Л ю ц и й

Заткните рот ему, пусть он умолкнет.

Входит третий гот.

Т р е т и й г о т

Мой государь, там посланный из Рима
Желает, чтобы принял ты его.

Л ю ц и й

Пусть он войдет.

Входит Эмилий.

Привет, Эмилий, что за весть из Рима?

Э м и л и й

О славный Люций, готские вельможи,
Вам римский император шлет привет
И просит, раз взялись вы за мечи,
Вступить в переговоры в доме Тита;
А если вы заложников хотите,
То их сейчас же предоставят вам.

П е р в ы й г о т

Что вождь наш скажет?

Л ю ц и й

Эмилий, пусть заложников отцу

Иль дяде Марку даст ваш император —
И мы придем.— Вперед!

Трубы.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Рим. Перед домом Тита.

Входят переодетые Тамора, Деметрий и Хироп.

Т а м о р а

Так, в этом странном, мрачном одеянье
Перед Андроником предстану я,
Скажу, что Месть я, посланная адом
С ним сообща обиды возместить.
Стучитесь в комнату, где он сидит,
Обдумывая план жестокой мести;
Скажите — Месть пришла, чтоб с ним сдружиться
И гибель принести его врагам.

Они стучатся.

Входит наверху Т и т.

Т и т

Кто размышление мое тревожит?
Иль хитрость то, чтоб дверь я отворил
И скорбные решения разлетелись,
Бесплодны оказались все труды?
Ошиблись вы: что я намерен сделать,
Я написал кровавыми чертами.
И что написано — должно свершиться.

Т а м о р а

Тит, сговориться я пришла.

Т и т

Ни слова, нет; чем речь я подчеркну?
Руки лишен, чтоб делать жесты ею.
Неровня мы с тобой; на том и кончим.

Т а м о р а

Узнав меня, ты стал бы говорить.

Т и т

Я не безумец, знаю я тебя:
Порукой — кровь письмен, обрубок жалкий;
Порукой — и морщины от забот;
Порукой — ночи гнет и дня томленье;
Порукой — горе в том, что узнаю
В тебе я Тамору, императрицу;
Не за другой ли ты рукой пришла?

Т а м о р а

Несчастный, знай: не Тамора я вовсе;
Враг Тамора тебе, а я — твой друг.
Я — Мечь и послана подземным царством,
Чтоб коршун дум, терзающий тебя,
Насытился возмездьем над врагами.
Сойди, приветствуй нас на этом свете.
Поговорим о смерти и убийстве.
Вертепа нет, ни потаенных мест,
Тьмы непроглядной, ни долины мгlistой,
Где б подлое насилие иль убийство
Укрылись в страхе: я настигну их
И страшное шепну им в уши имя,
Обидчиков дрожать принудив: Мечь.

Т и т

Ты — Мечь? И послана ко мне затем,
Чтоб стать для недругов моих мученьем?

Т а м о р а

Я — Мечь; сойди приветствовать меня.

Т и т

Но послужи мне прежде, чем сойду.
Ведь здесь с тобой Насилье и Убийство:
Так докажи на деле, что ты — Мечь;
Убей их, раздави под колесницей —
И я приду, и буду править ею,
И понесусь вокруг земли с тобою.
Достань двух черных, словно смоль, коней,
Чтоб мчать карающую колесницу,
Накрыть убийц в преступных их вертепах.
Когда же головами их она
Наполнится, сойду и у колес
Бежать весь день, как скороход, я буду,

С восхода над землей Гипериона
Вплоть до заката за морем его.
Я день за днем труд тяжкий понесу —
Лишь уничтожь Насилье и Убийство.

Т а м о р а

Они — помощники; пришли со мною.

Т и т

Твои помощники? Как их зовут?

Т а м о р а

Насилье и Убийство; так зовутся
За то, что мстят творящим это зло.

Т и т

Как Таморы сынов напоминают,
Вы ж — Тамору! Но мы, земные люди,
Безумны, жалки, и наш глаз неверен.
О сладостная Месь, иду к тебе!
И коль одной руки тебе дозволено,
Я тотчас же обнять тебя сойду.

(Уходит наверху.)

Т а м о р а

Его безумью сговор этот впору.
Чем мозг его больной я ни потешу,
Вы поддержать меня должны речами:
Теперь меня считает Месью он.
В безумной мысли той сго уверив,
Уговорю за Люцием послать
И, задержав на пируестве его,
Изобрету я хитрую уловку,
Чтоб готов легионных разогнать
Иль сделать их хотя б его врагами.
Вот он идет, я роль должна играть.

Входит внизу Т и т.

Т и т

Я долго был из-за тебя несчастен.
Добро пожаловать в мой скорбный дом,
О Фурия, Насилье и Убийство.
Не Тамору ль я вижу с сыновьями?
Прибавьте мавра — сходство будет полным.

Иль не нашлось в аду такого беса?
Прекрасно знаю я,— императрица
Без мавра не выходит никогда,
И, чтобы правильно ее представить,
Вам дьявола бы надо привести.
Но все ж пожалуйста. Что будем делать?

Т а м о р а

Чего хотел бы ты от нас, Андроник?

Д е м е т р и й

Дай мне убийцу,— я расправлюсь с ним.

Х и р о н

Дай подлеца, свершившего насилие,—
Я послан, чтобы отомстить ему.

Т а м о р а

Дай тысячу обидчиков своих,—
И за тебя я отомщу им всем.

Т и т

Ищи среди преступных улиц Рима
И, увидав подобного себе,
Рази его, Убийство: он — убийца.—
Ступай и ты и, если в свой черед
Увидишь сходство в ком-нибудь с собою,
Рази его, Насилье: он — насильник.—
Ступай и ты: при цезарском дворе
Царица есть в сопровождение мавра;
Узнать ее ты можешь по себе:
Вся с головы до ног с тобою схожа.
Прошу тебя, дай лютую им смерть,—
Они ко мне и близким люты были.

Т а м о р а

Ты хорошо нас научил,— исполним,
Но будь так добр, Андроник, и пошли
За храбрым сыном, Люцием, идущим
С воинственными готами на Рим.
Проси его на пир в твой дом явиться:
Когда придет на празднество твое,
Сюда я приведу императрицу,
И цезаря, и всех твоих врагов;
Пусть на коленях молят о пощаде;

На них ты сердце отведешь свое.
Что скажешь ты на эту мысль, Андроник?

Т и т

Марк, брат мой! Тит тебя зовет несчастный.

Входит Марк.

Марк, к Люцию, племяннику, ступай;
Ты должен разыскать его у готов.
Проси прийти ко мне и привести
Кого-нибудь из самых знатных готов;
Проси оставить в лагере войска.
Скажи — императрица, как и цезарь,
Со мной пируют; должен быть и он.
Исполни все, и он пусть все исполнит,
Жизнь престарелого отца ценя.

М а р к

Исполню все и возвращусь немедля.

(Уходит.)

Т а м о р а

Теперь отправлюсь по твоим делам
И уведу помощников с собою.

Т и т

Оставь со мной Насилье и Убийство:
Иначе брата я верну назад,
Соединясь лишь с Люцием для мести.

Т а м о р а

(тихо, сыновьям)

Что скажете? Хотите с ним остаться,
Пока я к императору схожу,
Чтоб рассказать, как удалась мне шутка?
Его причудам потакайте, льстите,
Беседуйте, пока я не вернусь.

Т и т

(в сторону)

Я знаю их, хоть им кажусь безумцем.
В их собственные сети всех поймаю,—
И матку и проклятых адских псов.

Д е м е т р и й

Ступай же, матушка, оставь нас здесь.

Т а м о р а

Прощай, Андроник. Мечь идет, чтоб сети
Расставить для врагов твоих на свете

Т и т

Я знаю, сладостная Мечь, прощай.

Т а м о р а уходит.

Х и р о н

Скажи, старик, что ты готовишь нам?

Т и т

Довольно дела у меня найдется.—
Кай, Валентин, сюда идите! Публий!

Входят Публий и другие.

П у б л и й

Чего же хочешь ты?

Т и т

Кто эти двое?

П у б л и й

Дементрий и Хирон, два наших принца.

Т и т

Стыдись, стыдись! Жестоко ты ошибся.
Убийством и Насильем их зовут.
А потому вяжи их, милый Публий.—
Кай, Валентин, их за руки хватайте.
О, как давно я ждал такого часа,
И вот — дождался; так скрутите крепче
И рты заткните, лишь начнут кричать.

(Уходит.)

Публий и другие хватают Дементрия и Хирона

Х и р о н

Не смей! Мы сыновья императрицы.

П у б л и й

Мы потому приказ и выполняем.
Заткните рты им, пусть они умолкнут.
Надежно связаны? Вяжите крепче.

Входят Тит и Лавиния; он несет нож, она — таз.

Т и т

Смотри, Лавиния, врагов связали.—
Заткните рты им, пусть они молчат
И страшные слова мои услышат.—
О подлые Деметрий и Хирон,
Источник этот загрязнили вы,
С зимой своей ее смешали лето;
Убили мужа и за грех тот подлый
Ее двух братьев на смерть обрекли;
Мне руку отрубили для забавы;
Язык и обе руки, то, что рук
И языка дороже,— непорочность,—
Насильем отняли вы у нее.
Что вы сказали б, разреши я вам?
Стыд помешал бы вам просить пощады.
Так слушайте, как стану вас пытаться:
Рукой оставшейся я вас зарежу,
Лавиния же таз меж двух обрубков
Возьмет, чтоб кровь преступную собрать.
Со мной пирует ваша мать и Местью
Себя зовет, безумцем мнит меня.
Так вот, я в порошок сотру вам кости,
Из них и крови тесто приготовлю.
Из теста сделаю два пирога —
Два гроба для голов презренных ваших,
И вашу мать, бессовестную шлюху,
На славу угощу: пусть, как земля,
Она пожрет свое же порожденье.
Вот пир, к которому я звал ее,
Вот блюдо, что должно ее насытить.
Лютей, чем к Филомеле, к дочке были,—
Лютей, чем Прокна, буду отомщен.
Подставьте глотки.— Подойди, Лавиния.
(Перерезает горло Деметрию и Хирону.)
Кровь собери. Когда ж они умрут,
Я в мелкий порошок сотру их кости
И с этой скверной жидкостью смешаю,
Чтоб головы их в тесте том запечь.

Иди, иди, готовить помощи;
Пир более жестокий и кровавый
Хочу устроить я, чем пир кентавров.
Тащите их; как повар, постараюсь
К приходу матери сготовить их.

Уходят, унося трупы.

С Ц Е Н А 3

Двор в доме Тита. Накрыты столы.

Входят Л ю ц и й, М а р к и г о т ы с пленным А р о н о м.

Л ю ц и й

Когда отца в том воля, дядя Марк,
Чтоб в Рим вернуться мне, я повинуюсь.

П е р в ы й г о т

И мы с тобой, что б ни судил нам рок.

Л ю ц и й

Запри злодея-мавра, добрый дядя,—
Он хищный тигр, проклятый дьявол он,—
Держи в цепях и пищи не давай,
Пока пред Таморой он не предстанет,
Чтоб обличить ее в поступках грязных;
И укрепи засаду из друзей:
Боюсь, недоброе задумал цезарь.

А р о н

Мне на ухо проклятья шепчет дьявол
И побуждает мой язык излить
Яд злобы, переполнившей мне сердце!

Л ю ц и й

Прочь, пес безжалостный, проклятый раб!
Друзья, вы с дядей уведите мавра.

Готы с Ароном уходят.

Трубы за сценой.

Что цезарь близко, трубы возвещают.

Входят Сатурнин и Тамора, Эмилий, трибуны, сенаторы
и другие.

С а т у р н и н

Как! Разве не одно на небе солнце?

Л ю ц и й

Что проку, если солнцем назовешься?

М а р к

Прошу обоих — бросьте пререканья
И мирно разрешите этот спор.
Готово к пиру все; заботой Тита
Достойной целью он имеет мир,
Любовь, содружество и благо Рима;
Прошу приблизиться, занять места.

С а т у р н и н

Охотно, Марк.

Гобои.

Все садятся за стол.

Входит Тит, одетый поваром, и ставит блюда на стол; за ним Лавпиния, под покрывалом, Люций Младший и другие.

Т и т

Привет тебе с супругой грозной, цезарь:
Привет вам, готы; Люцию — привет;
Привет вам всем. Хоть скромен стол, — желудки
Наполнит вам; отведать вас прошу.

С а т у р н и н

Зачем ты нарядился так, Андроник?

Т и т

Хотел увериться, что угостят
Как должно цезаря с императрицей.

Т а м о р а

Авдроник, мы признательны тебе.

Т и т

Да, были б, если б знали это сердце.
Но вот что ты реши мне, государь:
Виргиний пылкий хорошо ли сделал,
Дочь умертвив своей рукой за то,
Что чести и невинности лишилась?

С а т у р н и н

Да, хорошо, Андроник.

Т и т

Твой довод, государь?

С а т у р н и н

Не подобало жить ей, честь утратив,
И вечно скорбь отца возобновлять.

Т и т

Да, довод основательный и веский,—
Пример, живое указание мне:
Несчастный, так же поступить я должен.—
Умри, Лавиния, и стыд с тобою!
А со стыдом и скорбь отца умри!

(Убивает Лавинию.)

С а т у р н и н

Что сделал ты, чудовищный злодей?

Т и т

Убил ее; я слеп от слез о ней.
Несчастен так же я, как был Виргиний,
И более причин имел, чем он,
Свершить жестокость эту я. Свершилось!

С а т у р н и н

Но кем же обесчещена она?

Т и т.

Откушай: угощение на славу.

Т а м о р а

Как мог убить ты? Это дочь твоя!

Т и т

Убил Хирон, Деметрий, а не я:
Лишили чести, отрубили руки;
Они, они ей причинили муки.

С а т у р н и н

Чтоб тотчас же сюда их привели!

Т п т

Их в этом пироге мы запекли,
Которым лакомилась мать родная,
Плоть, вскормленную ею, поедая;
Порукой в этом — острие ножа.

(Убивает Тамору.)

С а т у р н и н

Умри, несчастный, за свой грех проклятый!

(Убивает Тита.)

Л ю ц и й

Помирится ли сын с такой утратой?
За плату — плата: смерть прими, проклятый!

(Убивает Сатурнина.)

Все в смятении. Люций, Марк и другие поднимаются наверх.

М а р к

Вы, скорбные, народ и дети Рима,
Разъятые враждой, как стая птиц,
Рассеянная вихрями и бурей,
О, дайте научить вас, как собрать
В единый сноп разбитые колосья
И в плоть одну разрозненные члены,
Чтоб сам себе не стал отравой Рим
И он, пред кем склоняются державы,
В отчаянье, как жалкий отщепенец,
Постыдно не покончил сам с собой.
Но, если чиней старости, морщины —
Свидетельство об опыте нелживом, —
Не убедят вас выслушать меня,

(Люцию)

Друг Рима, говори. Как встарь наш предок,
Когда торжественно повествовал
Дидоне скорбной и больной любовью
О ночи мрачной, пламенной, когда
Лукавый грек взял Трою у Приама, —
Скажи, какой Синон нас обольстил,
Кто ввез машину, нашей Трое — Риму --
Гражданскую тем рану нанеся. —
Не камень сердце у меня, не сталь;
Заговорю ль о горьких наших бедах, —

Потоки слез затопят красноречье,
Прервав правдивый мой рассказ в тот миг,
Когда он должен захватить внимание
И вызвать сострадание у вас.
Вот вождь, за ним рассказ: от слов его
В вас сердце содрогнется и занеет.

Л ю ц и й

Итак, друзья, да будет вам известно:
Проклятые Деметрий и Хирон —
Вот кто зарезал цезарева брата,
Кто нашу изнасиловал сестру.
За их вину казнили наших братьев,
Презрев отда их слезы и лишив
Руки, сражавшейся за Рим достойно,
Его врагов в могилу отправлявшей.
И, наконец, и сам я изгнан был.
За мной ворота затворились; плача,
Пошел просить о помощи врагов.
В моих слезах вражда их потонула,
Объятья их раскрылись для меня.
Отверженный, да будет вам известно,
Я охранял ценою крови Рим
И меч врага от Рима отводил,
Сталь направляя в грудь свою отважно.
Вы знаете, я хвастать не люблю;
Мои рубцы порукой в том, хоть немые,
Что мой рассказ и точен и правдив.
Довольно! Слишком я и так отвлекся
Хвалой себе недолжной. О, простите!
Нет друга — сами хвалим мы себя.

М а р к

Черед за мной. Смотрите, вот ребенок:
(указывая на ребенка, которого держит на руках слуга)

Им разрешилась Тамора; он ею
От мавра нечестивого рожден,
Зачинщика, творца всех этих бедствий.
Мерзавец жив; здесь, в доме Тита, он
И это подтвердит, как ни преступен.
Решите, мог ли Тит не отомстить
За несказанные обиды эти,—
Их ни один бы смертный не стерпел!
Узнав всю правду, римляне, судите!

В чем погрешили — укажите нам;
И с места, где нас видите сейчас, —
Андроников несчастные остатки, —
Мы об руку низринемся вдвоем
И, раздробив себе мозги о камни.
Положим роду нашему конец.
Ответьте, римляне; скажите слово —
И с Люцием мы броситься готовы.

Э м и л и й

Сойди, сойди к нам, муж почтенный Рима,
И за руку к нам цезаря сведи:
Наш цезарь — Люций; в том я убежден:
Единогласно будет избран он.

В с е

Привет, о Люций, повелитель Рима!

М а р к

Ступайте в дом Андроника печальный. —
(Слугам.)

Безбожного сюда тащите мавра,
Чтоб к страшной смерти присудить его,
За жизнь преступную его карая.

С л у г и уходят.

Люций, Марк и другие спускаются.

В с е

Привет, о Люций наш, правитель Рима!

Л ю ц и й

Благодарю. Когда б я мог так править,
Чтоб Рим от горя и от слез избавить!
Но дайте срок мне, римляне: природой
Тяжелый долг возложен на меня. —
Посторонитесь. — Дяди, подойди
Прощальную слезу на труп пролить.

(Целует Тита.)

Горячий поцелуй устам холодным
И слезы на лице окровавленном —
Вот сына верного последний долг!

М а р к

Слезу слезой, лобзание лобзаньем
Брат на устах здесь возместит тебе.
О, будь число их, должных мной, несметно
И бесконечно, — расплачусь за все!

Л ю ц и й

Поди сюда, учись у нас, мой мальчик,
Как слезы лить. Тебя твой дед любил.
И на коленях все качал, бывало,
И песнею баюкал на груди;
И он тебе рассказывал немало,
Что твоему младенчеству пристало.
Из уваженья к этому, с любовью
Пролей слезинки от своей весны,
Как требует того закон природы:
Друг должен с другом разделить невзгоды.
Простись же с ним, предай его могиле
И, долг отдав ему, расстанься с ним.

Л ю ц и й М л а д ш и й

О дедушка! Желал бы я всем сердцем
Сам умереть, чтоб только ты был жив! —
Отец, мне слезы говорить мешают,
Рыданья душат, лишь раскрою рот.

Входят слуги с Ароном.

О д и в и з р и м л я н

Андроники, конец страданьям вашим!
Произнесите приговор злодею,
Виновнику событий роковых.

Л ю ц и й

По грудь заройте в землю, не кормите:
Пусть бесится, вопит о пище он;
Кто, сжалившись над ним, ему поможет,
Умрет за это. Вот наш приговор.
Смотрите, чтоб зарыт был в землю прочно.

А р о н

Но что ж во мне замолкли гнев и ярость?
Я не ребенок, чтоб с мольбой презренной
Покаяться в содеянном мной зле.
Нет, в десять тысяч раз еще похуже

Я б натворил, лишь дайте волю мне.
Но, если я хоть раз свершил добро,
От всей души раскаиваюсь в этом.

Л ю ц и й

Пусть тело цезаря друзья возьмут,
Чтоб схоронить его в отцовском склепе,
Отца же моего с сестрою должно
В гробницу родовую поместить.
А что до Таморы, тигриды злобной,
Ни трауром, ни чином погребальным,
Ни похоронным звоном не почтить,
Но выбросить зверям и хищным птицам:
Жила по-зверски, чуждой состраданья,
И вызывать не может состраданья.
Пусть правосудие свершат над мавром, —
Он бедам всем начало положил,
Затем в стране мы учредим порядок,
Чтоб не пришла от дел таких в упадок.

Уходят.

КОМЕДИЯ ОШИБОК

Перевод
А. НЕКОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Соли н, герцог Эфесский.

Эгеон, сиракузский купец.

Антифол Эфесский	} братья-близнецы, сыновья Эгеона и Эмилии.
Антифол Сиракузский	

Дромио Эфесский	} братья-близнецы, слуги двух Антифолов.
Дромио Сиракузский	

Бальтазар, купец.

Анджело, ювелир.

Первый купец, друг Антифола Сиракузского.

Второй купец, кредитор Анджело.

Пинч, школьный учитель.

Эмилия, жена Эгеова, аббатиса монастыря в Эфесе.

Адриана, жена Антифола Эфесского.

Люциана, ее сестра.

Люс, служанка Адрианы.

Куртизанка.

Тюремщик, пристава, свита, слуги.

Место действия — Эфес.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Зал во дворце герцога.

Входят герцог, Эгеон, тюремщик, пристава и свита.

Эгеон

Кончай, Солин, мою судьбу реши;
Мои мученья смертью заверши.

Герцог

Не трать речей, купец из Сиракуз;
Я беспристрастен и храню закон.
Вражда, раздор родились из обиды,
Которую нанес ваш злобный герцог
Купцам, почтенным нашим землякам:
Им не хватило золота на выкуп
Своих голов, и был тогда скреплен
Его декрет их кровью; с той поры
И мы к вам потеряли состраданье.
Как только начался раздор смертельный,
Решили мы в собрании старейшин
Немедленно торговые сношенья
Двух наших стран враждебных прекратить!
И сверх того:
Коль кто-нибудь, рожденный здесь, в Эфесе,
Свезет товар на рынок в Сиракузы
Или, напротив, сиракузский житель

Прибудет в порт Эфеса,— пусть умрет,
Имущество же герцог конфискует,
Когда себя не выкупит виновный
И тысячу нам марок не внесет.
Твое ж добро, как ни цени высоко,
Не стоит сотни марок; стало быть,
Ты осужден на смерть законом нашим.

Э ге он

Утешен я: ваш суд произнесен;
К закату дня покончит муку он.

Герцог

Но, сиракузянин, скажи мне кратко:
Зачем родной покинул город ты,
И что тебя к нам привело в Эфес?

Э ге он

Что может быть страшнее испытанья,
Чем говорить о несказанном горе?
Но расскажу, насколько скорбь позволит,
Чтоб знали все: я обречен на смерть
Не преступленьем, а самой природой.
Из Сиракуз я родом и женат
На женщине, что счастлива со мной
Была б, как с нею я, будь счастье прочно.
Мы горестей не знали, и богатство
Мое росло в поездках в Эпидамн,
В торговых сделках; но мой маклер умер;
Чтоб охранить оставшийся товар,
Покинул я объятия супруги.
Шесть месяцев прошло, когда она,—
Хотя уже и очень ослабела
От сладкой кары, женщинам сужденной,—
Собралась вдруг ко мне в далекий путь
И прибыла спокойно, без задержки.
Прошло немного дней еще, и стала
Она счастливой матерью двоих
Здоровых сыновей, так странно схожих,
Что различить их было невозможно.
В тот самый час и в том же самом доме
Такой же двойней схожих близнецов
Одна из нищих женщин разрешилась;
У бедняков-родителей купил
Обоих я, чтоб воспитать в них слуг

Для сыновей. Жена, гордясь детьми,
Домой вернуться все меня просила;
Ей уступил, увы, я слишком скоро.
Мы сели на корабль
И отплыли от Эпидамна милю,
Как вдруг ветрам покорная пучипа
Нам стала злою гибелью грозить;
Мы больше не могли питать надежду:
Взамен ее померкший свет небес
Предсказывал трепещущим сердцам,
Что близится, что неизбежна гибель.
Будь я один, я бодрость сохранил бы;
Но плач жены и леденящий ужас
При мысли о мучительном конце,
Крик милых деток, плачущих, не зная,
Что им грозит, но видя общий страх,—
Принудили меня искать отсрочки
Себе и им; я сделал все, что мог.
Матросы в лодку бросились, покинув
Нас и корабль, готовый затонуть.
Моя жена, полна забот о старшем
Из близнецов, малютку привязала
С одним из купленных детей к одной
Из небольших запасных мачт, что возят
На случай бурь с собою моряки.
Я так же поступил с другою парой.
Устроив все и не спуская глаз
С детей, схватились мы с женою каждый
За свой конец,— и волны понесли,
Бушуя, но покорствуя теченью,
Всех нас, казалось, в сторону Коринфа.
Меж тем и солнце, землю осветив,
Рассеяло облекший нас туман;
И этот свет, так горячо желанный,
Волнение умирил; мы увидали,
Что вдалеке плывут два корабля:
Один был из Коринфа, а другой —
Из Эпидавра. Не успели к нам
Они подплыть... Позволь не продолжать!
Конец рассказа можно угадать.

Герцог

О нет, не прерывай его;
Хоть нам тебя помиловать нельзя,
Мы все же сострадать тебе способны!

Э ге о н

О, если б боги поступили так,
Чтоб их не звал безжалостными я!
С десяток миль тем кораблям осталось
Проплыть до нас, как на утесы вал
Метнул спасительный кораблик наш
И пополам переломил ударом.
Насильственным разводом разлучив,
Обоим нам оставила Фортуна
То, что дает и радость и печаль.
Обломок, что держал жену-бедняжку,
Был тяжелее скорбью, легче весом;
По ветру вдаль понесся он быстрее,
И видел я, как всех троих забрал
Корабль коринфский, видимо — рыбацкий.
Другой позднее подобрал и нас.
Узнав, кого спасти им выпал случай,
В нас приняли участие моряки
И отняли б у рыбаков добычу,
Но их корабль не мог свой ход ускорить,
И им пришлось направиться домой.
Ты видишь, как я счастье потерял,
И жизнь мою продолжила судьба,
Чтобы я мог свое поведать горе.

Ге р ц о г

О, ради тех, по ком теперь ты плачешь.
Тебя прошу я, Расскажи подробно,
Что было дальше с ними и с тобой.

Э ге о н

Мой сын второй,— в отцовском сердце первый,—
В осьмнадцать лет на поиски пустился
Потерянного брата и просил
С ним отпустить слугу (ведь так же тот,
Утратив брата, знал его лишь имя),
Чтоб вместе их искать они могли.
И я рискнул утратить, что любил,
Стремясь вернуть любимую утрату.
Пять лет с тех пор иду обоих сам;
Всю Грецию и Азию прошел я
И на пути домой в Эфес заехал,
Найти уж не надеясь, но решив
Искать везде, где только жить возможно,

Здесь кончится и целой жизни повесть.
Как радостно б я встретил эту смерть,
Будь мне она за жизнь детей порукой!

Герцог

Несчастный Эгеон, судьба судила
Тебе до края горестей дойти!
Поверь, когда бы мне не воспрещал
Закон, долг венценосца, клятва, сан —
Все то, что должен государь блюсти, —
Я сам бы адвокатом был твоим,
И все ж, хотя ты к смерти присужден
И приговор я изменить не мог бы,
Не нанеся урона нашей чести,
Я для тебя все сделаю, что можно:
Отсрочку дам на день, чтоб ты найти
В чужих щедротах попытался помощь;
Ты обратись к своим друзьям в Эфесе,
Проси ссудить иль просто подарить
На выкуп деньги. Не дадут — умрешь. —
А ты, тюремщик, стереги его.

Тюремщик

Да, государь.

Эгеон

Где Эгеон ту помощь обретет?
Надежды нет; лишь позже он умрет.

Уходят.

СЦЕНА 2

Рыночная площадь.

Входят Антифол Сиракузский, Дромио Сиракузский
и первый купец.

Первый купец

Скажите же, что вы из Эпидамна, —
Иначе конфискуют все у вас.
Вот только что купец из Сиракуз
Задержан был за то, что в гавань прибыл,
И, так как внести не мог он выкуп тот,
Что был назначен городским законом,
Его казнят сегодня на закате.
Вот деньги ваши, те, что я хранил.

Антифол Сиракузский

Неси к «Кентавру» их, туда, где мы
Остановились, Дромио, и жди:
Туда я через час приду обедать;
Пока же поброжу и посмотрю
На город этот, здания и лавки;
Потом вернусь и лягу отдыхать:
Я дьявольски устал от переезда.
Тащи!

Дромио Сиракузский

Другой бы вас поймал на слове
И впрямь стащил: ведь ноша недурна.
(Уходит.)

Антифол Сиракузский

Надежный малый, сударь: он нередко,
Когда я загрушу среди забот,
Меня развлечь своей умеет шуткой.
Вам не угодно ли со мной пройтись
И отобедать у «Кентавра» вместе?

Первый купец

Я приглашен знакомыми купцами
И кстати сделку с ними заключу;
Поэтому простите. В пять часов
Мы можем снова встретиться на рынке
И, коль угодно, время провести
До ночи вместе. А теперь есть дело.

Антифол Сиракузский

Так до свиданья вечером. Пойду
Бродить один, осматривая город.

Первый купец

Желаю вам вполне довольным быть!
(Уходит.)

Антифол Сиракузский

Желаю мне вполне довольным быть!
Как раз того, что недоступно мне,
Ведь в мире я — как капля водяная,
Что в океане хочет отыскать
Другую каплю и в попытках этих,

Незримая, теряется сама.
Так я ищу напрасно мать и брата
И в поисках себя уж потерял.

Входит Дромио Эфесский.

Мой календарь и справка о рожденье!
Что там? Зачем так скоро ты пришел?

Дромио Эфесский

Так скоро? Я? Сказал бы лучше — поздно!
Сжег каплуна, передержал свинину;
Часы ударили двенадцать раз,
И раз хозяйка — по моей щеке:
Обед остыл — она разгорячилась;
А он остыл затем, что вас все нет;
Вас нет затем, что не хотите есть;
Есть не хотите — значит, разговелись
Уж где-то вы, заставив тем нас всех
Поститься и замаливать ваш грех.

Антифол Сиракузский

Вихрь болтовни сдержи. Скажи-ка лучше,
Куда девал ты деньги, что я дал?

Дромио Эфесский

Шесть пенсов те, что вы велели в среду
Дать шорнику в уплату за подхвостник
Для госпожи моей? Их получил он,
И у меня их, сударь, больше нет.

Антифол Сиракузский

Послушай, я дурачиться не склонен, —
Так не шути. Где деньги, говори!
Мы здесь чужие: как ты смел оставить
Такую сумму денег без присмотра?

Дромио Эфесский

Уж вы шутите лучше, сев за стол!
Меня прислала госпожа гонцом;
Вернусь без вас — так мне же будет гонка:
Зарубят счет ваш на башке, как бирке.
А мог бы быть часами ваш желудок,
Как мой, и без посланцев гнать к обеду.

Антифол Сиракузский

Ну, Дромио, теперь не время шуткам;
Ты до поры их лучше отложи.
Где золото, что отдал я тебе?

Дромио Эфесский

Мне, сударь? Вы его мне не давали.

Антифол Сиракузский

Эй, негодяй, дурачиться довольно!
Скажи, как выполнен тобой приказ?

Дромио Эфесский

Мне приказали привести вас с рынка
В наш дом, дом «Феникса»; готов обед,
И госпожа с сестрой вас ждут давно.

Антифол Сиракузский

Не будь христианин я! Коль не скажешь,
Где золото надежно спрятал ты,
Я проломлю башку твою пустую,
Чтоб знал ты впредь, когда нельзя шутить!
Где десять сотен марок? Дай отчет!

Дромио Эфесский

Моя башка — та счет ведет тому,
Что дали вы, а плечи — что хозяйка;
Да только то пинки, не марки; вздумай
Я вам вернуть подарки эти, вряд ли
Вы б согласились кротко их принять.

Антифол Сиракузский

Хозяйка? Кто твоя хозяйка, раб?

Дромио Эфесский

Супруга ваша. «Феникса» хозяйка.
Без вас она не сядет за обед
И просит вас скорей идти обедать!

Антифол Сиракузский

Теперь уж ты нахально врешь в глаза —
Так на тебе! Вот, получи, мерзавец!

Дромио Эфесский

За что? За что? Сдержите ваши руки,
Не то ведь я и пятки в ход пушу!

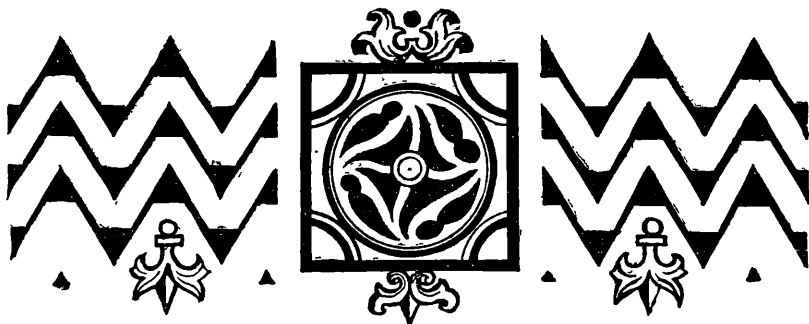
(Уходит.)

Антифол Сиракузский

Клянусь я жизнью, этого болвана
Уже успели здесь обворовать!
Ведь, говорят, мошенников здесь тьма —
Искусников, что всем глаза отводят,
Волшебников, мутящих здравый ум,
Проклятых ведьм, уродующих тело,
Воров переодетых, шарлатанов,
Вралей и всяких жуликов иных.
И, если так, скорей уехать надо.
Пойду к «Кентавру», там его сыщу:
Боюсь, что денег все ж не получу.

(Уходит.)

А К Т II

СЦЕНА I

Дом Антифола Эфесского.

Входят Адриана и Люциана.

Адриана

И мужа нет, и не вернулся раб,
Которого за ним я посылала;
А два часа теперь ведь, Люциана.

Люциана

Какой-нибудь купец его позвал,
И с рынка он пошел к нему обедать.
Не жди, сестра, сядь без него за стол.
Мужчина сам себе хозяин: время
Одно ему укажет час, когда
Прийти, уйти. Так будь же терпеливой.

Адриана

Но почему свободней нас им быть?

Люциана

Ведь по делам им надо выходить.

Адриана

Ушла бы я — что б он сказал тогда?

Люциана

О, для твоих желаний муж — узда.

Адриана

Одни ослы своей уздой довольны.

Люциана

Нехорошо, когда мы слишком вольны, —
Опасно то; взгляни на целый свет:
В земле, в воде и в небе воли нет,
Ведь самки рыб, крылатых птиц, зверей —
Все в подчиненье у самцов-мужей.
Мужчины же над миром господа:
Покорны им и суша и вода.
Они наделены умом, душой,
Каких ведь нет у твари ни одной.
Их право — всем в семье распоряжаться,
А долг жены — всегда повиноваться.

Адриана

Но ты не хочешь стать рабою тоже!

Люциана

Страшусь забот супружеского ложа.

Адриана

А выйдя замуж, подчинишься власти?

Люциана

Я, полюбив, сочту ее за счастье.

Адриана

А если муж увлекся бы другой?

Люциана

Я все б ждала, вернется ль он домой.

Адриана

Легко терпеть, коль горя нет, сестрица,
И кроткой быть, где нет причин сердиться!
Когда судьбой помятые кричать
Начнут при нас, мы им велим молчать;
А если б горе приключилось с нами,
Мы б, верно, больше жаловались сами.

Пока злой муж не оскорбит тебя,
Внушаешь ты другим терпеть, любя;
А если б ты обиду испытала,
Дурацкого терпенья бы не стало.

Люциана

Ну, ладно: выйду замуж — поглядим.
Вон твой слуга, и муж твой, верно, с ним.

Входит Дромио Эфесский.

Адриана

Ну что ж? Пожаловал твой господип?

Дромио Эфесский

Пожаловал — обеими руками: оба мои уха свидетели.

Адриана

Ты звал его? Так что же он сказал?

Дромио Эфесский

Да речь его заехала мне в ухо;
Едва-едва слова его я понял.

Люциана

Он говорил так странно? Был неясен смысл?

Дромио Эфесский

Гм... он объяснялся так звонко, что я ясно помню все, и в то же время так странно, что не могу опомниться.

Адриана

Скажи скорей: идет ли он домой?
Как видно, угодить жене он хочет!

Дромио Эфесский

Взбесился господия мой, как рогатый...

Адриана

Рогатый!

Дромио Эфесский

Бык, не муж! Поверьте мне,
Совсем взбесился он.
Зову его идти домой обедать —

Про тысячу он марок говорит.
«Готов обед». — «Где деньги?» — он твердит.
«Жаркое сохнет». — «Деньги где?» — твердит.
«Идете вы?» — «Где деньги? — он твердит. —
Дурак, где тысяча мной данных марок?»
«Свинья сгорит!» — «Где деньги?» — он твердит.
«Хозяйка ждет». — «Повесься ты с хозяйкой!»
Пошел! Хозяйки знать не знаю я!»

Люциана

Он так сказал?

Дромио Эфесский

Да, так сказал он:
«Знать не хочу ни дома, ни жены».
И тот ответ не языку доверил,
А на плечи навьючил, чтоб я снес;
Ну, словом, он поколотил меня.

Адриана

Ступай опять, зови его домой.

Дромио Эфесский

Идти опять, чтоб кулаком прогнал он?
Нет, ради бога, шлите уж других!

Адриана

Ступай, иль по башке хвачу сейчас.

Дромио Эфесский

Он поперек другой мне шрам положит
И так крестом мой череп освятит.

Адриана

Пошел, дурак! Зови его домой!

Дромио Эфесский

Да будто я такой дурак уж круглый,
Чтобы меня, как мяч, пинать ногой?
Оттуда гонит он, а вы — туда;
По крайней мере хоть обейте кожей!

(Уходит.)

Люциана

Стыдись, сестра. Как гнев тебе нейдет!

Адриана

Он в обществе любовниц проведет
Веселый день, жене не кинув ласки!
Иль я стара? Иль уж поблекли краски
Печальных щек? Так он же их согнал!
Иль я скучна? Мой ум живой пропал?
Так невниманье шутку убивает
И остроту, как мрамор, притупляет.
Иль он пленен нарядом дорогим?
Пусть купит мне, владея всем моим!
Все, что могла утратить я в красе,
Разрушил он; и недостатки все —
Его вина. Как солнцем, озарить
Он мог бы взглядом, все мне возратить;
Но, как олень, ломая все ограды,
Бежит он в лес, я ж — вяну без отрады.

Люциана

Пустая ревность может так смутить!

Адриана

Нет, лишь глупец бесчувственный простить
Обиду может явную. Другой
Он занят весь, иначе б был со мной!
Сестра, цепочку мне он обещал:
О, пусть бы обещаний не сдержал,
Но не грязнил супружеского ложа!
Ах, на него кольцо теперь похоже,
Что потеряло блеск; хоть золото тленья
Не ведает, а все ж прикосновенья
Грязнят его; и разве средь мужчин
Развратом не запятнан хоть один?
Моя краса — ничто в его глазах;
Ее оплачу я, умру в слезах!

Люциана

О, как наш ум темнит ревнивый страх!

Уходят,

СЦЕНА 2

Площадь.

Входит Антифол Сиракузский.

Антифол Сиракузский

Те деньги, что взял Дромио, лежат,
Все в целости, в «Кентавре»; верный раб
Пошел искать меня. Но странно вот что:
По моему расчету и словам
Хозяина, никак не мог я видеть
Его опять на рынке. Вот он сам!

Входит Дромио Сиракузский.

Ну, сударь, как? Прошла у вас веселость?
Иль нравятся толчки? Так продолжай:
Не знаешь ты «Кентавра»? Не брал денег?
К обеду госпожа прислала звать?
Живу я в «Фениксе»? С ума сошел ты,
Что начал вдруг мне так безумно врать?

Дромио Сиракузский

Я врал? Я вам не говорил ни слова!

Антифол Сиракузский

На этом месте, полчаса назад.

Дромио Сиракузский

Вас не видал с тех пор я, как отсюда
К «Кентавру» послан деньги отнести.

Антифол Сиракузский

Ты, негодяй, сказал, что денег не брал,
Твердил мне про жену и про обед,
Пока я не отбил охоты к шуткам.

Дромио Сиракузский

Вы веселы — тому я очень рад;
Скажите лишь, что значат эти шутки?

Антифол Сиракузский

Глумишься вновь, смеешься мне в глаза?
Шучу? Так вот тебе! А вот еще!

(Бьет его.)

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Постойте, сударь! Дело-то серьезно:
Задаток крупный. Только дан за что?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Ты думаешь, что если фамильярность
Я допускал и быть моим шутом
Тебе позволил, так ты можешь нагло
Шутить со мной в серьезные минуты?
При свете солнца пляшут роем мошки,
А в хмурый день все прячутся они.
Вперед и ты, когда шутить захочешь,
Взгляни в лицо, не хмуро ли оно.
Крепка башка, но все ж урок вобью я!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Вы принимаете мою башку за какую-то крепость и собираетесь штурмовать ее? Пусть лучше она будет просто головой. Но, если вы не прекратите побоев, придется мне ту крепость хорошенько укрепить; иначе мои мозги вывалятся на плечи. А все-таки сделайте милость, сударь, скажите, за что я побит?

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Ты этого не знаешь?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Ничего не знаю, кроме того, что был побит.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Сказать тебе, за что?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Да, сударь, за что и почему; ведь, говорят, всему должна быть причина.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

За то, что был ты нагл, и потому,
Что повторить решился дерзко шутку.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Ну, били ли кого-нибудь так, ни за что в награду?
В таких «за что» и «почему» ни складу нет, ни ладу.

Спасибо, сударь.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Благодаришь? За что?

Дромио Сиракузский

За то, сударь, что вы дали мне кое-что за ничто.

Антифол Сиракузский

Ну, я взыщу с тебя в будущем: не дам ничего за что-нибудь. Но, скажи-ка, не пора еще обедать?

Дромио Сиракузский

Нет, сударь; я думаю, что говядина еще нуждается в том, что я уже получил.

Антифол Сиракузский

Это еще что такое?

Дромио Сиракузский

Ее надо побить и полить.

Антифол Сиракузский

А иначе будет жесткой и сухой?

Дромио Сиракузский

Да, сударь, и я попрошу вас не есть ее.

Антифол Сиракузский

По какой причине?

Дромио Сиракузский

Она укрепит ваш холерический темперамент, и вы устроите мне снова сухую поливку.

Антифол Сиракузский

А вы, сударь, отучитесь шутить не ко времени. На все своя пора.

Дромио Сиракузский

Очень бы хотелось опровергнуть это, да боюсь опять холерической вспышки.

Антифол Сиракузский

Опровергнуть? Каким примером?

Дромио Сиракузский

Таким же ясным, как ясна лысина на голове у старика Времени.

Антифол Сиракузский

Любопытно было бы послушать.

Дромио Сиракузский

Да вот; ни в какую пору не удастся вырастить волосы, которые вылезли сами собой.

Антифол Сиракузский

Разве нельзя это сделать, употребив врачебные средства?

Дромио Сиракузский

Только употребив денежные средства на покупку чужих волос. Но тогда оплешивеет другой.

Антифол Сиракузский

Почему же Время так скупится на волосы, когда их всюду так много?

Дромио Сиракузский

Волосы — дар, который оно бережет для зверей; а людям, недодавая волос, оно прибавляет ума.

Антифол Сиракузский

Ну, у многих волос больше, чем ума.

Дромио Сиракузский

А все-таки ума у них хватит на то, чтобы потерять волосы.

Антифол Сиракузский

Так, по-твоему, люди с густыми волосами — простаки, лишённые ума?

Дромио Сиракузский

Чем они проще, тем скорее плешивеют; но потеря волос идет им на пользу.

Антифол Сиракузский

По какому соображению?

Дромио Сиракузский

По двум и очень здоровым.

Антифол Сиракузский

Здоровым? Какое уж тут здоровье?

Дромио Сиракузский

Ну, так верным.

Антифол Сиракузский

Что тут верного, когда приходится прибегать к фальшивым волосам?

Дромио Сиракузский

Ну, скажем, по некоторым.

Антифол Сиракузский

Каким же именно?

Дромио Сиракузский

Во-первых, сохраняются деньги, которые уходили на причесывание волос, а во-вторых, волосы не будут падать в суп.

Антифол Сиракузский

Ты всем этим хотел доказать, что не на все бывает свое время?

Дромио Сиракузский

Конечно, и доказал: ни в какое время не вытребуешь у природы пропавших волос.

Антифол Сиракузский

Но твой аргумент не доведен до конца; почему их не выгребуешь?

Дромио Сиракузский

А я его дополню: Время само лысо и хочет, чтобы до конца мира у всех было на голове пусто и лысо.

Антифол Сиракузский

Вот ты и кончил лысым заключеньем.
Но тише! Кто-то подает нам знаки.

Входят Адриана и Люциана.

Адриана

Да, Антифол, смотри, суров и хмур;
Дари другим всю сладость этих взоров.
Не Адриана, не жена тебе я!
А было время — ты охотно клялся,
Что слаще слов не слышал никогда,
Что ничего прекраснее не видел,
Прикосновения не знал нежней
И ничего не ел вкусней, как в дни,
Когда с тобой была я, говорила,
Тебя ласкала, подавала есть.

Как мог ты стать таким чужим себе же?
Да-да, себе — чужим став для меня;
Ведь я с тобою слита нераздельно;
Я часть твоя и лучшая притом.
Не разрывай же этого союза:
Ведь легче, мой любимый, каплю бросить
В пучину моря и потом ее
Извлечь опять несмешанной оттуда,
Без приращенья или уменьшенья,
Чем взять тебя, не взяв тем и меня!
Ведь как тебя задело б за живое,
Когда б ты знал, что впала я в разврат,
Что это тело, данное тебе,
Осквернено бесстыдством похотливым?
Ты б отшвырнул с презреньем имя мужа,
Содрал с меня запятнанную кожу,
Сорвал кольцо венчальное с руки
И разломал, навеки дав развод!
Ты это сделал бы? Так сделай сразу!
Меня позор измены запятнал,
И в кровь мою проникла грязью похоть:
Ведь если два — единая плоть, то разом
С тобой ты отравляешь и жену;
Распутна я от твоего разврата.
Оберегай супружеское ложе:
Когда ты чист, чиста я буду тоже.

Антифол Сиракузский

Сударыня, ко мне ли ваша речь?
Не знаю вас: я два часа в Эфесе;
Мне город чужд, как ваших смысл речей;
Я слушал их, я полон был вниманья,
И все же я далек от пониманья.

Люциана

Фи, брат! Зачем так изменились вы?
Когда с сестрой так странно обращались?
Она шлет Дромио вас звать домой...

Антифол Сиракузский

Как, Дромио?

Дромио Сиракузский

Меня?

А д р и а н а

Тебя; и, возвратясь, ты говоришь,
Что он побил тебя, крича: «Не знаю,
Знать не хочу ни дома, ни жены!»

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Так с этой дамой сговорились вы?
В чем смысл и цель такого заговора?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я, сударь? Я в глаза ее не видел!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Лжешь, негодяй: как мог тогда ты раньше
Твердить мне то, что говорит она?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Да отродясь не говорил я с нею!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Тогда откуда наши имена
Она узнала? По наитью, что ли?

А д р и а н а

О, как свое достоинство роняешь
Ты, подстрекая низкого раба
Противоречить мне! Оскорблена
Уже одним твоим я удалением;
Зачем удар усиливать презрением?
Мой муж! За твой рукав я уцеплюсь,
Мой крепкий вяз! Лозою обовьюсь
Вокруг тебя, чтоб мощь твоя и сила
И мне, бессильной, крепость сообщила!
И разделять что может нас с тобой?
Колючки, плющ нахальный, мой дрянной?
Отрежь его, иль будет он впиваться
Все дальше вглубь и соками питаться!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Да, эта речь обращена ко мне..
Уж не женился ль я на ней во сне?
Иль сплю теперь, и это лишь виденье?
Как обмануть нас могут слух и зренье!
Ну что ж, пока загадку не пойму,
В обмане чувств участие приму.

Люциана

Вели же, Дромио, подать обед.

Дромио Сиракузский

Спаси нас крест святой! Жаль, четок нет.
Ну, и сторонка леших! Где мы, что мы?
Ведь это черти, домовые, гномы.
Признай их власть, не то без дальних слов
Защиплют нас они до синяков!

Люциана

Ты что бормочешь там и не идешь?
Ползи, лентяй, слизняк, улитка, вошь!

Дромио Сиракузский

(Антифолу)

Скажите мне, я, верно, превращен?

Антифол Сиракузский

Духовно ты, как сам я, подменен.

Дромио Сиракузский

Духовно и телесно, без изъяна.

Антифол Сиракузский

Ты — тот же.

Дромио Сиракузский

Я, должно быть, обезьяна!

Люциана

Нет, ты прямой осел, коль хочешь знать.

Дромио Сиракузский

И впрямь: охота травки пощипать!
Как не осел? Она меня взнуздавала.
Не знаю, кто она; меня ж признала.

Адриана

Ну, будет, не хочу я глупой быть,
Тереть глаза и лить насильно, слезы,
Смеша и господина и слугу.—

(Антифолу.)

Адриана

Идем обедать.—

(К Дромио.)

Ты же стой у двери.—

Сегодня, муж, со мною пообедай
И исповедуйся в своих проделках.—
Ты, плут, здесь сторожи, а спросит кто,
Где господин,— скажи: ушел из дома,
И не впускай! — Иду, сестра, иду!

Антифол Сиракузский

Я на земле, на небе иль в аду?
Я сплю иль нет? Здоров иль ум теряю?
Известно им, а сам того не знаю!
Пока слова их буду подтверждать;
Хочу еще в тумане поблуждать.

Дромио Сиракузский

Что ж, господин мой, дверь мне сторожить?

Антифол Сиракузский

Да, берегись кого-нибудь впустить.

Люциана

Пойдемте, брат: успел обед остыть.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Перед домом Антифола Эфесского.

Входят Антифол Эфесский, Дромио Эфесский,
Анджело и Бальтазар.

Антифол Эфесский

Синьор добрейший Анджело, прошу мне
Помочь: жена не любит опозданий.
Скажите ей, что в вашей мастерской
Я задержался, глядя, как готовят
Ту цепь, что принесете ей завтра.

(Показывает на Дромио.)

Вот этот плут мне врет в лицо: я будто
Его на рынке встретил, колотил,
Снабдил зачем-то тысячею марок,
Отрекся вдруг от дома и жены...—
К чему ты врал — ну, пьяница, скажи?

Дромио Эфесский

Говорите что хотите: знаю я, что знаю;
Вы меня на рынке били, боль я ощущаю:
Будь моя спина пергамент, а пинки — чернила,
Ваша рукопись самих вас быстро б убила.

Антифол Эфесский

Убежден я, что осел ты.

Дромио Эфесский

Очень может быть:

Как осел, я терпеливо дал себя избить;
А вот если б я лягнул вас, рассержен пинками,
Вы б, узнавши пяток силу, не дрались с ослами.

Антифол Эфесский

У синьора Бальтазара невеселый вид;
Может быть, прием радушный вас развеселит.

Бальтазар

Яства дешево ценю я, но привет манит.

Антифол Эфесский

О синьор, коль мясом, рыбой не полна посуда,
То привет радушный — вряд ли лакомое блюдо.

Бальтазар

Угощение найдется и у мужиков.

Антифол Эфесский

А привет у всех: не жалко никому ведь слов.

Бальтазар

Как ни скромн стол радушный, это пир горой.

Антифол Эфесский

Если скуп хозяин дома, да и гость — скупой.
Впрочем, сам я вам ручаюсь только за привет;
Пир найдете вы обильней, но радушней — нет —
Но все заперто: кричи же, чтоб открыли вход!

Дромио Эфесский

Эй, Цецилия, Бригитта, Джен, Джильяна, Мод!

Дромио Сиракузский

(изнутри)

Дуралей, колпак, бездельник, сборище заплат!
Вон! Не то, у двери сидя, высидишь цыплят!
Что ты кличешь потаскушек без числа и счета?
Убирайся! И с одной нам тяжкая забота.

Дромио Эфесский

Олух! Господин наш ждет тут посреди дороги!

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Пусть скорей назад уходит, иль простудит ноги.

Антифол Эфесский
Кто там мешкает так долго? Живо, отворите!

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Да зачем вам это нужно, вы сперва скажите.

Антифол Эфесский
Как зачем? Хочу обедать: я еще не ел.

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Подадут обед вам завтра: нынче не поспел.

Антифол Эфесский
Кто ты? Как мепя ты смеешь в дом мой не пускать?

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Дромио, привратник здешний; вот меня как звать.

Дромио Эфесский
Негодяй! Украл ты должность, да еще и имя;
Впрочем, выгоды не много приобрел ты с ними.
Стань ты Дромио пораньше в звании моем,
Ты б сменил лицо и имя, чтобы стать ослом.

Люс
(изнутри)

Что за шум там у порога? Дромио, кто там?

Дромио Эфесский
Господин мой, Люс.

Люс
(изнутри)

Поздненько он приплелся к нам,—
Так ему и передай ты.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Право? Вот потеха!

Но как пустим в ход мы палку, будет не до смеха.

Л ю с

(изнутри)

По пословице, у палки есть другой конец.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

(изнутри)

Люс тебя зовут как будто? Девка молодец!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Что же, слышишь нас, милашка? Впустишь или нет?

Л ю с

(изнутри)

Вы уж раз меня спросили.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

(изнутри)

И был дан ответ.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Вот лихая перепалка: за привет — привет!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Отворяй сейчас, скотина!

Л ю с

(изнутри)

Было б для кого!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Бейте в дверь!

Л ю с

(изнутри)

Она не плачет; бейте, ничего!

Антифол Эфесский

Ты, милашка, будешь плакать, как ее собьем.

Люс

(изнутри)

Мы для вас колодок пару без труда найдем.

Адриана

(изнутри)

Кто стучит так нагло в двери, беспокоя нас?

Дромио Сиракузский

(изнутри)

Да, хорошие ребята в городе у вас!

Антифол Эфесский

Это ты, жена? Вели же, чтоб открыл он нам.

Адриана

(изнутри)

Что? Жена твоя, бездельник? Убирайся вон!

Дромио Эфесский

В час расплаты и «бездельник» будет вам зачтен.

Анджело

Пи привета, ни обеда; коли так — уйдем.

Бальтазар

Да, мы спорили, что лучше, и остались ни при чем.

Дромио Эфесский

(Антифолу Эфесскому)

У дверей стоят ведь гости: приглашайте в дом!

Антифол Эфесский

Встром, что ли, нам надуло чертовщину эту?

Дромио Эфесский

Хорошо, что вам случилось быть тепло одетым.
Мерзни здесь! Пирог горячий, да не нам назначен;
Как козел, начнет бодаться, кто так одурачен.

Антифол Эфесский

Принеси скорее лом мне: дверь я разобью.

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Разбивай, что разобьется; я ж — башку твою.

Дромио Эфесский

Эх, слова ведь только ветер: что же ими драться?
Замолчишь ты очень скоро, только б нам ворваться!

Дромио Сиракузский
(изнутри)

И удары будут, олух! Поспешись уйти.

Дромио Эфесский

Да ушел-то я давно уж; надо бы войти.

Дромио Сиракузский
(изнутри)

Ну, сперва без перьев птицу нужно принести.

Антифол Эфесский

Лом добудь мне у соседей, будем дверь долбить.

Дромио Эфесский

Лом? Долбить? Без перьев галку, значит, вам добыть?
Это можно! Плут, ты слышишь? Птицу мы найдем
И потом тебя ошиплем — будешь голым соколом.

Антифол Эфесский

Ступай скорей и принеси мне лом.

Бальтазар

Терпенье, сударь! Не годится это:
Вы штурмовать свою ж хотите честь;
Вы шумом навлечете подозренья
На добродетель собственной жены.
Ручаются прожитые года,
Все поведение ее и скромность
За то, что есть теперь у ней причипа
Пред вами двери дома затворить.

Она потом вам объяснит ее.
Послушайтесь меня: уйдем спокойно
И сядем в «Тигре» вместе за обед;
А вечером вернетесь вы один
Узнать, зачем вас в дом ваш не пускали.
Но, если силой вы ворветесь в дверь
Средь бела дня, когда полна вся площадь,—
Чего о вас толпа не наплетет?
И клевета, направленная дерзко
На вашу незапятнанную честь,
Проникнет всюду, даже и в могилу,—
Дурная слава держится в потомстве;
Она и вас самих переживет,—
Вселившись в дом, она уж не уйдет.

Антифол Эфесский

Вы правы: я уйду отсюда мирно
И даже постараюсь весел быть.
Я знаю здесь веселую девчонку —
Лицом красива, бойкостью мила
И умница; жена моя не раз
(Но, право, без достаточной причины)
К ней ревновала. Так теперь пойдем
Обедать с ней.

(К Анджело.)

А вы домой зайдите,
Возьмите цепь — готова уж она,
Я думаю,— и приходите с ней
В дом «Дикобраза», где сберемся мы;
Девчонка там живет. Хочу цепочку
(Моей супруге назло) подарить
Хозяйке пира. Но поторопитесь!
Когда мои мне двери закрывают,
Стучусь к другим: там, может, принимают.

Анджело

Вам обождать меня часок придется.

Антифол Эфесский

Недешево мне шутка обойдется!

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же.

Входят Люциана и Антифол Сиракузский.

Люциана

Как, Антифол, могли вы так забыть
Свой долг? Ужель назначено судьбиной
Росткам любви во дни весны загнить,
Дворцу любви так скоро пасть руиной?
Коль вас расчет толкнул на брак с сестрой,
Платите ей за деньги честно лаской;
И, если страсть теперь влечет к другой,
Таите грех; грешите, но с опаской.
Пусть не прочтет о нем у вас в глазах
Моя сестра: язык, как лжесвидетель,
Скрывать позор научится в словах;
Пусть ваш порок рядится в добродетель.
Вид чистоты учитесь сохранять,
Святым казаться даже в прегрешенье.
Зачем сестре измены ваши знать?
Какой же вор кричит о преступленье?
Двойное зло — женой пренебрегать
И ей кричать об этом каждым взглядом.
Ведь грех и славу может порождать,
Коль нет злых слов с дурным поступком рядом.
Бедняжки мы! Хоть тень любви нам дав,
Утешьте нас: ведь верим так легко мы!
Отнявши руку, дайте хоть рукав;
В орбите вашей мы, вослед влекомы.
Мой милый брат, вернитесь же туда,
Сестру утешьте, с ней побудьте вместе;
И ложь вам во спасение, когда
Окончить ссору может голос лести!

Антифол Сиракузский

Прекрасная! Как вас зовут, не знаю;
Не ведаю столкнувших нас чудес;
Вы сами чудо: прелесть неземная
Велит вас счесть посланницей небес.
О дивная! Я б счастлив был, когда бы
Помочь земному грубому уму
Решились вы; растерянный и слабый,
Я скрытый смысл слов ваших не пойму.
Зачем душе доверчивой велите

В пространствах неизвестности блуждать?
Богиня вы? Пересоздать хотите?
Покорен я, готов другим я стать!
Но все ж пока собою остаюсь я.
Та женщина в слезах — мне не жена;
Совсем не к ней, не к ней душой стремлюсь я:
Вам, а не ей над сердцем власть дана.
О, не влеки меня, морская дева,
В пучину слез, излитую сестрой:
Мани к себе всей прелестью напева
И златом кос, раскинутых волной
На ложе вод серебряных. Пленный,
Я лягу сам, чтоб сном любви уснуть;
Умру, блаженством смерти упоенный,
Когда Любовь способна потонуть.

Л ю ц и а н а

Безумны вы, что говорите так.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я ослеплен, и сам не знаю как.

Л ю ц и а н а

Так пусть порок вам не спит очей.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Я ослеплен игрой твоих лучей,
Мой дивный свет!

Л ю ц и а н а

Спешите же к жене!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Любовь моя! Во мраке слепнуть мне?

Л ю ц и а н а

В сестре моей для вас любовь и свет.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

В сестре сестры.

Л ю ц и а н а

В моей сестре.

Антифол Сиракузский

О нет!

В тебе одной, душа души моей!
Ты сердце сердца, свет моих очей,
Дороже мне, нужней богатств и хлеба,
Мой рай земной, моей надежды небо!

Люциана

Но вы должны мою сестру так звать.

Антифол Сиракузский

О, согласись сестрой своею стать!
Тебя люблю, тебе я жизнь отдам!
Свободна ты, и я свободен сам;
Отдай мне руку...

Люциана

Полно, замолчите;

Придет сестра, вы это с ней решите.

(Уходит.)

Входит Дромио Сиракузский.

Антифол Сиракузский

В чем дело, Дромио? Почему ты бежишь?

Дромио Сиракузский

Узнаете вы меня, сударь? Я — Дромио? Ваш слуга? Это — я сам?

Антифол Сиракузский

Ты Дромио, ты мой слуга, и ты — ты сам.

Дромио Сиракузский

Нет, я — осел, я — муж какой-то женщины и я — не я.

Антифол Сиракузский

Муж какой-то женщины? И как это ты — не ты?

Дромио Сиракузский

Ну, конечно, сударь, не я; я — собственность какой-то женщины; она требует меня, пристает и хочет владеть мною.

Антифол Сиракузский

Какие же она предъявляет права?

Дромио Сиракузский

Да такие самые, господин, по каким вы владеете своей лошастью. Она хочет владеть мной, как скотиной, и не потому, чтобы я был скотом, а потому, что сама на скотину похожа.

Антифол Сиракузский

Кто же она?

Дромио Сиракузский

Да просто туша таких почтенных размеров, что прямо мое почтение! Невеста, что и говорить,— жирный кусок, да только я при ней совсем отошаю.

Антифол Сиракузский

Что же это за жирный кусок?

Дромио Сиракузский

Она, сударь, кухарка и вся заплыва жиром; не знаю, на что она годится, разве только сделать из нее лампу и бежать от нее при ее собственном свете. И в лохмотьях ее столько сала, что его хватит на всю длинную польскую зиму; а если она доживет до Страшного суда, то будет гореть недель дольше, чем все остальные люди.

Антифол Сиракузский

А какова лицом?

Дромио Сиракузский

Черная, как мои башмаки, только рожа ее гораздо грязнее: она так потеет, что любой мужчина наберет полные башмаки, пройдя по такой грязи.

Антифол Сиракузский

Ну, этот недостаток можно устранить водой.

Дромио Сиракузский

Нет, сударь, это уж врожденное: тут и Ноев потоп не помог бы.

Антифол Сиракузский

А зовут ее как?

Дромио Сиракузский

Зовут Нелль; и в нее, как в бочку, можно наливать эль: три четверти не заполняют ее от бедра до бедра.

Антифол Сиракузский

Так она широка?

Дромио Сиракузский

От головы до пяток не больше, чем от бедра до бедра; поперец себя толще: совсем шар, глобус; все страны можно отыскать на ней.

Антифол Сиракузский

На какой ее части паходится Ирландия?

Дромио Сиракузский

Конечно, сударь, на задней: сразу видно по грязи.

Антифол Сиракузский

А Шотландия?

Дромио Сиракузский

Где голо и шероховато: на ладонях.

Антифол Сиракузский

А Франция?

Дромио Сиракузский

На лбу, вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос.

Антифол Сиракузский

А Англия?

Дромио Сиракузский

Искал я меловых утесов, да не нашел ничего белого; полагаю, однако, что Англия находится на подбородке, судя по солевой влаге, протекающей между ним и Францией.

Антифол Сиракузский

А Испания?

Дромио Сиракузский

Этого я, право, не знаю, но она чувствуется в ее горячем дыхании.

Антифол Сиракузский

А Америка и обе Индии?

Дромио Сиракузский

О, сударь, на ее носу: он весь усыпан рубинами, карбункулами, сапфирами; все эти богатства рассыпались перед горячим дыханием Испании, высылающей целые армады галер нагружаться под ее носом.

Антифол Сиракузский

А где находятся Бельгия и Нидерландские низменности?

Дромио Сиракузский

Сударь, так низко я не стал смотреть. И вот эта грязнуха, эта ведьма предъявила свои права на меня! Она называла меня Дромио; клялась, что обручен с ней, описала мои приметы: пятно на плече, родинку на шее, большую бородавку на левой руке... Я в страхе бежал от нее, как от колдуньи.

Не будь твердыней веры грудь из стали закаленной,
Крутил бы вертел ведьме я, в собаку превращенный.

Антифол Сиракузский

Беги сейчас, взгляни, откуда дует
Сегодня ветер. Если с берегов,
То не хочу здесь оставаться на ночь.
Найди корабль, к отплытию готовый,
И приходи: я буду ждать на рынке.
Все знают нас, а нам никто не ведом;
Пора бежать; все приготовь — и едем.

Дромио Сиракузский

Да, господин! Как от медведя, я бы
Удрать был рад от этой скверной бабы!

(Уходит.)

Антифол Сиракузский

И подлинно здесь колдуны живут;
Пора, давно пора бежать отсюда!
Та, что зовет меня супругом, мне
Не по душе; зато ее сестра
Так привлекательна, кротка, мила,
Так обольстительна лицом и речью,
Что я себе почти что изменил.
Но, чтоб избежать гибели и плена,
Заткну я уши — пусть поет сирена!

Входит Анджело.

Анджело

Вот Антифол!

Антифол Сиракузский

Да, так меня зовут.

А н д ж е л о

Я знаю, сударь; вот и ваша цепь.
Мне вас застать хотелось в «Дикобразе»,
Но ждать пришлось, чтоб кончили ее.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Чего ж хотите вы? Что с ней мне делать?

А н д ж е л о

Что вам угодно: ваша ведь она.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Она — моя? Я вам давал заказ?

А н д ж е л о

Не раз, не два, а двадцать раз велели
Ее принести. Идите же домой
Обрадовать жену; а за деньгами
К вам на дом сам я вечером зайду.

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Берите деньги сразу: ведь остаться
Вы можете без цепи и без них.

А н д ж е л о

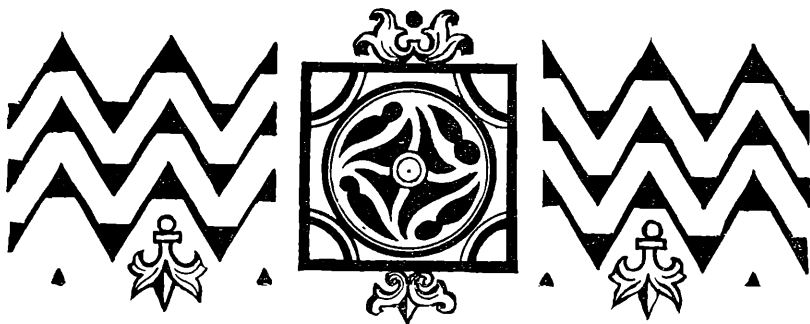
О сударь, вы шутник! До скорой встречи.
(Уходит.)

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Что думать мне? Что значат эти речи?
Но, право, глупо было бы не брать
Того, что вам хотят любезно дать.
Ну, город! В нем могли бы жить без трат:
Здесь золото на улицах дарят.
А все ж пойду... Что Дромио нейдет?
Коль есть корабль, пусть тотчас нас везет.

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Площадь.

Входит второй купец, Анджело и пристав.

Второй купец

Вы знаете, что с Троицы должны мне,
И я не слишком беспокоил вас;
Не стал бы и теперь теснить, но еду
Я в Персию, и деньги нужны мне.
А потому со мною расплатитесь,
Иль в руки власти вас я передам.

Анджело

Как раз ту сумму, что я должен вам,
Мне Антифол обязан уплатить.
Сейчас, пред тем, как встретились мы с вами,
Я цепь ему вручил, а в шесть часов
Я должен получить с него и деньги.
Угодно вам пройти со мной к нему?
Я долг верну признательно и честно.

Из дома куртизанки выходят Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

Пристав

Не надо и ходить: вот он и сам.

Антифол Эфесский
(к Дромио)

Схожу я к ювелиру, ты ж купи
Конец веревки мне; хочу жену
И слуг ее попотчевать подарком
За то, что двери заперли мои.—
А, ювелир пришел!..— Ты все ж поди
И жди меня с веревкой у ворот.

Дромио Эфесский
Куплю с такой охотою, как если б
Две тысячи дохода покупал!
(Уходит.)

Антифол Эфесский
Как можно вам довериться — я вижу!
Я обещал, что цепь она получит,—
И до сих пор ни вас нет, ни подарка!
Иль вы боялись цепью спутать нас
Уж слишком крепко? Что за осторожность!

Анджело
Все шутки! Перейдем, однако, к делу.
Вот счет; в каратах здесь указан вес,
И проба цепи, и цена работы;
На два иль три дуката выше сумма
Той, что я должен этому купцу.
Я вас прошу отдать мой долг ему
Теперь же; он совсем готов в дорогу
И ждет лишь денег, чтоб пуститься в путь.

Антифол Эфесский
Сейчас при мне такой нет суммы. Сам я
Спешу по делу в город; так пройти
Вы потрудитесь вместе с господином
В мой дом и захватите эту цепь.
Жена сейчас вам за нее заплатит;
А может быть, вернусь уже и я.

Анджело
Супруге цепь вы сами отдадите?

Антифол Эфесский
Снесите вы: я запоздать могу.

А н д ж е л о

Охотно, сударь: ведь она при вас?

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Как так — при мне? При вас она должна быть.
За что ж иначе деньги вам платить?

А н д ж е л о

Ну, полно, сударь! Дайте же мне цепь.
Теперь прилив, попутный ветер: время
Как раз отплыть; я задержал его.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Вы не хотите ль этой странной шуткой
Предупредить заслуженный упрек
За то, что не явились к «Дикобразу»?
Затеяв спор, по-бабьи скрыть вину?

В т о р о й к у п е ц

Кончайте же; теряю время я.

А н д ж е л о

Вы слышите, торопит он; так цепь...

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Отдав жене, свои возьмите деньги.

А н д ж е л о

Ну, будет! Вы ее недавно взяли...
Давайте цепь иль ваш приказ жене.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Фу! В шутке вы уж перешли границы.
Где эта цепь? Показывайте! Ну!

В т о р о й к у п е ц

Мои дела не терпят проволоочки.
Ответьте же мне, сударь: да иль нет?
Коль нет, я взять его велю под стражу.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Ответить? Вам? О чем вам дать ответ?

А н д ж е л о

О тех деньгах, что мне за цепь должны вы.

Антифол Эфесский

Я буду должен, получив ее.

Анджело

Я дал вам цепь лишь полчаса назад!

Антифол Эфесский

Вы не давали! Это уж обида.

Анджело

Обидно то, что говорите вы,
И подрывает мой кредит торговый.

Второй купец

Ну, пристав, арестуйте же его.

Пристав

Сейчас.— Во имя герцога, за мною!

Анджело

Ведь репутацию теряю я!
Платите деньги, или передам,
Иск предъявив, и я вас в руки власти.

Антифол Эфесский

Платить за то, чего не получал?
Что ж, арестуйте, коль сошли с ума.

Анджело

Возьмите плату, пристав: арестуйте.—
Родному брату не простил бы я,
Когда б он стал так нагло издеваться!

Пристав

Вы слышали? Я арестую вас.

Антифол Эфесский

Покуда вам залога не представлю,
Закону должен я повиноваться.
Но эта шутка обойдется вам
Дороже золота всей вашей лавки.

Анджело

О сударь! Что в Эфесе есть законы,
Вы убедитесь, к вашему стыду.

Входит Дромио Сиракузский.

Дромио Сиракузский

Есть, сударь, есть корабль из Эпидамна;
Совсем готов и ожидает только
Хозяина, чтоб паруса поднять.
Я, сударь, уж отнес пожитки наши
На борт; купил бальзама, масла, водки.
Корабль готов, попутный ветер дует
От берегов; хозяина и вас
Ждут моряки, чтобы пуститься в море.

Антифол Эфесский

Оно и видно, что купил ты водки!
Какой корабль? Зачем он ждет меня?

Дромио Сиракузский

Да вы меня искать корабль послали.

Антифол Эфесский

Я за веревкой посылал тебя,
Ты, пьяница! Зачем она — ты знаешь.

Дромио Сиракузский

Для петли? Нам не время в петлю лезть.
Найти корабль меня вы посылали.

Антифол Эфесский

С тобой я потолкую на свободе
И дам урок внимания ушам.
Беги, бездельник, прямо к Адриане,
Дай этот ключ, скажи, что в сундуке
Том, что покрыт ковром турецким, спрятан
С дукатами мешок; так пусть пришлет.
Скажи, что я внезапно арестован
И должен дать залог. Ну, раб, беги! —
А мы пока к тюрьме пойдемте, пристав.

Второй купец, Анджело, пристав и Антифол
Эфесский уходят.

Дромио Сиракузский

Какая Адриана? Ах, в том доме,
Где был обед и лезла в жены мне
Грязнуха, трехобхватная кухарка!

Я не пошел бы волею туда,
Да ведь не мы решаем — господа.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Дом Антифола Эфесского.

Входят Адриана и Люциана.

Адриана

Так соблазнял тебя он, Люциана?
Но что могла заметить ты в глазах:
Серьезность ли иль признаки обмана?
Румянец был иль бледность на щеках?
Как отражали лик его и взоры
Души волнение, сердца метеоры?

Люциана

Он отрицал твои права над ним.

Адриана

Из них он не считался ни с одним.

Люциана

Поклялся, что он чужестранец, путник.

Адриана

Да, так; он не во всем клятвопреступник.

Люциана

Тебя любить просила я.

Адриана

Что ж? Нет?

Люциана

Моей любви просить он стал в ответ!

Адриана

Но как?

Люциана

Звучала пылкой страстью речь,
И, будь честна, могла б она увлечь:
Хвалил красу, мой разум, речь мою...

А д р и а н а

Уж ты старалась!

Л ю ц и а н а

Потерпи, молю!

А д р и а н а

Я не могу, я не хочу; нет боле
Сдержаться сил; хоть языку дам волю.
Ах он урод горбатый и кривой,
С противной рожей, старый и худой,
Порочный, грубый, глупый, неспособный.
С дурною славой и душою злобной!

Л ю ц и а н а

Но как такого можно ревновать?
С его уходом нечего терять.

А д р и а н а

Ах! Для меня он будет мил всегда,
Но станет пусть дурным в чужих глазах:
Так птички крик отводит от гнезда;
Его люблю, хоть брань в моих устах.

Входит Дромио Сиракузский.

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Скорей сундук... мешок... он ключ вам дал...

Л ю ц и а н а

Да отдышись!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я весь в поту... бежал...

А д р и а н а

Где господин твой, Дромио? Что надо?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Попал он в Тартар... это хуже ада!
Был сдан дьяволом в прочнейшей куртке,
Чье злое сердце оковала сталь.
Проклятый дьявол! Жалости в нем нет;
Он лют, как волк, и буйволом одет,—
Тот приятель, чьи приветы и объятья жестки,

Кто на улице хватает, ждет на перекрестке;
Как собака, забегает он туда, сюда
И несчастных в ад таскает раньше дня суда.—

А д р и а н а

Да говори, в чем дело?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я не знаю, в чем там дело; господин в тюрьме!

А д р и а н а

Неужели арестован? Кем предъявлен иск?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Кем предъявлен иск, не знаю, не видал я сам,
Но у буйвола он нынче, я сказал уж вам.
Выкуп вы ему пошлете? Деньги в сундуке.

А д р и а н а

Достань, сестра.

Л ю ц и а н а уходит.

Понять я не могу,
Как, у кого он может быть в долгу.
Он связан обязательством прямым?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Не связан, а скорей окован он
Какой-то цепью... Слышите вы звон?

А д р и а н а

Звон цепи?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Да нет, часов! Скорей, прошу я вас:
Я шел, так было два; а вот уж бьет и час.

А д р и а н а

Часы бегут назад? О, что ты говоришь!

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

От пристава назад невольно побежишь!

А д р и а н а

Но время не должник: зачем ему бежать?

Дромио Сиракузский

Оно банкрот: не может долга мгновению отдать.
Оно и вор к тому же: случалось вам слышать,
Как говорят, что время подкралось, словно тать?
Если так и если пристав попадет на пути,
Как же тут не постараться хоть на час назад уйти?

Входит Люциана.

Адриана

Вот деньги, Дромио: беги, спеши
И приведи скорей его обратно.—
Пойдем, сестра. В смятении души
О нем мне думать больно и приятно.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же.

Входит Антифол Сиракузский.

Антифол Сиракузский

Кого ни встречу — все со мной знакомы,
Приветствуют, как давние друзья,
И правильно по имени зовут;
Готовы денег дать и приглашают
К себе, за что-то вдруг благодаря.
Один мне предложил набрать товару,
А вот сейчас портной меня зазвал,
Чтоб показать атлас, что им был куплен
На платье мне, и кстати мерку снять.
Заехал я в страну воображенья?
Иль город здесь лапландских колдунов?

Входит Дромио Сиракузский.

Дромио Сиракузский

Вот вам, сударь, деньги, которые вы велели принести. А где же образ древнего Адама, вырядившегося по-новому?

Антифол Сиракузский

Какие деньги? И какой такой Адам?

Дромио Сиракузский

Не тот Адам, что когда-то стерег рай, а тот, что ныне сторожит тюрьму, одетый в кожу жирного тельца, заколотого для блудного сына; тот, что шел за вами, как злой дух, и хотел отнять у вас свободу.

Антифол Сиракузский

Я не понимаю тебя.

Дромио Сиракузский

Нет? Да ведь это так ясно. Ну, тот контрабас в кожаном футляре; тот, что сажает в свой карман усталых путников, чтобы они отдохнули; жалеет разорившихся людей и доставляет им даровые квартиры, а сам свой досуг употребляет на то, чтобы дубинкой творить более великие чудеса, чем мавр своим копьём?..

Антифол Сиракузский

Как! Ты говоришь о приставе?

Дромио Сиракузский

Ну да, о начальнике стражи, чей долг — тянуть к ответу тех, кто не платит долгов; о том, кто заключил, что всем людям хочется спать, и потому готов дать любому постель в местах заключения.

Антифол Сиракузский

Ну, ладно, заключи этим свою болтовню. Уходит какой-нибудь корабль ночью? Можем мы уехать?

Дромио Сиракузский

Как же, сударь! Час назад я докладывал вам, что судно «Поспешность» отплывает ночью; но вас задержал пристав на пароме «Отсрочка», и вот в мешке ангелочки, посланные освободить вас.

Антифол Сиракузский

Ну, малый с толку сбился, как и я!
Мы оба здесь во власти заблуждений.
Спасите нас, святые силы неба!

Входит куртизанка.

Куртизанка

Как рада, Антифол, я встретить вас.
Вы отыскиали, вижу, ювелира:
Ведь вот та цепь, что обещали мне?

Антифол Сиракузский
Не искушай! Отыди, сатана!

Дромио Сиракузский
Сударь, неужели это госпожа Сатана?

Антифол Сиракузский
Это сам господин черт.

Дромио Сиракузский

Нет, хуже; это чертова бабушка, явившаяся сюда в образе женщины легкого поведения. От этого и происходит, что когда женщина говорит: «Прокляни меня, господи!», то это все равно как если бы она сказала: «Сделай из меня, господи, женщину легкого поведения!» Ведь в писании сказано, что дьяволы являлись людям в образе легких и светлых ангелов; свет происходил от огня, а огонь жжет; следовательно, потаскушка также может обжечь: не подходите к ней!

Куртизанка

Шутник вы, сударь, как и ваш слуга.
Пойдем ко мне? Дополним наш обед?

Дромио Сиракузский

Господин мой, если будет жидкое кушанье, так приготовьте длинную ложку.

Антифол Сиракузский

Почему, Дромио?

Дромио Сиракузский

Да потому, что кто ест с дьяволом, у того должна быть длинная ложка.

Антифол Сиракузский

Отыди, бес! Какой с тобою ужин?
Ты чародейка, как и все твои.
Аминь, аминь, рассыпья, уходи!

Куртизанка

Верните перстень, взятый за обедом,
Иль дайте цепь, обещанную мне,—
Тогда уйду и вас смущать не буду.

Дромио Сиракузский

Другим чертям обрезок ногтя нужен,
Булавка, капля крови, волосок,

Орешек, косточка от вишни; этой —
Дай дорогую цепь!
Побойтесь, господин мой! Не давайте,
А то нас дьявол в цепи закует!

Куртизанка

Прошу, отдайте мне кольцо иль цепь;
Надеюсь, обмануть вы постыдитесь.

Антифол Сиракузский
Исчезни, ведьма! — Дромио, идем!

Дромио Сиракузский
«Не чваньтесь, дама», — говорил павлин.

Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский уходят.

Куртизанка

Ну, Антифол с ума совсем сошел,
Иначе б так себя он не унизил.
Он взял кольцо, ценой дукатов в сорок,
И обещал дорожке цепь взамен;
Теперь же дать не хочет ничего.
Чем объяснить, как не безумьем явным,
И это, и его внезапный гнев,
И за обедом тот рассказ безумный,
Что дома дверь замкнули перед ним?
Жена болезнь его, конечно, знает,
А потому и не пустила в дом.
Мне надо к ней отправиться сейчас же
И рассказать, что, вдруг сойдя с ума,
Ко мне ворвался он и силой взял
Мое кольцо; да, надо так сказать.
Дукатов сорок! Их нельзя терять.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Антифол Эфесский и пристав.

Антифол Эфесский
Не бойся за меня: не убегу;
Уйду тогда, когда внесу сполна

Тебе всю сумму должного залога.
Моя жена расстроена сегодня
И не поверит так легко слуге,
Что мог быть арестован я в Эфесе.
Да это, правда, трудно и понять.

Входит Дромио Эфесский с веревкой.

Вот мой слуга; принес, должно быть, деньги.—
Ну, как дела? Что я велел, принес?

Дромио Эфесский

А вот; уж этого на всех вам хватит.

Антифол Эфесский

А деньги где?

Дромио Эфесский

Я, сударь, их истратил на канат.

Антифол Эфесский

Пятьсот дукатов — на канат, бездельник?

Дромио Эфесский

Что? О, за столько я пятьсот куплю.

Антифол Эфесский

Да на какой конец ты послан мной?

Дромио Эфесский

Купить конец веревки; вот он, нате.

Антифол Эфесский

На, получи, вот этим же концом.

(Бьет его.)

Пристав

О, сударь, будьте терпеливей!

Дромио Эфесский

Терпенья надо пожелать мне: ведь невзгоду терплю я.

Пристав

Ну, ты, сдержи язык.

Дромио Эфесский

Если он сдержит свои руки.

Антифол Эфесский

Сын потаскухи, бесчувственный негодай!

Дромио Эфесский

Я хотел бы быть бесчувственным, чтоб не чувствовать ваших ударов.

Антифол Эфесский

Ты только удары и чувствуешь, как осел.

Дромио Эфесский

Я и в самом деле осел; можете убедиться в этом по моим длинным ушам.— Я служу ему с того часа, как родился, и до сих пор ничего не получил за службу из его рук, кроме побоев. Если мне холодно, он согревает меня ударами; если жарко, прохлаждает ими; меня будят пинками, если я заснул; поднимают ими, если сижу, провожают ими, когда уйду из дому, и встречают, когда возвращаюсь. Я постоянно ношу их на спине, как нищая — своего ребенка; и, когда он исколечит меня, я так и буду с ними ходить за милостыней из дома в дом.

Антифол Эфесский

Идем, идем: вот и моя жена.

Входят Адриана, Люциана, куртизанка и Пинч.

Дромио Эфесский

Сударыня! Как говорится, *respite finem* — помните о конце, а еще лучше пророчество попугая: «Берегись конца веревки!»

Антифол Эфесский

Да замолчишь ли ты?

(*Вьет его.*)

Куртизанка

Вот видите? Иль не безумен он?

Адриана

Да, эта грубость выдает его.—

Мой добрый доктор Пинч, вы заклинатель:

Верните же бедняге здравый смысл.

Я заплачу вам, сколько захотите.

Люциана

Как взор его пронзителен и горд!

К у р т и з а н к а

Заметьте же, как он дрожит в припадке.

П и н ч

Позвольте руку мне — пощупать пульс.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Пощупайте и выслушайте ухом!

(Бьет его.)

П и н ч

Прочь, сатана, вселившийся в него!
Беги, сокройся пред святой молитвой
И в царство тьмы вернись прямым путем!
Тебя святыми неба заклинаю!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Пошел, колдун! Я вовсе не безумен.

А д р и а н а

О, если б так, смятенная душа!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

У вас, милашка, завелся приятель?
Не этот ли, с шафранной рожей, друг
Вас утешал сегодня за обедом?
Вы потому велели запереть
И заградить хозяину все двери?

А д р и а н а

Клянусь я богом, ты обедал дома;
И, если б там остался до сих пор,
Ты избежал бы этого позора!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

«Обедал дома!» Дромио, что скажешь?

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Скажу по чести: не было того.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

И дверь они держали на замке?

Дромио Эфесский

Perdieu ¹, клянусь, ее держали на замке.

Антифол Эфесский

Жена меня ругала через двери?

Дромио Эфесский

Sans fable ², сама ругалась через двери.

Антифол Эфесский

И судомойка-девка — вместе с нею?

Дромио Эфесский

Certes ³, и судомойка — вместе с нею.

Антифол Эфесский

И в бешенстве я должен был уйти?

Дромио Эфесский

Да, в бешенстве; мои то знают кости:
Им ощутить пришлось ваш ярый гнев.

Адриана

Полезно ль так больному потакать?

Пинч

Худого нет: нащупал малый пунктик —
И усмирит, поддакивая, гнев.

Антифол Эфесский

Арестовать меня ты подучила.

Адриана

Напротив! Тотчас деньги на залог
Послала с Дромио, чуть прибежал он.

Дромио Эфесский

Со мною? Деньги? Может быть, хотели
То сделать вы, но я их не видал.

¹ Ей-богу. (Франц.)

² Без лжи. (Франц.)

³ Безусловно. (Франц.)

Антифол Эфесский

Ты к ней ходил, чтоб взять мешок дукатов?

Адриана

Он прибежал, и я их отдала.

Люциана

Да, отдала; свидетель я тому.

Дромио Эфесский

А мой свидетель — бог и тот канатчик,
К которому послали вы меня!

Пинч

Сударыня, они безумны оба —
Слуга и господин; теперь я вижу:
Связать их нужно и держать в потемках.

Антифол Эфесский

Скажи, зачем ты не впускала в дом? —
Зачем ты врешь, что не видал червонцев?

Адриана

Я, милый муж, дверей не запирала.

Дромио Эфесский

Я, господин мой, их не получал;
А двери, точно, заперли пред нами.

Адриана

Лгун! Негодай! Ты лжешь теперь вдвойне.

Антифол Эфесский

Сама ты лжешь, распутница, во всем.
Ты сговорила с этой шайкой сделать
Меня предметом общего презренья.
Но не увидишь ты мой стыд и срам:
Я лживые глаза погтями вырву!

Адриана

Связать его! Ко мне не подпускайте!

Входят несколько слуг и вяжут Антифолу Эфесского.

Пинч

Сюда! На помощь! Как в нем бес силен!

Люциана

О бедный! Как он бледен, как глядит!

Антифол Эфесский

Убить меня хотите? — Эй, тюремщик!
Ведь я твой пленник: как же терпишь ты,
Чтоб увели меня?

Пристав

Оставьте!

Под стражей он; его я не отдам.

Пинч

(показывая на Дромио Эфесского)

Вяжите и его: и он — безумный.

Слуги связывают Дромио.

Адриана

Ты допускаешь это, глупый пристав?
Иль любо видеть, как больной, несчастный
Наносит вред себе же самому?

Пристав

Он арестован; если отпущу,
То долг его потребуют с меня.

Адриана

Сейчас сниму обязанность твою;
Веди меня немедля к кредитору,
И этот долг сама я уплачу.—
А вы, почтенный доктор, позаботьтесь
Их увести.— О злой, несчастный день!

Антифол Эфесский

О злая потаскуха!

Дромио Эфесский

Меня связали тоже из-за вас.

Антифол Эфесский

Пошел ты прочь! Не зли меня, бездельник!

Дромио Эфесский

Себя связать и сделать сумасшедшим
Дадите вы? Я черта б призывал!

Люциана

Спаси их бог! Как дики все их речи!

Адриана

Ведите их! — Пойдем со мной, сестра.

Пипч и слуги уходя, уводя Антифола Эфесского
и Дромио Эфесского.

Ну, говори, кто требовал ареста?

Пристав

Анджело, ювелир, известен вам?

Адриана

Да, знаю. А какая сумма долга?

Пристав

Он о двухстах дукатах говорил.

Адриана

А долг за что?

Пристав

За цепь, что взял ваш муж.

Адриана

Он заказал, но я не получала.

Куртизанка

После того как ваш супруг ворвался
Ко мне сегодня днем и взял кольцо,—
Оно сверкает у него на пальце,—
Я встретила на улице его:
Он шел один, и цепь была на шее.

Адриана

Все ж я сама не видела ее.
Веди меня, тюремщик, к ювелиру;
Хочу узнать я истину вполне.

Входят Антифол Сиракузский с обнаженным мечом и Дромио
Сиракузский.

Люциана

О боже мой! Они опять на воле!

Адриана

Он вынул меч! Скорей людей зови,
Чтоб их связать!

Пристав

Бежим, а то убьет!

Пристав, Адриана и Люциана уходят.

Антифол Сиракузский

О, ведьмы испугались лезвия!

Дромио Сиракузский

Зввалась женой, а как бежать пустилась!

Антифол Сиракузский

Иди к «Кентавру», вещи собери.

Скорей бы нам убраться по-здорову!

Дромио Сиракузский

Право, если бы мы остались на ночь, они не причинили бы нам вреда. Вы сами видели: разговаривают они с нами любезно, дают деньги. Народ, кажется, добрый. Если бы не эта гора взбесившегося мяса, что хочет получить меня в мужья, я бы не прочь остаться здесь и сам обратиться в колдуна.

Антифол Сиракузский

Я не хочу, хоть дай мне весь их город.

Иди, собирай скорей пожитки наши.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Улица перед аббатством.

Входят второй купец и Анджело.

А н д ж е л о

Мне, сударь, жаль, что задержал я вас,
Но, уверяю, цепь он получил,
Хоть отрицает нагло и бесчестно.

В т о р о й к у п е ц

И уваженьем пользуется он
У вас в Эфесе?

А н д ж е л о

Лучшей славой, сударь,
Доверьем безграничным и любовью,
Каких никто из граждан не имел.
Я сам ему всегда на слово верил.

В т о р о й к у п е ц

Не говорите громко: вот и он.

Входят Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский.

А н д ж е л о

Да, он; и даже цепь висит на шее —
Та самая, что будто он не брал.

Пойдемте, сударь, я скажу ему.—
Я очень удивлен, синьор, что вы
Мне причинить и стыд и затрудненья
Решились вдруг, себе же на позор,
Поклявшись, что не получали цепи,
Какой теперь украсили себя.
Меня вы чуть не ввергнули в тюрьму
И друга моего ввели в убыток.
Не подними вы этот спор и ссору.
Сегодня он взошел бы на корабль.
Что ж, эту цепь не от меня вы взяли?

Антифол Сиракузский
От вас; когда ж я это отрицал?

Второй купец
Вы отрицали, даже с клятвой ложной.

Антифол Сиракузский
Кто слышать мог, что лживо клялся я?

Второй купец
Я слышал, я, вот этими ушами.
Мошенник ты! Тебе не место быть
Среди людей порядочных и честных!

Антифол Сиракузский
Лишь негодяй мне это мог сказать!
Но честь свою и честность докажу я
Мечом, коль в бой посмеешь ты вступить.

Второй купец
Посмею? Сам тебя я вызываю!

Они обнажают мечи.
Входят Адриана, Люциана, куртизанка и другие.

Адриана
Постойте, ради бога! Он безумен!
Бросайтесь разом, отнимите меч;
И господина и слугу свяжите!

Дромио Сиракузский
Бежимте, сударь! Я аббатство вижу:
Скорей туда, иль мы пропали оба!

Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский уходят
в аббатство.

Входит аббатиса.

Аббатиса

Покой и мир! Зачем вы здесь толпитесь?

Адриана

Мой бедный муж безумный скрылся здесь.
Впустите нас; его мы крепко свяжем
И уведем, чтоб дома полечить.

Анджело

Я сам подумал: не в своем уме он.

Второй купец

Мне жаль, что на него я так напал.

Аббатиса

Давно ли им безумье овладело?

Адриана

Уже с неделю он угрюм и скучен
И на себя был вовсе не похож;
Но лишь сегодня в полдень овладел им
Безумия припадок в первый раз.

Аббатиса

Не разорен он кораблекрушеньем?
Не схоронил ли друга? Может быть,
Он увлечен любовью недостойной?
Ведь этот грех так свойствен молодежи,
Лишь стоит волю дать своим глазам,—
Какой из этих бед он поражен?

Адриана

Из всех из них, быть может, лишь последней:
Его все что-то из дому влекло.

Аббатиса

И вы его за это упрекали?

Адриана

Да, упрекала.

Аббатиса

Как? Сурово? Резко?

А д р и а н а

Насколько скромность позволяла мне.

А б б а т и с а

Наедине?

А д р и а н а

Случалось, и на людях.

А б б а т и с а

Наверно, слишком мало!

А д р и а н а

Ему об этом только и твердила:
Ночами даже не давала спать,
И за обедом часто упрекала,—
В гостях на это намекала вечно,—
Всегда к тому сводила разговор.
Нет-нет, греху не потакала я.

А б б а т и с а

Вот почему твой муж сошел с ума.
Вредней, чем псов взбесившихся укусы,
Ревнивых жен немолкнувший упрек!
Ты сон его своей смущала бранью,—
Вот почему стал слаб он головой;
Ему упреком пишу приправляла,—
Ее не мог усвоить он, волнуясь:
Вот почему жар лихорадки в нем!
Огонь в крови и есть огонь безумья.
Ты говоришь, его лишила ты
Утех и отдыха; то порождало
В нем меланхолию, она ж — сестра
Отчаянья угрюмого и злого;
И вслед за ней идет болезней рать...
Что может быть вредней ее для жизни?
Нет развлечений, и обед и сон,
Что жизнь хранят, упреками смущен.
Взбесился б скот! Так мужа ты сама
Свела своей ревнивостью с ума.

Л ю ц и а н а

Она всегда так мягко упрекала,
А муж был груб; не он — она страдала.—
Зачем, сестра, не возразишь ты ей?

А д р и а н а

Во мне самой та речь смутила совесть.—
Ну, люди добрые, пойдем за ним.

А б б а т и с а

Нет! Пусть никто в обитель не вступает.

А д р и а н а

Так ваши слуги приведут его?

А б б а т и с а

О нет! Ваш муж избрал приют священный:
Он защитит его от ваших рук.
Его не выдам я; быть может, разум
Ему еще сумею возвратить.

А д р и а н а

Но я сама, сама хочу быть с мужем:
Его беречь, смотреть за ним — мой долг;
Мне в этом заместителей не нужно!
Пустите, я возьму его сейчас!

А б б а т и с а

Потише! Я не дам его тревожить,
Пока не испытаю лучших средств —
Лекарств, молитв; ему, возможно, снова
Я образ человека возвращу.
То — исполнение моего обета,
То — орденом предписанный мне долг.
Идите же, у нас оставив мужа.

А д р и а н а

Я не уйду, его я не покину!
Едва ли вашей святости прилично
Желать жену и мужа разлучить.

А б б а т и с а

Иди, смирись; я не отдам его.

(Уходит.)

Л ю ц и а н а

Проси у герцога себе защиты.

А д р и а н а

Да-да, идем. К его ногам я брошусь
И буду плакать и молить, пока
Не согласится сам сюда прийти он
И не прикажет возвратить мне мужа.

В т о р о й к у п е ц

Уж циферблат показывает пять.
Должно быть, герцог сам пройдет сейчас
Здесь мимо нас к обители печали,
К долине смерти, где вершится казнь;
Ведь это здесь, как раз за рвом аббатства.

А н д ж е л о

А для чего сюда прибудет герцог?

В т о р о й к у п е ц

Присутствовать при казни старика,
Купца из Сиракуз: он прибыл в гавань
И тем нарушил строгий наш закон,
За что и будет скоро обезглавлен.

А н д ж е л о

Они идут; мы будем видеть казнь.

Л ю ц и а н а

Стань на колени на его пути.

Входят герцог со свитой, Эгеон с обнаженной головой, палач
и полицейские.

Г е р ц о г

Еще раз объявите: если деньги
Хоть кто-нибудь внесет за старика,
Он не умрет; он милости достоин.

А д р и а н а

Прошу защиты, благородный герцог,
От аббатисы!

Г е р ц о г

Но она особа
Почтенная и добрая: никак
Она тебя обидеть не могла.

А д р и а н а

Ах, ваша светлость! Муж мой Антифол —
Кому себя и все свое вручила
Я по приказу вашему — сегодня
Охвачен был безумья силой злой.
На улицу он выбежал из дома
С одним слугой, безумным, как и он,
И, устрашая мирных граждан, начал
Врываться в их дома и уносить
Алмазы, кольца, все, что привлекало
Безумный взор. Едва нам удалось
Его, связав, домой отправить, тотчас
Пошла я, чтоб убытки возместить
Всем пострадавшим. В это время он,
Не знаю как, вновь вырвался на волю,
И с ним — слуга; тут, обнажив мечи,
Пылая гневом, в ярости безумной
Они, нас встретив, бросились вперед,
Чтоб заколоть; сбежались, к счастью, люди
И вновь связали б их, но удалось
Обоим скрыться в этом вот аббатстве;
И аббатиса запереть ворота
Велела слугам, вход нам воспретив
И отказавши в выдаче безумных.
О, разреши мне, милостивый герцог,
Несчастных взять и оказать им помощь!

Г е р ц о г

Твой муж служил мне прежде на войне;
В тот день, как ты с ним ложе разделила,
Тебе я сам дал княжеское слово
Его взыскать всей милостью моей.—
Эй, кто-нибудь! В ворота постучите;
Просите аббатису выйти к нам.
Я не уйду, не разрешив их спора.

Входит слуга.

С л у г а

Сударыня, спасайтесь поскорей!
Мой господин и раб его на воле;
Избив служанок, доктора они
Связали, стали бороду палить,
И каждый раз, как вспыхивал огонь,
Они его помоями тушили.

Мой господин его терпенью учит,
Слуга ж стрижет макушку, как безумцу;
И если вы на помощь не придете,
То заклинателя они, наверно,
Убьют!

А д р и а н а

Что врешь, дурак? Они — здесь оба.
Все это ложь, что ты сейчас сказал.

С л у г а

Нет, господа, я правду говорю.
Я не вздохнул с тех пор, как видел их.
Они грозят добратся и до вас,
Вам опалить лицо, обезобразить.

Крики за сценой.

Чу! Слышно их! Бегите же скорей!

Г е р ц о г

Стань близ меня, не бойся.—

(Страже.)

Обнажите

Свои мечи!

А д р и а н а

О горе! Это муж мой!

Он носится каким-то невидимкой.
Ведь только что вбежал в аббатство он,
И вот — уж здесь! Непостижимо это!

Входят Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Молю о правосудье, добрый герцог!
Хотя б за то, что я тебе служил,
Что я собой прикрыл тебя в сраженье,
Спас жизнь твою ценою ран своих,—
Ту вспомни кровь и окажи защиту!

Э г е о н

Когда страх смерти не темнит мне взора,
То Дромио и сын мой Антифол!

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Спаси меня от женщины, мой герцог,
Которую ты сам дал в жены мне!

Она меня унизила, покрыва
Бесчестьем злым, позором без границ!
И рассказать нельзя все зло, что ныне
Она бесстыдно причинила мне!

Герцог

Открой мне все; я буду справедлив.

Антифол Эфесский

Меня сегодня не впустила в дом,
Пируя в нем с любовником развратным.

Герцог

Тяжелый грех!

(Адриане.)

Скажи мне: так все было?

Адриана

Нет, государь: сестра, и я, и он
Обедали все вместе: да погибнет
Моя душа, коль не клеветает он!

Люциана

Да не увижу больше дня и ночью
Не знаю сна, коль солгала она!

Анджело

Бесстыдные! Клялись вы обе ложно;
Безумец правду чистую сказал.

Антифол Эфесский

Мой государь, я говорю, что знаю.
Мой ум не отуманило вино;
Не омрачен он яростью безумной,
Хоть здесь свели б с ума и мудреца.
Та женщина мне точно дверь замкнула;
Вот ювелир,— коль он не в стачке с ней,
То подтвердит: он был тогда со мною.
Ушли мы вместе; он зашел за цепью,
Чтоб к «Дикобразу» мне ее принести,
Где я обедал вместе с Бальтазаром.
Но не принес. Я, кончивши обед,
Пошел искать его и скоро встретил.
Он был вдвоем вот с этим господином

И начал вдруг бесчестно уверять,
Что эту цепь уж мне сегодня отдал,
Хоть, видит бог, ее не видел я.
Он приставу отдал меня под стражу.
Я подчинился и послал раба
За кошельком домой; он не принес,
Но пристава я сам уговорил
Пройти со мною к дому; по дороге
Мы встретили жену
С ее сестрой и целою толпою
Сообщников презренных; был среди них
И некий Пинч, с голодной мордой
И на скелет похожий шарлатан,
Паяц оборванный, гадалец голый,
С глазами впалыми, живой мертвец.
И этот гнусный раб был ею нанят
Как заклинатель, чтоб сгубить меня.
Смотря в глаза и щупая мне пульс,
Он, не стыдясь, с нахальством беспримерным,
Вдруг закричал: «Он бесом одержим!»
Тогда меня связали, повели
Домой и там в сырой и темный погреб
Толкнули нас: меня и вот его.
Но я зубами перегрыз веревку,
Вернул себе свободу и тотчас
К вам побежал — молить, чтоб ваша светлость
Дала защиту мне и право мстить
За ряд обид и тяжких оскорблений.

А н д ж е л о

Я, государь, могу вам подтвердить,
Что точно в дом при мне он впущен не был.

Г е р ц о г

А эту цепь — он получил ее?

А н д ж е л о

Да, получил; все видели: в аббатство
Сейчас вбежал он с цепью той на шее.

В т о р о й к у п е ц

И я клянусь, что здесь я слышал сам,
Как вы признались в том, что получили,
Хотя сначала отрицали это.
И потому я шпагу обнажил.

Но вы укрылись в этом вот аббатстве;
Потом каким-то чудом вышли вновь.

Антифол Эфесский

Я не был никогда в стенах аббатства;
Ты на меня не обнажал меча;
Не видел цепи я, клянусь в том небом,
Все это ложь, все это клевета!

Герцог

Как это все запутанно и странно!
Не опоила ли уж вас Цирцея?
В аббатстве он — и здесь передо мною;
Безумен он — и здраво говорит. —

(Адриане.)

Ты поклялась, что он обедал дома, —

(к Анджело)

А вы — что нет! —

(К Дромио Эфесскому.)

Ну, что ты скажешь, плут?

Дромио Эфесский

Он с ней обедал нынче в «Дикобразе».

Куртизанка

Обедал, да; и с пальца снял кольцо.

Антифол Эфесский

То правда, государь; вот этот перстень.

Герцог

Ты видела, в аббатство он входил?

Куртизанка

Так ясно, государь, как вашу светлость.

Герцог

Как странно все! Зовите аббатису.
Тут сговор, иль вы все сошли с ума!

Один из свиты уходит.

Э ге он

Великий герцог! Разреши мне слово.
Я вижу друга: он спасет мне жизнь,
Внеся в казну положенную сумму.

Гер ц о г

Я слушаю. Что скажешь, сиракузец?

Э ге он

(Антифолу Эфесскому)

Вас, сударь, называют Антифолом?
То Дромио, привязанный ваш раб?

Д ро ми о Э ф е с с к и й

Лишь час назад я точно был привязан,
Да господин веревку перегрыз.
Я Дромио и раб, но уж не связан.

Э ге он

Наверно, оба помните меня!

Д ро ми о Э ф е с с к и й

Глядя на вас, себя я вспоминаю.
Ведь час назад я так же скручен был.
Не из числа ль вы пациентов Пинча?

Э ге он

Зачем так странно на меня глядите
Вы оба? Ведь вы знаете меня.

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Я никогда вас в жизни не встречал.

Э ге он

Меня, конечно, изменило горе,
Часы забот; и времени рука
Немало черт в лице мне исказила.
Но разве голос мой для вас чужой?

А н т и ф о л Э ф е с с к и й

Не знаю.

Э ге он

Ну, Дромио, а ты?

Дромио Эфесский
Нет, сударь, нет.

Эгеон

А я уверен, что меня узнал ты!

Дромио Эфесский

В самом деле, сударь? А я уверен, что нет; и, если человек отрицает что-нибудь, вы обязаны верить ему.

Эгеон

Не узнают и голоса! О время
Суровое! Ужель в семь кратких лет
Ты так могло разбить мой бедный голос,
Что сын родной его не узнает!
Но пусть мое землистое лицо
Снег старости сединою усыпал;
Пусть холод лет оледенил мне кровь,—
Я в годы мрака память не утратил:
Огни очей льют, догорая, свет;
Слабеет слух, но звуки различает;
И эти все свидетели твердят,
Что ты — мой сын, что ты — мой Антифол.

Антифол Эфесский

Я никогда отца не знал, не видел.

Эгеон

Мой мальчик, лишь семь лет тому назад
С тобою в Сиракузах мы расстались.
Меня стыдишься ты признать в нужде?

Антифол Эфесский

Сам герцог, все, кто знал меня и знает,
Все подтвердят, что не было того:
Я в Сиракузах не жил никогда.

Герцог

Да, знаю я, что двадцать лет живет
Он здесь, в Эфесе, под моей защитой;
Ни разу он не ездил в Сиракузы.
Твой взор боязнью смерти омрачен.

Входят аббатиса с Антифолом Сиракузским и Дромио Сиракузским.

А б б а т и с а

Вот, государь, обиженный жестоко.

Все окружают вошедших.

А д р и а н а

Два мужа предо мной! Не грежу ль я?

Г е р ц о г

Один из них — двойник иль дух другого.

А эти два? Кто человек из них,

Кто призрак? Как сказать мы это можем?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Я — Дромио; его гоните вон.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Я, сударь, Дромио; меня оставьте!

А н т и ф о л С и р а к у з с к и й

Ты Эгеон? Или ты дух его?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

О, старый господин мой! Кто связал вас?

А б б а т и с а

Кто б ни связал, я разрешу все узы

И, дав свободу, мужа обрету.—

Скажи мне, Эгеон, ты был тем мужем,

Что прежде звал Эмилию женой?

Она тебе двух сыновей родила!

О, если ты тот самый Эгеон,

Скажи о том Эмилии той самой!

Э г е о н

Коль я не сплю, Эмилию я вижу!

Но, если ты — она, скажи, что случилось

С тем сыном, что на мачте был с тобой?

А б б а т и с а

Корабль из Эпидамна спас меня,

Его и Дромио. Но тех двоих

Отняли силой рыбаки Коринфа

Почти тотчас; осталась я одна

На корабле людей из Эпидамна.

Судьбу детей я не могла узнать,
А что со мной произошло — ты видишь.

Герцог

Ну, вот уже начало разъяснения:
Два Антифола на одно лицо,
Два Дромио, как капли две похожих;
Вот подтверждение их потери в море.
Конечно, здесь родители с детьми
Сошлись опять, и кончен срок разлуки.—
Ты, Антифол, ведь прибыл из Коринфа?

Антифол Сиракузский

Нет, государь: я сам из Сиракуз.

Герцог

Отдельно станьте: вас не разберешь.

Антифол Эфесский

Я, государь, приехал из Коринфа.

Дромио Эфесский

А с ним и я.

Антифол Эфесский

И нас привез тот воин знаменитый,
Ваш славный дядя, герцог Менафон.

Адриана

Но кто из вас со мной обедал дома?

Антифол Сиракузский

То я, сударыня.

Адриана

(Антифолу Сиракузскому)

Вы мне — не муж?

Антифол Эфесский

Нет, нет, ручаюсь.

Антифол Сиракузский

И я, хотя меня вы звали так;
Прекрасной дамой же, сестрою вашей,
Я братом назван был.

(Люциане.)

Антифол Сиракузский

Все, что я ей
Сказал тогда, осуществить готов я,
Конечно, если это все не сон.

Анджело

А эту цепь из рук моих вы взяли?

Антифол Сиракузский

Да, сударь, так: не буду отрицать.

Антифол Эфесский

Вы ж за нее меня арестовали?

Анджело

Да, сударь, так: не буду отрицать.

Адриана

Я деньги вам послала для залога
(показывая на Дромио Эфесского)
Вот с Дромио; он, верно, не принес?

Дромио Эфесский

Нет, не со мной!

Антифол Сиракузский

Я получил мешок дукатов ваших:
Мой Дромио его ко мне принес.
Я вижу, постоянно мы встречались
С чужим слугой: с моим — он, я — с его;
Они ж нас принимали за господ.

Антифол Эфесский

Дукаты эти за отца внесу я.

Герцог

Не надо: я помилую его.

Куртизанка

А мой брильянт вы мне вернете, сударь?

Антифол Эфесский

Возьми его; спасибо за обед.

Аббатиса

Прошу, благоволите, славный герцог,
Пожаловать ко мне в аббатство: там
Я расскажу о наших приключениях.—
Прошу и вас, собравшихся сюда
И также пострадавших от ошибок,
Случившихся в один лишь этот день,
Зайти ко мне: останетесь довольны.—
О дети, тридцать три тяжелых года
Без вас томилась я; и час один
Освободил от тяжелой ноши сердце,—
Вас, герцог, мой супруг и сыновья,
И вас, календари моих детей,
Зову на праздник дружеской беседы.
Какая радость после скорбных лет!

Герцог

Всем сердцем принимаю приглашение.

Уходят все, кроме обоих Антифолов и обоих Дромио.

Дромио Сиракузский

Забрать мне, сударь, вещи с корабля?

Антифол Эфесский

Какие вещи вздумал погружать ты?

Дромио Сиракузский

Пожитки ваши, что в «Кентавре» были.

Антифол Сиракузский

То мои. Я, Дромио, твой господин.
Не торопись! Мы вместе все решим.
Ты радуйся и обнимайся с братом.

Антифол Сиракузский и Антифол Эфесский уходят.

Дромио Сиракузский

А та толстуха, что у вас на кухне
Меня кормила нынче, не женой,
А лишь сестрой-невесткой мне придется!

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Да ты не брат, а зеркало мое.
В нем вижу я, что недурен собою.
Ну что ж, пойдем на общую пирушку?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Ладно; только ты иди вперед: ты ведь — старший.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Это еще вопрос. Как его решить?

Д р о м и о С и р а к у з с к и й

Давай, бросим жребий; а покамест ты ступай вперед.

Д р о м и о Э ф е с с к и й

Нет, вот что:

Раз вместе мы, как две руки, явились в мир вдвоем,
Так и теперь мы станем в ряд и об руку пойдем.

Уходят.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ АКТАХ

Перевод
П. МЕЛКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд
Кристофер Слай, медник
Трактирщица
Паж
Актеры
Егеря и слуги
Баптиста, богатый дворянин из Падуи.
Винченцио, старый дворянин из Пизы.
Люченцио, сын Випченцио, влюбленный в
Бьянку.

Петруччо, дворянин из Вероны, жених Катарины.

Гремио
Гортензио } женихи Бьянки.

Транио
Бьонделло } слуги Люченцио.

Грумио
Кертис } слуги Петруччо.

Учитель.

Катарина
Бьянка } дочери Баптисты.

Вдова.

Портной, галантерейщик, слуги Баптисты и Петруччо.

Место действия — Падуя и загородный дом
Петруччо.

И Н Т Р О Д У К Ц И Я

С Ц Е Н А 1

Перед трактиром в пустынной местности.

Входят трактирщица и Слай.

С л а й

Вот ей-богу, я тебя отколочу.

Т р а к т и р щ и ц а

Пару бы колодок тебе, мазурику!

С л а й

Ты нахалка! Слаи не мазурики. Загляни-ка в хроники. Мы пришли вместе с Ричардом Завоевателем. А посему, raucas palabris ¹, пусть все идет своим чередом. Sessa! ²

Т р а к т и р щ и ц а

Так ты не заплатишь мне за разбитые стаканы?

С л а й

Ни гроша. Проходи, Иеронимо, ложись в свою холодную постель, погрейся.

¹ Коротко говоря. (Искаженное *испанск.*)

² Заткнись! (Искаженное *франц.*)

Т р а к т и р щ и ц а

Я знаю, что мне делать; пойду приведу стражу из третьего округа. (*Уходит.*)

С л а й

Хоть из третьего, хоть из четвертого, хоть из пятого — я им всем отвечу по закону. Я, голубушка, с места не двинусь. Пускай себе приходят на здоровье. (*Ложится на землю и засыпает.*)

Рога. Возвращается с охоты лорд с егерями и слугами.

Л о р д (егерю)

О гончих позаботься хорошенько,
Спусти Весельчака, — он еле дышит;
А Резвого сосвори вон с тем басистым.
Видал, как стойку сделал Серебро
В углу загона, хоть уж след простыл?
За двадцать фунтов я бы пса не продал!

П е р в ы й е г е р ь

А ведь Звонарь не хуже, ваша светлость;
Чуть след утерян, он уж лает сразу
И дважды след сегодня находил.
Из ваших псов он лучший — верьте мне.

Л о р д

Дурак! Да если б Эхо был резвее,
Я б за него дал дюжину таких.
Ну, накорми собак, следи за ними,
Охоту будем завтра продолжать.

П е р в ы й е г е р ь

Все сделаю, милорд.

Л о р д (заметив Слая)

А это кто?
Мертвец? Иль пьяный? Дышит ли, взгляните.

В т о р о й е г е р ь

Он дышит. Если б не согрелся элем,
На холоде не спал бы мертвым сном.

Л о р д

О подлый скот! Разлежся, как свинья!
Смерть злая! Как твое подобье гнусно!
Что если шутку с пьяницей сыграть?
Снести его в роскошную постель,
Надев белье тончайшее и перстни;
Поставить рядом стол с едою вкусной
И слуг кругом, чтоб ждали пробужденья.
Узнает разве нищий сам себя?

П е р в ы й е г е р ь

Сейчас он ничего не понимает.

В т о р о й е г е р ь

Вот будет удивлен, когда проснется!

Л о р д

Сочтет все волшебством иль сном чудесным.
Берите же его. Сыграем шутку!
Несите в лучшую из комнат в доме,
Развесьте сладострастные картины,
Башку ему вонючую промойте
Надушенной теплою водою,
Зажгите ароматные куренья;
Пусть музыка, едва лишь он проснется,
Мелодией небесной зазвучит.
Заговорит он — будьте наготове,
Почтительный поклон ему отвесьте;
Скажите: «Что прикажет ваша светлость?»
Подайте таз серебряный ему
С душистою водою и спросите,
Кувшин и полотенце поднесите:
«Милорд, вам не угодно ль вымыть руки?»
Один пусть держит дорогие платья,
Осведомляясь, что милорд наденет;
Другой о гончих и коне расскажет
И о жене, которая вконец
Удручена его болезнью странной.
Уверьте, что безумье им владело;
А назовет себя, скажите — бредит,
Что он на самом деле — знатный лорд.
Как следует сыграйте, молодцы,
И славная получится потеха,
Лишь удалось бы меру соблюсти.

Первый егерь

Милорд, поверьте, мы сыграем ловко,
И по усердью нашему сочтет
Себя он тем, кем мы его представим.

Лорд

В постель его снесите осторожно,
А лишь проснется — сразу все за дело!

Слая уносят. Звучит труба.

Эй ты, поди узнай, кто там трубит.

Слуга уходит.

Быть может, дворянин какой-нибудь,
В пути устав, нуждается в ночлеге.

Возвращается слуга.

Ну что? Кто там?

Слуга

Актеры, ваша светлость.
Хотят вам предложить свои услуги.

Лорд

Пускай войдут.

Входят актеры.

Друзья, я рад вас видеть.

Актеры

Мы, ваша милость, вас благодарим.

Лорд

Хотите у меня остановиться?

Актер

И услужить вам, если разрешите.

Л о р д

От всей души. А этого актера
Я в роли сына фермера запомнил:
Так мило он за леди увивался!
Как звали там тебя, я позабыл,
Но роль тебе на редкость удалась.

А к т е р

Играл я, верно, Сото, ваша милость.

Л о р д

Да-да; и ты сыграл великолепно.
Ну что ж, вы вовремя ко мне явились:
Задумал шутку я одну, и может
Искусство ваше пригодиться мне.
Посмотрит нынче пьесу некий лорд.
Но выдержкой вам надо запастись;
Боюсь, чтоб странные его манеры
(Он в первый раз увидит представление)
Не вызвали бы хохота у вас,—
Не то обидится, предупреждаю;
Разгневаться он может за улыбку.

А к т е р

Мы сдержимся, милорд, не беспокойтесь,
Будь он забавнейший чудака на свете.

Л о р д

(слуге)

Ступай, сведи в буфетную актеров,
Прими радушно, вкусно угости,
Все предоставь им, чем богат мой дом.

С л у г а и а к т е р ы у х о д я т.

Сходи-ка за пажом Бартоломью;
Скажи, чтоб женское надел он платье.
И в спальню к пьянице его сведи.
Зови «мадам» и кланяйся. И если
Он хочет заслужить мою любовь,
Пусть держится с достоинством таким,
Какое видел он у знатных леди
По отношению к их мужьям вельможным;
Так и вести себя с пьянчужкой должен,
И нежно говорить с поклоном низким:

«Что приказать угодно вам, милорд,
Чтобы могла покорная жена
Свой долг исполнить и явить любовь?»
В объятии нежном, с поцелуем страстным
Пусть голову на грудь ему опустит
И слезы льет как будто бы от счастья,
Что видит в добром здравии супруга,
Который все последние семь лет
Считал себя несчастным, грязным нищим.
А если мальчик не владеет даром
По-женски слезы лить, как на заказ,—
Ему сослужит луковица службу:
В платок припрятать, поднести к глазам —
И слезы будут капать против воли.
Исполни все как можно поскорей
И жди моих дальнейших приказаний.

Слуга уходит.

Способен этот мальчик перенять
Манеры, грацию и голос женский.
Я жажду услышать, как назовет он
Пьянчужку дорогим своим супругом,
Как со смеху давиться будут слуги,
Ухаживая за бродягой этим.
Пойду взгляну. Присутствие мое
Умерит их излишнее веселье,
Не то оно границы перейдет.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Спальня в доме лорда.

Входит Слай в сопровождении слуг; одни несут платье, другие таз, кувшин и прочие принадлежности. С ними лорд.

Слай

Ох, ради бога, дайте кружку эля!

Первый слуга

А не угодно ль хересу, милорд?

Второй слуга

Цукатов не хотите ль, ваша светлость?

Т р е т и й с л у г а

Какое платье ваша честь наденет?

С л а й

Я — Кристофер Слай; не зовите меня ни «вашей милостью», ни «вашей честью»; хересу я отродясь не пил, а уж если хотите угостить меня цукатами, так угощайте цукатами из говядины. Незачем вам спрашивать, какое я платье надену, потому что у меня не больше камзолов, чем спин, не больше чулок, чем ног, не больше башмаков, чем ступней, а иногда ступней даже больше, чем башмаков, или такие башмаки, что из них пальцы наружу торчат.

Л о р д

Спаси вас бог от такого бреда!
Подумать, что могущественным лордом,
Богатым, знатным и высокочтимым
Так овладели низменные мысли!

С л а й

Вы что же, хотите меня с ума свести? Разве я не Кристофер Слай, сын старого Слая из Бертонской пустоши, разносчик по происхождению, чесальщик по образованию, медвежатник по превратностям судьбы, а по теперешнему ремеслу — медник? Да спросите вы Мериан Хеккет, толстую трактирщицу из Уинкота, знает ли она меня. Если она вам скажет, что я не задолжал по счету четырнадцать пенсов за светлый эль, считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианском мире. Что! Не одурел же я окончательно! Вот...

Т р е т и й с л у г а

Вот почему скорбит супруга ваша!

В т о р о й с л у г а

Вот почему грустят и ваши слуги!

Л о р д

Вот почему родня вас избегает!
Безумье ваше гонит их отсюда.
О благородный лорд, подумай, кто ты,
Свое происхождение припомни;
Былой свой разум снова возврати,
Очнись от недостойных сновидений.

Смотри, как за тобою ходят слуги
И угодить готовы — лишь кивни.
Ждешь музыки? Чу! Аполлон играет,

Музыка.

И в клетках соловьи залились трелью.
Захочешь спать? Положим на постель
Нежнее, и роскошнее, и мягче
Семирамиды сладостного ложа.
Гулять пойдешь? Усыплем путь цветами.
Кататься хочешь? Оседлаем коней,
Заблещут жемчуг, золото на сбруе.
Ты любишь соколиную охоту?
Взлетит твой сокол жаворонка выше.
Пойдешь на зверя? Лай твоих собак
Заставит отзываться свод небесный
И эхом прозвучит из недр земли.

Первый слуга

Травить захочешь? Полетят борзые
Быстрей оленя и резвее лани.

Второй слуга

Картины любишь? Их мы принесем.
Изображен Адонис у ручья
И Цитерея, скрытая в осоке,
Колеблемой ее дыханьем легким,
Как нежным дуновеньем ветерка.

Лорд

Тебе покажем мы, как деву Ио
Сумел Юпитер захватить врасплох.
Все точно нарисовано, как было.

Третий слуга

Иль Дафну, что бредет в тернистой чаще,
Изранив ноги нежные до крови;
В слезах глядит на это Аполлон.
И кажется, что все воочью видишь,
Так верно переданы кровь и слезы.

Л о р д

Ты — лорд, пойми; не кто иной, как лорд!
Красавица жена твоя прекрасней
Любой из женщин нашего столетья.

П е р в ы й с л у г а

Пока она не портила лицо
Ручьями слез, из-за тебя пролитых,
Она была всех женщин в мире краше;
Да не уступит и теперь любой.

С л а й

Я — лорд? И у меня жена — красotka?
Я, может, сплю? Иль спал я до сих пор?
Не сплю! Я говорю, я вижу, слышу,
Тут сладко пахнет, мягкие все вещи.
Ей-богу, кажется, я вправду лорд,
Не медник вовсе, не Кристофер Слай.
А ну, ведите-ка сюда жену
И дайте, повторяю, кружку эля.

В т о р о й с л у г а

Угодно ль вымыть руки, ваша светлость?
Мы счастливы, что к вам вернулся разум,
Что вспомнили, кто вы такой, милорд.
Вы спали крепким сном пятнадцать лет
И, даже пробуждаясь, тоже спали.

С л а й

Пятнадцать лет! Ей-ей, вздремнул недурно!
И я не разговаривал все время?

П е р в ы й с л у г а

Нет, говорили, только очень странно.
Вы, лежа в этой комнате прекрасной,
Кричали, что вас вышибли за дверь,
Трактирщицу ругали беспощадно
И в суд грозились потянуть ее
За то, что эль недоливает в кружки;
Иль начинали кликать Сайсли Хеккет.

С л а й

Ну да! Это дочка трактирщицы.

Т р е т и й с л у г а

Вам не знакомы ни трактир, ни дочка,
Ни те, кого вы называли здесь,
Ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало,
Ни Питер Терф, ни Генри Пимпернел,
И не десятки им подобных лиц,
Которых не знал никто на свете.

С л а й

Ну, возблагодарим же тебя, господи боже, за то, что я исцелился!

В с е

Аминь.

С л а й

Спасибо; но и ты не прогадаешь.

Входит паж, переодетый дамой, за ним слуга.

П а ж

Как чувствует себя милорд сегодня?

С л а й

Отлично чувствую. Еды здесь вдоволь.
А где моя жена?

П а ж

Я здесь, милорд. Что приказать угодно?

С л а й

Жена моя? Что ж не зовете мужем?
Для слуг я лорд, а вам я муженек.

П а ж

Вы муж мой и милорд. Милорд и муж,
А я жена, и вам во всем послушна.

С л а й

Ну ясно! — Как мне звать ее?

Л о р д

Мадам.

С л а й

Мадама Элс или мадама Джен?

Л о р д

Мадам — и все. Так жен зовут вельможи.

С л а й

Мадам жена! Мне рассказывают, спал я;
Проспал пятнадцать лет, а то и больше.

П а ж

А мне казалось — три десятка лет
Я лишена супружеского ложа.

С л а й

Долгонько! — Слуги, убирайтесь вон.—
Мадам, разденьтесь живо, и в постель!

П а ж

О трижды благородный лорд, молю вас
Ко мне не прикасаться ночь, иль две,
Или хотя бы до захода солнца;
Врачи мне настоятельно велели,
Боясь, чтоб к вам недуг не возвратился,
Супружеского ложа избегать —
И в этом оправдание мое.

С л а й

Да ведь дело так обстоит, что долго ждать мне невтерпех.
Но и заболеть этими снами мне опять же не хочется. Придется,
видно, подождать, невзирая на плоть и кровь.

Входит слуга.

С л у г а

Актеры вашей светлости, узнав,
Что вам полегче, разыграть хотят
Комедию веселую пред вами.
По мнению врачей, полезно это,
Печаль вам чересчур сгустила кровь,
А меланхолия родит безумье.
Вам представление нужно посмотреть,
Настроившись на радость и веселье;
Они ведь изгоняют тьму недугов
И помогают людям жизнь продлить.

С л а й

Ладно уж; пусть себе играют. А это что будет — святочная потеха или акробаты?

П а ж

Нет, это презабавная вещица.

С л а й

Из домашних вещиц, что ли?

П а ж

Нет, что-то вроде хроники.

С л а й

Ну что ж, посмотрим. Давай-ка, мадама жена, садись со мной рядом, и будь что будет. Один раз молоды бываем.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Падуя. Площадь.

Входят Люченцио и Транио.

Люченцио

Сбылось мое заветное желанье
Увидеть Падуя, наук питомник,
И наконец в Ломбардию я прибыл —
Волшебный сад Италии великой.
Благодаря отцу, его заботам
И доброму ко мне расположенью,
Я заручился обществом твоим,
Испытанный слуга мой, верный Транио.
Здесь заживем и в добрый час приступим
К познанию наук и изысканьям.
Родился в Пизе я. Был город этот
Давно прославлен именами граждан
Достойнейших; средь них и мой отец
Винченцио из рода Бентиволио;
Торговлю с целым миром он ведет.
А я был во Флоренции воспитан
И должен оправдать его надежды,
Украшив добродетелью богатство.
Вот почему я, Транио, займусь
Той областью науки философской,
Которая трактует нам, что можно

Лишь добродетелью достигнуть счастья.
Что скажешь ты? Ведь, оставляя Пизу,
Я в Падую спешил как человек,
Которого влечет из мелководья
Скорее погрузиться в глубину
И утолить в ней жажду до отказа.

Т р а н и о

Mi pardonate ¹,

 добрый мой хозяин!
Я рад, что твердо вы решили сласть
Сладчайшей философии вкусить.
Но только, мой хозяин, преклоняясь
Пред этой добродетельной наукой,
Нам превращаться вовсе нет нужды
Ни в стоиков, синьор мой, ни в чурбаны.
И, Аристотелевы чтя запреты,
Овидием нельзя пренебрегать.
Поупражняйтесь в логике с друзьями,
Риторикой займитесь в разговорах,
Поэзией и музыкой утешьтесь,
А математики, скажу я прямо,
И метафизики примите дозу
Не больше, чем позволит вам желудок.
В чем нет улады, в том и пользы нет;
Что вам по праву, то и изучайте.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, Транио! Совет хорош.
Вот если бы здесь был уже Бьонделло,
Устроиться бы сразу мы могли
И дом нанять удобный для приема
Друзей, которых в Падуе найдем.
Постой! А кто это идет сюда?

Т р а н и о

Торжественно встречают нас, наверно.

Входят Баптиста, Катарина, Бьянка, Греммо и Гортеп-
зио. Люченцио и Транио отходят в сторону.

Б а п т и с т а

Прошу, не докучайте мне, синьоры,
Вы знаете — я тверд в своем решении
И замуж дочку младшую не выдам,

¹ Простите меня. (Итал.)

Пока для старшей не найдется муж.
Другое дело, если кто из вас
Отдал бы предпочтенье Катарине;
Тогда, обоих зная и любя,
Не стал бы вам препятствий я чинить,
И сладили б мы дело полюбовно.

Гремио
(в сторону)

Сам черт не сладит с нею, так зловредна.—
Гортензио, ее возьмете в жены?

Катарина

К чему, отец, вам превращать меня
В посмешище для пары дураков?

Гортензио

Для пары? Вот как? Мы-то вам не пара,
Пока не поутихнете немного.

Катарина

Уж вам бояться нечего, синьор:
Таким путем сердец не побеждают.
А не отстанете, так причешу
Я вам башку трехногим табуретом
И, как шута, измажу вас при этом.

Гортензио

Спаси нас бог от такого черта!

Гремио

Да и меня спаси.

Транио

Синьор, глядите-ка! Ну и дела!
Она взбесилась иль как ведьма зла.

Люченцио

Зато в молчанье той, в ее обличье
Я вижу тихий, скромный нрав девичий.
Тсс, Транио, молчи.

Транио

Молчу, синьор. Но вы глядите в оба.

Баптиста

А чтоб свое решение подтвердить,
Тебе велю я, Бьянка, удалиться.
Ступай домой. Не огорчайся, дочка,—
Тебя я никогда не разлюблю.

Катарина

Любимица, уж что и говорить!
Глаза ее всегда на мокром месте.

Бьянка

Что ж, радуйся, сестра, моей беде.—
Отец, я покоряюсь вашей воле.
Пусть музыка и книги мне заменят
Друзей в уединении моем.

Люченцио

Ты слышишь, Транио? То речь Минервы.

Гортензио

Ужель вы так поступите, синьор?
Как жаль, что Бьянке принесли мы горе
Своей любовью.

Гремио

Вы ее запрете,
Синьор Баптиста, из-за ведьмы этой?
Страдать должна за злой язык сестры?

Баптиста

Синьоры, хватит. Это решено.—
Иди же, Бьянка.

Бьянка уходит.

А так как знаю я, что очень любит
Поэзию и музыку она,
Я для нее найму учителей;
Пусть наставляют юность.— Если вы,
Синьоры, знаете таких, прошу
Прислать их в дом ко мне. Ученым людям
Я буду рад; не пожалею денег.

Прощайте же.— Останься, Катарина,
Еще поговорить мне надо с Бьянкой.

(Уходит.)

К а т а р и н а

А мне нельзя уйти отсюда, что ли?
Указывают! Будто я сама
Не знаю, что мне надо, что не надо.

(Уходит.)

Г р е м и о

Можешь отправляться к чертовой бабушке. Ты так прелестна, что никто не станет тебя удерживать.— Видно, Гортензио, отец и старшая дочка не очень-то между собой ладят, а нам с вами придется слюнки пускать, покада пирог наш не подрумянится. Прощайте. Но в знак любви, которую я питаю к дорогой моей Бьянке, если мне удастся подыскать ей подходящего учителя, я его порекомендую синьору Баптисте. Пусть обучает ее тому, что ей нравится.

Г о р т е н з и о

Так же поступлю и я, синьор Гремियो. Однако разрешите сказать вам словечко. Хотя характер нашей ссоры и не давал нам возможности поговорить откровенно, знайте — все, что я сейчас скажу, касается нас обоих. Мы можем снова получить доступ к нашей прекрасной повелительнице и снова стать счастливыми соперниками в любви к Бьянке — только после того как потрудимся и наладим одно дело.

Г р е м и о

Прошу сказать, какое.

Г о р т е н з и о

Ясное дело, сударь: раздобудем мужа для ее сестры.

Г р е м и о

Мужа? Черта ей нужно, а не мужа.

Г о р т е н з и о

Я говорю — мужа.

Г р е м и о

А я говорю — черта. Неужели вы думаете, Гортензио, что при всем богатстве ее отца кто-нибудь согласится жениться на ведьме из пекла?

Гортензио

Полно, Гремио! Хотя у нас с вами и не хватит терпения выносить ее вопли, на свете есть молодцы, которые возьмут ее со всеми недостатками, было бы лишь денег вволю. Надо только напасть на такого.

Гремио

Сомневаюсь. Я бы скорее согласился взять ее приданое с условием, что меня каждый день будут бить кнутом у позорного столба.

Гортензио

Да, между гнилыми яблоками выбирать не приходится. Но, так как эта помеха сделала нас друзьями, нам следует сохранять дружбу до тех пор, пока мы не выдадим замуж старшую дочь Баптисты и не освободим младшую. А там снова начнем соперничать. Дивная Бьянка! Счастлива участь того, кому она достанется! Кто окажется проворнее, тот и получит приз. Что скажете, синьор Гремио?

Гремио

Я согласен. Я подарил бы лучшего скакуна в Падуге тому, кто согласился бы ухаживать за ней, посвататься к ней, жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее отцовский дом. Идемте!

Гремио и Гортензио уходят.

Транио

Возможно ли, синьор мой, чтоб любовь
Вдруг овладела вами так внезапно?

Люченцио

Не убедись я только что на деле,
Я сам бы не поверил в это, Транио.
Пока стоял я празднo и смотрел,
Родилась вдруг из праздности любовь.
И я тебе признаюсь откровенно,—
Ведь для меня ты так же дорог, Транио,
Как Анна для царицы Карфагенской,—
Горю я, изнываю и погибну,
Коль скромницы прелестной не добьюсь.
Дай, Транио, совет; ведь знаю — можешь,
О Транио, спаси; ведь знаю — хочешь.

Т р а н и о

Вас побранил бы, сударь, да не время.
Любовь из сердца не прогонишь бранью.
Уж раз влюбились, так одно осталось —
Redime te captum quam queas minimo ¹.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, друг мой, продолжай. Ты прав.
Утешь меня; твои советы мудры.

Т р а н и о

Так страстно вы на девушку глядели,
Что углядеть суть дела не смогли.

Л ю ч е н ц и о

О да, я видел красоту ее:
Такой лишь Агенора дочь блистала,
Когда ей руку целовал Юпитер
На Критском берегу, склонив колена.

Т р а н и о

И это все? Так, значит, проглядели
Скандал, затейный ее сестрицей?
Был шум такой — хоть уши затыкай!

Л ю ч е н ц и о

Движение губ коралловых я видел;
Струило аромат ее дыханье;
Все в ней святым казалось и прекрасным.

Т р а н и о

Ну, надо в чувство привести его! —
Опомнитесь, синьор! Уж раз влюбились,
Так потрудитесь шевелить мозгами,
Чтоб девушку добыть. Вот дело в чем:
Сестра у ней сварлива, точно ведьма;
Пока отец не сплавит замуж старшей,
Сидеть в девицах вашей милой, сударь.
Он для того на ключ ее и запер,
Чтоб ей не докучали женихи.

¹ Выкупи себя из плена как можно дешевле. (Лат.)

Люченцио

Ах, друг мой, как жесток ее отец!
А ты слышал, что он нанять желает
Наставников для обучения дочки?

Транио

Еще бы, сударь! И кой-что придумал.

Люченцио

И я придумал тоже.

Транио

Ну, хозяин,
Ручаюсь, наши планы совпадут.

Люченцио

Скажи мне прежде свой.

Транио

Хотите вы
Учителем явиться в дом к Баптисте
И девушку наукам обучать —
Вот план ваш!

Люченцио

Верно. Выполним его!

Транио

Немыслимо! А кто здесь будет жить
Как сын Винченцио, скажите, сударь?
Учиться будет кто, и дом вести,
Пиры давать и приглашать друзей?

Люченцио

Да перестань! Я все уже обдумал.
Мы не знакомы в Падуе ни с кем,
А ведь по лицам нашим не узнать,
Кто господин, а кто слуга; так вот,
Отныне господином станешь ты!
Ты дом ведай и управляй прислугой,
А я прикинусь неаполитанцем
Иль бедняком каким-нибудь из Пизы.
Так, значит, решено! Разденься, Транио,
Возьми-ка плащ мой и цветную шляпу,

Придет Бьонделло — пусть тебе он служит,
А я велю помалкивать ему.

Т р а н и о

Да, это никогда не помешает.—

Они обмениваются платьями.

Ну что ж, синьор, раз вам по вкусу это,
Во всем обязан я повиноваться.
Отец ваш мне сказал перед отъездом:
«Старайся сыну услужить во всем»,—
Хоть, правда, он имел в виду другое...
Но я охотно превращусь в Люченцио
Из-за того, что я люблю Люченцио.

Л ю ч е н ц и о

И потому, что сам Люченцио любит.
О, дай мне стать рабом, чтоб той добиться,
Чей образ взор мой раненый пленил! —
А, вот он, плут!

Входит Бьонделло.

Ты где же пропадал?

Б ь о н д е л л о

Где я пропадал? Нет, как это вам нравится? Вы-то сами куда
пропали? Хозяин, это мой друг Транио украл у вас платье? Или
вы у него украли? А может быть, вы обокрали друг друга? Ради
бога, скажите, что случилось?

Л ю ч е н ц и о

Бездельник, подойди, шутить не время.
Веди себя с делами сообразно.
Меня спасая, Транио решил
Принять мой вид, надев мою одежду,
А мне отдал свою. Вот дело в чем:
Сойдя на берег и ввязавшись в драку,
Убил я человека и теперь
Боюсь, как бы меня не опознали.
Теперь служить, как мне, ты должен Транио,
Я ж должен скрыться, чтобы жизнь спасти.
Ты понял?

Б ъ о н д е л л о

Я? Нет, ни черта не понял.

Л ю ч е н ц и о

Ты имя Транио забудь отныне.
Нет Транио! Он стал теперь Люченцио.

Б ъ о н д е л л о

Тем лучше для него. Вот мне бы так!

Т р а н и о

Пойми, ведь я не для себя стараюсь;
Забочусь только, чтобы мой хозяин
Заполучил мепьшую дочь Баптисты,
Поэтому советую тебе —
Не для меня, а только для синьора —
Держать язык покрепче за зубами.
Когда одни мы — для тебя я Транио,
А при других — Люченцио, твой хозяин.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, пойдем.
Теперь осталось выполнить одно:
Тебе в число влюбленных записаться,
А если спросишь, для чего, — отвечу:
Есть веские причины у меня.

Уходят.

П е р в ы й с л у г а

Милорд заснул; совсем не смотрит пьесу.

С л а й

Нет, клянусь святой Анной, смотрю. Хорошая штучка, ей-богу!
А что, много еще осталось?

П а ж

Начало лишь, милорд.

С л а й

Замечательная история, мадама жена; поскорей бы только
кончилась!

СЦЕНА 2

Падуя. Перед домом Гортензио.
Входят Петруччо и Грумио.

Петруччо

Оставил я Верону ненадолго,
Чтоб в Падуе с друзьями повидаться,
Особенно с моим любимым другом
Гортензио. Не это ль дом его?
Эй, Грумио, ну, стукни-ка разок.

Грумио

Стукнуть, синьор? Кого стукнуть? Разве кто-нибудь обидел
вашу милость?

Петруччо

Говорю тебе, плут, валяй на мою голову, стукни покрепче!

Грумио

Стукнуть покрепче, синьор? Что вы, синьор, да кто я такой,
синьор, чтобы стукнуть вас покрепче?

Петруччо

Стучи в ворота, негодяй, в ворота,
Не то башку сверну тебе в два счета.

Грумио

(в сторону)

Ведь вот пристал!

(громко)

А стукни первый я,
От вас потом мне не было б житья.

Петруччо

Так ты не стукнешь, нет?
Сейчас задам тебе я звону, плут,
И посмотрю, как запоешь ты тут.
(Треплет Грумио за уши.)

Грумио

На помощь! На помощь! Мой хозяин спятил!

Петруччо

Стучи, когда велят, мошенник!

Входит Гортензио.

Гортензио

Что тут случилось? Как! Старина Грумио! Мой добрый друг Петруччо! Как вы там живете, в Вероне?

Петруччо

Явились драку вы разнять, приятель?
Con tutto il cuore ben trovato — очень кстати¹.

Гортензио

Alla nostra casa ben venuto, molto honorato signor mio Petrucio².

Встань, Грумио. Сейчас мы разберемся.

Грумио

Нет, синьор, тут латынью не отговоришься. Неужто уж и это не законный повод для меня отказаться от службы? Сами рассудите, синьор: он велел мне валять его, да еще стукнуть покрепче. Ну подобает ли слуге обходиться так со своим господином? Да ведь ему уже чуть не за тридцать два перевалило!

Когда бы стукнул я его сначала,
Так не моя бы голова трещала.

Петруччо

Ну и болван! — Любезный мой Гортензио,
Велел я олуху стучать в ворота,
Так ведь его и силой не заставишь!

Грумио

Стучать в ворота! О господи! Да разве вы мне не говорили вот эти самые простые слова: «Эй ты, стукни, стукни покрепче, валяй на мою голову, стукни»? А теперь вдруг появились «ворота».

Петруччо

Прочь, негодий, иль замолчи сейчас же!

Гортензио

Ну, полно. Я за Грумио ручаюсь;
Он старый, славный, преданный слуга.
Вы просто с ним не поняли друг друга.
Но, милый мой, какой счастливый ветер
К нам в Падую занес вас из Вероны?

¹ От души могу сказать: это очень кстати. (Итал.)

² Добро пожаловать в наш дом, почтеннейший мой синьор Петруччо.
(Итал.)

Петруччо

Тот ветер, друг, что гонит молодежь
Искать свою судьбу вдали от дома
И опыт приобрести. Сказать короче,
Гортензио,— вот как идут дела:
Синьор Антонио, родитель мой, скончался,
Я ж устремился в этот лабиринт,
Чтоб преуспеть и выгодно жениться.
Есть деньги в кошельке, добро есть дома,—
И я решил постранствовать по свету.

Гортензио

А что, Петруччо, если я тебе
Посватаю без долгих разговоров
Строптивую и злую невесту?
Спасибо вряд ли скажешь за услугу;
Но поручусь я, что она богата,
Весьма богата. Впрочем, ты мне друг,
И убеждать тебя я не хочу.

Петруччо

Таким друзьям, как мы с тобой, Гортензио,
Не нужно лишних слов. И если знаешь
Богатую невесту мне под пару,—
А для меня основа в браке — деньги,—
То будь она дурней жены Флорентия,
Дряхлей Сивиллы, злее и строптивей
Сократовой Ксантиппы, даже хуже,—
Намерений моих не изменить ей,
Хотя б она и стала бушевать,
Как шторм на Адриатике свирепой.
Хочу я выгодно жениться в Падуе,
И будет брак мой в Падуе удачлив.

Грумио

Ну вот видите, синьор, он так прямо и выложил все, что думает. Дайте ему только золота — и он вам женится хоть на кукле, хоть на деревяшке, хоть на старой карге, у которой ни одного зуба во рту нет, а болезней больше, чем у пятидесяти двух кляч. Ему все нипочем, были бы деньги.

Гортензио (к Петруччо)

Ну, раз уж мы так далеко зашли,
Продолжу то, о чем сказал я в шутку.

Могу тебе невесту предложить.
Она богата, молода, красива,
Воспитанна, как знатная синьора,
Один порок имеет, но немалый:
Она сварлива просто нестерпимо,
Строптив и груб сверх всякой меры.
Приди мои дела в упадок полный,
За горы золота ее не взял бы.

Петруччо

Молчи! Ты силы золота не знаешь!
Скажи мне, кто ее отец,— и все.
Ее я завоюю,— пусть грохочет
Она как гром в ненастную погоду.

Гортензио

Отца зовут Баптиста Минола,
Он добрый и учтивейший синьор.
А дочка — Катарина Минола,
И всем известен злой ее язык.

Петруччо

О ней не знал, но об отце наслышан;
С ним был знаком родитель мой покойный.
Пока с ней не увижусь, не усну,—
И потому прости, но я тебя
Покину в первую минуту встречи,
Коль сам туда меня ты не проводишь.

Грумио

Прошу вас, синьор, пусть себе идет, пока есть охота. Помните мое слово, если бы она его так хорошо знала, как я, то поняла бы, что руганью его не проймешь. Да обзови она его двадцать раз негодяем, он и глазом не моргнет. А если уж сам начнет браниться, так не уймется, пока все свое красноречие не израсходует. Вот что я вам скажу, синьор: пусть только она ему одно словечко наперекор скажет,— он ей такую фигуру отмочит, что от ее фигуры ничего не останется и будет она на свет глядеть, ероде слепого котенка. Вы его не знаете, синьор.

Гортензио

Постой, Петруччо! Я пойду с тобою.
Баптиста держит в доме, как в темнице,
Свою меньшую дочь, красотку Бьянку,
А мне она дороже всех сокровищ.

Ее укрыл он от меня и прочих
Поклонников — соперников в любви.
Считая, что пороки Катарины,
Известные тебе, помехой будут
Ее замужеству, — старик решил
Упрятать Бьянку под замок, покуда
Не сбудет с рук чертовку Катарину.

Г р у м и о

«Чертовку Катарину»! Слышал брань я,
Но хуже нет для девушки прозванья.

Г о р т е н з и о

Петруччо, милый, сделай одолжение,
Представь меня в переодетом виде
Баптисте и скажи, что я учитель,
Весьма искусный в музыке и пенье,
Прodelка эта даст возможность мне
Наедине ухаживать за Бьянкой,
Ни в ком не возбуждая подозрений.

Г р у м и о

Ну и плутовство! Смотри-ка только, как молодежь сговаривается между собой, чтобы одурачивать стариков!

Входят Г р е м и о и переодетый Л ю ч е н ц и о с кипой книг под мышкой.

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио! Вот это — мой соперник. —
Петруччо, отойдем.

Г р у м и о

Хорош! Ну, прямо создан для любви.

Они отходят в сторону.

Г р е м и о

Прекрасно! Прочитал я список книг
И их велю переплести получше.
Пусть будут книги только о любви, —
Иных вы ей не вздумайте читать.
Вы поняли меня? А сверх того,
Что вам заплатит сам синьор Баптиста,
Прибавлю щедро я. Тетради эти
Как следует велите надушить.
Ведь та, кому назначены они,

Сама благоуханнее духов.
А что вы ей намерены читать?

Л ю ч е н з и о

Что ни прочту, все будет вам на пользу,
Мой покровитель, можете поверить.—
Как будто с ней вы сами объяснялись
И даже поуспешней, если вы
Не из ученых сами, мой синьор.

Г р е м и о

Ученость! О, великое то дело!

Г р у м и о

(в сторону)

Тетеря! О, великий ты осел!

П е т р у ч ч о

Бездельник, замолчи!

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио!

(Выходит вперед.)

Привет мой вам, синьор!

Г р е м и о

Синьор Гортензио, я рад вас видеть!
Сказать, куда иду я? В дом к Баптисте.
Я справился ему пообещал
Насчет учителя для дивной Бьянки,
Мне посчастливилось найти такого:
Учен и молод, скромн поведением,
В поэзии начитан и умен;
Он подойдет ей, уверяю вас.

Г о р т е н з и о

Прекрасно. Повстречал и я синьора,
Который обещал мне музыканта,
Чтоб заниматься с нашей госпожой:
Так, значит, не отстал от вас и я
В служенье Бьянке, столь любимой мной.

Г р е м и о

Нет, мной любимой! Докажу на деле.

Г р у м и о
(в сторону)

Докажет денежный его мешок.

Г о р т е н з и о

Сейчас не время спорить о любви.
Угодно выслушать меня, синьоры?
Скажу вам новость, важную для всех.
Вот дворянин, — мы встретились случайно, —
И он готов охотно ради нас
Посвататься к сварливой Катарине
И, о приданом сговорясь, жениться.

Г р е м и о

Что сказано, то сделано. Прекрасно!
А он о всех ее пороках знает?

П е т р у ч ч о

Она, слышать, изрядная крикунья.
Коль это все, невелика беда.

Г р е м и о

Вот как, дружок! А вы откуда родом?

П е т р у ч ч о

Я родился в Вероне, сын Антонио.
Отец мой умер, но богатство живо;
А я лет сто хочу прожить счастливо.

Г р е м и о

С такой женой — поверить очень трудно!
Но, если это вам под силу, — с богом,
Я помогу! Нет, вправду вы решили,
Синьор, венчаться с этой дикой кошкой?

П е т р у ч ч о

Да, так же твердо, как я жить решил.

Г р у м и о

Решит ли он венчаться? Ну, еще бы!

П е т р у ч ч о

Не для того ли я сюда приехал?
Да разве слух мой к шуму не привык?

Да разве не слышал я львов рычання?
Не слышал, как бушующее море
Бесилось, словно разъяренный вепрь?
На бранном поле пушек не слышал я,
Или с небесным громом не знаком?
В пылу сраженья я не слышал, что ли,
Сигналов боевых и ржанья копей? —
А мне твердят о женском языке!
Да он и вполровину не трещит,
Как на огне у фермера каштаны.
Пугайте им детей!

Г р у м и о

Уж он не струсит!

Г р е м и о

Послушайте, Гортензио!
Мне кажется, синьор явился кстати —
На счастье нам и самому себе.

Г о р т е н з и о

Я обещал, что мы участие примем,
Расходы оплатив по сватовству.

Г р е м и о

Да, безусловно, только б он женился.

Г р у м и о

(в сторону)

Хотел бы так в обеде быть уверен.

Входят Т р а н и о, богато одетый, и Бьонделло.

Т р а н и о

Храни вас бог, синьоры! Смею ль я
Спросить у вас, как лучше мне пройти
К любезному Баптисте Минола?

Бьонделло

Вы имеете в виду того, у кого две красивые дочери?

Т р а н и о

Да, именно его.

Г р е м и о

А не ее ль хотите видеть там?

Т р а н и о

Его, ее — какое дело вам?

П е т р у ч ч о

Вас не строптивая пленить сумела?

Т р а н и о

Строптивых не люблю.— Идем, Бьонделло.

Л ю ч е н ц и о

(в сторону)

Прекрасно, Транио.

Г о р т е н з и о

Синьор, минутку!

Вы свататься решили не на шутку?

Т р а н и о

А если да, кто будет оскорблен?

Г р е м и о

Никто, коль тотчас уберетесь вон!

Т р а н и о

Но для меня, синьор, как и для вас,
Свободны улицы.

Г р е м и о

Не в этот раз!

Т р а н и о

А по какой причине, объясните?

Г р е м и о

По той причине, если знать хотите,
Что Бьянка выбрана синьором Гремьо.

Г о р т е н з и о

И что ее избрал синьор Гортензио.

Т р а н и о

Спокойней, господа, ведь вы дворяне;
Благоволите выслушать меня.
Баптиста — благороднейший синьор,

И мой отец ему небезызвестен;
Была бы дочь его еще прекрасней,
Пленяя вдвое больше женихов,—
Я был бы все равно одним из них.
Дочь Леды тьму вздыхателей имела —
Так их у Бьянки может быть и больше
На одного. Вот я и стану им,
Будь хоть Парис соперником моим.

Г р е м и о

Ну, этот, кажется, нас всех обскачет.

Л ю ч е н ц и о

Окажется он ключей. Не волнуйтесь.

П е т р у ч ч о

К чему слова вы тратите, Гортензио?

Г р е м и о

Осмелюсь я спросить у вас, синьор,
Вы дочь Баптисты видели хоть раз?

Т р а н и о

Нет, мой синьор, но знаю, что их две.
Злым языком одна из них известна,
И славится вторая кротким правом.

П е т р у ч ч о

Стоп, стоп! Не трогать первую — моя!

Г р е м и о

Оставьте этот подвиг Геркулесу;
Он потруднее дюжины других.

П е т р у ч ч о

Синьор, могу сказать вам в утешенье:
Дочь младшую, к которой вы стремитесь,
Отец упрятал и не пустит к ней
Ни одного поклонника, пока
Он старшей дочке мужа не найдет,—
Тогда меньшей он волю даст, не раньше.

Т р а н и о

Так, значит, вы тот самый человек,
Что всем, а в том числе и мне, поможет!

Ну, если лед сумеете разбить
И, подвиг совершив, добьетесь старшей,
Освободивши младшую для нас,—
Тогда счастливый обладатель Бьянки
Пред вами не останется в долгу.

Г о р т е н з и о

Прекрасно рассудили вы и здраво,
Но так как вы и сами влюблены,
То вам придется с нами наравне
Вознаградить спеньора за услугу.

Т р а н и о

О да, я не замедлю, в знак чего
Прошу под вечер всех ко мне собраться
И выпить за здоровье нашей милой.
Давайте поступать как адвокаты —
В делах браниться, пить же сообща.

Г р у м и о и Б љ о н д е л л о

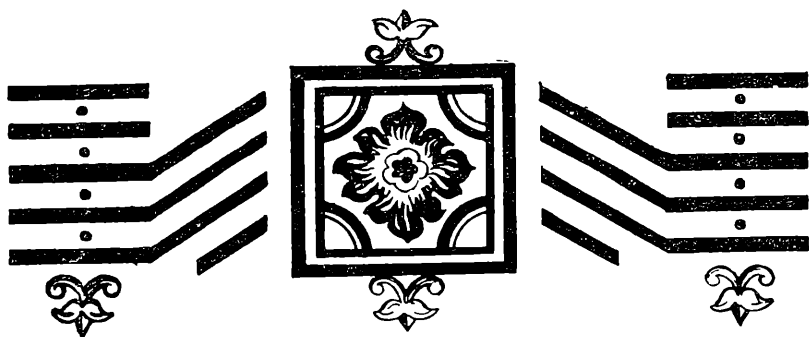
Вот это предложенье! Ну, идем.

Г о р т е н з и о

Да, я не знаю предложенья лучше.
Ну что ж, добро пожаловать, Петруччо!

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А I

Падуя. Комната в доме Баптисты.
Входят Катарина и Бьянка.

Бьянка

Не издевайся надо мной, сестрица:
Ведь и сама себя ты унижаешь,
Меня в рабу пытаешься превратить.
Обидно мне! Я все наряды эти
Отдам тебе, лишь развяжи мне руки;
Да, все мои одежды, вплоть до юбки.
И все исполню, что ты ни прикажешь;
Мой долг святой — повиноваться старшим.

Катарина

Скажи сейчас же, кто из женихов
Тебе милей. Смотри, не притворяйся!

Бьянка

Поверь, сестрица, среди всех мужчин
Мне ни один доныне не встречался,
Кому б я оказала предпочтенье.

Катарина

Лжешь, душечка! А это не Гортензио?

Бьянка

Тебе он нравится? Так я сама
Похлопочу, чтоб он тебе достался.

Катарина

А, значит, ты предпочитаешь деньги
И Гремио хотела бы в мужа?

Бьянка

Как! Ревновать ко мне ты можешь Гремио?
Нет, шутишь ты — теперь я понимаю,
И ты шутила надо мной все время.
Сестрица Кет, ну развяжи мне руки.

Катарина

Шутила я? Тогда и это шутка?
(Бьет ее.)

Входит Баптиста.

Баптиста

Да что ж это такое? Ну и наглость! —
Ты, Бьянка, отойди. Бедняжка! Плачет!
Сядь вышивать, не связывайся с ней.
(Катарине.)

Стыдилась бы! Вот дьявольский характер!
Обидела сестру. А ведь она
Тебя не задевает: хоть словечко
Ты от нее наперекор слыхала?

Катарина

Она меня своим молчаньем бесит!
Я этого не в силах перенести!
(Бросается к Бьянке.)

Баптиста

В моем присутствии! — Ступай-ка, Бьянка.

Бьянка уходит.

Катарина

Вы не выносите меня, я знаю,
Все — для нее. Она получит мужа,
А мне остаться старой девой, что ли,

И из-за вас в аду мартышек нянчить?
Молчите! Сяду вот и буду плакать,
Пока мне не удастся отомстить.

(Уходит.)

Ба п т и с т а

Ну есть ли кто несчастнее меня! —
Сюда идут...

Входят Г р е м и о, Л ю ч е н ц и о, бедно одетый, П е т р у ч ч о, Г о р т е н з и о под видом музыканта, Т р а н и о и Б ъ о н д е л л о с лютней и книгами.

Г р е м и о

День добрый, сосед Баптиста.

Ба п т и с т а

Здравствуйте, сосед Гремิโอ. Бог в помощь вам, синьоры.

П е т р у ч ч о

И вам, синьор. Скажите, вы отец
Прекрасной и любезной Катарины?

Ба п т и с т а

Есть Катарина-дочка у меня.

Г р е м и о

Вы слишком прямо; надо постепенно.

П е т р у ч ч о

Оставьте, не мешайте мне, синьор.

(Баптисте.)

Я дворянин, приехал из Вероны.
Узнав, что Катарина, ваша дочь,
Умна, скромна, приветлива, красива
И славится любезным обхождением,
Решился я прийти, не званный вами,
Чтобы воочью убедиться в том,
Насколько справедливы эти слухи.
Для первого знакомства разрешите
Представить моего слугу, синьор.

(Представляет Гортензио.)

Искусный музыкант и математик,
Он вашу дочь обучит в совершенстве

Наукам этим, для нее не чуждым.
Его не взяв, обидите меня.
Из Мантуи он родом; имя — Личио.

Б а п т и с т а

Я рад вас видеть, и его приму.
А что до Катарины, как ни грустно,
Я знаю — вам она не подойдет.

П е т р у ч ч о

Вы, верно, не хотите с ней расстаться?
Иль общество мое противно вам?

Б а п т и с т а

Нет-нет. Я только то сказал, что думал.
Вы кто, синьор, и прибыли откуда?

П е т р у ч ч о

Меня зовут Петруччо, сын Антонио;
Повсюду он в Италии известен.

Б а п т и с т а

Отца я знал и сыну очень рад.

Г р е м и о

Остановитесь же на миг, Петруччо,
И хоть словечко дайте вставить нам.
Черт побери! Торопитесь вы слишком!

П е т р у ч ч о

Хочу покончить дело я скорей.

Г р е м и о

Вы проклянете этот брак, ей-ей!

Сосед, я уверен, что дар этот вам очень приятен. Не хочу оказаться менее любезным, ибо я обязан вам более, чем все остальные, и посему смело рекомендую этого молодого ученого (*представляет Люченцио*), который долго обучался в Реймсе. Он так же хорошо знает греческий, латынь и другие языки, как тот музыку и математику. Зовут его Камбио; я вас прошу принять его услуги.

Б а п т и с т а

Приношу вам тысячу благодарностей, синьор Греммо.— Добро пожаловать, милый Камбио. (*К Транио.*) Однако, любезнейший синьор, вы, кажется, человек не здешний; осмелюсь спросить о причине вашего прибытия?

Т р а н и о

Прошу, синьор, мою простите смелость,
Что сразу по приезде в этот город
Решил посвататься я к вашей дочке —
Прекрасной, добродетельнейшей Бьянке.
Небезызвестно мне решение ваше —
Для старшей мужа подыскать сначала,
Но я просил бы только об одном —
Чтоб вы, узнав мое происхождение,
Мне женихом позволили считаться
И благосклонны были, как к другим.
А вашим дочерям, для их занятий,
Я скромный инструмент принес, а также
Латинские и греческие книги.
И, если согласитесь их принять,
Они тем самым ценность обретут.

Б а п т и с т а

Люченцио зовут вас? Вы откуда?

Т р а н и о

Я сын Винченцио, синьор, из Пизы.

Б а п т и с т а

Он важный в Пизе человек; я знаю
Его по слухам. Очень рад вас видеть.—

(*К Гортензио.*)

Возьмите лютю.—

(*К Люченцио.*)

Вы возьмите книги
И тотчас же пройдите к ученицам.—
Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Синьоров проводи
Немедля к дочерям; скажи, что я
Велел учителей принять любезно.—

Пройдемте в сад, потом обедать будем.
Синьоры, верьте, я вам очень рад,
Вы можете не сомневаться в этом.

П е т р у ч ч о

Синьор Баптиста, медлить не могу я
И каждый день со сватовством являться,
А по отцу должны вы знать меня,
Наследника богатства и имений,
Я их не промотал, а приумножил.
Так если я добьюсь согласия дочки,
Приданое какое вы дадите?

Б а п т и с т а

По смерти — половину всех владений.
А к свадьбе дам я двадцать тысяч кроп.

П е т р у ч ч о

А я намерен закрепить за ней,
На случай, если бы вдовой осталась,
Имения мои и все аренды.
Напишем обязательства сейчас же,
И пусть они послужат нам контрактом.

Б а п т и с т а

Напишем после. Главное, добейтесь
Ее любви, — все дело только в этом.

П е т р у ч ч о

Вот пустяки! Я вам скажу, отец:
Она строптива — но и я упрям.
Когда же пламя с пламенем столкнутся,
Они пожрут все то, что их питало.
Хоть слабый ветер раздувает искру,
Но вихрь способен пламя погасить.
Таков и я. Она мне покорится;
Я не юнец безусый, а мужчина.

Б а п т и с т а

Ну, сватайтесь, и дай вам бог удачи,
Но ругани наслушаетесь вдоволь.

Петруччо

Не испугаюсь. Ведь стоят же горы
Неколебимо под напором ветра.

Входит Гортензио с разбитой головой.

Баптиста

Что с вами? Отчего так бледны, друг мой?

Гортензио

От страха бледен, смею вас уверить!

Баптиста

Ну как, из дочки музыкантша выйдет?

Гортензио

Скорее выйдет из нее солдат.
Оружие ей нужно, а не лютия.

Баптиста

Ее презренья к лютне не сломили?

Гортензио

Она сломила лютию об меня.
Сказал я только, что в ладах ошиблась,
Согнул ей руку, чтоб поставить пальцы,
Как в раздражение дьявольском она
«Лады? — вскричала. — Ладыте с ними сами!»
И инструментом так меняхватила,
Что сразу голова прошла сквозь деку,
И я, как у позорного столба,
Стоял, оторопев, торча из лютни.
Она ж меня тем временем честила
Негодным струнодёром, и болваном,
И всякими поносными словами,
Как будто их нарочно заучила,
Чтобы обидней обругать меня.

Петруччо

Клянусь душой, веселая девчонка!
Желаннее мне стала в десять раз.
Ах, перекинуться бы с ней словечком!

Баптиста
(к Гортензио)

Со мной идemте и не огорчайтесь,
Займитесь с младшей дочерью; она
Понятлива и будет благодарна.—
Синьор Петруччо, вы пройдете с нами,
Иль выслать Катарину к вам сюда?

Петруччо

Пришлите лучше. Здесь я подожду.

Баптиста, Гремio, Транио и Гортензио уходят.

Придет она — ухаживать примусь;
Начнет беситься — стану говорить,
Что слаще соловья выводит трели;
Нахмурится — скажу, что смотрит ясно,
Как роза, окропленная росой;
А замолчит, надувшись, — похваляю
За разговорчивость и удивлюсь,
Что можно быть такой красноречивой;
Погонит — в благодарностях рассыплюсь,
Как будто просит погостить с неделку;
Откажет мне — потребую назначить
День оглашения и день венчанья.
Она идет. Петруччо, начинай!

Входит Катарина.

День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?

Катарина

Слыхали так? Расслышали вы плохо.
Меня все называют Катариной.

Петруччо

Солгали вы; зовут вас просто Кет;
То милой Кет, а то строптивой Кет,
Но Кет, прелестнейшей на свете Кет.
Кет — кошечка, Кет — лакомый кусочек,
Узнай, моя сверхлакомая Кет,
Моя любовь, отрада, утешенье,
Что, услышав, как превозносят люди
Твою любезность, красоту и кротость,—

Хоть большего ты стоишь, несомненно,—
Я двинулся сюда тебя посватать.

К а т а р и н а

Он двинулся! Кто двинул вас сюда,
Пусть выдвинет отсюда. Вижу я,
Передвигать вас можно.

П е т р у ч ч о

То есть как?

К а т а р и н а

Как этот стул.

П е т р у ч ч о

Садись же на меня.

К а т а р и н а

Ослам таким, как ты, привычна тяжесть.

П е т р у ч ч о

Вас, женщин, тяжесть тоже не страшит.

К а т а р и н а

Ты про меня? — Ищи другую клячу.

П е т р у ч ч о

О, я тебе не буду в тягость, Кет.
Я знаю, молода ты и легка.

К а т а р и н а

Я так легка, что не тебе поймать,
А все же вешу столько, сколько надо.

П е т р у ч ч о

Жужжишь, пчела!

К а т а р и н а

Ты на сыча похож!

П е т р у ч ч о

Так горlinkа достанется сычу!

К а т а р и н а

Побьет, пожалуй, горlinkа сыча.

Петруччо

Ну, ну, оса; ты слишком зла, ей-богу.

Катарина

Оса? Так бойся жала моего.

Петруччо

Возьму да вырву жало — вот и все.

Катарина

Сначала ты найди его, дурак.

Петруччо

Известно, где оса скрывает жало:
В хвосте.

Катарина

Нет, в языке.

Петруччо

А в чем, скажи?

Катарина

В твоём, раз о хвосте сболтнул. Прощай.

Петруччо

Как! Мой язык в твоём хвосте! Ну нет!
Я дворянин!

Катарина

А вот сейчас проверим.

(Бьет его.)

Петруччо

Ударь еще — я сдачи дам, клянусь.

Катарина

Тогда с гербом простись.
Меня прибьешь — так ты не дворянин,
А раз не дворянин — герба и нет.

Петруччо

Ах, ты геральдик? Запиши мой герб.

Катарина

А что на шлеме — петушиный гребень?

Петруччо

Пусть я петух — будь курочкой моей.

Катарина

Ну и петух! Боятся кукарекать.

Петруччо

Довольно, Кет! Ну, не смотри так кисло.

Катарина

Я кисну от кислятины всегда.

Петруччо

Здесь нет кислятины, — так и не кисни.

Катарина

Нет, есть; нет, есть.

Петруччо

Где, покажи?

Катарина

Пет зеркала с собой.

Петруччо

Так это я?

Катарина

Хоть молод, а догадлив.

Петруччо

Да, молод для тебя.

Катарина

В морщинах весь.

Петруччо

Все от забот.

Катарина

А мне заботы нет!

Петруччо

Ну, Кет, послушай, так ты не уйдешь.

К а т а р и н а

Останусь — только рассержу. Пустите.

П е т р у ч ч о

Ничуть. Я нахожу тебя премилой.
Мне говорили — ты строптива, зла,
Но вижу я — все эти слухи ложны.
Ты ласкова, приветлива на редкость,
Тиха, но сладостна, как цвет весенний;
Не хмуришься, не смотришь исподлобья
И губы не кусаешь, точно злючка;
Перечить в разговоре ты не любишь
И с кротостью встречаешь женихов
Любезной речью, мягким обхождением.
Кто говорил мне, будто Кет хромает?
Клеветники! Нет, Кет стройна, как пруттик
Ореховый. Смугла же, как орешек,
Но много слаще ядрышка его.
Пройдись, а я взгляну. Ты не хромаешь?

К а т а р и н а

Ступай, болван, команду над прислугой!

П е т р у ч ч о

Могла ли в роще выступать Диана
Так царственно, как в этом зале Кет?
Ты стань Дианой, а Диана — Кет;
Кет станет скромной, а Диана резвой.

К а т а р и н а

Да где таким речам вы научились?

П е т р у ч ч о

Экспромты — от природного ума.

К а т а р и н а

Природа-мать умна, да сын безмозглый.

П е т р у ч ч о

Я не умен?

К а т а р и н а

Пошли бы лучше спать.

Петруччо

Я собираюсь спать в твоей постели.
Оставим эту болтовню. Короче:
Отец тебя мне в жены отдает;
В приданом мы сошлись, а потому
Поженимся, ты хочешь иль не хочешь.
Клянусь тем светом, что позволил мне
Узреть и полюбить твою красу, —
Ни за кого другого ты не выйдешь.
Рожден я, чтобы укротить тебя
И сделать кошечкой из дикой кошки,
Обычной милою, домашней киской.
Вот твой отец. Отказывать не вздумай!
Я должен мужем быть твоим — и буду!

Возвращаются Баптиста, Гремио и Транио.

Баптиста

Ну как, синьор? Поладили вы с дочкой?
Во всем сошлись?

Петруччо

Могло ли быть иначе?
Нам невозможно не поладить с ней.

Баптиста

Но, дочка, что же ты невесела?

Катарина

И вы меня еще зовете дочкой!
Так вот отцовская забота ваша —
Меня за полоумного просватать,
Разбойника, нахала, грубияна,
Что наглостью рассчитывает взять!

Петруччо

Вот что, отец; и вы, и все другие,
Болтавшие о ней, болтали зря.
Она сварлива так, для виду только,
На деле же голубки незлобивей,
Не вспыльчива совсем, ясна как утро,
Терпением Гризельду превзойдет,
А чистотой Лукреции подобна.

Ну, словом, так сумели мы сойтись,
Что свадьба состоится в воскресенье.

К а т а р и н а

Увижу раньше, как тебя повесят!

Г р е м и о

Ого, Петруччо! Раньше вас повесят!

Т р а н и о

Вот так сошлись! Ну, наше дело плохо!

П е т р у ч ч о

Я выбрал для себя ее, синьоры,
А раз довольны мы — что вам за дело?
Условились мы с ней, что при других
Она по-прежнему сварливой будет.
Поверить невозможно, говорю вам,
Как влюблена в меня! О Кет моя!
Она повисла у меня на шее
И щедро поцелуй за поцелуем,
За клятвой клятву расточала мне,
Пока любовь не разожгла мою.
Эх, суслики! Не знаете вы, видно,
Как может приручить наедине
Любой тихоня — злейшую чертовку.—
Дай ручку, Кет. В Венецию я еду,
Куплю уборы свадебные там.—
Отец, готовьте пир, гостей зовите,
Пусть будет Кет моя прекрасней всех.

Б а п т и с т а

Что вам сказать? Соедините руки.
Петруччо, будьте счастливы! Я рад.

Г р е м и о и Т р а н и о

Аминь. Свидетелями будем мы.

П е т р у ч ч о

Отец, жена, синьоры, до свиданья.
Я уезжаю. Воскресенье близко,
Куплю наряды, украшения, кольца.
Целуй же, Кет, меня без опасенья,
Сыграем свадьбу в это воскресенье!

Петруччо и Катарина уходят в разные стороны.

Г р е м и о

Как быстро свадьбу сладили, однако!

Б а п т и с т а

Я роль купца играю, господа,
Что сбыл товар неведомо куда.

Т р а н и о

Товар ваш залежаться мог, синьор,
Теперь же прибыль даст иль в море сгинет.

Б а п т и с т а

Их счастье в браке — вот и прибыль мне.

Г р е м и о

О, будьте в том уверены вполне.
Теперь поговорим о младшей дочке.
Настал желанный день; я ваш сосед
И первым сватался к прелестной Бьянке.

Т р а н и о

Но Бьянку я люблю сильнее, чем можно
Сказать словами иль представить в мыслях.

Г р е м и о

Не можешь ты любить, как я, глупыш!

Т р а н и о

Застудишь ты любовь.

Г р е м и о

А ты спалишь!
Прочь, сосунок. Старик — жене опора.

Т р а н и о

Но к молодым стремятся женщин взоры.

Б а п т и с т а

Синьоры, стойте, я решу ваш спор.
Приз — по заслугам! Тот из вас, кто больше
Во вдовью часть моей назначит дочке,
Тот и получит Бьянку.—
Вы, Гремно, что можете ей дать?

Г р е м и о

Дом городской мой серебром заставлен,
И золотой посудой, и тазами
Для омовенья рук ее нежнейших.
Он весь увешан тирскими коврами;
Полны монет ларцы слоновой кости,
А в кипарисных сундуках — наряды,
Тончайшее белье и балдахины,
Турецкие подушки с жемчугами,
Венецианское шитье златое,
И утварь медная, и все, что нужно
В хозяйстве. У меня стоят на ферме
До ста коров с удоем по ведру,
Откормленных быков побольше сотни,
И всякой прочей живности в избытке.
Я сам уже в летах, признаться должен,
Умри я завтра — ей оставлю все,
Пусть только согласится стать моею.

Т р а н и о

Все дело в этом «только». Я, синьор,
Единственный наследник у отца,
И, если дочь вы отдадите мне,
Достанется ей несколько домов
В богатой Пизе, — и любой из них
Нисколько не уступит дому Гремио.
А сверх того она получит в год
Две тысячи дукатов от имений.
Вот что составит вдовью часть ее.
Ну как, поддел я вас, синьор мой Гремио?

Г р е м и о

Две тысячи дохода ежегодно?
Мои имения все того не стоят.
Но я еще корабль могу добавить;
Он в гавани стоит сейчас, в Марселе.
Что, сударь, подавились кораблем?

Т р а н и о

Все знают, что у моего отца
Три корабля помимо двух галер
И дюжины гребных судов. Все — ей!
Что ни предложите, могу удвоить.

Г р е м и о

Все предложил! Нет больше ничего!
Не в силах дать я больше, чем имею.
Гожусь — меня со всем добром берите.

Т р а н и о

Ну, значит, девушка теперь моя.

(Баптисте.)

Вы обещали. Победил я Гремю.

Б а п т и с т а

Признаюсь, ваше предложение лучше,
И если бы отец ваш поручился,—
Берите Бьянку. Если ж нет — простите!
Умри вы до него — что с Бьянкой будет?

Т р а н и о

Вот пустяки! Я молод, он старик.

Г р е м и о

А разве молодые-то не мрут?

Б а п т и с т а

Прошу, синьоры, выслушать меня.
Вот как решил я: в это воскресенье
Дочь Катарину замуж выдаю,

(к Транио)

И в то же воскресенье Бьянка станет
Невестой вашей, коль отец согласен;
А нет — ее за Гремю я выдам.
Спасибо вам обоим. До свиданья.

Г р е м и о

Сосед, прощайте.

Б а п т и с т а уходит.

Ну, ты мне не страшен.
Балбес! Отец твой не такой дурак,
Чтоб, все отдав, идти на склоне лет
К тебе в нахлебники. Нет, милый, дудки!
Со старым лисом плохи будут шутки.

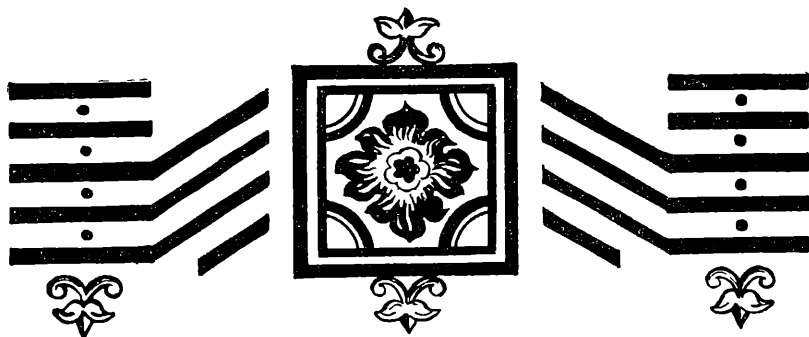
(Уходит.)

Т р а н и о

Ну, старый хрыч, тебе я отомщу!
Есть у меня еще в запасе козырь;
Я знаю, как хозяину помочь.
Не может разве мнимый сын — Люченцио
Добыть и мнимого отца — Винченцио?
Вот чудо! Ведь обычно создают
Отцы детей. Но я любви служу
И, если нужно, сам отца рожу!

{Уходит.}

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Падул. Дом Баптисты.

Входят Люченцио, Гортензио и Бьянка.

Люченцио

Эй, музыкант, кончай! Ты обнаглел!
Забыл уже, какой тебе прием
Устроила синьора Катарина?

Гортензио

Педант крикливый! Но ведь здесь сама
Гармонии царица пред тобою.
Так уступи мне первенство без спора.
Часок займусь я музыкой, а там
Часок и ты для чтения получишь.

Люченцио

Тупой осел! Ты так необразован,
Что назначенья музыки не знаешь.
Она должна лишь освежать наш ум,
Уставший от занятий и трудов.
Займусь я философией и чтеньем,
А ты потом сыграй для развлечения.

Гортензио

Твоих насмешек я терпеть не стану.

Бьянка

Вы обижаете меня, синьоры,
Своими пререканьями о том,
Что мне одной лишь следует решать.
Не школьница я, розги не боюсь,—
Прошу меня не связывать часами;
Когда хочу, тогда и занимаюсь.
Давайте кончим спор и сядем здесь.

(К Гортензио.)

Возьмите вашу лютню и настройте;
А мы тем временем займемся чтением.

Гортензио

Когда настрою, бросите читать?

Люченцио

Как бы не так! Настраивайте лютню.

Бьянка

Где мы остановились в прошлый раз?

Люченцио

Вот здесь, синьора.
«Hic ibat Simois; hic est Sigeia tellus;
Hic steterat Priami regia celsa senis»¹.

Бьянка

Переведите мне.

Люченцио

Hic ibat — как я уже говорил; Simois — я Люченцио; hic est — сын Винченцио из Пизы; Sigeia tellus — переоделся для того, чтобы завоевать вашу любовь; hic steterat — а Люченцио, что сватается к вам, Priami — мой слуга Транио; regia — переодетый в мое платье; celsa senis — для того, чтобы получше провести старого Панталоне.

Гортензио

Синьора, я уже настроил лютню.

Бьянка

Послушаем... Фи, как верхи фальшивят!

¹ Здесь протекал Симоис; здесь Сигейская земля; здесь стоял высочайший дворец старца Приама. (Лат.)

Люченцио

Поплюйте и настраивайте снова.

Бьянка

Смогу ли я перевести, посмотрим.

Nic ibat Simois — я вас не знаю; hic est Sigeia tellus — я вам не верю; hic steterat Priami — будьте осторожны, чтобы он нас не услышал; regia — не будьте самонадеянны; celsa senis — не отчаивайтесь.

Гортензио

Ну вот, настроил я.

Люченцио

Низы фальшивят.

Гортензио

Низы верны; фальшивит низкий плут.

(В сторону.)

Учительшка дерзок и развязен;
Клянусь, за ней приволокнуться хочет.
Pedasculе! ¹ Я выслежу тебя!

Бьянка

Когда-нибудь, быть может, и поверю.
Сейчас боюсь.

Люченцио

Не бойтесь. Закид

По деду был Аяксом наречен.

Бьянка

Учителю обязана я верить,
А то бы волю я дала сомненьям.
Оставим это, Личио, прошу вас.—
Любезные наставники, простите,
Что с вами я обоими шутила.

Гортензио

(к Люченцио)

Оставьте нас. Пойдите, прогуляйтесь.
В три голоса я петь не собираюсь.

¹ Учителишка! (Лат.)

Люченцио

Вот строгости! Нет, я уж подожду.

(В сторону.)

И послежу. Бьюсь об заклад, что наш
Любезный музыкант в нее влюбился.

Гортензио

Синьора, прежде чем коснуться струн
И до того, как вам поставить пальцы,
Азы искусства с вами мы пройдем.
Я объясню вам построение гаммы
Понятнее, успешнее и лучше,
Чем всякие другие музыканты.
Вот гамма — я ее переписал.

Бьянка

Но гамму я и так отлично знаю.

Гортензио

Все ж ознакомьтесь с гаммою Гортензио.

Бьянка

(читает)

«Я гамма, всех аккордов основанье.
А, ге — Гортензио пленен тобой,
В, ми — не отвергай его признаний!
С, фа — позволь тебя назвать женой.
До, сол, ге — ключ; две ноты в нем найдешь.
Е, ла, ми — сжался, иль меня убьешь».
И это гамма ваша? Нет уж, я
Предпочитаю старую. Не стану
Ее менять на ваши измышленья.

Входит слуга.

Слуга

Синьора, вам отец велит оставить
Занятия ваши и помочь сестрице;
Ведь завтра под венец она идет.

Бьянка

Наставники любезные, прощайте!

Бьянка и слуга уходят.

Люченцио

Тогда и мне нет смысла оставаться.

(Уходит.)

Гортензио

А мне есть смысл за ним понаблюдать;
Он что-то на влюбленного походит.
Но если, Бьянка, помыслы твои
Так низки, что любому прощелью
Ты строишь глазки,— так ступай к нему.
Но, убедившись в низости такой,
Гортензио расплатится с тобой.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Падуя. Перед домом Баптиста.

Входят Баптиста, Гремियो, Трапио, Катарина, Бьянка,
Люченцио и слуги.

Баптиста

(к Трапио)

Синьор Люченцио, сегодня день
Венчанья Катарины и Петруччо,
А зятя и в помине даже нет.
Что скажут все? Как будут насмехаться!
Жених пропал, а в церкви ждет священник,
И все давно готово для венчанья.
Что скажете вы о позоре нашем?

Катарина

Позор лишь мне. Заставили насильно
И против воли сердца дать согласие
Заносчивому, грубому нахалу,
Шуту, который свататься спешил,
Да только не торопится жениться.
Я говорила вам, что он дурак
И прячет злость за наглостью своею.
А чтоб ему прослыть весельчаком,
Готов посватать тысячу невест,
Назначить свадьбу, пригласить друзей,
Не помышляя вовсе о женитьбе.

В лицо теперь мне пальцем будут тыкать:
Она, мол, стала бы женой Петруччо,
Когда б на ней изволил он жениться.

Т р а н и о

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петруччо вас обманывать не станет.
Его случайность, видно, задержала.
Он хоть и груб немного, но умен;
Хоть весельчак, да честный человек.

К а т а р и н а

Ах, лучше б я его совсем не знала!
(Уходит плача; за нею Бьянка и другие.)

Б а п т и с т а

Ступай, дитя! Не упрекну за слезы.
Святая не снесет такой обиды,
Не то что ты, с твоим строптивым нравом.

Входит Бьонделло.

Б ь о н д е л л о

Хозяин! Хозяин! Новости, старые новости, такие новости, ка-
ких вы никогда не слыхали!

Б а п т и с т а

Что это за старые новости? Как это может быть?

Б ь о н д е л л о

А разве не новость — прибытие Петруччо?

Б а п т и с т а

Он прибыл?

Б ь о н д е л л о

Нет, синьор.

Б а п т и с т а

Так в чем же дело?

Б ь о н д е л л о

Он прибывает.

Б а п т и с т а

А когда он будет здесь?

Б ь о н д е л л о

Тогда, когда будет стоять на моем месте и глядеть на вас.

Т р а н и о

Но Расскажи нам твои старые новости!

Б ъ о н д е л л о

Ну как же! Петруччо едет в новой шляпе и старой куртке, в старых, трижды лицованных штанах; сапоги его служили свечными ящиками — один застегнут пряжкой, другой подвязан шнурком; старый ржавый меч из городского арсенала с изломанной рукояткой, отбитым острием и без ножен. На лошади — изъеденное молью седло, и стремена друг с другом в родстве не состояли. Вдобавок еще лошадь больна сапом, холка сбита, зубы шатаются, селезенка ёкает, кожа в болячках, суставы распухли; страдает желтухой и головокружением; ее грызут глисты, спина с изъязном, лопатки торчат, на передние ноги припадает, удила сломаны, а недоуздок из бараньей кожи, да его, видно, так часто натягивали, чтобы лошадь не свалилась, что он разорвался и теперь в нескольких местах связан узлами. Подпруга сшита из шести кусков, а подхвостник бархатный, с дамского седла; на нем две именные буквы, красиво выложенные гвоздиками, и связан он бечевкой.

Б а п т и с т а

А кто едет с ним?

Б ъ о н д е л л о

Ах, синьор, его слуга, разукрашенный не хуже лошади. На одной ноге у него бумажный чулок, на другой шерстяная гетра, и подвязаны они синим и красным шнурками. Старая шляпа, а вместо пера воткнуто сорок пестрых лент. Чудовище, истинное чудовище по наряду, и не похож ни на христианского лакея, ни на человеческого слугу.

Т р а н и о

Не зря он едет к нам в столь диком виде.
Обычно он как принято одет.

Б а п т и с т а

Я рад, что он явился, в каком бы он виде ни прибыл.

Б ъ о н д е л л о

Нет, синьор, он не прибыл.

Б а п т и с т а

Разве ты не сказал, что он прибыл?

Б ъ о н д е л л о

Кто? Петруччо прибыл?

Б а п т и с т а

Ну да; Петруччо прибыл.

Б ъ о н д е л л о

Нет, синьор; я сказал, что его лошадь прибыла, а он сидит на спине у нее.

Б а п т и с т а

Да ведь это одно и то же.

Б ъ о н д е л л о

Где видано такое?
Тут дело не простое;
Ведь конь и господин,
Хоть больше, чем один,
А все-таки не двое.

Входят Петруччо и Грумио.

П е т р у ч ч о

Куда все подевались? Эй, кто дома?

Б а п т и с т а

Вы в добром здравии?

П е т р у ч ч о

Куда там в добром!..

Б а п т и с т а

Но не хромаете?

Т р а н и о

Одеты, правда,
Не так, как надо бы.

П е т р у ч ч о

И в лучшем платье я спешил бы так же. —
Где Кет? Где нежная моя невеста?
Как мой отец? Друзья, вы что ж надулись?
Что на меня вы пялите глаза?
Я статуя диковинная, что ли,
Комета или невиданное чудо?

Б а п т и с т а

Синьор, но ведь сегодня ваша свадьба.
Грустили мы, что вас так долго нет;
Теперь грустим сильнее, таким вас видя.
Ведь ваш наряд — позор для жениха,
Долой его, он осквернит наш праздник.

Т р а н и о

Какие неотложные дела
С невестой разлучили вас, скажите?
И что это за вид необычайный?

П е т р у ч ч о

Рассказ не из коротких — скучно слушать;
Достаточно, что слово я сдержал,
Хоть и пришлось явиться с опозданием.
Я на досуге оправдаюсь так,
Что все останетесь довольны, верьте.
Но где же Кет? Мы долго не видались,
Проходит утро — время в церкви быть.

Т р а н и о

Нельзя идти к невесте в этих тряпках,
Зайдем ко мне, наденьте мой костюм.

П е т р у ч ч о

Нет, не надену; я явлюсь к ней в этом.

Б а п т и с т а

Но ведь венчаться так вы не пойдете?

П е т р у ч ч о

Нет, только так, а не иначе! Хватит!
Она со мной венчается, не с платьем.
Когда бы мог я собственную душу,
Которую она мне поистреплет,
Сменить так просто, как лохмотья эти,
Ей лучше было бы, а мне подавно.
Но что же я, дурак, стою, болтаю,
Когда мне следует спешить к невесте,
Ее приветствовать и закрепить
Свои права над нею поцелуем?

Петруччо и Грумио уходят.

Т р а н и о

Он с умыслом так нарядился странно.
Попробуем-ка убедить его
Венчаться в более приличном виде.

Б а п т и с т а

Пойду за ним, взгляну, что будет дальше.
Баптиста, Гремιο и слуги уходят.

Т р а н и о

(к Люченцио)

К любви синьоры ведь добавить нужно
Еще согласие вашего отца.
Для этого, как я уж говорил,
Нам нужен подходящий человек.
Не важно, кто он,— мы его научим
И назовем Винченцио из Пизы.
Пускай он здесь поручится за вас
На суммы покрупней, чем я сулил;
Тогда плоды своих надежд пожнете,
И дочку вам отдаст синьор Баптиста.

Л ю ч е н ц и о

Когда бы жалкий этот музыкантик
Так не следил за каждым шагом Бьянки,
Я мог бы тайно обвенчаться с нею,
А там — пусть будет против целый свет,—
Я за свое сумею постоять.

Т р а н и о

Мы это подготовим постепенно
И дело в нашу пользу обернем.
Мы околпачим старикашку Гремιο,
Ехидного папашу Минола
И влюбчивого музыканта Личио,—
Раз это нужно вам, хозяин мой.

Возвращается Гремιο.

Вы возвращаетесь из церкви, Гремιο?

Г р е м и о

Я прежде так из школы убегал.

Т р а н и о

Муж молодой с женою тоже вышли?

Г р е м и о

Мужик он неотесанный — не муж;
Он грубиян и ей себя покажет.

Т р а н и о

Грубей ее? Нет, это невозможно.

Г р е м и о

Он дьявол, дьявол, настоящий черт.

Т р а н и о

Но и она чертовка, просто ведьма.

Г р е м и о

Она дитя, ягненок рядом с ним.
Послушайте! Когда спросил священник,
Готов ли взять он в жены Катарину,
Он громко завопил: «Да, черт возьми!» —
И начал так отчаянно божиться,
Что ужаснулись все, а сам священник
От перепугу требник уронил;
Когда ж нагнул, чтоб поднять его,
Жених ему такого дал пинка,
Что поп свалился наземь вместе с книгой.
«Ну, а теперь,— загрохотал жених,—
Кому охота, подымайте их!»

Т р а н и о

Ну, а невеста что же говорила?

Г р е м и о

Она тряслась, а он ругался, топал,
Как будто поп его падуть хотел;
Когда же кончился обряд венчанья,
Потребовал вина и тост заздравный
Так гаркнул, точно он на корабле
С матросами пирует после бури.
Мускат весь выдул и плеснул опивки
В лицо пономарю из-за того лишь,
Что тот своею жидкой бородежкой
К нему тянулся, будто ждал подачки.

Потом невесту обхватил за шею
И так ее он звонко чмокнул в губы,
Что эхо в сводах церкви отдалось.
Я со стыда сбежал, увидя это,
А вслед за мной и остальные тоже.
Столь дикой свадьбы свет еще не видел!
Но слышите?

Музыка.

Уж музыка играет.

Возвращаются Петруччо, Катарипа, Бьянка, Баптиста,
Гортензио, Грумио и гости.

Петруччо

Благодарю за хлопоты, друзья.
Вы собирались сесть со мной за стол
И приготовили роскошный пир;
Но у меня по горло спешных дел,
И потому я должен вас покинуть.

Баптиста

Поехать вы хотите, на ночь глядя?

Петруччо

Уеду я до наступленья ночи.
Не изумляйтесь. Если бы вы знали
Мои дела,— совет бы дали ехать.
Спасибо всей компании любезной.
Вы видели, как отдал я себя
Нежнейшей, добродетельной жене.
Останьтесь пировать с моим отцом.
Прошу вас выпить за мое здоровье.
Я ж должен ехать. Ну, прощайте все.

Транио

Мы просим вас остаться пообедать.

Петруччо

Нет, не могу.

Грмио

Я очень вас прошу.

Петруччо

Нет, невозможно.

К а т а р и н а

Я прошу вас очень.

П е т р у ч ч о

Я рад.

К а т а р и н а

Остаться рады?

П е т р у ч ч о

Нет, я рад,

Что попросили вы меня остаться.

Но, как бы ни просили, не останусь.

К а т а р и н а

Ну, из любви останьтесь.

П е т р у ч ч о

Лошадей!

Г р у м н о

Готовы, синьор; овес уже всех лошадей съел.

К а т а р и н а

Ну, если так —

Что хочешь делай, я не двинусь с места.

Нет, нет, и не сегодня, и не завтра,

Пока сама не захочу поехать.

Открыты двери; скатертью дорога,

И топай, пока целы сапоги.

Что до меня, то я останусь здесь.

Вот, нечего сказать, хороший муж!

Себя вы сразу показать сумели.

П е т р у ч ч о

Да успокойся, киска, не сердись.

К а т а р и н а

Хочу сердиться! Вам-то что за дело? —

Отец, он будет с нами, я ручаюсь;

Пока не захочу, он не уедет.

Г р е м и о

Заварится сейчас такая каша!..

К а т а р и н а

Прошу к столу пожаловать, синьоры.
Из женщины не трудно сделать дуру,
Когда она боится дать отпор.

П е т р у ч ч о

Они пойдут к столу, как ты велела.
Прошу повиноваться новобрачной,
Идите пировать и веселиться
И пейте вдоволь за ее невинность,
Буяньте и кутите сколько влезет,
А не хотите — убирайтесь к черту!
Но милая жена со мной поедет;
Не топай, киска, не косись, не фыркай —
Я своему добру хозяин полный.
Теперь она пмушество мое:
Мой дом, амбар, хозяйственная утварь,
Мой конь, осел, мой вол — все что угодно.
Вот здесь она стоит. Посмейте тронуть —
И тут же я разделаюсь с любым,
Кто в Падуе меня задержит. Грумио,
К оружию! Хотят ограбить нас!
Спасай хозяйку, если ты мужчина.
Не бойся, Кет, тебя никто не тронет;
Я отобью, хоть будь их миллион.

Петруччо, Катарина, Грумио уходят.

Б а п т и с т а

Пусть их идут. Не пара — загляденье!

Г р е м и о

Еще чуть-чуть — и я б со смеху лопнул.

Т р а н и о

Безумней в мире не бывало брака.

Л ю ч е н ц и о

Что скажете, синьора, о сестре?

Б ь я н к а

Безумная она, и брак безумный.

Г р е м и о

Она окатаринила его.

Б а п т и с т а

Друзья, хоть новобрачных с нами нет
И за столом пустуют их места,
Зато в избытке яства на пиру.
Пусть место жениха займет Люченцио;
Ты, Бьянка, сядь на место Катарины.

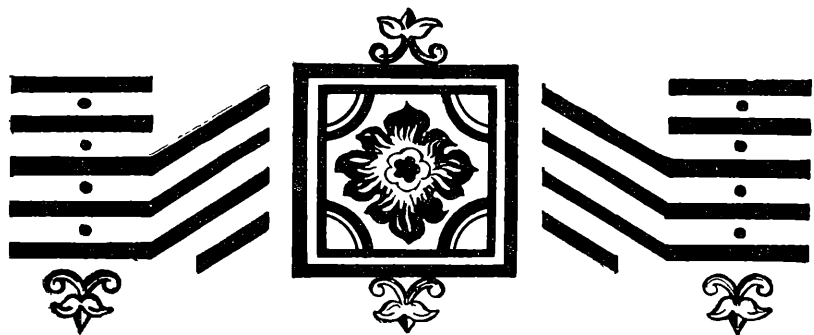
Т р а н и о

Чтоб к роли новобрачной приучаться?

Б а п т и с т а

Да, да, Люченцио. За стол, друзья!
Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Загородный дом Петруччо.

Входит Грумио.

Г р у м и о

Тьфу, да пропади они пропадом, все дохлые клячи, все сумасбродные хозяева и все скверные дороги! Бывал ли когда человек так истрепан? Бывал ли когда человек так забрызган? Бывал ли когда человек так измучен? Меня послали вперед развести огонь, а они приедут следом греться. Не будь я мал да горяч, так у меня бы губы примерзли к зубам, язык к нёбу, сердце к желудку, прежде чем я бы успел развести огонь, чтобы оттаять. Но, раздувая огонь, я и сам согреюсь. Ведь по этакой погоде человек и повыше меня схватит простуду.— Эй, эй, Кертис!

Входит Кертис.

К е р т и с

Кто это зовет меня таким застывшим голосом?

Г р у м и о

Кусок льда. Если сомневаешься, скатись вниз по моему плечу до пяток: разбега больше, чем от головы до шеи, не потребуется. Огня, славный Кертис!

К е р т и с

Мой хозяин и его жена едут, Грумио?

Г р у м и о

Едут, Кертис, едут, а потому огня, огня! Хватит воду лить.

К е р т и с

А она в самом деле так горяча и строптива, как говорят?

Г р у м и о

Была, добрый Кертис, до этого морозца. Но ты ведь знаешь, стужа смиряет и мужчину, и женщину, и скотину. Вот она и смирила моего старого хозяина и новую хозяйку, да и меня самого, друг мой Кертис.

К е р т и с

Убирайся ты, трехдюймовый болван! Я не скотина.

Г р у м и о

Неужто во мне только три дюйма? Да у тебя рога длиной в целый фут, а уж я по крайней мере не меньше их. Намерен ты разводить огонь, или мне нужно жаловаться хозяйке? А так как она сама под рукой, то от ее руки тебе сразу холодно станет за то, что медлишь со своим горячим делом.

К е р т и с

Прошу тебя, любезный Грумио, расскажи, что делается на свете?

Г р у м и о

Холодно на свете, Кертис, холодно во всех должностях, кроме твоей. А посему — давай огня. Займись своим делом, и получишь поделом, потому что хозяин с хозяйкой чуть не до смерти замерзли.

К е р т и с

Ну, вот и огонь готов. Выкладывай теперь новости, милый Грумио.

Г р у м и о *(напевает)*

«Эх, Джек! Ах, Джек!..» Новостей сколько тебе угодно.

К е р т и с

Ну и плут же ты отъявленный!

Г р у м и о

Давай же огня! Меня страх как продуло. Где повар? Готов ли ужин, прибрали ли дом, посыпаны ли полы, сметена ли паутина?

Надели слуги новые платья, белые чулки и свадебные украшения? Вымыты ли стаканы внутри, а чашки сваружи, постелен ли ковер и все ли в порядке?

К е р т и с

Все готово; поэтому прошу тебя, выкладывай новости.

Г р у м и о

Ну так вот: во-первых, моя лошадь устала, а мой хозяин с хозяйкой бултыхнулись.

К е р т и с

Как?

Г р у м и о

С седел прямо в грязь; вот тут и начинается история.

К е р т и с

Расскажи ее, добрый Грумио.

Г р у м и о

Давай ухо.

К е р т и с

Вот оно.

Г р у м и о *(бьет его)*

Получай.

К е р т и с

Это значит почувствовать историю, а не выслушать.

Г р у м и о

Потому-то и говорят люди: чувствительная история. А в ухо я тебе заехал для того, чтобы постучаться и попросить внимания. Начинаю: во-первых, спускались мы с грязного пригорка, причем мой хозяин ехал позади хозяйки...

К е р т и с

Оба на одной лошади?

Г р у м и о

А тебе что?

К е р т и с

Не мне, а лошади...

Г р у м и о

Ну, так сам дальше и рассказывай. А если бы ты меня не перебил, ты бы услышал, как ее лошадь оступилась, а она свалилась под лошадь; ты бы услышал, что там была за грязь, как хозяйка вся выпачкалась, как он ее оставил лежать под лошадью, а сам принялся лупить меня за то, что ее лошадь оступилась,

как она шлепала по грязи, чтобы оттащить его от меня, как он ругался, как она умоляла — она, которой раньше и просить-то ни о чем не приходилось, — как я орал, как лошади разбежались, как ее уздечка лопнула, как я потерял подпругу, и еще много всяких интереснейших вещей, которые теперь останутся в забвении, а ты сойдешь в могилу, так ничего и не узнав.

К е р т и с

По этому расчету выходит, что он еще строптивее ее!

Г р у м и о

Вот именно. И ты, и самый важный из вас это сразу почувствуете, как только он вернется домой. Да что я заболтался? Зови сюда Натаниэля, Джозефа, Никласа, Филиппа, Уолтера, Лакомку и всех остальных. Пусть гладко причешут волосы, вычистят свои синие куртки, как следует завяжут подвязки. Пусть встанут на левое колено и не посмеют дотронуться даже до волоска в хвосте лошади хозяина, пока не приложатся к ручке. Ну как там, все готовы?

К е р т и с

Готовы.

Г р у м и о

Зови их сюда.

К е р т и с

Эй, слышите? Вы должны встретить хозяина, чтобы не ударить лицом в грязь перед хозяйкой.

Г р у м и о

Да ведь она сама лицом в грязь ударила.

К е р т и с

Кто же этого не знает?

Г р у м и о

Ты не знаешь, раз собираешь людей, чтобы перед ней в грязь лицом не ударить.

К е р т и с

Я их зову, чтобы ее разодолжить.

Г р у м и о

А она вовсе не собирается одалживаться.

Входят несколько слуг.

Н а т а н и э л ь

Добро пожаловать, Грумио!

Филипп

Ну как дела, Грумио?

Джозеф

Эй, Грумио!

Никлас

Дружище Грумио!

Натаниэль

Как поживаешь, старина?

Грумио

Добро пожаловать... Ну как дела... Эй, ты... Здорово, дружище... Ну и хватит для встречи. А теперь, друзья-щеголи, все ли готово, все ли в порядке?

Натаниэль

Все готово. Что, наш хозяин близко?

Грумио

Рукой подать, наверно уже спешился; поэтому не... Тихо, черт побери! Я слышу его голос!

Входят Петруччо и Катарина.

Петруччо

Где эти олухи? Никто не встретит,
Коня не примут, стремя не поддержат!
Где Грегори, Филипп, Натаниэль?

Слуги

Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!

Петруччо

«Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!»
Мужланы неотесанные, плуты!
Ни рвенья, ни заботы, ни старанья!
Где тот болван, кого вперед я выслал?

Грумио

Я здесь, синьор, и так же глуп, как прежде.

Петруччо

Ах ты растяпа, сукин сын, прохвост!
Ведь я тебе велел встречать нас в парке
И этих всех мерзавцев привести.

Г р у м и о

У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить шляпу,
И Уолтера кинжал еще в починке.
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты,
А остальные босы и в отрепьях,
Но даже в этом виде все явились.

П е т р у ч ч о

Ступайте, дурни! Подавайте ужин.—

С л у г и уходят.

(Поет.)

«Где ты, жизнь моя былая,
Где...» — Кет, добро пожаловать, садись.
Ух-ха-ха-ха!

Входят слуги с ужином.

Мой милый котик, будь повеселее.—
Тащите сапоги с меня, мерзавцы!

(Поет.)

«Жил монах, молился богу,
Раз он вышел на дорогу...» —
Прочь, ротозей! Ты ногу оторвал мне.
Вот, получай!

(Бьет его.)

Не оторвешь другую! —
Развеселись же, Кет! — Эй, дайте воду! —
А где мой пес Троил? — Беги, болван,
Да позови кузена Фердинанда.—
Ты, Кет, должна поцеловаться с ним.—
Где туфли? Ну, дождусь ли я воды?

Входит слуга с кувшином и тазом.

Помойся, котик, сделай одолжение.

С л у г а роняет кувшин.

Ах, сукин сын, еще ронять ты вздумал!

(Бьет его.)

К а т а р и н а

Ну, успокойтесь. Он ведь не нарочно.

Петруччо

Пес, олух, вислоухая каналья! —
Садись же, Кет. Ты голодна, конечно.
Прочтешь молитву, или мне читать? —
Барашек это?

Слуга

Да.

Петруччо

Кто подал?

Слуга

Я.

Петруччо

Он подгорел. Все начисто сгорело.
Ну что за псы! А где мошенник-повар?
Как смели вы из кухни принести
И мне подать к столу такую мерзость?
Долой ножи, тарелки,— все убрать!

(Сбрасывает блюдо с мясом и посуду на пол.)

Лентяи! Бестолковые рабы!
Еще ворчать? Вот я вам покажу!

Катарина

Супруг мой, я прошу вас, не волнуйтесь.
Вам показалось, мясо не плохое.

Петруччо

Кет, я сказал — жаркое подгорело.
Нельзя такое есть. От этих блюд
Желчь разливается, рождая злобу.
Уж лучше попоститься нам сегодня,
Чем кушать пережаренное мясо.
Ведь желчи нам с тобой и так хватает.
Ну, потерпи! Мы утром все исправим,
А ночью попостимся за компанию.
Я в спальню провожу тебя, пойдем.

Петруччо и Катарина уходят.
Возвращаются несколько слуг.

Н а т а н и э л ь

Ну, Питер, видел ты что-нибудь подобное?

П и т е р

Он ее бьет ее же оружием.

Возвращается К е р т и с.

Г р у м и о

Где он?

К е р т и с

В спальне. Читает ей проповедь о воздержании.

Орет, буянит, а она не знает,
Куда деваться, что ему ответить;
Сидит, бедняжка, будто в полусне.
Уйдем скорее! Он идет сюда,

Уходят.

Входит П е т р у ч ч о.

П е т р у ч ч о

Свое правление я мудро начал.
Надеюсь, что и завершу успешно.
Мой сокол голоден и раздражен.
Пока не покорится — есть не дам,
А то глядеть не станет на добычу.
Еще есть путь дикарку приручить,
Чтобы на зов хозяина бежала:
Мешать ей спать, как ястребу, который
Не хочет слушаться, клюет и бьется.
Сегодня голодна и не поест;
Ночь не спала и нынче спать не будет.
И так же, как сумел придрататься к мясу,
К постели придерусь: перину сброшу,
Подушки, одеяла расшвыряю,
Твердя при этом, что скандал я поднял
Единственно из-за вниманья к ней.
Всю ночь она, конечно, спать не сможет,
А чуть задремлет — я начну ругаться
И криком ей не дам уснуть совсем.
Вот способ укротить строптивый нрав.
Кто знает лучший, пусть расскажет смело —
И сделает для всех благое дело.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Падуя. Перед домом Баптисты.
Входят Транио и Гортензио.

Т р а н и о

Как, друг мой Личио, ужели Бьянка
Мечтает о другом, не о Люченцио?
Она меня предпочитала всем!

Г о р т е н з и о

Хотите убедиться — встаньте здесь;
Проверьте-ка, чему ее он учит.

Входят Бьянка и Люченцио.

Л ю ч е н ц и о

Как вы преуспеваете в ученье?

Б ь я н к а

А вы чему же учите? Скажите.

Л ю ч е н ц и о

Учу я одному — любви искусству.

Б ь я н к а

Владеее искусством вы таким?

Л ю ч е н ц и о

Да, милая, как сердцем вы моим.

Отходят в глубину сцены.

Г о р т е н з и о

Блестящие успехи! А теперь
Вы поклялись бы, что синьора Бьяпка
Лишь одному Люченцио верна?

Т р а н и о

О женское коварство! Вероломство!
Ах, Личио, я просто поражен.

Г о р т е н з и о

Синьор, не заблуждайтесь. Я не Личио,
Не музыкант, каким казался вам,
И маску больше не хочу носить

Во имя той, которая способна
Мне, дворянину, предпочесть мужлана,
Любовь свою бродяге подарив.
Узнайте же — меня зовут Гортензио.

Т р а н и о

Синьор Гортензио, мне доводилось
О ваших пылких чувствах к Бьянке слышать,
Но я теперь, воочью убедившись
В ее непостоянстве, предлагаю
Нам вместе от любви ее отречься.

Г о р т е н з и о

Видали, как целуются? Люченцио,
Вот вам рука моя. Клянусь душою,
Не стоит Бьянка преданной любви,
Которую так нежно предлагал ей.

Т р а н и о

Клянусь и я пенаушнимою клятвой,
Что не женюсь на ней, пусть даже просит!
Стыд и позор! Как льнет к нему, смотрите!

Г о р т е н з и о

Все отречемся — пусть идет к нему!
Что до меня, то, клятву соблюдая,
В три дня женюсь я на вдове богатой,
Которая меня не меньше любит,
Чем я любил кокетку эту, Бьянку.
Итак, синьор Люченцио, до свиданья.
Отныне в женщинах ценить начну
Не красоту, а преданное сердце.
Прощайте. Клятву я свою сдержу.

(Уходит.)

Т р а н и о

(подходя к Бьянке)

Ну, вы достигли счастья наконец,
Желанного для любящих сердец.
Случайно подсмотрел я ваши шашни,
И мы с Гортензио отреклись от вас.

Б ь я н к а

Вы оба отреклись? Ты шутишь, Транио!

Т р а н и о

Нет.

Л ю ч е н ц и о

Значит, Личио нам не опасен.

Т р а н и о

Он свататься решил к вдове веселой
И свадьбу справить с нею в тот же день.

Б ь я н к а

Пошли им счастья бог!

Т р а н и о

Ее он укротит.

Б ь я н к а

Ну, как сказать!

Т р а н и о

Ведь в школу укрощенья поступил он.

Б ь я н к а

Да разве есть такая школа, Транио?

Т р а н и о

А как же! В ней учителем Петручко.
Он знает двадцать способов различных,
Как жен строптивых прибирать к рукам
И воли не давать их языкам.

Входит Б ь о н д е л л о.

Б ь о н д е л л о

Синьор, синьор! Я сторожил так долго,
Что хуже пса устал. Но наконец
С холма спустился старикан почтенный;
Он подойдет, пожалуй, нам.

Т р а н и о

А кто он?

Б ь о н д е л л о

Учительшка, верно, иль купец,—
Не знаю; но по виду и осанке
Сойдет вполне за вашего отца.

Люченцио

Ну, Транио, что скажешь ты об этом?

Транио

Что ж, если басне он моей поверит,
То будет рад изобразить Винченцио
И поручительство Баптисте дать,
Как будто он ваш подлинный отец.
Теперь, синьор, уйдите с вашей милой.

Люченцио и Бьянка уходят.
Входит странствующий учитель.

Учитель

Храни вас бог, синьор.

Транио

И вам того же.
Идете дальше или остаетесь?

Учитель

Неделю или две пробуду здесь
И двинусь дальше. Путь мой в Рим лежит
И в Триполи, коль бог пошлет мне силы.

Транио

Откуда вы, скажите?

Учитель

Я из Мантуи.

Транио

Из Мантуи, синьор! Спаси вас бог!
Вы в Падую пришли, рискуя жизнью!

Учитель

Рискуя жизнью? Я не понимаю.

Транио

Здесь мантуанцам угрожает смерть.
Синьор, ваш флот в Венеции задержан,
И герцог ваш, поссорившийся с нашим,
Публично объявил об этом сам.
Прибудь сюда вы чуточку пораньше,
Все это вы слышали бы сами.

У ч и т е л ь

Ну, значит, мне конец пришел, синьор!
Ведь взял я во Флоренции векселя,
Которые здесь должен предъявить.

Т р а н и о

Хотел бы я вам оказать услугу...
Мы вот что сделаем: скажите мне,
Бывали в Пизе вы когда-нибудь?

У ч и т е л ь

Бывал, синьор. И знаю, что немало
В том городе достойнейших людей.

Т р а н и о

А вам знаком один из них — Винченцио?

У ч и т е л ь

Мы незнакомы, но о нем я слышал;
Он превосходит всех своим богатством.

Т р а н и о

Синьор, он мой отец. Замечу кстати,
Что очень вы похожи друг на друга.

Б ъ о н д е л л о
(в сторону)

Ни дать ни взять, как устрица на грушу.

Т р а н и о

Чтоб из беды вас выручить, готов я
Помочь вам ради моего отца.
А ваше поразительное сходство
С Винченцио — немалая удача.
Примите имя и кредит его
И как отец со мною поселитесь.
Смотрите, разыграйте роль получше.
Понятно вам? Живите у меня,
Пока закончите свои дела.
Угодно вам принять мою услугу?

У ч и т е л ь

Приму, синьор, и буду век считать,
Что жизнью и свободой вам обязан.

Т р а н и о

Пойдемте же, сейчас мы все уладим.
Да, между прочим, должен вам заметить,
Здесь ждут приезда моего отца,
Чтоб подтвердил он вдовью часть при браке
Меж мной и дочерью купца Баптисты.
Я объясню вам, как себя вести.
Пойдемте. Вам переодеться надо.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Комната в доме Петруччо.

Входят Катарина и Грумио.

Г р у м и о

Нет, нет, клянусь вам жизнью, я не смею.

К а т а р и н а

Чем хуже мне, тем бешенее он.
Женился, чтобы голодом морить?
Когда стучался нищий в наши двери,
И то он подаянье получал
Иль находил в других домах участие.
Но мне просить еще не доводилось,
И не было нужды просить, а ныне
Я голодна, смертельно спать хочу,
А спать мешают бранью, кормят криком,
И самое обидное — что он
Любовью это смеет объяснять,
Как будто, если б я спала и ела,
Болезнь могла грозить мне или смерть.
Достань какой-нибудь еды мне, Грумио;
Не важно — что, лишь было бы съедобно.

Г р у м и о

Ну, а телячья ножка, например?

К а т а р и н а

Чудесно; принеси ее скорее!

Г р у м и о

Боюсь, она подействует на печень.
Что скажете о жирной требухе?

К а т а р и н а

Люблю ее; неси, мой милый Грумио.

Г р у м и о

Но, впрочем, вам и это будет вредно.
А может быть, говядины с горчицей?

К а т а р и н а

О, это блюдо я охотно съем.

Г р у м и о

Пожалуй, вас разгорячит горчица.

К а т а р и н а

Ну, принеси мне мясо без горчицы.

Г р у м и о

Нет, так не выйдет. Я подам горчицу,
Иначе вам говядины не будет.

К а т а р и н а

Неси все вместе иль одно — как хочешь.

Г р у м и о

Так, значит, принесу одну горчицу?

К а т а р и н а

Вон убирайся, плут, обманщик, раб!
Меня ты кормишь только списком блюд.
Будь проклят ты с твоею гнусной шайкой,
Что лишь смеется над моей бедой!
Пошел отсюда прочь!

Входят Петруччо с блюдом и Гортензио.

П е т р у ч ч о

Ну как ты, Кет? Что, душечка, печальна?

Г о р т е н з и о

Как вы живете?

К а т а р и н а

Хуже быть не может.

Петруччо

Приободришь, взгляни повеселее.
Смотри-ка, ангел мой, как я заботлив:
Сам приготовил блюдо для тебя.
Уверен, ты внимание оценишь.

(Ставит блюдо на стол.)

Как, ты молчишь? Не нравится тебе?
Так, значит, я трудился понапрасну?
Эй, все убрать!

Катарина

Нет, я прошу, оставьте.

Петруччо

А где же благодарность за услугу?
Скажи спасибо перед тем, как есть.

Катарина

Спасибо вам, синьор.

Гортензио

Синьор Петруччо! Как же вам не стыдно?
Прошу к столу, синьора. Сядем вместе.

Петруччо

(тихо, к Гортензио)

Гортензио, будь другом. Съешь все сам.

(Громко.)

Ну, кушай на здоровье, дорогая,
Скорее ешь, и мы с тобой вернемся
К отцу и там повеселимся вдоволь.
Мы щегольнем, покажем все обновы,
Наряды, шляпки, бусы, и браслеты,
И кружева, и ленты, и манжеты,
Шарфы и брыжи, веера и рюшки,
И всякие другие безделушки.
Ты все уж съела? Там портной хлопочет;
Твой стан украсить дивным шелком хочет.

Входит портной.

А ну, портной, показывай нам платье,
Тащи скорей.

Входит галантерейщик.

Петруччо

А ты с какой новинкой?

Галантерейщик

Вы шапочку заказывали, сударь.

Петруччо

Ты на горшке ее утюжил, что ли?
Какая гадость! Бархатная миска!
Фи, фи! Да это просто неприлично!
Ракушка или скорлупа ореха,
Игрушка, финтифлюшка, детский чепчик.
Прочь убери! И сделай-ка побольше.

Катарина

Не надо мне побольше. Эти в моде.
У всех хороших дам такие точно.

Петруччо

Сначала стань хорошей, так получишь;
Не раньше!

Гортензио

(в сторону)

Долго ей придется ждать.

Катарина

Я тоже говорить имею право
И все сейчас скажу; я не ребенок,
Получше люди слушали меня;
А не хотите, так заткните уши;
Уж лучше дать свободу языку
И высказать, что в сердце накопилось.

Петруччо

Да, ты права! Негодная шапочка
Пирог из шелка, побрякушка, блюдо! —
Тебя люблю еще сильнее за то,
Что эта дрянь не нравится тебе.

Катарина

Люби иль не люби, а я надену!
Она по вкусу мне, другой не надо.

Галантерейщик уходит.

Петруччо

Как наше платье? Покажи, портной.
Помилуй бог! Оно для маскарада?
А это что? Рукав? Да нет, мортира!
Изрезан весь, как яблочный пирог,—
Надрез, прореха, вырез и прорез!
Как будто бы курильница в цирюльне!
Черт побери! Да что ж это такое?

Гортензио

(в сторону)

Ей не видать ни шапочки, ни платья.

Портной

Вы приказали сшить его красиво
И в соответствии с последней модой.

Петруччо

Да, приказал. Но вовсе не велел я
Его испортить по последней моде.
Ступай домой и прыгай через лужи,
Напрыгаешься без моих заказов.
Бери-ка платье! Делай с ним что хочешь.

Катарина

Но я прелестней не видала платья;
Изящно сшито, похвалы достойно!
Меня вы пугалом одеть хотите?

Петруччо

Вот, вот, он пугалом тебя оденет.

Портной

Не я, а вы,— синьора так сказала.

Петруччо

Ах, грубиян! Ты лжешь, наперсток, нитка!
Ты, ярд, три четверти, нет, четверть дюйма!
Ты, клоп, блоха, сверчок паршивый, вот кто!
Ты смеешь поносить меня, катушка,
Лоскут, тряпье, заплатка? Прочь отсюда,
Не то тебя я разутюжу так,
Что спорить ты отучишься навеки.
Я говорю — ты ей испортил платье!

Портной

Нет, сударь, вы ошиблись. Платье сшито,
Как моему хозяину велели;
Дал Грумио приказ, как надо шить.

Грумио

Материю я дал, а не приказ.

Портной

Но как вы наказали сшить его?

Грумио

Черт побери! Иголкой и ниткой!

Портной

Но разве вы покрой не указали?

Грумио

Много ты платьев украсил мишурой?

Портной

Порядочно.

Грумио

Ну, а меня ты не обмишуришь. Много костюмов отделал?
А от меня не отделаешься. И не обмишуришь и не отделаешься.
Вот что я тебе скажу: я велел твоему хозяину покроить платье,
но не велел раскроить его на кусочки,— значит, ты врешь.

Портной

Да вот записка насчет фасона, она вам все докажет.

Петруччо

Читай.

Грумио

Записка врет, если там сказано, что я так сказал.

Портной (*читает*)

«Во-первых, свободное платье».

Грумио

Хозяин, если я когда-нибудь говорил «свободное платье»,—
зашейте меня в подол и лупите концом суровой нитки, пока я
не протяну ноги.

Петруччо

Продолжай.

Портной (читает)

«С маленьким закругленным воротником».

Грумио

Воротничок — я признаю.

Портной (читает)

«С пышным рукавом».

Грумио

Признаю даже два рукава...

Портной (читает)

«Изящно вырезанным».

Петруччо

Вот это и пакостно.

Грумио

Ошибка в записке, синьор; ошибка в записке. Я велел, чтобы рукава сначала были вырезаны, а затем опять вшиты. И я тебе это докажу, хоть твой мизинец и вооружен наперстком.

Портной

Все, что я сказал, правда. Попадись ты мне в другом месте, я бы тебе показал.

Грумио

Я готов хоть сейчас. Бери себе записку, отдавай мне свой ярд и наступай, не щади меня.

Гортензио

Помилуй бог, Грумио! Силы-то будут уж очень неравны.

Петруччо

Скажу короче: платье не по мне.

Грумио

Да, платье по хозяйке.

Петруччо

Подними-ка,

И пользуется пусть хозяин твой.

Г р у м и о

Негодяй, если дорожишь жизнью, не смей поднимать платье моей хозяйки для твоего хозяина.

П е т р у ч ч о

Ты что этим хочешь сказать?

Г р у м и о

Ах, синьор, дело-то ведь посерьезнее, чем вам кажется. Поднять платье моей хозяйки для его хозяина! Фи, стыд, стыд, стыд!

П е т р у ч ч о

(тихо, к Гортензио)

Скажи портному — все ему уплатят.—

(Портному.)

Бери же платье. Вон, без рассуждений!

Г о р т е н з и о

(тихо, портному)

Портной, я завтра уплачу тебе;
Ступай, на брань не обращай вниманья,
Хозяину же передай поклон.

П о р т н о й уходит.

П е т р у ч ч о

Что делать, Кет, отправимся к отцу
Мы в этом скромном и обычном платье.
Хоть плох наряд — зато карман набит.
Не платье украшает человека.
Как из-за черных туч блистает солнце,
Так честь сверкает под одеждой бедной.
И разве сойка жаворонка лучше
Лишь потому, что ярче опереньем?
И предпочтем ли мы угрю гадюку
За то, что кожа у нее красивей?
Поверь мне, Кет, и ты не станешь хуже
Из-за простого, будничного платья.
А застыдишься — на меня свали.
Развеселись же. Мы немедля едем
На пир веселый к твоему отцу.
Зови-ка слуг, нам надобно спешить.

Пусть ко́ней подадут к большой аллее;
Отправимся с тобою мы оттуда.
Теперь, наверно, около семи,
И мы как раз к обеду попадем.

К а т а р и н а

Не около семи, а ровно два —
Поспеть мы даже к ужину не сможем.

П е т р у ч ч о

Поеду в семь и ни минутой раньше.
Вот посмотри, ведь ты все время споришь,
Что б ни сказал, ни сделал, ни решил я.
Эй, распрягать! Сегодня не поеду,
А прежде чем я вздумаю поехать,
Часы покажут, сколько я сказал.

Г о р т е н з и о

Он скоро управлять захочет солнцем!
Уходят.

С Ц Е Н А 4

Падуя. Перед домом Баптисты.

Входят Т р а н и о и учитель, одетый как Винченцио.

Т р а н и о

Вот этот дом; могу я постучать?

У ч и т е л ь

Конечно. Может быть, синьор Баптиста
Меня припомнит. Коль не ошибаюсь,
Мы в Генуе, в гостинице «Пегас»,
Тому лет двадцать вместе проживали.

Т р а н и о

Ну, очень хорошо. Но вы держитесь
С достоинством, как надлежит отцу.
Не беспокойтесь.

Входит Бьонделло.

У ч и т е л ь

Вот и ваш слуга;
Его предупредить бы не мешало.

Т р а н и о

Не бойтесь за него.— Вот что, Бьонделло,
Советую тебе не сплеховать:
Запомни — пред тобой синьор Винченцио.

Б ь о н д е л л о

Да уж не сомневайтесь.

Т р а н и о

Ты передал мои слова Баптисте?

Б ь о н д е л л о

Сказал ему, что ваш отец в Венеции,
Что в Падую его сегодня ждете.

Т р а н и о

Ты молодец; возьми-ка вот и выпей.—
Идет Баптиста! Ну, смелей, синьор!

Входят Баптиста и Люченцио.

Синьор Баптиста,— очень рад вас видеть.
Вот тот синьор, о ком я говорил.
Теперь прошу вас, будьте мне отцом
И вашу дочь в наследство мне отдайте.

У ч и т е л ь

Постой, мой милый сын.
Я прибыл в Падую, синьор Баптиста,
Взыскать долги, а тут мой сын Люченцио
Признался мне, что он и ваша дочь
Друг друга нежно любят. Так как я
Хорошего слыхал о вас немало,
А дети наши влюблены друг в друга,
То, не желая мучить долго сына,
Как любящий отец, я согласился
На этот брак. Когда и вы согласны,
То, без сомнения, мы договоримся,
И вы увидите, что я готов
Ее, как вам угодно, обеспечить.
Хитрить мне не к чему, синьор Баптиста,
Вы человек, достойный уваженья.

Б а п т и с т а

Синьор, простить прошу мои слова.
Мне ваша откровенность по душе.
Да, совершенно верно, ваш Люченцио
И дочь моя друг друга любят, если
Они не притворяются искусно.
Поэтому, коль вы, без лишних слов,
Поступите, как надлежит отцу,
И согласитесь закрепить за Бьянкой
Достаточную вдовью часть наследства,
То свадьбе быть, и дело решено,—
Ваш сын получит в жены дочь мою.

Т р а н и о

Благодарю, синьор. А где, скажите,
Удобней будет заключить контракт
И обязательствами обменяться?

Б а п т и с т а

Не у меня. Вы знаете, Люченцио,
У стен есть уши, в доме много слуг,
И вечно Гремю вокруг шныряет,
В любой момент нам могут помешать.

Т р а н и о

Тогда прошу пожаловать ко мне;
Отец живет со мной, и мы сегодня
Покончим дело тихо и спокойно.
Скорей пошлите Камбио за дочкой,
А я нотариуса приглашу.
Мне только жаль, что времени не хватит
Получше угощение приготовить.

Б а п т и с т а

Отлично! — Камбио, живей домой;
Пусть наготове будет дочь моя.
Ей можно рассказать, что здесь случилось,—
Приехал, мол, сюда отец Люченцио,
И брак ее с Люченцио решен.

Б ъ о н д е л л о

Молю богов, чтоб так оно и вышло.

Т р а н и о

Брось думать о богах. Беги скорее! —

Б ъ о н д е л л о уходит.

Прошу, сивьор Баптиста. К сожаленью,
Могу вам предложить одно лишь блюдо;
Уж извините. В Пизе наверстаем.

Баптиста

Я следую за вами.

Транио, учитель и Баптиста уходят.
Возвращается Бьонделло.

Бьонделло

Ну, Камбио?

Люченцио

Что скажешь мне, Бьонделло?

Бьонделло

Как Транио подмигивал, видали?

Люченцио

Что ж из того, Бьонделло?

Бьонделло

Ровно ничего; но он оставил меня здесь, чтобы объяснить
вам смысл его кивков и подмигиваний.

Люченцио

Прошу тебя, объясни.

Бьонделло

Дело обстоит так. Баптиста не опасен, он сейчас разговари-
вает с поддельным отцом поддельного сына.

Люченцио

Ну и что же?

Бьонделло

Вы должны привести его дочь к ужину.

Люченцио

А потом?

Бьонделло

Старый священник из церкви святого Луки в любой час готов
к вашим услугам.

Люченцио

Что же из того?

Бьонделло

Не знаю. Только, пока они там возятся с подложным обеспечением, обеспечьте ее за собой *cum privilegio ad imprimendum solum*¹. Спешите в церковь, да прихватите с собой священника, причетника и нескольких честных свидетелей.

А если вы не к этому стремитесь,—
Молчу тогда. Но Бьянки вы лишитесь.

Люченцио

Но послушай, Бьонделло...

Бьонделло

Мне некогда. Я знал одну девушку, которая успела обвенчаться в полдень, когда бегала на огород за петрушкой для начинки кролика. Так же можете сделать и вы, синьор; а засим до свиданья. Мой хозяин приказал мне отправиться в церковь святого Луки и сказать, чтобы священник был готов принять вас, когда вы появитесь со своим довеском.

(Уходит.)

Люченцио

Хочу, могу, была б она согласна
Да нет, она захочет — прочь сомненья!
Ну, будь что будет! Побегу скорей,
И горе мне, коль не вернусь я с ней.

(Уходит.)

СЦЕНА 5

Проезжая дорога

Входят Петруччо, Катарина, Гортензио и слуги.

Петруччо

Скорей, скорей, скорей — спешим к отцу!
О боже, как луна сияет ярко!

Катарина

«Луна!» Да это солнце! — Ночь далеко.

Петруччо

А я сказал — луна сияет ярко.

¹ С исключительным правом печатания. *(Лат.)*

К а т а р и н а

Я говорю, что солнце ярко светит.

П е т р у ч ч о

Клянусь я сыном матери родной,
Короче говоря, самим собою,
Светить мне будет то, что я называл,—
Луна, звезда,— иначе не поеду.—
Эй, поворачивайте лошадей!
Все спорит, спорит, только бы ей спорить!

Г о р т е н з и о

(Катарине)

Не спорьте с ним, а то мы не доедем.

К а т а р и н а

Прошу, поедem, раз уж мы в пути,
Ну пусть луна, пусть солнце — что хотите;
А назовете свечкою, клянусь,
Что это тем же будет для меня.

П е т р у ч ч о

Я говорю: луна.

К а т а р и н а

Луна, конечно.

П е т р у ч ч о

Нет, солнце благодатное. Ты лжешь.

К а т а р и н а

Ну ясно, солнце,— божья благодать!
А скажете: не солнце,— значит, нет.
Подобны вы изменчивой луне,
Но, как бы ни называли,— так и есть
И так всегда для Катаринины будет.

Г о р т е н з и о

Ты выиграл сражение, Петруччо.

П е т р у ч ч о

Вперед, вперед! Катиться должен шар
По склону вниз, а не взбираться в гору.
Но тише! Кто-то к нам сюда идет.—

Входит Винченцио.

П е т р у

Синьора, добрый день! Куда спешите? —
Кет, милая, по совести скажи,
Не правда ли, прелестная девица?
Румянец щечек спорит с белизною!
Какие звезды озаряют небо
Такою красотой, как эти глазки,
Ее прелестнейший и юный лик?
Еще раз добрый день, моя синьора!
Кет, поцелуй красотку молодую.

Г о р т е н з и о

С ума сойдет старик от этих шуток.

К а т а р и н а

Привет прекрасной, нежной, юной деве!
Куда идешь ты? Где твоя обитель?
Как счастливы родители, имея
Такое дивное дитя! Счастливец
Тот, кто, веленьем благосклонных звезд,
Тебя женою назовет своей.

П е т р у ч ч о

Опомнись, Кет! В своем ли ты уме?
Ведь это же мужчина, дряхлый старец,
А вовсе не прелестная девица.

К а т а р и н а

Достойнейший отец, прости ошибку.
Глаза мои так ослепило солнцем,
Что до сих пор все кажется зеленым.
Теперь я вижу — ты почтенный старец.
Прости мне эту глупую оплошность.

П е т р у ч ч о

Прости ее, синьор мой, и скажи,
Куда идешь? Быть может, по пути,—
Тогда тебе компанию составим.

В и н ч е н ц и о

Синьор, и вы, синьора озорница,
Ошеломившая меня приветом,—
Из Пизы я. Зовут меня Винченцио.
Приехал в Падую проведать сына,
Которого давно уже не видел.

Петруччо

Как звать его?

Винченцио

Люченцио, синьор.

Петруччо

Вот кстати — и для нас и для него.
Теперь тебя могу назвать отцом
Не только по годам, но и по праву:
С сестрой моей жены — синьоры этой —
Твой сын уже, наверно, обвенчался.
Но ты не удивляйся, не сердись,
Она известна скромным поведением,
Богата, дочь родителей почтенных
И образованна, как подобает
Жене любого знатного синьора.
Дай обниму тебя, синьор Винченцио,
Все вместе мы отправимся к Люченцио.
Твой сын достойный будет очень рад.

Винченцио

Но правда ль это? Или пошутили,
Как часто путешественники шутят
Над теми, кто встречается в пути?

Гортензио

Нет, нет, отец, поверь, все это правда.

Петруччо

Поедем с нами, убедишься сам.
Ты, видно, нам не веришь после шуток.

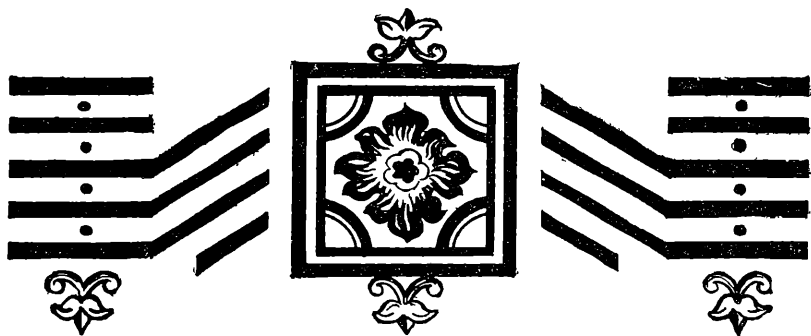
Уходят все, кроме Гортензио.

Гортензио

Ну, друг Петруччо, ты мне придал духу,
Знается вдова моя не в меру, —
С ней поступлю по твоему примеру.

(Уходит.)

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Падуа. Перед домом Люченцио.

Входят сначала Гремио, который становится в глубине сцены, затем Бьонделло, Люченцио и Бьянка.

Бьонделло

Потише и побыстрей, синьор; священник уже готов.

Люченцио

Лечу, Бьонделло. Но ты можешь им понадобится дома; оставь нас.

Бьонделло

Нет, я раньше присмотрю за тем, чтобы вы вошли в церковь, а уж потом во всю прыть пушусь к хозяйскому дому.

Люченцио, Бьянка и Бьонделло уходят.

Гремио

Как странно! Камбио все нет и нет.

Входят Петруччо, Катарина, Винченцио, Грумио
слуги.

Петруччо

Здесь дом Люченцио, синьор; вот двери.
Мой тесть живет немного ближе к рынку,
Спешу к нему. Я должен вас оставить.

Винченцио

Нет, нет, нам с вами надо прежде выпить;
Я думаю, что здесь могу принять вас,
И угощение, верно уж, найдется.

(Стучит.)

Гремио

Они там заняты; стучите громче.

Учитель выглядывает из окна.

Учитель

Кто это там стучит, как будто собирается выломать дверь?

Винченцио

Дома ли синьор Люченцио?

Учитель

Он дома, синьор, но сейчас не сможет разговаривать с вами.

Винченцио

Ну, а если я принес ему сотни две фунтов на забавы?

Учитель

Можете их оставить при себе; он ни в чем не будет нуждаться, пока я жив.

Петруччо

Ну, не говорил ли я вам, что вашего сына очень полюбили в Падуге? — Послушайте, синьор, шутки в сторону, — скажите, пожалуйста, синьору Люченцио, что его отец приехал из Пизы и хочет поговорить с ним.

Учитель

Ты лжешь; его отец приехал из Пизы и глядит на вас из окна.

Винченцио

Это ты его отец?

Учитель

Да, синьор. Так утверждает его мать, если ей можно верить.

Петруччо (к Винченцио)

Что вы теперь скажете, синьор? Ну, знаете, нет хуже надувательства, чем присваивать себе чужое имя.

Учитель

Держите этого негодяя; он, верно, хочет надуть здесь кого-нибудь, прикрываясь моим именем.

Возвращается Бьонделло.

Бьонделло

Я оставил их вдвоем в церкви. Пошли им бог счастливого плавания! — Но кто это здесь? Мой старый хозяин Винченцио! Теперь мы пропали, конец всему!

Винченцио (*заметив Бьонделло*)

Пойди сюда, разбойник!

Бьонделло

А это уж как мне захочется, синьор.

Винченцио

Иди сюда, мерзавец! Ты что же, забыл меня?

Бьонделло

Забыл вас? Нет, синьор. Я никак не мог забыть вас, потому что ни разу в жизни вас не видел.

Винченцио

Ты что же это, мерзкий негодяй, ни разу в жизни не видел Винченцио, отца твоего хозяина?

Бьонделло

Моего старого, достойнейшего хозяина? Ну еще бы, синьор, конечно, видел; да вот он, смотрит из окна.

Винченцио (*бьет его*)

В самом деле?

Бьонделло

Спасите, спасите, спасите! Тут какой-то сумасшедший хочет убить меня! (*Убегает.*)

Учитель

На помощь, сын мой! На помощь, синьор Баптиста! (*Отходит от окна.*)

Петруччо

Отойдем-ка в сторону, Кет, и посмотрим, чем кончится эта кутерьма. (*Отходит в сторону.*)

Учитель, Траннио, Баптиста и слуга выходят на улицу.

Т р а н и о

Кто вы такой, синьор, что осмеливаетесь бить моего слугу?

В и н ч е н ц и о

Кто я такой, синьор? Нет, кто такой вы, синьор? О бессмертные боги! Мерзкий плут! Шелковый колот! Бархатные штаны! Алый плащ! Остроконечная шляпа! О, я разорен, я разорен! В то время как я дома радею о хозяйстве, мой сын и слуга все проматывают в университете.

Т р а н и о

Что такое? В чем дело?

Б а п т и с т а

Спятил он, что ли?

Т р а н и о

Синьор, по виду вас можно принять за почтенного пожилого человека, но разговариваете вы, как сумасшедший. Какое вам дело до того, что я ношу золото и жемчуг? Благодаря моему доброму отцу я могу себе позволить это.

В и н ч е н ц и о

Твоему отцу! Ах ты, мошенник! Твой отец изготавливает паруса в Бергамо.

Б а п т и с т а

Вы ошибаетесь, синьор, вы ошибаетесь. Ну, как его имя, по-вашему?

В и н ч е н ц и о

Его имя! Еще бы мне не знать его имени. Я воспитываю его с трехлетнего возраста. Его имя — Транио.

У ч и т е л ь

Убирайся, убирайся отсюда, безмозглый осел! Его имя — Люченцио; он единственный сын и наследник всех моих земель, земель синьора Винченцио!

В и н ч е н ц и о

Люченцио! Значит, он убил своего господина! Держите его! Приказываю вам именем герцога, держите! О сын мой, сын мой! Отвечай мне, негодяй, где мой сын Люченцио?

Т р а н и о

Позовите сюда стражу.

Входят стражники.

Т р а н и о

Отправьте этого безумца в тюрьму. Отец Баптиста, прошу вас, последите, чтобы его отвели туда.

В и н ч е н ц и о

Отправить меня в тюрьму!

Г р е м и о

Стой, стража! Он не пойдет в тюрьму!

Б а п т и с т а

Замолчите, синьор Гремियो; я говорю вам, что он пойдет в тюрьму.

Г р е м и о

Берегитесь, синьор Баптиста, чтобы вас не впутали в это темное дело. Я готов поклясться, что это настоящий синьор Винченцио.

У ч и т е л ь

Присягни, если смеешь!

Г р е м и о

Нет, присягнуть я не смею.

Т р а н и о

Вы бы еще сказали, что я не Люченцио.

Г р е м и о

Я знаю, что вы синьор Люченцио.

Б а п т и с т а

Уберите обманщика! В тюрьму его!

В и н ч е н ц и о

Так вот как вы оскорбляете чужестранцев, чудовищный негодяй!

Входят Бьонделло, Люченцио и Бьянка.

Б ь о н д е л л о

Мы погибли! Вот, вот он. Отказывайтесь от него, отрекайтесь от него — или мы все пропали.

Л ю ч е н ц и о

Прости, отец.

Винченцио

Ты жив, мой милый сын!

Бьонделло, Транио и учитель поспешно убегают.

Бьянка

Прости, отец.

Баптиста

А ты в чем виновата?

И где Люченцио?

Люченцио

Вот он, Люченцио,
Неложный сын неложного Винченцио.
Пока вы с мнимым спорили отцом,
Мы с Бьянкою стояли под венцом.

Гремио

Здесь заговор, нас провести хотят.

Винченцио

Где этот Транио, мошенник, шут,
Который так бесстыдно врал мне тут?

Баптиста

Постойте! Да ведь это же мой Камбио.

Бьянка

Ваш Камбио в Люченцио превратился.

Люченцио

Любовь свершила чудо. Из-за Бьянки
Я поменялся с Транио местами.
Он в городе изображал меня,
А я тем временем счастливо прибыл
К давно желанной гавани блаженства.—
Все делал он по моему приказу;
Прошу тебя, отец, прости его.

Винченцио

Я расквашу нос этому негодяю, который собирался засадить
меня в тюрьму!

Баптиста (к Люченцио)

Послушайте, синьор, вы женились на моей дочери, не спросив моего согласия!

В и н ч е н ц и о

Не беспокойтесь, Баптиста; мы договоримся, поверьте. Однако я пойду и рассчитаюсь за такую наглость. *(Уходит.)*

Б а п т и с т а

А я пойду и докопаюсь до глубины их надувательства. *(Уходит.)*

Л ю ч е н ц и о *(Бьянке)*

Не бойся, твой отец не будет на нас долго сердиться.

Г р е м и о

Не спекся мой пирог, но все ж пойду;
Хоть на пиру я душу отведу.

(Уходит.)

Вперед выходят Петруччо и Катарина.

К а т а р и н а

Муженек, пойдем за ними, поглядим, чем кончится вся эта история.

П е т р у ч ч о

Раньше поцелуй меня, Кет, и пойдем.

К а т а р и н а

Как, прямо на улице?

П е т р у ч ч о

Как, ты стыдишься меня?

К а т а р и н а

Боже упаси, синьор; я стыжусь целоваться.

П е т р у ч ч о

Ах так? Тогда немедленно домой!

К а т а р и н а

Нет, стой! Я поцелую, милый мой.

П е т р у ч ч о

Ну вот и хорошо! Согласна, да?
Уж лучше поздно, Кет, чем никогда.

Уходят.

СЦЕНА 2

Падуа. Комната в доме Люченцио.

Входят Баптиста, Винченцио, Гремио, учитель, Люченцио, Бьянка, Петруччо, Катарина, Гортензио и вдова, Транио, Бьонделло и Грумио. Грумио и слуги вносят угощение.

Люченцио

Ну, наконец все споры позади,
И мы пришли к желанному согласью.
Война окончена, настало время
Над страхами былыми посмеяться.—
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я ж твоего с почтеньем приглашу.—
Сестрица Катарина, брат Петруччо,
Гортензио с женой своею милой,
Пируйте. Рад вас видеть у себя.
Сейчас нам подадут вино и сласти.
Садитесь, я прошу. Мы можем здесь
Беседовать и продолжать наш пир.

Садятся за стол.

Петруччо

Вот так все и сиди, сиди да ешь.

Баптиста

Добром встречают в Падуе всегда.

Петруччо

Да, в Падуе мы доброе нашли.

Гортензио

Хотел бы я для нас двоих того же.

Петруччо

Клянусь, Гортензио в страхе за вдову.

Вдова

Страх на меня нагнать вам не удастся.

Петруччо

Смышлены вы, а смысла не постигли.
Хочу сказать: он страх как вас боится.

Вдова

Кружится мир у пьяного в глазах.

Петруччо

Кругло отвечено.

Катарина

(вдове)

Как вас понять?

Вдова

Поймала я его!

Петруччо

Меня поймала! — Ты слышал, Гортензио?

Гортензио

Поймала смысл твоих речей она.

Петруччо

Сумел поправить!

(Вдове.)

Поцелуйте мужа.

Катарина

«Кружится мир у пьяного в глазах»...

Так что же этим вы сказать хотели?

Вдова

Ваш муж, с женой строптивою измучась.

И моему пророчит ту же участь.

Понятна стала мысль моя теперь?

Катарина

Дрянная мысль.

Вдова

Я думала о вас.

Катарина

Да, знаясь с вами, я была бы дрянью.

Петруччо

А ну, задай ей, Кет!

Гортензио

А ну, вдова!

Петруччо

Готов поспорить, Кет ее положит.

Гортензио

Нет, это уж обязанность моя.

Петруччо

Прекрасно сказано! Твое здоровье!

(Чокается с Гортензио.)

Баптиста

(к Греммио)

Что скажете об этих остроумцах?

Греммио

Они бодаются, синьор, отлично.

Бьянка

Бодаются! Ну как здесь не сострить,
Что зуд во лбу рога вам предвещает?

Винченцио

А, молодая! Вот вы и проснулись!

Бьянка

Не беспокойтесь, я усну опять.

Петруччо

Ну нет! Вы сами начали острить,—
Стрельнем и в вас мы парочкой острот.

Бьянка

Что я вам — птица? Ну, так упорхну!

Попробуйте преследовать меня.

Счастливо оставаться вам, синьоры.

Бьянка, Катарина и вдова уходят.

Петруччо

Не удался мой выстрел. В эту птичку

Вы метили, да не попали, Транио.

Так выпьем же за тех, кто промахнулся!

Т р а н и о

Я спущен был как гончая, синьор:
Что изловил — хозяину принес.

П е т р у ч ч о

Недурно, хоть сравнение собачье.

Т р а н и о

Но вы-то лань травили для себя,
А вас она, слышать, не подпускает.

Б а п т и с т а

Ого, Петруччо! Это выстрел в цель.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, за остроту спасибо!

Г о р т е н з и о

Сознайтесь же, он ловко в вас попал!

П е т р у ч ч о

Задел меня неможко, признаюсь,
Но тотчас же насмешка отскочила
И вас пронзила, бьюсь я об заклад.

Б а п т и с т а

Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо,
Твоя жена строптивей, чем у всех.

П е т р у ч ч о

Нет, говорю,— и докажу немедля.
Пошлите каждый за своей женой;
Тот, чья жена окажется послушней
И прибежит по первому же зову,—
Пускай возьмет заклад, что мы поставим.

Г о р т е н з и о

Согласен. Сколько ставим?

Л ю ч е н ц и о

Двадцать крон.

П е т р у ч ч о

Как, двадцать крон?
На лошадь, на собаку столько ставлю,
А на жену раз в двадцать надо больше.

Люченцио

Ну, сто тогда.

Гортензио

Согласен.

Петруччо

Решено.

Гортензио

Кто начинает?

Люченцио

Я.— Иди, Бьонделло,
Скажи хозяйке — пусть придет сюда.

Бьонделло

Иду.

(Уходит.)

Баптиста

(к Люченцио)

За Бьянку половинщик я, сынок.

Люченцио

Нет, нет, зачем? Поставлю я один.

Возвращается Бьонделло.

Ну что?

Бьонделло

Синьор, хозяйка говорит,
Что занята, прийти никак не может.

Петруччо

Ах, занята? Прийти никак не может?
Вот так ответ!

Гремио

Еще весьма любезный,
Дай бог, чтоб вы не получили худший.

Петруччо

Надеюсь я на лучший.

Гортензио

Эй, Бьонделло,
Ступай и попроси мою жену
Прийти ко мне.

Бьонделло уходит.

Петруччо

Ах, вот как! Попроси!
Ну, отказать не сможет.

Гортензио

Я боюсь,
Что вашу упросить вам не удастся.

Возвращается Бьонделло.

А где моя жена?

Бьонделло

Ответила, что вам шутить угодно,
И не придет. Велит вам к ней идти.

Петруччо

Еще не легче! Не придет! Видали?
Нельзя стерпеть! Невероятно! Дерзко!
Эй, Грумио, иди к своей хозяйке
И передай, что я велю прийти.

Грумио уходит.

Гортензио

Ответит просто.

Петруччо

Как же?

Гортензио

«Не приду».

Петруччо

Ну что ж, тем хуже для меня — и все.

Баптиста

Помилуй бог! Смотрите! Катарина!

Входит Катарина.

К а т а р и н а

Синьор, меня вы звали? Что угодно?

П е т р у ч ч о

А где жена Гортензио и Бьянка?

К а т а р и н а

Болтают там в гостиной, у камина.

П е т р у ч ч о

Тащи-ка их сюда. А не пойдут —
Пинками их гони без церемоний!
Ступай, я говорю, и приведи их.

К а т а р и н а уходит.

Л ю ч е н ц и о

Коль чудеса бывают — это чудо!

Г о р т е н з и о

Да, чудо. Только что оно сулит?

П е т р у ч ч о

Сулит оно любовь, покой и радость,
Власть твердую, разумную покорность,
Ну, словом, то, что называют счастьем.

Б а п т и с т а

Так будь же счастлив, милый мой Петруччо.
Ты выиграл. А я тебе прибавлю
К их проигрышу — двадцать тысяч крон.
Другая дочь — приданое другое!
Совсем переменилась Катарина.

П е т р у ч ч о

Я свой заклад еще верней возьму
И покажу вам, как она послушна,
Какою стала кроткой и любезной.
Вот ваших дерзких жен ведет она,
В плен взяв их женской силой убеждения.

Возвращается Катарина с Бьянкой и вдовой.

Петруччо

Кет, шапочка ведь не к лицу тебе:
Скинь эту гадость, на пол брось сейчас же.
Катарина снимает шапочку и бросает ее на пол.

Вдова

Дай бог мне в жизни горестей не знать,
Пока такой же душой я не стану!

Бьянка

Такое поведение просто глупо.

Люченцио

Вот бы и вам вести себя так глупо,
А то на вашем мудром поведении
Я сотню крон сегодня потерял.

Бьянка

Так ты ведешь себя еще глупее,
Коль ставишь деньги на мою покорность.

Петруччо

Кет, объясни строптивым этим женам,
Как следует мужьям повиноваться.

Вдова

Вы шутите? К чему нам наставленья?

Петруччо

Смелее, Кет! С нее и начинай.

Вдова

Не будет этого!

Петруччо

Нет, будет, говорю! С вас и начнет.

Катарина

Фи, стыдно! Ну, не хмурь сурово брови
И не пытайся ранить злобным взглядом
Супруга твоего и господина.
Гнев губит красоту твою, как холод —
Луга зеленые; уносит славу,
Как ветер почки. Никогда, нигде

И никому твой гнев не будет мил.
Ведь в раздражение женщина подобна
Источнику, когда он взбаламучен
И чистоты лишен, и красоты.
Никто и капли из него не выпьет,
Как ни был бы он жаждою томим.
Муж — повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья —
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,
Так женщина — супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И не покорна честной воле мужа, —
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?
За вашу глупость женскую мне стыдно!
Вы там войну ведете, где должны,
Склонив колени, умолять о мире;
И властвовать хотите вы надменно
Там, где должны прислуживать смиренно.
Не для того ль так нежны мы и слабы,
Неприспособлены к невзгодам жизни,
Чтоб с нашим телом мысли и деянья
Сливались в гармоничном сочетании.
Ничтожные, бессильные вы черви!
И я была заносчивой, как вы,
Строптивную и разумом и сердцем.
Я отвечала резкостью на резкость,
На слово — словом; но теперь я вижу,
Что не копьем — соломинкой мы бьемся,
И только слабостью своей сильны.
Чужую роль играть мы не должны.
Умерьте гнев! Что толку в спеси вздорной?
К ногам мужей склонитесь вы покорно;
И пусть супруг мой скажет только слово,
Свой долг пред ним я выполнить готова.

Петруччо

Ай да жена! Кет, поцелуй! Вот так!

Лю ч е н ц и о

Да, старина, твой счастлив будет брак.

В и н ч е н ц и о

Нам послушание детей — отрада.

Лю ч е н ц и о

Зато строптивость женщин хуже ада.

П е т р у ч ч о

Кет, милая, в постель нам не пора ли?
Ну что ж, друзья, вы оба проиграли.
Хоть мне никто удачи не пророчил,
Моя взяла! Желаю доброй ночи!

П е т р у ч ч о и К а т а р и н а уходят.

Г о р т е н з и о

Строптивая смирилась — поздравляю.

Лю ч е н ц и о

Но как она сдалась — не понимаю!

Уходят.

ДВА ВЕРОНЦА

Перевод

В. ЛЕВИКА (стихи) и М. МОРОЗОВА (проза)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герцог Миланский, отец Сильвии.

Валентин }
Протей } дворяне из Вероны.

Антонио, отец Протей.

Турио, глупый соперник Валентина.

Эгламур, пособник Сильвии в бегстве.

Спид, слуга-шут Валентина.

Ланс, слуга-шут Протей.

Пантино, слуга Антонио.

Хозяин гостиницы в Милане, где поселилась Джулия.

Разбойники.

Джулия, дама из Вероны, любимая Протеем.

Сильвия, дочь герцога, любимая Валентином.

Лючетта, прислужница Джулии.

Слуги, музыканты.

Место действия — частью Верона, частью Милан,
частью лес на границе Мантуи,

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Верона. Площадь.

Входят Валентин и Протей.

В а л е н т и н

Нет, нет, Протей, не убеждай меня,
Не развит ум у юных домоседов.
Когда б любовь твои златые дни
Не приковала сладостною цепью
К живому взору девушки прелестной,
Я пригласил бы в спутники тебя,
Чтоб чудесам земли дивиться вместе,
Чтоб, сидя дома, молодость свою
Не расточил ты в суетном безделье.
Но если полюбил, то счастлив будь, мой друг,
Как был бы счастлив я, узнав любви недуг.

П р о т е й

Итак, ты отплываешь, Валентин.
Прощай же, милый. Если ты увидишь
Диковину, достойную вниманья,
То вспоминай Протея. В миг удачи
Позволь с тобою счастье разделить.
В опасности доверь свое несчастье
Моим молитвам. Помни, Валентин,
Что о тебе молюсь я непрестанно.

В а л е н т и н

Что молишься по книге о любви?

П р о т е й

Да, что молюсь я по любимой книге.

В а л е н т и н

По мелкой книжке о глубоких чувствах,
О том, как море переплыл Леандр.

П р о т е й

Нет, по глубокой книге о любви,
Глубокой, как пучина Геллеспонта.

В а л е н т и н

Но ты бы Геллеспонт не переплыл:
В любви увяз ты вместе с башмаками.

П р о т е й

Не будь глупцом, при чем тут башмаки?

В а л е н т и н

При том, что взял не по ноге ты обувь.
Как! Покупать мольбами лишь презренье,
Мильоном вздохов — только строгий взгляд!
Тяжелыми, бессонными ночами —
Мгновенье счастья! В длительной игре
Выигрывать лишь горесть неудачи,
Проигрывать ценой горчайших мук!
Нет, видно, ум твой побежден безумьем,
Иль ты на глупость выменял его.

П р о т е й

Так вы глупцом считаете Протея?

В а л е н т и н

Ты от любви становишься глупцом.

П р о т е й

Не понимаю ваших опасений —
Я не влюблен.

В а л е н т и н

Вы, сударь, раб любви.

А кто оседлан глупостью любовной,
Тот, верьте мне, от мудрости далек.

Протей

Мудрец сказал бы: как в нежнейшей почке
Гнездится червь, так в самый сильный разум
Внедряется любовь.

Валентин

Но и другое
Сказал бы он: как почка, не раскрывшись,
Внезапно вянет, съедена червем,
Так юный ум, охваченный любовью,
До срока вянет, обращаясь в глупость,
И, зелень потеряв еще весною,
Обещанных плодов уж не дает.
Но бесполезны умные советы
Тому, кто хочет глупости служить.
Простимся ж. Мой отец уже в дороге,
Меня он провожает на корабль.

Протей

Я также провожу тебя.

Валентин

Не надо,
Простимся здесь, любезный мой Протей.
Пиши в Милан почаще, сообщай мне
И о твоей любви и обо всем,
Что здесь в мое отсутствие случится.
Я также буду обо всем писать.

Протей

Да будешь, милый, счастлив ты в Милане.

Валентин

Да будешь дома счастлив ты. Прощай!
(Уходит.)

Протей

Он ищет славы, я ищу любви.
Он ради славы с другом расстается,
А я собой, друзьями, целым миром
Пожертвовать готов моей любви.
Ты, Джулия, виновна в том, что я

Теряю время, от наук отбившись,
Не слушаю разумных рассуждений,
Не сплю, не ем, томлюсь, коснею в лени.

Входит С п и д.

С п и д

Поклон мой вам, синьор. Вы не видали,
Где мой хозяин?

П р о т е й

Только что был здесь.
И в порт ушел,— сейчас он отплывает
В Милан.

С п и д

Бьюсь об заклад — отплыл!
Я тоже собирался плыть в Милан,
Да вот отстал, веронский я баран.

П р о т е й

А так всегда: пастух чуть зазевался,
А уж баран невесть куда девался.

С п и д

Так вы и впрямь считаете его пастухом, а меня бараном?

П р о т е й

Конечно.

С п и д

Тогда — хотите смейтесь, хотите плачьте,— но мои рога это
его рога.

П р о т е й

Рассуждение глупое, но для барана подходящее.

С п и д

Значит, еще раз выходит, что я баран.

П р о т е й

И что твой хозяин — пастух.

С п и д

А вот и неправда. И я докажу, что неправда.

П р о т е й

А я докажу, что правда.

С п и д

Пастух ищет барана, а не баран пастуха. А я ищу своего хозяина, но хозяин меня не ищет. Значит, я не баран.

П р о т е й

Баран ради корма идет за пастухом, но пастух ради пищи не пойдет за бараном. Ты ради платы идешь за хозяином, но хозяин денег ради не пойдет за тобой. Значит, ты баран.

С п и д

Еще одно такое доказательство — и я закричу «мээ».

П р о т е й

Скажи, однако, передал ты Джулии мое письмо?

С п и д

Конечно, синьор. Я с ним совсем закружился, с вашим письмом. И вот я, закружившийся баран, отдал ваше письмо этой баранине в кружевах. Но эта баранина в кружевах ничего не дала мне, закружившемуся барану.

П р о т е й

Ты столько баранов нагнал, что пастбища не хватит.

С п и д

А если на пастбище тесно, то не заколоть ли вам свою овечку?

П р о т е й

Эк куда повернул! Ну ладно, не пора ли барану отваливать в свой загон?

С п и д

Не столько в свой загон, сколько за свой гон. И не я должен отваливать, а вы должны мне отвалить.

П р о т е й

Под загоном я разумею твой хлеб.

С п и д

Значит, вместо того чтобы сунуть мне в кошелек, вы хотите засунуть меня за загородку? Стоило после этого разыскивать вашу красотку!

П р о т е й

Выкладывай, что она сказала.

Спид кивает головой.

Протей

Кивнула, болван?

Спид

Да.

Протей

Что — да? Что ты — болван?

Спид

Нет, синьор. Я сказал, что она кивнула. А вы спросили: она кивнула? А я сказал: да.

Протей

А вместе и вышло, что ты болван.

Спид

Если вы взяли на себя труд открыть мне это, так в награду за то, что потрудились, возьмите это себе.

Протей

Нет, это именно тебе — за то, что ты носил мое письмо.

Спид

Ладно, я уж вижу, мне от вас многое сносить придется.

Протей

А что же, синьор, вы собираетесь от меня сносить?

Спид

Ах, синьор, я честно отнес ваше письмо, а за свои труды получил от вас только «болвана».

Протей

Клянусь, у тебя быстрая сметка.

Спид

И все же она никак не догонит ваш медлительный кошелек.

Протей

Ладно, ладно, не болтай по-пустому и открой мне, наконец, что она сказала.

Спид

Так откройте свой кошелек: пусть ее ответ и ваши деньги придут к цели одновременно.

Протей

Хорошо, синьор, вот вам за ваше усердие. Что же она сказала?

С п и д

Честное слово, синьор, вряд ли она достанется вашей милости.

П р о т е й

Почему, разве ты что-нибудь заметил?

С п и д

Синьор, я ровно ничего не заметил, я не заметил даже медяка в награду за то, что принес ей ваше письмо. А если она ни в грош не ставит того, кто принес ей часть вашей души,— боюсь, она решит, что и самая душа не стоит ломаного гроша. Не дарите ей ничего, кроме камней,— она тверда как сталь.

П р о т е й

Так она ничего не сказала?

С п и д

Нет, даже не сказала — «вот тебе за труды». Свидетельствую вашу доброту и благодарю вас, принимая в свидетели вашу шестипенсовую монету. В награду за нее носите сами свои письма, а я, синьор, отнесу ваш привет моему хозяину.

П р о т е й

Ступай! Когда ты сядешь на корабль,
Он будет от крушенья обеспечен,—
Не под водой, а в петле твой конец!

С п и д уходит.

А я найду посланника получше.
Когда такой неисправимый шут
Вручил прекрасной Джулии посланье,
Она могла над ним лишь посмеяться.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Верона. Сад Джулии.

Входят Джулия и Лючетта.

Д ж у л и я

Скажи, Лючетта, мы теперь одни:
Ты, значит, мне советуешь влюбиться?

Лю ч е т т а

Да уж пора бы. Только не споткнитесь.

Д ж у л и я

Из множества синьоров, что приходят
Развлечь меня игрой или беседой,
Которого, по-твоему, мне выбрать?

Лю ч е т т а

Вы называйте их, а я отвечу,
Как в простоте сердечной разумею.

Д ж у л и я

Откроем счет красавцем Эгламуром.

Лю ч е т т а

Красив, учтив, речистей всех других,
Но я скажу: для вас он не жених..

Д ж у л и я

Ну, а Меркацио? Щедр и денег тьма.

Лю ч е т т а

Э, денег тьма, да много ли ума?

Д ж у л и я

Так кто же — не Протей ли благородный?

Лю ч е т т а

Простите мне, болтушке сумасбродной!

Д ж у л и я

Тебе? Простить? Да что за чепуха!

Лю ч е т т а

Язык всегда доводит до греха.
Прилично ль мне! Мое ли это дело:
Таких синьоров я хулить посмела!

Д ж у л и я

Что ж, и Протей не лучше остальных?

Лю ч е т т а

Вот он для вас — единственный жених.

Джулия

Ты это можешь доказать?

Лючетта

По-женски.

Он всех милей мне — значит, лучше всех.

Джулия

Отдать ему любовь мою?

Лючетта

Надеюсь,

Вы не хотите вышвырнуть ее?

Джулия

Но он один мне сердце не волнует.

Лючетта

Но он один все сердце вам бы отдал.

Джулия

Он о любви своей не говорит.

Лючетта

Тем жарче пламень, чем он глубже скрыт.

Джулия

Не любит тот, кто слов любви страшится.

Лючетта

Не любит тот, кто в ней спешит открыться.

Джулия

Как разгадать мне, что в душе таит он?

Лючетта

Пожалуйста, прочтите: вот письмо.

(Отдает ей письмо.)

Джулия

«Для Джулии». Кто пишет?

Лючетта

Прочитайте,—

Узнаете.

Д ж у л и я

Кто дал его тебе?

Л ю ч е т т а

Слуга синьора Валентина, Спид.
Он от Протея шел, и я случайно
С ним встретилась. Простите, синьорина,
Что я взяла письмо на ваше имя.

Д ж у л и я

Клянусь моей невинностью, ты сводня!
Как! Принимать любовные записки
И соблазнять неопытность мою!
Поистине достойное занятие,
Но, видимо, тебе оно подходит.
Возьми письмо и отнеси немедленно,
Иль на глаза не смей мне попадаться!

Л ю ч е т т а

Заступницу любви вы так браните!

Д ж у л и я

Ступай!

Л ю ч е т т а

Уйду, чтоб дать вам поразмыслить.

(Уходит.)

Д ж у л и я

Письмо мне страшно хочется прочесть,
Но как-то стыдно вновь позвать Лючетту,
Просить о том, за что сама бранила.
А все ж она порядочная дура.
Я — девушка, чего ж она ждала?
Она меня должна была заставить
Прочесть письмо. Всегда в устах девицы
Под строгим «нет» улыбку прячет «да».
О, глупая любовь! Как злой ребенок,
Она кусает няньку, а потом
Целует розгу. Я гнала Лючетту —
И так хотела, чтоб она осталась!
Я гневно брови хмурила, а сердце
От радости улыбкою сияло.
Так позову Лючетту, в наказание

Себе самой, и попрошу прощенья.
Лючетта!

Входит Лючетта,

Лючетта

Что угодно, ваша милость?

Джулия

Когда обед?

Лючетта

Не скоро, к сожаленью.

Не то вы утолили бы свой голод
Едой, а не попреками служанке.

Джулия

А что ты так поспешно подняла?

Лючетта

Да ничего.

Джулия

Чего ж ты наклонилась?

Лючетта

Бумажку ненароком уронила.

Джулия

И что ж, бумажка эта — ничего?

Лючетта

Да ничего, что бы меня касалось.

Джулия

Тогда не тронь — оставь ее для той,
Кого она касается.

Лючетта

Вы правы.

Она сама за сердце тронет ту,
Кто слов правдивых не толкует ложно.

Джулия

Тебе твой милый написал стихи.

Лю ч е т т а

Их можно спеть, но вы должны на голос
Их положить,— вы в этом мастерица.

Д ж у л и я

Подобный вздор моих трудов не стоит,
Пой на мотив: «Блаженный свет любви».

Лю ч е т т а

Но стих тяжелый, а мотив — веселый.

Д ж у л и я

Да что ж он — гири подвязал к словам?

Лю ч е т т а

Вы спели 6 сами — вышло 6 мелодичней.

Д ж у л и я

А ты не можешь?

Лю ч е т т а

Слишком высоко.

Д ж у л и я

Давай письмо, плутовка!

(Берет письмо.)

Разберемся.

Лю ч е т т а

Возьмите верный тон,— и песня будет
Чудесная. Пока ваш тон фальшив.

Д ж у л и я

А ты дерзка.

Лю ч е т т а

Тут нужно петь дуэтом,
Ваш голос должен тенор поддержать.

Д ж у л и я

Твой бас все портит.

Лю ч е т т а

Я ведь за Протея

Стараюсь.

Д ж у л и я

Прекрати-ка болтовню!
Любовные мольбы, признанья...

(Разрывает письмо.)

В ключья!

И пусть лежат, а ты ступай, Лючетта,
Не смей их подбирать — я рассержусь.

Л ю ч е т т а

Ишь, недотрога! А ведь как хотела б
Сердиться вновь — за новое письмо!

(Уходит.)

Д ж у л и я

Когда б я рассердилась хоть за это!
Вы, руки ненавистные мои,
Зачем слова любви вы разорвали?
Как злые осы, сладкий мед сосете,
Кусая насмерть медопосных пчел!
Я в искупленье каждую бумажку,
Обрывок каждый нежно расцелую.
Не стыдно ль? «Доброй Джулии» — он пишет.
В отместку за свою неблагодарность
Я брошу имя «Джулия» на камень,
Я растопчу свою пустую спесь!
Смотри: «Любовью раненный Протей».
О сладостное раненое имя!
Лежи отныне на моей груди,
Пока твои не исцелятся раны.
Их боль я поцелуями смягчу.
А ведь Протей здесь назван был три раза.
О ветер милый, не умчи ни слова,
Дай мне собрать по буквам все письмо.
Но лишь не имя «Джулия»! Ты, буря,
Взмети его на край скалы прибрежной
И с вышины в морскую бездну кинь!
А! вот! В одной строке он назван дважды:
«Протей влюбленный, горестный Протей —
Прелестной Джулии». Я это разорву...
Нет, ни за что! Ведь правда, как красиво
Соединил он наши имена!
Я лучше приложу одно к другому:
Целуйтесь нежно, ссорьтесь, обнимайтесь.

Входит Л ю ч е т т а.

Л ю ч е т т а

Сударыня, обед уже готов.
Вас ждет отец.

Д ж у л и я

Иду, иду, Лючетта.

Л ю ч е т т а

А что ж клочки — останутся лежать,
Чтоб выдать нас?

Д ж у л и я

Возьми их, если хочешь.

Л ю ч е т т а

Когда я подбирала их, вы были
Разгневаны, но все ж я их возьму.
Ведь здесь они простынут.

Д ж у л и я

Виджу, вижу,
Без них тебе и жизнь уж не мила.

Л ю ч е т т а

Коль видите, вы так и говорите.
Я и сама все вижу — не слепая!

Д ж у л и я

Идем, идем. Пойдешь ты, наконец?
Уходят.

С Ц Е Н А 3

Верона. Комната в доме Антонио.
Входят Антонио и Пантино.

А н т о н и о

Каким, Пантино, важным разговором
Мой брат вас задержал в монастыре?

П а н т и н о

Шла речь о вашем сыне, о Протее.

А н т о н и о

И что же говорил он?

Пантино

Удивлялся,

Что ваша милость позволяет сыну,
Теряя дни, сидеть бесплодно дома,
Меж тем как люди победнее родом
Шлют сыновей за прибылью и славой,
Тот — на войну, чтоб испытать фортуна,
Тот — в море, чтобы земли открывать,
Тот — в университет, во храм науки.
Он говорит, что сын ваш преуспел бы
В любом из мною названных занятий,
И мне велел настойчиво просить вас,
Чтоб сын ваш дома больше не сидел,
Не пожалел бы в старости бессильной,
Что мир широкий смолоду не видел.

Антонио

Меня не нужно долго убеждать
В том, что ему твердил я целый месяц.
Я знаю сам, что он теряет время,
Что не созреет ни умом, ни сердцем,
Покуда школу жизни не пройдет.
Мы лишь в трудах приобретаем опыт,
А время совершенствует его.
Куда ж послать мне сына, посоветуй.

Пантино

Но ваша милость, вероятно, знает,
Что друг Протея, юный Валентин,
Не так давно в столицу перебрался
И состоит при герцоге.

Антонио

Я знаю.

Пантино

Отправьте также сына ко двору,
Чтоб он учился рыцарскому делу,
Изысканным речам и обращенью,
Беседовал с вельможами и видел,
Каким быть должен юный дворянин.

Антонио

Совет хорош. И мне он так по сердцу,
Что я б ему последовал немедля,

Когда бы вдруг представился мне случай
Тотчас же ко двору его отправить.

П а н т и н о

Осмелюсь молвить: завтра дон Альфонсо
И с ним другие знатные синьоры
В Милан поедут к герцогу, чтоб лично
Свои услуги предложить ему.

А н т о н и о

Что ж, общество прекрасное для сына.
Я прикажу! Пусть едет в добрый час!

Входит П р о т е й.

П р о т е й

О светлый день! О сладостные строки!
О нежные признания в любви!
Ее рукой здесь говорило сердце,
Здесь клятвы — чести девичьей залог.
Когда б отцы наш брак благословили,
Согласьем наше счастье закрепив!
О Джулия, небесное создание!

А н т о н и о

Мой сын, что за письмо в твоих руках?

П р о т е й

Ах, мой отец, привет от Валентина,
Доставленный мне нашим общим другом.

А н т о н и о

Дай мне письмо, посмотрим, что он пишет.

П р о т е й

Он пишет, мой отец, лишь об одном:
Как он любим и как живет счастливо,
Как благосклонно герцогом он принят.
Зовет меня — с ним разделить фортуна.

А н т о н и о

А ты б хотел откликнуться на зов?

П р о т е й

Я подчиняюсь только вашей воле,
А не порывам дружеских желаний.

А н т о н и о

Его порыв совпал с моею волей.
Не удивляйся, я решение принял,
Я так хочу! Да, так хочу — и все.
Ты должен будешь вместе с Валентином
Пожить в гостях при герцогском дворе.
Тебе я назначаю ту же сумму,
Какую шлет его отец ему.
Готовься в путь. Поедешь завтра утром.
Я так решил, не вздумай возражать.

П р о т е й

Синьор, так быстро я не соберусь.
Прошу вас, на день, на два отложите.

А н т о н и о

Вслед за тобой пошлю твои пожитки.
Мы кончили, ты едешь завтра утром.
А вам, Пантино, поручаю сборы.
Задержки я не разрешу. Пойдемте.

А н т о н и о и П а н т и н о уходят.

П р о т е й

Чтоб не сгореть, от пламени бежал я,
Но вот упал в пучину и тону.
Ему письмо я показать боялся,
Чтоб не восстал он на мою любовь.
Но тем, что скрыл мою любовь трусливо,
Я сам же на любовь мою восстал.
О, как весна любви напоминает
Апрельский день, изменчивый полет!
Едва блеснуло солнце золотое,
На небе туча темная встает.

Входит П а н т и н о.

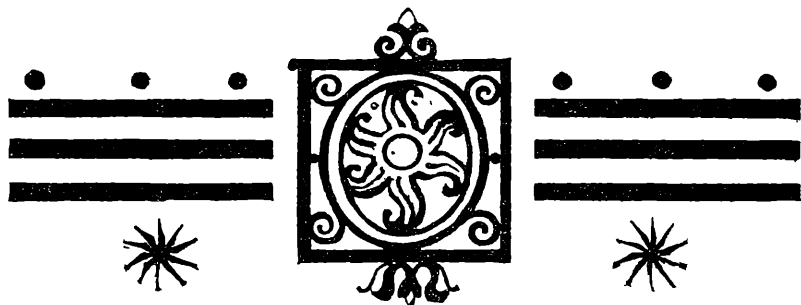
П а н т и н о

Синьор Протей! Отец велел позвать вас.
Он хмурится! Прошу, поторопитесь.

П р о т е й

Что делать сердцу? Молвив «да» в ответ,
Сто тысяч раз воскликнуть хочет «нет»!

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА 1

Милан. Комната во дворце герцога.

Входит Валентин и Спид.

С п и д

(протягивая перчатку)

Синьор, перчатка ваша?

В а л е н т и н

Нет, как видишь.

Мои — на мне.

С п и д

А эта — ни на ком.

Жаль, что она не ваша.

В а л е н т и н

Покажи-ка.

Моя! Она моя! Дай мне ее!

Божественной руки покров прелестный!

О Сильвия, Сильвия!

С п и д

(во все горло)

Сильвия! Сильвия!

В а л е н т и н

Ты что, дурак?

С п и д

Все равно она не слышит, синьор.

В а л е н т и н

Кто вас просил, синьор, звать ее?

С п и д

Да вы сами, ваша милость. Или я ослышался?

В а л е н т и н

Всегда ты норовишь забежать вперед.

С п и д

Но вы же только вчера сказали, что я нерасторопный.

В а л е н т и н

Убирайтесь к черту, синьор. Однако скажи, ты знаешь гос-
пожу Сильвию?

С п и д

Ту, в которую ваша милость влюблены?

В а л е н т и н

Откуда ты знаешь, что я влюблен в нее?

С п и д

По следующим признакам: во-первых, вы научились подобно синьору Протею стоять скрестив руки на груди и так смотреть, как будто вам жизнь не мила; наслаждаться любовной песней, как малиновка; бродить в одиночку, как зачумленный; вздыхать, как школьник, потерявший букварь; плакать, как девушка на могиле бабушки; поститься, как больной, посаженный на голодную диету; не спать по ночам, как богач, боящийся вора; гнусавить, как нищий на паперти. Прежде, когда вы смеялись, можно было подумать, что это кукарекует петух. Вы не шли, а гордо выступали, точно лев на прогулке. Вы постились только час после обеда. Вы грустили только при отсутствии денег. А теперь ваша возлюбленная так преобразила вас, что я на вас гляжу и не знаю: мой ли это господин?

В а л е н т и н

Неужели это так заметно по мне?

С п и д

Это заметно всем, кроме вас.

В а л е н т и н

Кроме меня? Быть не может.

С п и д

Кроме вас! И это святая истина, потому что второго такого простака в целом свете не сыщешь. И эта глупость так заполнила ваше нутро, что она поминутно выпирает из вас наружу. А когда глядишь на вас, она просвечивает, словно моча в ночном сосуде. Поэтому нужны только глаза, чтобы стать вашим врачом и распознать вашу болезнь.

В а л е н т и н

Но скажи, наконец, ты знаешь мою Сильвию?

С п и д

Ту, с которой вы глаз не спускаете за обедом и ужином?

В а л е н т и н

Ты это заметил? Да-да, именно ее.

С п и д

Нет, синьор, я ее не знаю.

В а л е н т и н

Как, ты знаешь, что я с нее глаз не спускаю, а ее самой не знаешь?

С п и д

Не та ли это, которую от всех придворных дам отличает уродство?

В а л е н т и н

Напротив, дружже, ее отличает красота, а еще больше отличает ее нечто другое.

С п и д

Вот это я знаю, синьор.

В а л е н т и н

Что ты знаешь?

С п и д

Знаю, что ее отличает не столько красота, сколько ваша милость.

В а л е н т и н

Не в этом дело. Я хочу сказать, что ее красота необычайна, а другие достоинства неисчислимы.

С п и д

Ну, конечно, потому что ее красота намалеванная, а другого никто и не считал.

В а л е н т и н

Как — намалеванная? Как — никто не считал?

С п и д

А вот так, синьор. Ради красоты она так размалевала себя, что ее красота ни у кого в счет не идет.

В а л е н т и н

А меня ты ни за кого считаешь? Я в восторге от ее красоты.

С п и д

А вы ее вовсе и не видали с тех пор, как она так изменилась.

В а л е н т и н

Когда же это она так изменилась?

С п и д

А тогда, когда вы в нее влюбились.

В а л е н т и н

Я люблю ее с тех пор, как увидал, и вижу, что она по-прежнему красива.

С п и д

Если вы ее любите, то не можете ее видеть.

В а л е н т и н

Как так?

С п и д

А вот так. Любовь слепа. О, если бы у вас были мои глаза! Если бы ваши глаза были так же остры, как в ту пору, когда вы бранили синьора Протея за то, что он ходит без подвязок!

В а л е н т и н

Что же я тогда увидел бы?

С п и д

Вы увидели бы свою нынешнюю глупость, а заодно разглядели бы ее уродство. Синьор Протей, когда был влюблен, не видел, что он вышел без подвязок, а вы не видите, что не надели брюк.

В а л е н т и н

Тогда, видимо, и ты влюблен, дружище: сегодня утром ты видел так плохо, что не мог почистить мои башмаки.

С п и д

Вы правы, синьор. Я был влюблен в свою постель. Спасибо, вы из меня вытрясли мою любовь. Это дает мне смелость ругать вас за вашу.

В а л е н т и н

Как бы ты ни ругал меня, я очарован ею, я люблю Сильвию бесконечно.

С п и д

А хорошо бы вы разочаровались. Тогда бы кончилась и любовь.

В а л е н т и н

Вчера она приказала мне написать несколько строк тому, кто мил ее сердцу.

С п и д

И вы написали?

В а л е н т и н

Написал.

С п и д

И неплохо написали?

В а л е н т и н

Друг мой, я постарался написать как можно лучше. Но тите, это она!

С п и д

(в сторону)

Вот так штука! Вот так кукольная комедия! Он, значит, будет всю ее роль говорить за нее!

Входит Сильвия.

В а л е н т и н

Синьора и госпожа моя, тысячу раз доброе утро!

С п и д
(в сторону)

А кстати, и доброй ночи! А тогда уж — целого миллиона любезностей!

С и л ь в и я

Синьор Валентин, мой слуга, две тысячи раз доброе утро!

С п и д
(в сторону)

Полагалось бы, чтоб он давал проценты ей, а выходит, что она их дает ему.

В а л е н т и н

Я вашему неназванному другу,
Как вы велели, написал за вас.
Я это сделал крайне неохотно,
Но долг мой я исполнил, госпожа.

(Отдает ей письмо.)

С и л ь в и я

Благодарю вас, мой слуга любезный!
Письмо прелестно.

В а л е н т и н

Верьте мне, синьора:
Писать неведомо кому, вслепую —
Нелегкий труд, я был в больших сомнениях.

С и л ь в и я

И вы свой труд считаете чрезмерным?

В а л е н т и н

О нет, синьора, я писал для вас.
Велите — сотни писем напишу я.
И все ж...

С и л ь в и я

Вы фразу строите отлично.
Я знаю, что идет за многоточьем:
И все ж молчу. И все ж мне дела нет.
И все ж возьмите. Я благодарю вас,
И все же впредь вас утруждать не буду.

(Возвращает ему письмо.)

С п и д

(в сторону)

И все же будешь, все же — будешь все же.

В а л е н т и н

Я вас не понял. Вы им недовольны?

С и л ь в и я

О нет, оно написано прекрасно,
Но, если вы писали с неохотой,
Возьмите, — возвращаю вам его.

В а л с т и н

Письмо, синьора, — ваше!

С и л ь в и я

Нет, синьор.

Я вам писать велела, но письмо
Не нужно мне. Оно всецело ваше.
Я больше чувства в нем хотела б видеть.

В а л е н т и н

Позвольте мне другое написать.

С и л ь в и я

Но, написав, его вы за меня
Прочтите сами. Если чтение вам
Доставит радость — будет превосходно.
А не доставит радости — тем лучше.

В а л е н т и н

Я думаю, доставит, — что тогда?

С и л ь в и я

Тогда за труд себе его возьмите.
Прощайте, мой слуга.

(Уходит.)

С п и д

Невиданно-невидимая скрытая игра!
Точь-в-точь, как скрыт на роже нос, на башне —
флюгера!

Мой господин решил за ней поволочиться,
Но учит обожателя его же ученица.
Отличный ход! Ослам влюбленным в назиданье:
Он сам, как секретарь ее, себе же настрочил
послание.

В а л е н т и н

В чем дело, синьор, о чем вы сами с собой рассуждаете?

С п и д

Я плету вирши, синьор, а вот вам бы надо порассудить.

В а л е н т и н

О чем же это?

С п и д

О том, что вы стали ходатаем за госпожу Сильвию.

В а л е н т и н

Ходатаем? Перед кем?

С п и д

Перед самим собой. Она фигурально посваталась к вам.

В а л е н т и н

Фигурально?

С п и д

Правильнее сказать — письменно.

В а л е н т и н

Как так? Она мне ничего не писала.

С п и д

А зачем ей писать, когда вы себе сами написали? Вы все еще не догадываетесь?

В а л е н т и н

Поверь, несколько.

С п и д

Я и так, синьор, несколько вам не верю. Но неужели вы не заметили, как серьезно она говорила?

В а л е н т и н

Я заметил только, что она разгневалась.

С п и д

А письма вы не заметили?

В а л е н т и н

Но ведь письмо написано ее другу.

С п и д

А было отдано вам. Поняли?

В а л е н т и н

Боюсь, как бы не вышло гораздо хуже, чем ты думаешь.

С н и д

А я ручаюсь, выйдет гораздо лучше.

Ведь вы писали часто ей, она ж из страха и приличий

Не отвечала вам — таков у честных девушек обычай.

Она боялась, что посыльный предаст ее, и против правила

Любимому письму любимой писать любимого заставила.

Я говорю как по писаному, потому что это написано в одной книге. Но о чем вы задумались, синьор? Пора обедать.

В а л е н т и н

Я сыт и без того.

С п и д

Однако послушайте, синьор. Если любовь, этот хамелеон, питается воздухом, так я-то питаюсь пищей и с большой охотой подзакусил бы. Не уподобляйтесь же вашей возлюбленной: склонитесь к моим мольбам. Склонитесь к моим мольбам!

Оба уходят.

С Ц Е Н А 2

Верона. Дом Джулии.

Входят Протей и Джулия.

П р о т е й

Запасигесь терпением, милая Джулия.

Д ж у л и я

Придется, — все равно нет выбора.

П р о т е й

Едва возможно будет, я вернусь.

Д ж у л и я

Храните верность — и скорей вернетесь.

Возьмите, вот, от Джулии на память.

(Дает ему кольцо.)

П р о т е й

Свершим обмен. Я вам дарю свое.

(Дает ей кольцо.)

Д ж у л и я

И закрепим наш сговор поцелуем.

П р о т е й

Я буду верен, вот моя рука.
И если в сутки час один случится,
Когда бы не вздыхал я о тебе,
Пусть небо мне пошлет, как святотатцу,
Любую кару. Но отец мой ждет.
Не возражай,— подходит час прилива.
Уйми же слез прилив. Такой прилив
Меня лишь бесполезно задержал бы.
Прощай!

Д ж у л и я уходит.

Ушла? Ни слова не сказав?

Да, такова любовь, она безгласна.
Она в делах находит выражение,
Но не в словах.

Входит П а н т и н о.

П а н т и н о

Синьор Протей, вас ищут.

П р о т е й

Иду, иду. Увы, в прощальный миг,
Любовь, нам изменяет твой язык.
Уходят.

С Ц Е Н А 3

Верона. Улица.

Входит Л а н с со своей собакой.

Л а н с

Нет, нет, я еще с часок поплачу. Уж таков порок всей нашей семьи. Отец выделил мне, как приبلудному сыну, мою пропорцию, и вот я отправляюсь ко двору миланского герцога. Из всех собак на свете самый плохой характер у моего Креба. Моя мать плакала, мой отец рыдал, моя сестра заливалась слезами, наша кухарка выла, наша кошка в отчаянии ломала руки, весь наш дом пришел в смятение. Однако этот жестокосердный пес не проронил ни единой слезы. Он — камень, сущий булыжник, и у него

в сердце не больше жалости, чем у собаки. Еврей, и тот заплакал бы, увидев, как мы продаемся. Какое там! Даже моя бабушка выплакала себе глаза при разлуке со мной. Сейчас я представлю вам эту сцену. Этот башмак — мой отец. Нет, вот этот — левый башмак — мой отец. Нет, нет, левый башмак — это моя мать. Опять что-то не так. А может, и так. Конечно, так. Здесь подошва с дыркой. Значит, этот башмак с дыркой — моя мать, а этот — мой отец. А, черт побери, что-то не так. Нет, все в порядке. Эта палка — моя сестра. Видите ли — она бела, как лилия, и легка, как трость. Эта шляпа — наша кухарка Нэн. Я — собака. Нет, собака — собака. Нет — я за собаку. Ах вот что: собака — это я. Нет — я сам за себя. Ну, теперь все в порядке. Вот я подхожу к отцу: «Отец, благослови меня». Башмак и слова выговорить не может, он плачет. Вот я целую отца. А он все плачет. Теперь подхожу к матери. О, если бы этот башмак умел говорить как женщина, у которой в голове помутилось от горя! Вот я поцеловал ее. Да, это она, я чувствую дыхание моей матери. Ну, а теперь сестра. Слышите, как она стонет, а между тем эта собака не проронила ни единой слезы и не сказала ни единого слова. Даже песок за это время стал мокрым от моих слез.

Входит Пантино.

Пантино

Скорее, скорее, Ланс. Твой хозяин уже на корабле, но ты на лодке еще догребешь до него. Да что случилось, чего ты нюни распустил, парень? Эй ты, осел, поторопись! Упустишь час прилива, так не доберешься до корабля.

Ланс

А лучше бы я упустил прилив. Потому что это самая невоспитанная скотина из всех, которых воспитывал человек.

Пантино

Кто скотина — прилив?

Ланс

Да нет, вот эта скотина — Креб, моя собака.

Пантино

Не болтай, дурак. Говорю тебе, ты упустишь прилив. А если упустишь прилив, так упустишь поездку, а если упустишь поездку, так упустишь хозяина, а если упустишь хозяина, так упустишь службу, — почему ты мне зажимаешь рот?

Ланс

Чтобы вы не упустили язык.

П а н т и н о

А как я могу упустить язык?

Л а н с

Вы его заболтаете.

П а н т и н о

Заболтаю?

Л а н с

Ну да. Упустишь и прилив, и хозяина, и службу, и скотину!
Нет, сударь, если не будет прилива, я наполню море слезами.
Если не будет ветра, я наполню паруса вздохами.

П а н т и н о

Идем, идем, человек, мне велели позвать тебя.

Л а н с

Зовите, если хотите.

П а н т и н о

Пойдешь ты наконец?

Л а н с

Да уж ладно, пойду.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Милан. Комната во дворце герцога.

Входят Валентин, Сильвия, Турио и Спид.

С и л ь в и я

Мой слуга!

В а л е н т и н

Моя госпожа?

С п и д

Хозяин, синьор Турио сердито смотрит на вас.

В а л е н т и н

Это потому, что он любит.

С п и д

Только не вас.

В а л е н т и н

Он любит мою госпожу.

С п и д

Вам бы съездить его по роже.

Сильвия

Мой слуга, вы печальны.

Валентин

Да, госпожа, я кажусь печальным.

Турио

Только кажется?

Валентин

Может быть, только кажусь.

Турио

Значит, вы прикидываетесь?

Валентин

Так же, как вы.

Турио

Кем же я прикидываюсь?

Валентин

Умным.

Турио

А у вас есть доказательства обратного?

Валентин

Ваша глупость.

Турио

В чем вы видите мою глупость?

Валентин

В вашем камзоле.

Турио

Мой камзол не просвечивает. Он двойной.

Валентин

Значит, вы вдвойне глупы.

Турио

Как вы смеете?

Сильвия

Вы рассердились, синьор Турио? Вы изменились в лице.

Валентин

Не мешайте ему сердиться, моя госпожа. Его лицо меняет цвет, как хамелеон.

Турио

Но этот хамелеон не станет питаться воздухом. Он предпочитает вашу кровь.

Валентин

Вы что-то сказали?

Турио

Да, сударь, сказал и сделал. И на этот раз кончено.

Валентин

Я это знаю, сударь, вы всегда кончаете прежде, чем начнете.

Сильвия

Великолепная перепалка, синьоры!

Валентин

Вы правы, моя госпожа. Но ею мы всецело обязаны ее виновнице.

Сильвия

Кому же это, мой слуга?

Валентин

Вам, дорогая госпожа. Вы сообщаете вашим речам огонь. Синьор Турио заимствует его из ваших взоров и потом блистает этим огнем в вашем обществе.

Турио

Если вы, синьор, будете со мной меняться слово за слово, то я заставлю ваше остроумие обанкротиться.

Валентин

Я это отлично знаю, синьор, вы обладаете целой сокровищницей слов и ни единой монеткой для оплаты ваших слуг. Судя по их жалким ливреям, вы им платите только жалкими словами.

Сильвия

Довольно, синьоры, довольно, идет мой отец.

Входит герцог Миланский.

Герцог

Ну, Сильвия, я вижу, ты в осаде!

Отец ваш в добром здравьи, Валентин.

Как отнеслись бы вы к письму от друга

С хорошей вестью?

В а л е н т и н

О, я был бы счастлив
Любой хорошей вестью из Вероны.

Г е р ц о г

Известен вам земляк ваш дон Антонио?

В а л е н т и н

Да, герцог, он достойный дворянин
И окружен всеобщим уважением.

Г е р ц о г

А у него есть сын?

В а л е н т и н

Да, есть, мой герцог.
И сын достоин своего отца.

Г е р ц о г

Вы знаете Протея?

В а л е н т и н

С детских лет.
Как самого себя, его я знаю,
Немало дней мы вместе провели.
Я был тогда беспечным празднюльцем,—
Я расточал в пустых забавах время
И совершенством ангелоподобным
Свой юный дух украсить не стремился.
Зато Протей умел свой каждый день
Использовать умно и благородно.
Он жизнью молод, знаниями стар,
Умом созрел, хотя годами зелен.
И, словом, яркий блеск его достоинств
Любые похвалы мои затмил бы,
Настолько щедро наделен он всем,
Что составляет славу дворянина.

Г е р ц о г

Но если он действительно таков,
Нет спора, он любви моей достоин,
Достоин быть советником моим.
Так вот, синьор, он к нам приехал ныне
И погостит, надеюсь, при дворе.

Его мне хвалят в письмах и вельможи.
Я думаю, вам эта весть по сердцу.

В а л е н т и н

О, мне здесь не хватало лишь Протея!

Г е р ц о г

Тогда примите гостя по заслугам.
Я обращаюсь, Сильвия, к тебе,
И к вам, любезный Турьо,— прошу вас.
А Валентина мне просить не нужно.
Я к вам сейчас его пришлю.

(Уходит.)

В а л е н т и н

Синьора,

Я вам о нем рассказывал не раз.
Он был бы здесь со мной, когда б любовь
Его глаза своим волшебным взором
Не заманила в плен.

С и л ь в и я

И, вероятно,

Их отпустила для другого плена?

В а л е н т и н

Нет, он свой плен не сменит на другой.

С и л ь в и я

Тогда он слеп. Но, будучи слепым,
Как мог он к вам сюда найти дорогу?

В а л е н т и н

Владычица, но ведь любовь стоока.

Т у р и о

Любовь не может видеть. У нее
Нет вовсе глаз.

В а л е н т и н

Да, для таких влюбленных,
Как вы, синьор. Уродство ей противно.

С и л ь в и я

Довольно, господя! А вот ваш друг.
Входит Протей.

В а л е н т и н

Привет тебе, мой дорогой Протей!
Синьора, я прошу у вас для друга
Особой благосклонности.

С и л ь в и я

Пусть будет
Уверен в благосклонности моей,
Когда он тот, чьих писем так вы ждали.

В а л е н т и н

Да, это он, синьора, разрешите
Ему, как мне, слугою вашим быть.

С и л ь в и я

Таких высоких слуг я недостойна.

П р о т е й

Нет, вашей благосклонности высокой,
Синьора, недостойн ваш слуга.

В а л е н т и н

Довольно обсуждать, кто недостойн.
Примите, госпожа, его услуги!

П р о т е й

Я преданность почту за высший долг.

С и л ь в и я

Кто верен долгу, тот всегда бывает
Вознагражден за верность. Вы желанный
Слуга для недостойной госпожи.

П р о т е й

За эту дерзость меч мой наказал бы
Любого.

С и л ь в и я

Как! За то, что вы желанны?

П р о т е й

О нет, за то, что недостойны вы.

Входит слуга.

С л у г а

Синьора, мой господин, ваш отец, желает поговорить с вами.

С и л ь в и я

Иду.—

С л у г а уходит.

Пойдемте, Турио, со мною.—
Вас, новый мой слуга, я оставляю,
Чтоб вы могли потолковать друг с другом.
Беседу кончив, приходите к нам.

П р о т е й

Мы оба тотчас к вам придем, синьора.
Сильвия, Турио и Спид уходят.

В а л е н т и н

Ну, расскажи, как все там поживают.

П р о т е й

Твои друзья здоровы, шлют поклон.

В а л е н т и я

Ну, а твои?

П р о т е й

Все были в добром здравье.

В а л е н т и н

А как твоя любовь?

П р о т е й

Я помню, друг мой,
О ней подчас ты не хотел и слушать.
Рассказы о любви тебе докучны.

В а л е н т и н

Протей, во мне найдешь ты перемену.
Я искупил презрение к любви.
Покорный властным мыслям о любимой,
Не ем, не сплю, не ведаю покоя,
Тоскую днем, ночами слезы лью.
Любовь мне за презренье отомстила,
Сон отогнав от покоренных глаз,
Чтобы всечасно видели они,
Как безутешно раненое сердце.
О милый друг! Любовь — владыка смертных.

Я побежден, и для меня отныне
Страдания нет сильней ее страданий,
Нет радостей возвышенной и чище,
Нет мысли, нет беседы вне любви.
Еду и сон, всю жизнь и все желанья
Отныне заменила мне любовь.

Протей

В твоих глазах твою судьбу читаю,—
Не это ли была твоя богиня?

Валентин

Она, мой друг,— небесный ангел мой.

Протей

Небесный? Нет, ее краса — земная.

Валентин

Божественная!

Протей

Не хочу ей льстить.

Валентин

Но мне польсти — хвала нужна влюбленным.

Протей

Ты подносил мне горькие пилюли,
Когда я был влюблен,— так принимай
За меру — меру.

Валентин

Нет, скажи мне правду,
И если не божественна она,
Признай ее царицей земнородных.

Протей

За исключением Джулии.

Валентин

Мой друг!
Без исключений, если ты не хочешь
Мою любовь жестоко оскорбить.

Протей

Как! Я не вправе предпочесть свою?

Валентин

Я сам тебе открою, в чем могло бы
Ей предпочтенье быть: в высокой чести
Шлейф Сильвии носить, чтобы земля
Не возгордилась тем, что поцелует
Ее одежды край и не решила
Проститься с летом, зеленью, цветами
И облачиться в вечные снега.

Протей

Оставь, мой друг, напыщенный свой тон!

Валентин

Прости, Протей, но все бессильно меркнет
Пред Сильвией. Все совершенства жалки
В сравнение с ней, единственной.

Протей

Смотри же,

Оставь ее в единственном числе.

Валентин

Нет, ни за что. Мой друг, она моя.
И я мое сокровище живое
Не отдал бы за десять океанов,
Хотя б нектаром влага их была
И золотом — береговые скалы,
И драгоценным жемчугом — песок.
Прости, мой друг, что о тебе забыл я,
По мысль моя поглощена любовью,
А глупый мой соперник — он богач
И потому любим ее отцом.
Ты видел, он отправился за нею,
Вот почему и я спешу туда.
Ты сам ведь знаешь, как любовь ревнива.

Протей

Но ты любим?

Валентин

Мы тайно обручились.
Теперь еще побег нам предстоит,

А там — венчанье. Я уж все обдумал.
По лестнице веревочной я влезу
В ее окно, и да хранят нас боги!
Пойдем ко мне, мой дорогой Протей,
Ты мне поможешь делом и советом.

Протей

Ступай вперед, а я приду потом.
Сейчас мне нужно в гавань ненадолго,
Чтоб с корабля забрать свои пожитки.
Ну, а затем немедленно к тебе.

Валентин

Мой друг, ты не задержишься?

Протей

Нет-нет!

Валентин уходит.

Как сильным жаром заглушают слабый
Иль клином выбивают клин другой,
Так прежний образ, созданный любовью,
Пред этим новым образом померк.
Глаза ль мои, хвала ли Валентина,
Моя ль неверность, красота ль ее
Мой разум безрассудно помрачили?
Она прекрасна, да, но не прекрасна ль
И Джулия, которую люблю я.
Люблю? О нет! Любил в былое время.
Моя любовь растаяла, как воск,
Перед огнем утративший подобье
Того, чем прежде восхищал он взор.
И мнится, охладел я к Валентину,
Любовью воспылав к его любимой.
Но, если я люблю ее, не зная,
Как полюблю, когда узнаю глубже!
Покуда мне знаком лишь облик внешний.
И что же? Мой рассудок помутился,
И, нет сомненья, мой ослепнет взор,
Увидев совершенство в полном блеске.
Смири, любовь, безумие свое!
Не властна ты? Так завоюй ее!

(Уходит.)

СЦЕНА 5

Милан. Улица.

Входят Ланс и Спид.

С п и д

Ланс! Клянусь моей честью — добро пожаловать в Милане!

Л а н с

Не клянись понапрасну, милый юноша. Пока что ты не имеешь права сказать мне: «добро пожаловать!» Мое мнение, что человеку, если его еще не повесили, не может быть совсем плохо. С другой стороны, человек не может пожаловать добром, пока за него не заплатили по счету в таверне и хозяйка сама не сказала ему: «добро пожаловать!»

С п и д

Ах ты, сорви-голова, пойдем же немедленно в таверну. Закажи на пять пенсов, и ты пять тысяч раз услышишь: «добро пожаловать!» Но как, скажи, расстался твой господин Протей с госпожой Джулией?

Л а н с

Ну, если они сошлись не для шуток, так расстались они шутя.

П р о т е й

Но выйдет она за него замуж?

Л а н с

Нет.

С п и д

А что же? Он на ней женится?

Л а н с

Нет и никак нет.

С п и д

Значит, у них что-то сломалось?

Л а н с

Напротив, оба целы, как рыба в воде.

С п и д

Но как же все-таки у них обстоит с этим?

Л а н с

А вот как: если у него хорошо стоит, так и для нее хорошо обстоит.

С п и д

Какой ты, однако, осел! Невозможно и представить!

Л а н с

Какой же ты чурбан, если ничего не можешь представить!
Моя палка, и та может что-то представить.

С п и д

На основании твоих слов?

Л а н с

И моих действий. Смотри, я ее ставлю перед собой, и она уже что-то представляет.

С п и д

Оттого, что ты ее ставишь перед собой?

Л а н с

А разве поставить перед — не то же самое, что представить?

С п и д

Скажи, наконец, толком: будет свадьба?

Л а н с

Спроси мою собаку: если она скажет «да», значит, будет. Если она скажет «нет», значит, будет. Если она вильнет хвостом и пичего не скажет, значит, все равно будет.

С п и д

Из этого следует, что свадьба будет наверняка.

Л а н с

Ты можешь вырвать из меня признание только при помощи сравнения.

С п и д

Мне все равно, каким способом вырвать его. Но как тебе нравится, Ланс,— мой господин таки здорово втюрился.

Л а н с

Как всегда.

С п и д

Что — всегда?

Л а н с

А я всегда и считал, что твой господин здоровая тюря, как ты только что изволил его окрестить.

С п и д

Ах ты, беспутный осел! Никак ты меня понять не можешь.

Л а н с

Ах ты, безмозглый дурак, я не тебя понять не могу, а твоего господина.

С п и д

Я говорю тебе, мой господин сгорает от любви.

Л а н с

А я говорю тебе, пусть он сгорит со своей любовью вместе. Если хочешь, пойдем в таверну. Если не хочешь, значит, ты еврей, нехристь, и недостойн имени христианина.

С п и д

Это почему же?

Л а н с

Потому что не хватает в тебе милосердия, чтобы угостить христианина пивом. Идем, что ли?

С п и д

Я к твоим услугам.

Уходят.

С Ц Е Н А 6

Милан. Комната во дворце герцога.

Входит Протей.

Протей

Измена клятве — Джулии неверность,
Измена клятве — к Сильвии любовь,
Измена клятве — оскорбленье друга.
Я той же силой, что исторгла клятвы,
Увы, к тройной измене принужден.
Любовь клялась, любовь нарушит клятву.
Лишь ты, любовь, на грех меня толкнула,
Открой же, как мне искупить свой грех!
Любил я прежде бледную звезду,
Теперь, прозрев, боготворю я солнце.
Ведь умный клятве глупой изменяет.
Тот слаб умом, чей разум не велит
На лучшее переменить плохое.
Стыдись, богохулительный язык!

Ты оскорбляешь ту, чьи совершенства
С таким восторгом прославлял недавно!
Забыть любовь не мог я, но забыл,—
Забыл тогда, когда любить я начал.
Теряю Джулию, теряю Валентина,
Но, сохранив их, я себя б утратил,
А потеряв обоих, обретаю
Себя в замену сладостному другу,
И Сильвию — возлюбленной взамен.
Я самому себе дороже друга.
Любовь же нам всего дороже в мире.
А Джулия — тому свидетель бог —
Пред Сильвией черна, как эфиопка.
О, если умерла моя любовь,
Я Джулию живой считать не стану,
И Валентина я сочту врагом,
Чтоб Сильвия подругою мне стала.
Могу ль я верность сохранить себе,
Не изменяя дружбе с Валентином?
Он замышляет ночью по веревке
В окно к небесной Сильвии проникнуть.
Я это знаю, я, его соперник!
Я должен сообщить ее отцу,
Что с нею Валентин побег замыслил.
Ведь герцог прочит Турлио в зятя,
И в гневе он изгонит Валентина.
А там найду я хитроумный способ,
Чтоб Турлио, докучному глупцу,
Помехой стать в намереньях любовных.
Дай мне, любовь, для быстрых дел крыла,
Как ты мне ум для замыслов дала.

(Уходит.)

СЦЕНА 7

Верона. Комната в доме Джулии.

Входят Джулия и Лючетта.

Джулия

Дай, милая Лючетта, мне совет.
Тебя любовью нежной заклинаю.
Ты — мой дневник. Ты все мои желанья
Записываешь и лелеешь в сердце.
Дай мне совет, как, чести не затронув,

Мне к моему любимому Протею
Скорее путь желанный совершить.

Л ю ч е т т а

К несчастью, труден этот путь и долог.

Д ж у л и я

Усердный пилигрим не устает,
Шагами измеряя королевства.
Так я ль устану, на крылах любви
Летя к тому, кто мне безмерно дорог
И наделен небесным совершенством!

Л ю ч е т т а

Не лучше ль подождать его возврата?

Д ж у л и я

Но встречи с ним мою питают душу.
Ужель ты не сочувствуешь страданиям
Моей изголодавшейся души?
Когда б любви мучения ты знала,
Скорей бы снег пыталась ты зажечь,
Чем погасить огонь любви словами.

Л ю ч е т т а

Не потушить огонь ваш я стремлюсь,
Но лишь его неистовство умерить,
Чтоб он в границах разума остался.

Д ж у л и я

Чем больше гасишь, тем сильнее горит он.
Скользкий тихо по лесу ручей,
Запруду встретив, буйством закипает,
Но если не мешать его течению,
Он плещет мирно по камням блестящим,
Целуя каждый стебель камыша,
Встречающийся волнам в их дороге,
И, кончив путь, еще прозрачен, кроток,
Вливается он в бурный океан.
Не становись же на пути моем,
И, как ручей, я буду терпелива,
И легким я сочту мой трудный путь,
Когда он приведет меня к Протею.
С ним — отдохну! Так, после жизни горькой,
Блаженствует в Элизии душа.

Лючетта

В какой одежде вы хотите ехать?

Джулия

Не в женской, чтоб в дороге избежать
Бесстыдного мужского любопытства.
Ты мне поможешь раздобыть одежду,
Какую носят при дворе паж.

Лючетта

Но волосы тогда остричь придется.

Джулия

Я подвяжу их шелковой нитью
И заплету двенадцатью узлами,
Упрямыми, как верная любовь.
Причудливость и юноше подходит,
Хотя б он старше был, чем я кажусь.

Лючетта

Штаны какого мы возьмем покроя?

Джулия

Ну, право, смех! Так точно прозвучало б:
«Какой длины, синьор, вам сделать юбку?»
На свой вопрос ответь себе сама.

Лючетта

Вам надо бы штаны с широким буфом.

Джулия

Оставь, Лючетта, это ведь уродство!

Лючетта

Штаны без буфов ничего не стоят.
Вы хоть иголку спрятать в буф могли бы.

Джулия

Моя Лючетта, ты меня ведь любишь.
Дай мне костюм, какой найдешь приличным.
Но что, как сплетню пустят обо мне —
О том, что я в подобный путь пустилась?
Не станет ли молва меня бесчестить?

Лючетта

Молвы бойтесь, так сидите дома!

Д ж у л и я

Нет, ни за что.

Л ю ч е т т а

Тогда скорее в путь,
И перестаньте думать о бесчестье.
Когда ж Протей одобрит ваш приезд,
Не все ль равно, кто вашу прыть осудит?
Но вряд ли будет вас Протей хвалить.

Д ж у л и я

Вот этого я не боюсь, Лючетта.
Его слова о вечности любви,
Погоки слез, и клятвы, и моления
Порукой мне, что буду для Протея
Желанной гостьей.

Л ю ч е т т а

Да, но это все
Используют мужчины для обмана.

Д ж у л и я

Лишь те, что низки, и для низкой цели.
Протей родился под звездой правдивой,
Слова его прочнее крепких уз,
Правдивее не может быть оракул,
И сердцем так далек он от обмана,
Как от земли далек лазурный свод.

Л ю ч е т т а

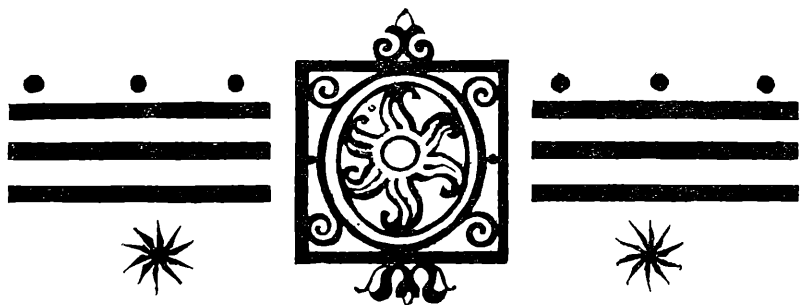
Дай бог вам не найти в нем перемены.

Д ж у л и я

Лючетта, если любишь ты меня,
Не оскорбляй Протея недоверьем.
Люби его — и будешь мной любима.
Ступай за мной, мы все должны собрать,
Что может мне в дороге пригодиться.
Богатство, имя доброе мое,
Владенья, словом, все, моя Лючетта,
Оставляю я в твоём распоряженье.
Взамен — лишь снаряди меня в дорогу.
Не возражай, приступим лучше к сборам;
Клянусь, я больше медлить не могу.

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Милан. Комната во дворце герцога.
Входят герцог, Турио, Протей.

Г е р ц о г

Прошу вас, Турио, оставьте нас на время,
Нам нужно кой о чем поговорить.

Турио уходит.

Теперь, Протей, готов я слушать вас.

П р о т е й

Я, государь, хочу открыть вам тайну,
Которую мне дружба скрыть велит.
Но вам, за вашу доброту и щедрость,
Я, недостойный, расскажу о том,
Чего б не выдал ни за что на свете.
Узнайте, герцог, друг мой Валентин
Решил похитить вашу дочь сегодня.
Он сам открыл мне их преступный сговор.
Я знаю, вы ее решили выдать
За Турио, который ненавистен
Синьоре, вашей дочери. И если
Ее похитят, это будет вам
На склоне лет жестоким огорченьем.
Так вот, во имя долга я решил:

Пуškai я лучше другу помешаю,
Зато седины ваши охраню
От множества печалей, что могли бы
Вас привести к безвременной могиле.

Герцог

Я тронут всей душой. Благодарю вас.
Теперь до гроба я у вас в долгу.
Признаться, я и сам подозревал их.
Мне довелось беседу их услышать,
Когда казалось им, что я заснул.
Не раз хотел я прекратить их встречи,
Отставить Валентина от двора,
Но думалось: быть может, я ошибся,
Напрасно человека заподозрил,
А справедливость — первый долг владык,
И оттого я дружелюбным взором
Искал все то, о чем ты мне поведал,
Но дочь мою, чтоб молодость ее
Надежней оградить от искушенья,
С тех пор я на ночь запираю в башню,
А ключ держу бессменно при себе.
Теперь ее похитить невозможно.

Протей

Узнайте, мой достойный повелитель:
К ее окну решил любовник пылкий
По лестнице веревочной взобраться,
И он как раз за лестницей пошел,
Чтоб с нею воротиться, чуть стемнеет.
Вы там его застигнете на месте.
Но всю охоту, государь, прошу я
Так провести, чтоб он не догадался
О том, что я открыл вам план побега.
Ведь я был движим лишь любовью к вам,
А не презренной ненавистью к другу.

Герцог

Клянусь вам честью, он не заподозрит,
Что я от вас их умысел узнал.

Протей

Но вот он сам. Синьор, прошу прощенья.

(Уходит.)

Входит Валентин.

Герцог

Куда вы так торопитесь, синьор?

Валентин

Там ждет гонец в Верону, ваша светлость,
И с разрешения вашего иду я
Отдать ему два небольших письма.

Герцог

А эти письма — важные?

Валентин

Да, в общем.

Я в них пишу, что я здоров и весел,
И счастлив жить при герцогском дворе.

Герцог

О, только-то! — Тогда побудь со мной.
Тебе свою заботу я открою.
Но никому ни слова, я прошу.
Ты слышал, дочь хочу я выдать замуж
За друга моего, синьора Турлио.

Валентин

Я знаю, ваша светлость, он бесспорно
Жених весьма почтенный и богатый.
К тому ж он добродетелен и щедр,
И муж для вашей дочери — отличный.
Но разве он синьоре не по нраву?

Герцог

К несчастью, нет. Она дерзка, строптива,
Надменна, раздражительна, упряма,
Чужда и долгу и любви дочерней, —
Все оттого, что с ней отец не строг.
Она своей гордыней, признаюсь,
Мою любовь заметно охладила.
Я так мечтал остаток дней своих
Согреть ее любовью и заботой,
Но обманулся и теперь — женюсь.
Пускай в мужья берет кого захочет,
Но ей за непочтительность к отцу
Лишь красота приданым будет ныне.

В а л е н т и н

К чему ведет рассказ ваш, повелитель?

Г е р ц о г

Здесь дама есть, Вероны уроженка.
Едва узнав, я полюбил ее.
Но, как ни убеждал, ни изошрялся,—
Не мог ее застенчивую скромность
Растрогать старомодным красноречьем.
Хочу твоим я стать учеником.
Я позабыл искусство обольщения,
Да ведь и нравы уж давно не те.
Так научи, каким путем добиться
Улыбки нежной от прекрасных глаз.

В а л е н т и н

Где речь бессильна, действуйте другим:
Порой для сердца женщины прелестной
Дороже слов подарок бессловесный.

Г е р ц о г

Мой дар она отвергла.

В а л е н т и н

Для начала!

Отвергла то, о чем сама мечтала.
Пошлите новый дар — и в добрый час!
Порой сулит взаимность их отказ,
И ненависть их гнев не означает.
О нет, он часто милость предвещает.
Нас гонят — что ж! — смирим на время кровь:
То в нас хотят сильнее разжечь любовь.
И нас бранят, поверьте, лишь для вида:
Уйти, обидясь, — это им обидно.
Прямых речей от женщины не жди:
В ее «уйди» звучит «не уходи»;
На похвалы, на лесть ее ловите,
Чернавку божьим ангелом зовите.—
На то мужчине и дается речь,
Чтоб мог он в сети женщину завлечь.

Г е р ц о г

Но этой даме близкие нашли
Достойного и молодого мужа,

А чтоб другой не занял это место,
За нею днем ведут надзор строжайший.

В а л е н т и н

Так я бы ночью к ней рискнул проникнуть.

Г е р ц о г

Дверь заперта, а ключ — в руках надежных.
Пожалуй, к ней и ночью не пройдешь.

В а л е н т и н

А что мешает влезть в ее окно?

Г е р ц о г

Стена крута, окно так высоко,
Что невозможно, не рискуя жизнью,
Добраться к ней.

В а л е н т и н

Ну, это не помеха,—
Веревочную лестницу возьмите,
И если вы отважны, как Леандр,
То проберетесь в башню к новой Геро.

Г е р ц о г

Дай мне совет,— ты опытный повеса,
Где мне такую лестницу достать?

В а л е н т и н

Когда, скажите, лестница нужна вам?

Г е р ц о г

Сегодня в ночь: любовь ведь, как дитя.—
Скорей хватает все, что только может.

В а л е н т и н

К семи часам я лестницу достану.

Г е р ц о г

Но я пойду один, так расскажи:
Как лестницу вернее пронести мне?

В а л е н т и н

Она ведь легкая,— накиньте плащ,
И под плащом ее вы пронесете.

Герцог

Годится плащ такой длины, как твой?

Валентин

О да, синьор.

Герцог

Дай мне его примерить.

Валентин

Мой государь, тут плащ любой пригоден.

Герцог

А как его надеть? Прошу тебя,
Дай мне ~~на~~кинуть твой.

(Распахивает плащ Валентина.)

Что за письмо?

Кому оно? Как, «Сильвии»? А вот
И лестница, которая нужна мне.

(Достает из-под плаща Валентина лестницу.)

Ну, если так, позвольте вскрыть печати.

(Читает.)

«Мои мечты — у Сильвии далекой,
Я им велел не покидать любимой,
Но если б мог я ночью одинокой
Гонцов бездушных заменить, незримы!
В твоей груди — их нежная обитель,
Я вдалеке томлюсь один, ревнуя.
Счастливых слуг печальный повелитель,
Чужое счастье в горести кляню я.
Клянусь себя за то, что их послал
Туда, где сам блаженствовать желал». —
Что это такое?
«Ты, Сильвия, свободна станешь ночью». —
Так вот зачем ты лестницу припрятал!
Но Фэртон, сын Меропса бескрылый,
Задумал править колесницей Феба
И чуть в безумстве не поджег весь мир!
Не хочешь ли звезду с небес похитить?
Обманщик низкий! Наглый раб, ступай!
Припрячь улыбку лести для глупцов,
И если ты уйдешь неотомщенный,

Благовари за то мое терпенье,
А не свои заслуги. Эта милость
Превыше всех благодеяний, мною
Оказанных тебе. Но если ты
Задержишься в моих владеньях дольше,
Чем требуют немедленные сборы,
Клянусь, мой гнев безмерно превзойдет
И ту любовь, с какой тебя я принял,
И ту любовь, что к дочери питал.
Без оправданий! Вон отсюда, слышишь?

(Уходит.)

В а л е н т и н

О, лучше смерть, чем жизнь в таких мученьях!
Ведь смерть — уход от самого себя,
А Сильвия и я — одно и то же.
В изгнании от Сильвии моей
От самого себя я буду изгнан.
Не это ли — смертельное изгнанье!
Без Сильвии ярчайший свет — не свет,
И радость мне без Сильвии — не радость.
Ужель мечтою мне питать любовь,
Воображать сиянье совершенства?
Но если ночь без Сильвии провел я,
Нет музыки мне в пенье соловьином,
И если днем я Сильвию не вижу,
Нет солнца в небе синем для меня.
Я без нее — ничто. Любимой близость
Дает мне жизнь, и сущность, и основу.
Не смерть — лишь казнь предотвратить могу я.
Оставшись тут, я только смерти жду;
Бежав отсюда, я бегу от жизни.

Входят Протей и Ланс.

П р о т е й

Скорей, скорей, Ланс, найди мне его во что бы то ни стало.

Л а н с

Ату, ату его!

П р о т е й

Кого ты там видишь?

Л а н с

Того, кого мы ищем. На его шкуре нет ни одного волоска, который не был бы Валентином.

Протей
Валентин?
Валентин
Нет.

Протей
Кто же ты? Призрак Валентина?
Валентин
И не призрак.
Протей
Что же ты такое?
Валентин
Ничто.

Ланс
Разве ничто может разговаривать? Хозяин, можно его хорошенько вздуть?

Протей
Кого ты хочешь вздуть?
Ланс
Ничто.

Протей
Замолчи, дурак!
Ланс

А почему, хозяин, ведь я хочу вздуть ничто. Позвольте мне...

Протей
Невежа, я тебе сказал, замолчи! — Друг Валентин, два слова.

Валентин
Мой слух, дружище, глух для добрых слов,
Он оглушен недобрыми словами.

Протей
Тогда в молчанье я похороню
Свои слова — они и злы и грубы.

Валентин
Скончалась Сильвия?

Протей
Нет, Валентин.

Валентин
Но Валентин для Сильвии скончался.
Так изменила мне?

Протей

Нет, Валентин.

Валентин

О, если б изменила, ты сказал бы:
Нет Валентина! С чем же ты пришел?

Протей

Ты из Милана изгнан. Да! Ты должен
Покинуть двор, и Сильвию, и друга.

Валентин

Мой друг, я горем сыт. Еще немного —
И горе с жизнью разлучит меня!
Но Сильвия уже об этом знает?

Протей

Да, знает все. Жестокому решению
Она напрасно в жертву принесла
Те жемчуга, что мир зовет слезами:
Упав к ногам сурового отца,
Она рыдала и ломала руки,
Что, поблдев от горя и тревоги,
Белей казались, чем нагорный снег.
Но ни мольбы, ни клятвы, ни стенанья,
Ни скорбное коленопреклоненье,
Ничто, ничто не тронуло тирана.
Он ей ответил: если Валентин
Промедлит здесь, его казнить велю я.
И дочь свою за то, что умоляла
Простить тебя, он в ослепление гнева
Велел тотчас же в башню запереть
И угрожал ей вечным заточеньем.

Валентин

Ни слова больше, если этим словом
Ты не убьешь меня. Но если можешь
Меня убить, так продолжай рассказ:
Дай мне покончить с мукой бесконечной.

Протей

Не сокрушайся о непоправимом,
Но что испортил, то скорей поправь.
Оставшись, ты не мог бы с ней встречаться,

По жизнь и честь поставил бы на карту.
Надежда — посох любящих. Иди,
Ты будешь там, но письма будут здесь.
На этот посох крепкий опираясь,
Пиши их мне, чтоб я передавал их,
Чтоб их на беломраморной груди
Могла твоя возлюбленная прятать.
Но, друг мой, рассуждать теперь не время.
Пора идти. К воротам городским
Я провожу тебя. Мы потолкуем
О том, что для любви твоей полезно.
Пойдем. Во имя Сильвии, спешу.

В а л е н т и н

Послушай, Ланс, коль повстречаешь Спида,
Скажи, чтоб шел он к Северным воротам.

П р о т е й

Ступай за ним. Пойдем же, Валентин.

В а л е н т и н

О Сильвия моя, о дорогая!
О горестный, несчастный Валентин!
Валентин и Протей уходят.

Л а н с

Смотрите, я дурак, а ума у меня все-таки хватило, чтобы догадаться, что мой хозяин в некотором роде негодяй. В каком роде — не важно, важно, что негодяй. Не родился еще тот человек, который скажет, что я влюблен. А между тем я действительно влюблен. Целая шестерка лошадей не вытянет из меня, в кого я влюблен. А между тем это — женщина. Но какая женщина — этого я и самому себе не скажу. Положим, я-то знаю, что она — коровница. И знаю, что она уже не девушка, о ней ходят дурные толки. И все-таки она девушка, потому что она девушка у своего хозяина и работает у него за плату. А всяких штук она знает — что твоя водолазная собака. А для крещеного человека это уже много. Вот распиши ее добродетелей. (*Достаёт бумагу.*) Во-первых, она может приносить и носить. Большого не может и лошадь. Нет, лошадь может только посить, приносить она не может. Значит, она лучше, чем любая кляча. Во-вторых, она умеет доить. Большое достоинство для девушки, если только руки у нее чистые.

Входит С п и д.

С п и д

Здорово, синьор Ланс, что это вы читаете?

Л а н с

Я не вычитаю, а складываю.

С п и д

Ты опять за старое — все слова наизнанку выворачивать. Какие новости в твоей бумажке?

Л а н с

Самые черные, какие ты видел.

С п и д

Почему же они черные?

Л а н с

Потому что написаны чернилами.

С п и д

Дай-ка прочесть.

Л а н с

Постыдился бы, дурак! Ты и читать-то не умеешь.

С п и д

А вот врешь. А вот умею.

Л а н с

А вот я тебя проверю. Отвечай: кто тебя родил?

С п и д

Кто же, как не сын моего дедушки?

Л а н с

Ах ты, невежественная башка! Не твоего дедушки сын, а твоей бабушки! Вот и видно, что ты читать не умеешь.

С п и д

Давай, давай, дурак! Покажи, что там написано, в твоей бумаге.

Л а н с

Смотри. И да поможет тебе святой Николай.

С п и д *(читает)*

«Во-первых, она умеет доить».

Ланс

Да, это она умеет.

Спид

«Во-вторых, она умеет варить пиво».

Ланс

И отсюда поговорка: благослови тебя небо ты хорошо варишь пиво.

Спид

«Также она умеет шить».

Ланс

Это все равно что спросить: шить она также умеет?

Спид

«А еще она умеет вязать».

Ланс

Так разве станет мужчина отдавать свои чулки какой-нибудь девке, если жена его сама умеет вязать?

Спид

«Еще она умеет мыть и катать».

Ланс

Это уже особая добродетель: не мытьем, так катаньем.

Спид

«Еще она умеет прясть».

Ланс

А если прялкой она умеет зарабатывать на пропитание, то, значит, Ланс всю запустит колесо фортуны.

Спид

«Дальше: у нее множество безымянных добродетелей».

Ланс

Это значит: побочных добродетелей, как бы прижитых со стороны. У них нет отца и поэтому нет имени.

Спид

Дальше следуют ее недостатки.

Ланс

По пятам за ее достоинствами.

С п и д

«Первое: не целовать ее натошак, у нее дурной запах из рта».

Л а н с

Ну, этот недостаток можно исправить завтраком.

С п и д

«Дальше: она сластена».

Л а н с

Значит, постоянно примешивает к дурному запаху хороший.

С п и д

«Дальше: она разговаривает во сне».

Л а н с

Ну, это не имеет значения, лишь бы она не спала разговаривая.

С п и д

«Дальше: она скупа на слова».

Л а н с

Какой болван записал это в недостатки! Если женщина не болтлива, это величайшая добродетель. Очень прошу тебя: вычеркни это отсюда и запиши в число главных достоинств.

С п и д

«Дальше: она поровиста».

Л а н с

Тоже вычеркни: это же у них от Евы. Лишить женщину такого наследства просто невозможно.

С п и д

«Дальше: она беззуба».

Л а н с

Тем лучше, я сам люблю корки.

С п и д

«Дальше: она сварлива».

Л а н с

Это не важно. Раз у нее нет зубов, она не укусит.

С п и д

«Дальше: она любит выпить».

Л а н с

Ну что ж, если спиртное хорошего качества, пускай пьет. Она не захочет, так я выпью. Хорошую вещь надо ценить.

С п и д

«Дальше: она слишком щедра».

Л а н с

На разговоры? Нет, конечно,— тут написано, что она скупа на слова. На деньги? Пустое! Деньги всегда будут у меня. Ну, а на другие вещи — пускай. Ничего не поделаешь. Ладно, поехали дальше.

С п и д

А дальше вот что: «У нее больше волос, чем ума, больше недостатков, чем волос, и больше денег, чем недостатков».

Л а н с.

Стой, стой. Я хочу на ней жениться, а по этой статье я дважды или трижды решал и да и нет. Прочти еще раз.

С п и д

«У нее больше волос, чем ума».

Л а н с

Больше волос, чем ума? Может быть; и я это докажу. Крышка солонки накрывает солонку, и, значит, ее больше, чем соли. Волосы покрывают голову, значит, их больше, чем ума в голове, потому что большее всегда больше, чем меньшее. Продолжай.

С п и д

«Больше недостатков, чем волос».

Л а н с

Вот это чудовищно. О, если бы этого пункта не было!

С п и д

«И больше денег, чем недостатков».

Л а н с

А вот уж это обстоятельство скрашивает все недостатки. Конечно, я на ней женюсь, и если так случится,— ведь нет ничего невозможного...

С п и д

Что тогда?

Л а н с

Тогда я тебе скажу, что твой хозяин уже целый час ожидает тебя у Северных ворот.

С п и д

Меня!

Л а н с

Тебя! А кто ты такой? Он поджидал людей и почище тебя.

С п и д

Значит, я должен идти к нему?

Л а н с

Ты должен бежать к нему! Ты здесь проторчал так долго, что идти к нему у тебя уже нет времени.

С п и д

Почему же ты молчал? Пропади они пропадом, твои любовные письма! (*Уходит.*)

Л а н с

Всыплют ему за то, что он читал мое письмо. Болван неотесанный! Сует нос в чужие секреты! Пойду за ним. Хоть на-строенье лучше станет, если ему взбучку дадут! (*Уходит.*)

С Ц Е Н А 2

Комната во дворце герцога.

Входят герцог Турио.

Г е р ц о г

Не беспокойтесь, Турио; теперь,
Лишенная навеки Валентина,
Она полюбит вас.

Т у р и о

Но с той поры
Как изгнан он, я стал ей ненавистел.
Едва я появлюсь, она уходит,
И я уже надежду потерял.

Г е р ц о г

Любовь девичья сходна с начертаньем
На льдине. Чуть повеяло теплом —

И тает лед, и, смотришь, нет рисунка.
Так мысль ее застывшая растает,
И будет сразу Валентин забыт.—

Входит Протей.

Ну что, синьор Протей, ваш старый друг,
Надеюсь, внял приказу и уехал?

Протей

Уехал, герцог.

Герцог

Дочь моя грустит?

Протей

Мой герцог, эта грусть недолговечна.

Герцог

Ты прав, но Турио думает иначе.
Протей, я полюбил тебя всем сердцем.
Ты доказал мне преданность свою,
И я доверюсь твоему совету.

Протей

О, если я вас обману, лишите
Меня и вашей милости и жизни.

Герцог

Ты знаешь сам, с какой охотой дочь
Я за синьора Турио бы выдал.

Протей

Да, герцог.

Герцог

И тебе небезызвестно,
Что дочь моей сопротивлялась воле.

Протей

Пока здесь находился Валентин.

Герцог

О нет, она упорствует. Как сделать,
Чтоб девочка забыла Валентина
И полюбила Турио?

Протей

Есть способ.

Пусть ей наговорят на Валентина,
Что он обманщик, трус и низок родом,—
Три свойства, ненавистные для женщин.

Герцог

Она поймет, что на него клеветают.

Протей

Да, если это скажет враг его.
Но ваша дочь должна рассказ подробный
О Валентине услышать от друга.

Герцог

Тогда возьмите это на себя.

Протей

Мой герцог, это было бы мне тяжело.
Достойно ль дворянина — клеветать,
Особенно на друга?

Герцог

Но поскольку

Вы похвалой ему не помогли бы,
То клеветой ему не повредите.
А значит, вам должно быть безразлично,
Чем герцогу вы будете служить.

Протей

Мой герцог, я согласен. Если дело
Лишь в том, чтоб развенчать его пред нею,
Она его разлюбит, я ручаюсь.
Но Валентина выбросить из сердца
Еще не значит в Турио влюбиться.

Турио

Поэтому, когда вы отвратите
Ее от Валентина, торопитесь
Любовь ее направить на меня,
И с этой целью, как его хулите,
Так вы меня хвалите перед ней.

Герцог

Да, в этом я, Протей, вам доверяю.
Я знаю по рассказам Валентина,

Что сами вы в цепях любви томитесь
И навсегда верны своей любви.
Поэтому я вам предоставляю
Свободный доступ к дочери моей.
Она печальна, замнута, угрюма,
Но вас, как друга Валентина,— примет,
А уж тогда сумеете сделать все,
Чтобы скорей он стал ей ненавистен.

Протей

Клянусь вам сделать все, на что способен,
Но мой синьору Турио совет:
Попробуйте поймать ее, как птицу,
В силки любовных песен и сонетов,
Исполненных покорности и страсти.

Герцог

Ты прав, Протей, могущественна сила
Поэзии, наперсницы богов.

Протей

Пишите ей, что на алтарь любви
Приносите вы слезы, стоны сердца,—
Все в жертву столь великой красоте!
Испишете чернила — продолжайте
Чертить хоть кровью пламенные строки.
Орфей, создав магическую лютню,
Поэтов жилы взял для вещих струн,
И золотыми звуками она
Смягчила сталь и вековые скалы,
И приручала львов, и заставляла
Левнафана, чудище морское,
Покинув глубь, плясать на берегу.
Отдав свой день созданию чудных песен,
Ступайте ночью под окно любимой
И, пригласив искусных музыкантов,
Игрой и пеньем тешьте слух ее.
С молчаньем почти так согласны звуки
Тоскующей, зовущей серенады,
И для победы нет пути другого.

Герцог

Лишь тот, кто любит, может так учить.

Турио

Я твой совет сегодня же исполню,
Наставник мой, любезный мой Протей.
Прошу тебя, пойдем со мною в город —
Найдем оркестр. А я как раз сегодня
Великолепный выучил сонет.
Его спою — и будет он началом
Любовной битвы.

Герцог

В добрый час, синьоры.

Протей

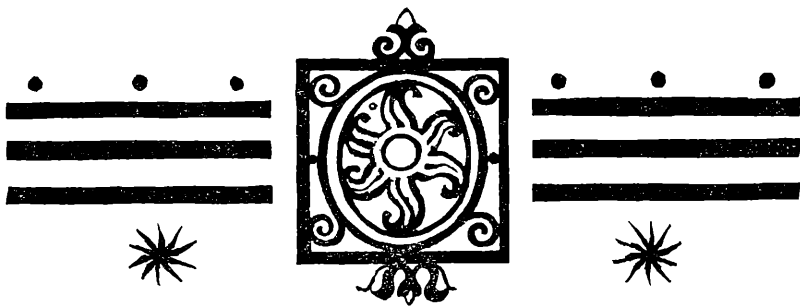
Мы до обеда, герцог, ваши слуги,
А там — в поход.

Герцог

О нет, не тратьте время.
Я отпускаю вас, мои друзья.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Лес между Милапом и Вероной.

Входят несколько разбойников.

Первый разбойник

Друзья, держитесь крепко, вот прохожий.

Второй разбойник

А хоть бы десять — бейте их, не трусьте!

Входят Валентин и Спид.

Третий разбойник

Стойте, синьоры, отдайте все, что имеете, не то мы свяжем вас и все отнимем.

С п и д

Хозяин, мы погибли. Это злодеи, убивающие всех путешественников.

В а л е н т и н

Друзья мои...

Первый разбойник

Ошибка, синьор, мы ваши враги.

Второй разбойник

Молчи, послушаем, что он скажет.

Третий разбойник

Правильно. Клянусь моей бородой, он хороший человек.

Валентин

Так знайте же, мне нечего терять.
Ко мне судьба относится враждебно,
И все мое богатство — в той одежде,
Которая на мне.

Второй разбойник

Куда идете?

Валентин

В Верону.

Первый разбойник

Откуда вы?

Валентин

Из Милана.

Третий разбойник

И долго жили там?

Валентин

Да больше года.
Но был бы там и ныне, если б злая
Судьба не встала на моем пути.

Первый разбойник

Вы изгнаны?

Валентин

Да, изгнан.

Второй разбойник

А за что же?

Валентин

За то, о чем мне тяжело вспоминать.
Я в стычке заколол там человека
И все еще раскаиваюсь в том.
Но я убил его на поединке,
А не ударом в спину.

Первый разбойник

Если так,

Поверьте, вам раскаиваться не в чем.
И вас изгнали за такой пустяк?

Валентин

И хорошо, что обошлось лишь этим.

Второй разбойник

Вы знаете чужие языки?

Валентин

Да, в юности поездил я немало,
А в общем, я судьбой не избалован.

Третий разбойник

Ручаюсь плешью старого монаха
Из удалой ватаги Робин Гуда,
Он подходящий атаман для нас!

Первый разбойник

Он мне по сердцу. Господа, два слова!

Спид

Хозяин, принимайте предложение,
Займитесь честным воровством.

Валентин

Молчи ты!

Второй разбойник

Не связаны ли в жизненном пути
Вы с кем-нибудь?

Валентин

Нет, лишь с моей судьбою.

Третий разбойник

Так знайте, между нами есть дворяне,—
Слепое буйство юности безумной
Нас от людей достойных удалило.
Я сам был изгнан из родной Вероны
За то, что вознамерился похитить
Воспитанницу герцога.

Второй разбойник

Я также

Из Мантуи был изгнан,— но за то,
Что проучил кинжалом дворянина.

Первый разбойник

И я в таком же пустяке повинен.
Но к делу! Мы в грехах своих винимся,
Чтоб объяснить вам, отчего пошли мы
В разбойники. Вы статны и сильны,
Притом вы человек с образованием,
Владеете, как видно, языками,
А нам такой и нужен атаман.

Второй разбойник

Да, только потому, что вы — изгнанник,
Мы первым делом спрашиваем вас:
Хотите ль быть вы нашим атаманом,
Хотите ль сделать проигрыш доходным
И с нами жить в лесу?

Третий разбойник

Ответь нам прямо:
Ты хочешь править шайкой удальцов?
Скажи лишь «да» — и станешь атаманом,
И будем мы тебе повиноваться,
Тебя любить и чтить, как короля.

Первый разбойник

А если ты откажешься — уьем!

Второй разбойник

Чтоб ты не хвастал нашим предложеньем.

Валентин

Пожалуй, я согласен. Остаюсь.
С условием, чтоб вы не обижали
Ни бедняков, ни беззащитных женщин.

Третий разбойник

Столь подлых дел гнушаемся мы сами.
Пойдем, мы отведем тебя в пещеру
И отдадим в твое распоряжение
Себя самих и все свое добро.

Уходят.

СЦЕНА 2

Милан. Перед дворцом герцога.

Протей

Я Валентина оболгал, и ныне
Мне Турио придется обмануть.
Пообещав хвалить его пред нею,
Я думал только о своей любви,
И Сильвию теперь могу я видеть.
Но Сильвия правдива и честна
И на обеты верности с презрением
Отвечает, что я неверен другу.
Когда я славлю красоту ее,
Она глумится над моей изменой
И просит клятвы Джулии припомнить.
Но, несмотря на все ее насмешки,
Я перед нею — точно пес ручной.
И я люблю тем преданней, чем больше
Она мои моления презирает.
Но вот пришел и Турио. Пойду
Любимой петь с ним вместе серенаду.

Входят Турио и музыканты.

Турио

Как! Раньше нас, Протей, вы прилетели?

Протей

Да, прилетел, мой Турио достойный.
Любовь, где не пройдет, перелетит.

Турио

Да, но любовь-то ваша ведь не здесь!

Протей

Нет, здесь, иначе я бы здесь и не был.

Турио

И, может быть, вы к Сильвии явились?

Протей

Да, к Сильвии, но ради вас.

Т у р и о

От сердца

Благодарю вас. Господа, начнем.

Настраивайте ваши инструменты.

Входят хозяин гостиницы и Джулия, одетая мальчиком.

Х о з я и н

Ну, юный мой постоялец, мне кажется, вы хлебнули лишнего.
Почему вы грустите?

Д ж у л и я

Да потому, добрый хозяин, что мне невесело.

Х о з я и н

Ладно, мы вас развеселим. Вы сейчас услышите музыку и увидите синьора, о котором спрашивали.

Д ж у л и я

И услышу его голос?

Х о з я и н

Да, услышите.

Д ж у л и я

Это будет для меня музыкой.

Музыка.

Х о з я и н

Слушайте.

Д ж у л и я

Он здесь, среди них?

Х о з я и н

Да. Но тише, послушаем.

П е с н я

(исполняется музыкантами)

Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.
О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
«О, как хочу узреть тебя!»
И вдруг прозрел он и, любя,
В ее глазах остался.

Друзья, среди чудес земли
Что Сильвии чудесней?
Мы к нежной Сильвии пришли,
Мы ей гирлянды принесли,
Ее мы славим песней.

Х о з я и н

В чем дело? Вы стали еще печальнее. Что с вами, друг мой?
Видно, вам не нравится эта музыка?

Д ж у л и я

Вы ошиблись, мне музыкант не нравится.

Х о з я и н

Чем же, прекрасный юноша?

Д ж у л и я

Он фальшивит.

Х о з я и н

Как так, он играет не на тех струнах?

Д ж у л и я

Нет, нет. И все же он фальшивит так, что все струны моего сердца дрожат от боли.

Х о з я и н

У вас тонкий слух.

Д ж у л и я

Лучше бы мне оглохнуть. У меня сердце разрывается от этого.

Х о з я и н

Я вижу, вы не любите музыки.

Д ж у л и я

Если она фальшива — не люблю.

Х о з я и н

Вы послушайте, как меняются голоса.

Д ж у л и я

Вот эти-то смены меня и раздражают.

Х о з я и н

Так что ж, вы хотите, чтоб он играл на один голос?

Джулия

Да, я хочу, чтоб один музыкант играл на один голос. А что, хозяин, этот ваш Протей часто приходит к окнам этой дамы?

Хозяин

Я знаю только то, что сказал мне его слуга Ланс: он по уши в нее влюблен.

Джулия

Тише! Отойдем в сторону, они уходят.

Протей

Не беспокойтесь, Турио, клянусь вам,
Я так искусно дело поведу,
Что хитрости моей вы удивитесь.

Турио

Где встретимся мы с вами?

Протей

У фонтана

Григория святого.—

Турио и музыканты уходят.

В окне появляется Сильвия.

Привет вам, благородная синьора.

Джулия

(хозяину)

Где Ланс?

Хозяин

Пошел искать собаку, которую по приказу своего господина он должен поднести в подарок Сильвии.

Сильвия

Благодарю за музыку, синьор.

Скажите, кто вы?

Протей

Если бы вы знали,
Насколько чисты помыслы мои,
Вы узнавать умели бы мой голос.

Сильвия

Синьор Протей?

Протей

Ваш преданный слуга.

Сильвия

Что вам угодно?

Протей

Слепо подчиняться

Желаньям вашим.

Сильвия

Очень рада слышать.

Так вот мое желанье: убирайтесь
Немедленно домой! Ты, лжец, предатель,
Иль думаешь, я так глупа, ничтожна,
Что лестью соблазнить меня ты можешь,
Как обманул ты клятвами другую?
Ступай, пади пред нею на колени,
Моли прощенья у ее любви!
А я клянусь — клянусь царицей ночи,
К твоим мольбам не снизойду вовеки
И домоганья лживые твои
Всем разумом, всем сердцем презираю.
Мне стыдно, что с тобой на болтовню
Я трачу время.

Протей

Госпожа моя,

Скрывать не стану, я любил другую,
Но ведь она скончалась.

Джулия

(в сторону)

Я свидетель,

Ее пока не опускали в гроб.

Сильвия

Допустим, это правда, но твой друг,
Твой Валентин, он жив, а ты ведь знаешь,
Что мы обручены, и не стыдишься
Своей любовью друга оскорблять!

Протей

Идет молва, что Валентин скончался.

Сильвия

Тогда и я мертва, моя любовь
Навек погребена в его могиле.

Протей

Позвольте воскресить ее, синьора!

Сильвия

Нет, воскреси любовь своей любимой,
Иль вместе с ней свою похорони.

Джулия
(в сторону)

Он этого не слышал.

Протей

О синьора!

Вы так жестокосердны, но молю вас,
Отдайте мне на память свой портрет,
Висящий в вашей комнате. Я буду
С ним говорить, вздыхать пред ним и плакать,
И вашу тень, сам обратившись в тень,
Любить неугасающей любовью.

Джулия
(в сторону)

Живую, лицемер, вы разлюбили б
И в тень бы превратили, как меня.

Сильвия

Мне неприятно быть кумиром вашим,
Но вам, лжецу, пожалуй, так подходит
Молиться тени и любить подобье,
Что вам портрет дарю я. Завтра утром
Кого-нибудь пришлите за подарком.
Покойной ночи.

Протей

Я спокоен буду,
Как пленник, ждущий казни поутру.

(Уходит.)

Сильвия скрывается в окне.

Д ж у л и я

Хозяин, пойдем, что ли?

Х о з я и н

Клянусь всеми святыми, я хорошо всхрапнул.

Д ж у л и я

Скажи, где живет синьор Протей?

Х о з я и н

В моей гостинице. Вы поглядите, скоро уже светать начнет.

Д ж у л и я

А ночь из всех ночей моих бессонных
Была и самой длинной и тяжелой.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же.

Входит Э г л а м у р.

Э г л а м у р

Меня синьора Сильвия просила
Зайти к ней нынче. Этот час настал.
Я для каких-то важных дел ей нужен.
Синьора Сильвия!

В окне появляется С и л ь в и я.

С и л ь в и я

Кто звал меня?

Э г л а м у р

Слуга и друг ваш.

С и л ь в и я

Это Эгламур?

Синьор, примите тысячу приветствий.

Э г л а м у р

И столько же приветствий вам, синьора.
Я к вам пришел так рано, чтоб узнать,
Какой могу быть службой вам полезен.

Сильвия

Ты — рыцарь, мой достойный Эгламур.
Клянусь тебе, в моих словах нет лести.
Ты просвещенный, мудрый и отважный,
Ты справедлив и прям. Тебе известно,
Что всей душой люблю я Валентина,
Но мой отец меня желает выдать
За Турио, ничтожного глупца.
Ты сам любил. Ты мне сказал когда-то,
Что, безутешной горестью теснимый,
Печалась о возлюбленной своей,
Ты над ее безвременной могилой
Поклялся верным быть ей даже мертвой.
О Эгламур, я в Мантую решила
Уехать, — там живет мой Валентин.
Но на дорогах, говорят, опасно;
Прошу тебя, будь спутником моим.
Подумай, как разгневан мой родитель,
Подумай, как в разлуке я страдаю,
И скажешь сам, что вправе я бежать,
Чтобы спастись от мерзкого союза,
Который проклят небом и судьбой!
Мой добрый друг, молю тебя всем сердцем,
А в нем страданий — как песчинок в море, —
Будь провожатым Сильвии несчастной!
Но если ты не можешь, обещаю мне
Молчать о том, что я тебе открыла,
И я тогда решусь бежать одна.

Эгламур

Всем сердцем вам сочувствую, синьора.
И, зная ваших горестей причину,
Охотно буду вас сопровождать.
И о своей судьбе я не забочусь,
Я лишь для вас прошу у неба счастья.
Когда же в путь?

Сильвия

Сегодня ввечеру.

Эгламур

Где встретимся?

Сильвия

У брата Пьетро в келье.
Пред ним я исповедаться хочу.

Эгламур

Я встречу вас у врат монастыря.
До вечера, прекрасная синьора!

Сильвия

Мой добрый друг, мой Эгламур, прощайте.
(Скрывается в окне.)

Эгламур уходит.

СЦЕНА 4

Входит Ланс со своей собакой.

Ланс

Когда слуга ведет себя, как неблагодарный пес, то господин обижается. Но ведь его-то я воспитывал с детства. Я спас этого щенка, когда его хотели утопить вместе с тремя или четырьмя слепыми братцами и сестрицами. Я учил его, как настоящего пса. Меня послали поднести его синьоре Сильвии в подарок от моего хозяина. Не успели мы войти в столовую, как он уже подобрался к тарелке синьоры и стащил. Противно смотреть, когда собака не умеет вести себя в обществе. Мне хотелось, чтобы он показал себя образованным псом, как говорится — псом на все руки. Если б у меня не хватило ума взять на себя его грех, его бы за такую проделку повесили. Ей-богу, он был бы за это сурово наказан. Посудите сами. Он без всяких церемоний врывается в общество двух или трех знатных собак, которые сидели под столом герцога, и, не пробыл он там, — ну просто диву даешься! — не пробыл он там даже столько времени, сколько нужно, чтобы помочиться, как уже все в комнате почувствовали запах. «Гоните вон эту собаку!» — кричит один. «Это еще что за пес!» — кричит другой. «Хорошенько его хлыстом!» — кричит третий. «Повесить его!» — говорит герцог. Так как мне этот запах хорошо знаком, я сразу понял, что это Креб. И вот подхожу я к малому, который собирается бить его хлыстом. «Друг, — говорю я, — вы собираетесь бить эту собаку?» — «Да, черт возьми, собираюсь», — говорит он. «Вы его напрасно обижаете, — говорю я, — это я наделал в комнате». Он без дальних слов давай меня хлестать и выставил вон. Много ли хозяев сделали бы это ради слуг? Готов поклясться, я сживал в колодках за те колбасы, которые он

крал. Я стоял у позорного столба за тех гусей, которых он задушил, иначе он пострадал бы за это.— А ты и думать об этом забыл. Но я-то не забыл, что ты наделал, когда я уходил от госпожи Сильвии. Разве я не просил тебя не спускать с меня глаз и повторять то, что буду делать я? Видел ли ты когда-нибудь, чтобы я вдруг поднял ногу и помочился на юбку знатной дамы? Видел ты когда-нибудь, чтобы я творил такое безобразие?

Входят Протей и Джулия, одетая мальчиком.

Протей

Тебя зовут Себастьян? Ты мне сразу
Понравился. Окажешь мне услугу?

Джулия

Все что угодно! Все, что буду в силах!

Протей

Благодарю.—

(Лансу.)

Так вот ты где, мерзавец!
Скажи, где прощатался ты два дня?

Ланс

Синьор, я по вашему приказу водил собаку к госпоже Сильвии.

Протей

Ну, и что же она сказала, получив эту прелестную собачку?

Ланс

Черт возьми, синьор, она говорит, что собака, которую вы ей прислали в подарок,— дворняжка и достойна лишь собачьей благодарности.

Протей

Но ведь она приняла собачку в подарок?

Ланс

Нет, синьор, не приняла. Вот я и веду ее назад.

Протей

Как, ты этого пса хотел ей подарить?

Ланс

Да, синьор. А ту другую, маленькую собачку, похожую на белку, у меня вчера на рынке подручные палача украли из кармана. Вот я вместо нее и поднес госпоже Сильвии своего собственного пса. Он в десять раз больше той вашей собачки, а значит — в десять раз лучше как подарок.

Протей

Ступай к чертям! Иль разыщи собачку,
Иль на глаза не смей мне попадаться!
Чего стоишь? Взбесить меня решил?
Из-за слуги всегда краснеть я должен!

Ланс уходит.

Себастьян, будь моим слугою ты.
Мне нужен юноша, который может
Исполнить мой приказ умно и тонко,
Не так, как этот пентюх толстокожий.
А ты лицом приятен и воспитан
И, если я в тебе не ошибаюсь,—
Удачу можешь принести и счастье.
За это я и взял тебя. Так вот что:
Ступай к синьоре Сильвии тотчас же
И ей отдай кольцо мое в подарок.
Его владелица меня любила.

Джулия

Но вы ее, должно быть, не любили,
Когда с ее подарком расстаетесь.
Или она скончалась?

Протей

Нет, жива.

Джулия

О горе мне!

Протей

Тебе? При чем же ты здесь?

Джулия

Я не могу не пожалеть ее.

Протей

Ты? Почему ты Джулию жалеешь?

Д ж у л и я

Она не меньше, видно, вас любила,
Чем вы синьору Сильвию? И что же,
Ей дорог тот, кто позабыл ее,
А вы влюбились в ту, кто вас не любит.
Всегда с любовью жизнь в противоречье,
Вот почему вскричал я: горе мне!

П р о т е й

Ну, не печалься. Отнеси кольцо,
А с ним письмо. Вот комната синьоры.
Скажи, что за обещанным портретом
Явился ты, и, получив портрет,
Лети ко мне тоску мою развеять.

(Уходит.)

Д ж у л и я

Ах, многие ли женщины могли бы
Такое поручение исполнить!
Протей, бедняга! Ты лису приставил
Твоих ягнят пасти. А я-то дура!
Мне жаль того, кто надо мной смеется!
Едва ее увидел, он с презреньем
Отверг меня, а я люблю его
И оттого жалею. В час разлуки
Ему кольцо дала я, чтобы вечно
Меня он помнил, а теперь должна я —
Посол несчастный! — Сильвию просить
О том, что запретить бы ей хотела,
Отдать ей то, что отобрать хочу,
Хвалить того, кого браню всем сердцем.
Не я ли с ним сама обручена!
Чтоб стать Протею преданным слугою.
Должна предать я самое себя.
И, сватая любимому невесту, —
О господи! — я жажду лишь отказа.

Входит Сильвия со свитой.

Привет вам, госпожа! Нельзя ли мне
Сказать синьоре Сильвии два слова?

С и л ь в и я

Я — Сильвия. Но что же вам угодно?

Джулия

О, если это вы, прошу терпенья —
Я с порученьем прислан.

Сильвия

От кого?

Джулия

Синьор Протей меня прислал, синьора.

Сильвия

А, верно, вас прислал он за портретом?

Джулия

Да.

Сильвия

Хорошо. Урсула, мой портрет!

Урсула приносит портрет.

Отдай его Протею, но скажи,
Что Джулия, которой изменил он,
Подходит больше комнате его,
Чем эта тень.

Джулия

Вот вам письмо, синьора.
Простите, я случайно передал вам
Не тот листок. Ах, вот он, ваша милость.

Сильвия

А покажи-ка мне еще раз тот.

Джулия

Прошу простить, я не могу, синьора.

Сильвия

Возьми! Я не хочу и видеть, что мне пишет
Твой господин. Я знаю, там полно
Любовных клятв, неслыханных обетов, —
Он лжет с такой же легкостью всегда,
С какой его письмо я разрываю.

(Разрывает письмо.)

Джулия

Синьора, вам кольцо он посылает.

С и л ь в и я

Кольцо? Тогда позор ему вдвойне!
Он сотни раз твердил, что это — память,
Что это милой Джулии кольцо —
Залог любви, врученный в миг разлуки.
И пусть он осквернил его изменой,
Я Джулию не стану оскорблять.

Д ж у л и я

Она благодарит вас.

С и л ь в и я

Что такое?

Д ж у л и я

Благодарю вас за участие к ней.
Бедняжка, мой синьор ее обидел!

С и л ь в и я

Ее ты знаешь?

Д ж у л и я

Так же, как себя.
Я часто плакал над ее печалью.

С и л ь в и я

Она, быть может, знает, что Протей
Ей изменил?

Д ж у л и я

Я полагаю, знает.
И в этом горьких слез ее причипа.

С и л ь в и я

Она красива?

Д ж у л и я

Нет, была красива,
Когда могла в любовь Протея верить.
Она была красавица, как вы.
Но в зеркало давно она не смотрит.
Под маскою не прячется от солнца,
И воздух розы щек ее убил,
Ее чело лишилось лилий белых,
Подобно мне, теперь она смугла.

Сильвия

А ростом высока она?

Джулия

Как я.

Когда мы с ней в комедиях играли,
Мне часто роли женщин доставались,
И были платья Джулии мне впору,
Как будто шил портной их для меня.
Вот почему известно мне, что ростом
Мы с ней равны. А как-то раз случилось,
Что я всерьез ее заставил плакать.
Я Ариадну представлял тогда,
Убитую предательством и бегством
Изменника Тезея. Я играл
Так живо, был так неподдельно грустен,
Что госпожа моя разволновалась
И горько зарыдала. Пусть умру я,
Когда не плакал сам ее слезами.

Сильвия

О благородный мальчик, как отрадно
Должно быть ей сочувствие твое,
Когда она покинута, забыта!
Сама я плачу, думая о ней.
За то, что госпожу свою ты любишь,
Дарю тебе мой кошелек. Прощай!

Джулия

Как Джулия благодарить вас будет,
Когда вы с нею встретитесь, синьора!

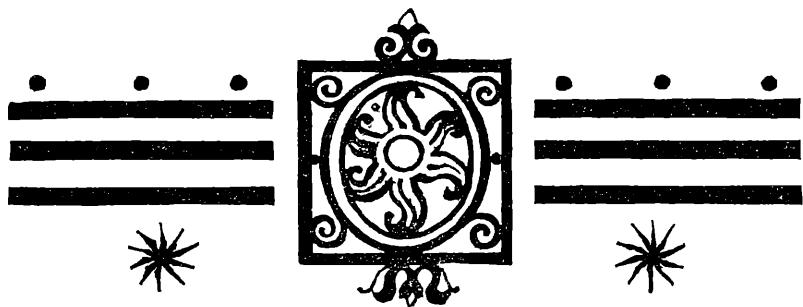
Сильвия со свитой уходит.

Она добра, прекрасна, благородна
И если ей так жаль меня, — быть может,
Она отвергнет сватовство Протея.
Любовь, любовь! Как над собой ты шутишь!
Но вот портрет соперницы. Посмотрим.
Пожалуй, дать такое платье мне,
Лицом бы оказалась я не хуже.
Но, право, живописец ей польстил.
Иль, может быть, себе я льщу невольно?
Она темноволоса — я светла.
Но если он ее за это любит,
Я завтра же парик надену темный.

Глаза у нас обеих голубые,
Но у нее гораздо ниже лоб.
Так что же в ней он любит? Чем я хуже?
И что во мне он мог бы порицать,
Не будь Амур шальным, слепым мальчишкой.
Неси же, тень, соперницу твою —
Другую тень. Бездушное подобье!
Тебе молиться будут, поклоняться.
Но если в поклонении кумиру
Есть чувство, пусть моя живая плоть
Заменит этот образ бестелесный.
Я пощажу тебя во имя той,
Кто так скорбит о Джулии,— не то бы
Я вырвала глаза твои пустые,
Чтоб разлюбил тебя мой повелитель.

(Уходит.)

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Милан. Монастырь.

Входит Эгламур.

Эгламур

Позолотило солнце хмурый запад.
Условленный уже подходит срок,
И Сильвию тотчас я должен встретить.
Она придет. Влюбленные иль точны,
Иль сонное опережают время.
Но вот она.—

Входит Сильвия.

Синьора, добрый вечер!

Сильвия

Аминь, аминь. Ступай вперед, мой рыцарь,
И жди за монастырскою оградой.
Боюсь, отец велел за мной следить.

Эгламур

Не бойтесь, лес недалеко отсюда,
Мы добежим — и будем спасены.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната во дворце герцога.

Входят Турно, Протей и Джулия.

Турно

Синьор Протей, как Сильвия теперь
Относится к моим смиренным просьбам?

Протей

Она, пожалуй, стала благосклонней,
Но все же в вас не нравится ей что-то.

Турно

Но что же? Или ноги слишком длинны?

Протей

О нет, скорее — чересчур худы.

Турно

Надену сапоги, чтоб округлить их.

Джулия

(в сторону)

Ты шпорами любовь не обратишь
К тому, что от природы ей противно.

Турно

А нравится ли ей мое лицо?

Протей

Она его считает слишком белым.

Турно

Плутовка лжет! Я темен, точно мавр.

Протей

Но жемчуг бел, а темные мужчины,
Как говорят, в глазах красавиц — жемчуг.

Джулия

(в сторону)

Да, этот жемчуг ослепляет женщин,—
И, право, лучше с глаз его долой!

Турио

Ей нравится беседовать со мною?

Протей

Рассказы ваши о войне ей скучны.

Турио

Но о любви и мире — интересны?

Джулия
(в сторону)

Ей было бы интересней услышать,
Что с миром ты ушел — и не вернулся.

Турио

А что она о храбрости моей
Сказала вам?

Протей
Она молчит об этом.

Джулия
(в сторону)

А что сказать, когда храбрец труслив?

Турио

Известно ль ей мое происхождение?

Протей

Известно то, что вы от высшей знати
Свой род ведете.

Джулия
(в сторону)

Из князей в шуты.

Турио

Она слыхала о моем богатстве?

Протей

Да, и жалеет вас.

Турио

А почему?

Д ж у л и я
(в сторону)

А потому, что им осел владеет.

Протей

Да ведь оно заложено.

Турио

Вот герцог!

Входит герцог.

Герцог

А, Турио! Протей! Синьоры, кстати,
Вы Эгламура нынче не встречали?

Турио

Нет.

Протей

Нет.

Герцог

А дочь мою?

Протей

Я не встречал.

Герцог

Так, значит, дочь бежала к Валентину,
И Эгламур ее сопровождает.

Да, это так. Их брат Лоренцо встретил,
Когда он шел, в молитвы погруженный,

Лесной тропой. Он Эгламура знает

И думает, что с ним была она,

Хотя под маской он лица не видел.

Затем она хотела к брату Пьетро

На исповедь прийти, но понапрасну

Он ждал ее весь вечер. Я уверен,

Что Сильвия бежала. Мой Протей,

Седлай коня, скачи до поворота

На Мانتую,— они туда спешили.

Там под горой я назначаю встречу.

Скорей, синьоры, следуйте за мной.

(Уходит.)

Т у р и о

Однако нрав строптивый у девицы!
Бежать от счастья! Я за ней отправлюсь —
Не из любви к упрямце, о нет,
Но отомстить хочу я Эгламуру.

П р о т е й

А я отправлюсь только из любви,
Я к Эгламуру злобы не питаю.

Д ж у л и я (в сторону)

А я пойду — не мстить ее любви,
Но стать помехой для его любви.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лес.

Входят разбойники, ведя Сильвию.

Первый разбойник

Ну, ну, терпенье! Мы вас отведем
К начальнику.

Сильвия

Мне горе так привычно,
Что это горе я стерплю легко.

Второй разбойник

Ведите же ее.

Первый разбойник

А где тот малый,
Который с нею был?

Третий разбойник

Удрал, как заяц.
За ним пустились Мозес и Валерий.
Веди ее к начальнику. Ступай!
А я в погоню, — мы его поймаем,
Ему засад в лесу не миновать.

Второй и третий разбойники уходят.

Первый разбойник

Пойдемте, я вас отведу в пещеру
Начальника. Вам нечего бояться.
Он справедлив, а с женщинами — рыцарь.

Уходят.

СЦЕНА 4

Другая часть леса.

Входит Валентин.

Валентин

Как быстро в нас рождается привычка!
Мне лес безлюдный, глушь и полумрак
Милей, чем пестрый и богатый город.
Я здесь брожу один, никем не видим,
И вторю песне томной соловья
Стенаньями тоскующего сердца.
Красавица, живи в моей груди,
Люби приют, счастливый лишь тобою,
Не то печаль изложет эти стены
И рухнет опустелое жилище.
О Сильвия, мне душу воскреси,
Утешь страдальца, ласковая нимфа!

Шум за сценой.

Что там за крик? О чем шумит ватага,
Возведшая в закон лишь своеволие?
Иль бедный путник в этот лес забрел?
Хотя меня вся шайка полюбила,
Как трудно мне обуздывать их буйство!
Но спрячься, Валентин, сюда идут.

Входят Сильвия, Протей, Джулия.

Протей

Чтоб вам услугу оказать, синьора,—
Хоть вы моих не цените услуг,—
Я жизнью рисковал, и этой шпагой
Наказан вор, грозивший чести вашей.
Так неужели я не заслужил
В награду хоть улыбки благосклонной?
Я меньшей не придумаю цены,
Да меньше мне и дать вы не могли бы.

В а л е н т и н
(в сторону)

Не сон ли все, что вижу я и слышу?
Дай мне, любовь, терпенья хоть на миг!

С и л ь в и я

О господи, взгляни, как я несчастна!

П р о т е й

Несчастною могли вы стать, синьора,
Но я пришел и счастье вам принес.

С и л ь в и я

Мое несчастье в том, что ты посмел
Приблизиться.

Д ж у л и я
(в сторону)

А я несчастна буду,
Когда ты станешь близок ей.

С и л ь в и я

О небо!

Я предпочла бы, чтобы лев голодный
Меня в лесной трущобе растерзал,
Чем быть тебе обязанной, предатель!
Бог видит, как люблю я Валентина.
Он дорог стал мне, как души спасенье,
И столь же (я спасением клянусь!)
Мне лжец Протей вовеки ненавистен.
Прочь от меня, я повторяю, прочь!

П р о т е й

За нежный взор твой, за одну улыбку
В объятия смерти кинусь я с восторгом!
Ужель сулит мне рок неотвратимый
За всю любовь — лишь ненависть любимой?

С и л ь в и я

Ты сам не любишь ту, кем так любим.
Припомни, как ты в клятвах рассыпался
Пред Джулией, твоей любовью первой.
И эти клятвы в ложь ты обратил,
Чтоб кинуться за новою любовью.
Нет, ты неверен, если только верность

Не многолика. Впрочем, верность многим
Еще, пожалуй, хуже, чем неверность.
И лучше бы не клялся ты совсем,
Чем клялся многим, а солгал бы всем,
Изменник дружбе!

Протей

Кто же другу в жертву
Любовь приносит?

Сильвия

Только не Протей!

Протей

Нет, если даже нежным красноречьем
Я не могу ваш гнев обезоружить,
То, как солдат, я силой вас заставлю
Ответить мне любовью на любовь.

Сильвия

Прочь руки!

Протей

Я сломя твое упорство!

Валентин

(выступая вперед)

Презренный лжец! Прочь руки!

Протей

Валентин!

Валентин

Так вот что значит быть притворным другом!
Ты предал все — и дружбу и любовь!
В твою измену я бы не поверил,
Когда бы сам ее не увидал.
Теперь сказать вовеки не смогу я,
Что хоть единый друг есть у меня.
Как верить, если правая рука
Столь вероломно изменяет сердцу!
Протей, ты стал чужим для Валентина,
Ты подорвал его доверье к людям.
Больней всех ран — невидимая рана.
Мой друг — мой враг! О подлый век обмана!

Протей

Я виноват, мне стыдно, Валентин,
И если можно искупить обиду
Признанием и раскаянием глубоким,
Прими его. Моя вина не больше,
Чем скорбь моя.

Валентин

Тогда я все забыл.
Я верю вновь, что друг мой чист и честен.
Да, верю! Или пусть меня отвергнут
И небо и земля: они прощают
Тягчайший грех, и даже гнев господень
Пред искренним раскаянием стихает.
А чтобы ты увидел дружбы щедрость,
Я уступаю Сильвию тебе.

Джулия

О горе мне!
(*Лишается чувств.*)

Протей

Что с мальчиком, смотрите!

Валентин

Мой мальчик милый! Что с тобой случилось?
Открой глаза, поговори со мной.

Джулия

Ах, добрый мой синьор, Протей велел мне
Отдать синьоре Сильвии кольцо,
А я забыл.

Протей

Но где ж кольцо, проказник?

Джулия

А вот оно.

Протей

Как, покажи поближе!
Ведь это то кольцо, что в день разлуки
Я отдал Джулии.

Джулия

Синьор, простите!

Я попросту ошибся, вот кольцо,
Которое вы Сильвии послали.

(Показывает другое кольцо.)

Протей

Но как тебе досталось то кольцо?
Его, прощаясь, Джулия вручил я.

Джулия

Мне Джулия сама его дала
И принесла сюда его сама же.

Протей

Как, Джулия!

Джулия

Смотри, Протей, на ту,
Чье сердце помнит пламенные клятвы
Твоей любви. Ты лгал мне, вероломный!
Красней, стыдись, что ты меня заставил
Надеть мужской костюм, хотя едва ли
Постыдна маскировка для любви,
И скромность утверждает, что мужчине
Постыднее от слова отступиться,
Чем девушке — мужчиной нарядиться.

Протей

От слова отступиться? Ты права!
Но ведь мужчина стал бы совершенством,
Когда б он постоянством обладал.
Непостоянство — всех грехов исток,
В нем, нерожденном, скрыт уже порок.
Храни я верность Джулии моей —
Ужели счел бы Сильвию милей?

Валентин

Давайте руки, я соединю вас,
И дружеский союз ваш никогда
Да не смутит коварная вражда!

Протей

Клянусь, мое исполнилось желание.

Джулия

Клянусь и я.

Входят разбойники, ведя герцога и Турио.

Р а з б о й н и к и

Сюда, сюда! Добыча!

В а л е н т и н

Оставьте их! — Мой герцог, вашу милость
Приветствует изгнанник Валентин.

Г е р ц о г

Как, Валентин!

Т у р и о

И Сильвия меж ними!

Она моя!

В а л е н т и н

Прочь, Турио, не то
Мой ярый гнев тебя настигнет смертью.
И Сильвию не называй своей,
Иль ты Милана больше не увидишь.
Не смей ее хотя б мизинцем тронуть
Иль осквернить ее своим дыханьем!

Т у р и о

Синьор, синьор, прошу — не горячитесь!
Осел безмозглый тот, кто лезет в драку
За девушку, которой он отвергнут!
Пускай красotka достается вам!

Г е р ц о г

Тем более ты мерзок и ничтожен,
Коль так стремился ею обладать,
А пятишься при первой же угрозе.
Но, я клянусь высоких предков славой,
Ты мне по сердцу, храбрый Валентин!
Ты королеву в жены взять достоин,
И я забыл, что оскорблен тобой.
Вернись в Милан. Какой бы сан высокий
Ни попросил ты, я на все согласен.
Ты дворянин, твой род и стар и славен,—
Бери же Сильвию, ты заслужил ее.

В а л е н т и н

Благодарю! Я счастлив, государь!
Но я во имя Сильвии прошу вас
Мою исполнить просьбу.

Герцог

Говори!

Не для нее, но для тебя — исполню.

Валентин

Изгнанники, к которым я примкнул,—
Я вам клянусь — достойнейшие люди.
Простите им все то, что совершали
Они в лесу, и дайте им вернуться
В свои дома. Вы можете, мой герцог,
Доверить им важнейшие дела.

Герцог

Согласен. И тебя и всех прощаю.
Ты знаешь их, распоряжайся ими.
А мы пойдем. Забудем все тревоги
В пирах, в веселье, в шумном торжестве.

Валентин

Но путь наш долог. Я осмелюсь, герцог,
Заставить вашу светлость улыбнуться.
Как нравится вам этот юный паж?

Герцог

Мальчишка грациозен. Он краснеет.

Валентин

От граций больше в нем, чем от мальчишки.

Герцог

Что означает ваших слов игра?

Валентин

Я расскажу вам, если разрешите,
И ход судьбы вас удивит немало.
Пойдем, Протей, ты должен в наказание
Прослушать повесть о своей любви.
А там сыграем обе свадьбы наши.
Единый дом, единый дружный пир,
Единое безоблачное счастье!

Уходят.

**БЕСПЛОДНЫЕ
УСИЛИЯ
ЛЮБВИ**

Перевод
Ю. К О Р Н Е Е В А

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фердинанд, король Наварры.

Бирон
Лонгвиль } приближенные короля.
Дюмен

Бойе } приближенные французской
Меркад } принцессы.

Дон Адриано де Армадо, чудака испанец.

Отец Натаниэль, священник.

Олоферн, школьный учитель.

Тупица, констебль.

Башка, шут.

Мотылек, паж Армадо.

Лесничий.

Французская принцесса.

Розалина }
Мария } придворные дамы принцессы.
Катерина }

Жакнета, деревенская девушка.

Вельможи, слуги и другие.

Место действия — Наварра.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Парк вокруг дворца короля Наварры.

Входят Фердинанд, король Наварры, Бирон,
Лонгвиль и Дюмен.

К о р о л ь

Пусть будет слава, наша цель при жизни,
В надгробьях наших жить, давая нам
Благообразье в безобразье смерти.
У времени прожорливого можно
Купить ценой усилий долгих честь,
Которая косу его притупит
И даст нам вечность целую в удел.
Поэтому, воители,— я вам
Такое имя дал за то, что вы
Войну ведете с вашими страстями
И с полчищами помыслов мирских,—
Да сохранит указ последний силу.
Наварра наша станет чудом мира,
Двор — малой академией, где будем
Мы созерцанью мирно предаваться.
Вы поклялись, Бирон, Дюмен, Лонгвиль,
Втроем три года провести со мною
В трудах ученых и всегда блюсти
Устав, на этот свиток нанесенный.
Скрепите ж подписями ваш обет,

Чтоб был лишен своей рукою чести
Тот, кто хотя б на миг его нарушит.
Итак, когда в душе решимость есть,
Поставьте ваши имена вот здесь.

Лонгвиль

Я соглашаюсь на трехлетний пост:
Пирует ум, когда худеет тело,
А тот, кто чрево жадно насыщает,
Тучнея плотью, разумом нищает.

Дюмен

Мой государь, Дюмен себя смирил
И низменным рабам мирских забав
Оставил низость суеты мирской.
Теперь я мертв для радостей земных —
Мне философия заменит их.

Бирон

Мой государь, лишь в том, в чем прежде клялся,
Я к этим заверениям примкну.
Я клялся вам в ученье быть три года,
А тут немало есть иных обетов —
Ну, скажем, женщин избегать три года.
Ужель и этот пункт включен в устав?
Затем: в неделю раз без пищи жить
И есть шесть прочих дней по разу в день.
Ужель и этот пункт вошел в устав?
Потом: спать ночью только три часа,
Глаз не смыкая днем ни на минуту
(А я приучен крепко спать всю ночь
И к ночи добавлять еще полдня).
Ужель и этот пункт внесен в устав?
Не спать, не видеть женщин и поститься —
Мне с этим слишком трудно примириться.

Король

По все сносить вы принесли обет.

Бирон

Осмелюсь, государь, ответить «нет!»
Я клялся лишь делить ученье с вами,
Пожертвовав ему тремя годами.

Лонгвиль

Одно неотделимо от другого.

Бирон

О, если так, то в шутку дал я слово.
В чем цель ученья — мне узнать нельзя ли?

Король

Знать то, чего мы до сих пор не знали.

Бирон

И то, что ум обычный не поймет?

Король

Да, уж таков ученья дивный плод.

Бирон

Тогда клянусь усердно изучать
Все, что устав мне запрещает знать:
Ну, например, — как пообедать сладко,
Когда поститься все принуждены;
Как с милою увидиться украдкой,
Когда от женщин мы удалены;
Как тягостную клятву обойти
И все же верность слову соблюсти.
Вот если смысл трехлетнего ученья
В том, чтоб мне дать такие наставленья,
Я принесу обет без промедленья.

Король

Пусты все эти плотские утехы,
Чинящие учению помехи!

Бирон

Они пусты, и все ж пустей куда —
Трудиться ради одного труда.
Чтоб правды свет найти, иной корпит
Над книгами, меж тем как правда эта
Глаза ему сиянием слепит.
Свет, алча света, свет крадет у света.
Пока отыщешь свет во мраке лет,
В твоих очах уже померкнет свет.
Нет, научись, как услаждать свой взгляд.
Его в глаза прелестные вперяя,

Которые твои зрачки слепят,
Их тут же снова светом озаряя.
Наука — словно солнце. Дерзкий взор
Теряется в ее небесных тайнах.
В ней книгоед находит лишь набор
Заемных истин и цитат случайных.
Хоть астрономы, крестные светил,
Открыв звезду, ей имя нарекают,
Но звезды и для тех, кто их крестил,
Не ярче, чем для неучей, сверкают.
Лишь имена, все зная, будешь знать,
А их вещам мы все вольны давать.

К о р о л ь

С ученостью трунит он над ученьем!

Д ю м е н

Стремится он мешать благим стремленьям!

Л о н г в и л ь

Он полет рожь, перед полынью струся.

Б и р о н

Весна подходит, коль плодятся гуси.

Д ю м е н

О чем вы?

Б и р о н

Да о том, что все — в свой час.

Д ю м е н

Ответ не в толк!

Б и р о н

Зато не в бровь, а в глаз!

К о р о л ь

Бирон завистлив, как мороз весной,
Когда он губит юные растенья.

Б и р о н

Пусть так. Но не ударит летний зной,
Пока у птиц причины нет для пенья.
Что мне за радость видеть недоноска?
Я розу не прошу в сочельник цвeсть,

А вьюгу в майский день сугроб наместь.
Для каждой вещи срок и время есть.
Учиться поздно было бы тецерь:
Не лезь в окно, когда открыта дверь.

К о р о л ь

Бирон, ступайте. Вышли из игры вы.

Б и р о н

Нет, клятву дав, я не уйду трусливо.
В честь темноты сказал я больше слов,
Чем вы во славу мудрости найдете,
Но, дав обет, три года я готов,
Подобно вам, смирать желанья плоти.
Где свиток? На устав взгляну хоть раз
И подписью скреплю его сейчас.

К о р о л ь

Ты честь свою уступчивостью спас.

Б и р о н

(*читает*)

«Item¹: ни одна женщина не смеет подходить к местонахождению нашего двора ближе чем на милю».— Это уже обнародовано?

К о р о л ь

Дня четыре назад.

Б и р о н

Какое наказание ей за это полагается? (*Читает.*) «Под страхом лишения языка».— Кто же внес в устав такой пункт?

Л о н г в и л ь

Я внес его.

Б и р о н

Но для чего?

Л о н г в и л ь

Пусть женщин строгость кары устрашает.

Б и р о н

Любезным быть такой закон мешает.

(*Читает.*)

¹ Далее. (*Лат.*)

Б и р о н

«Item: если в течение этих трех лет кто-либо будет уличен в разговоре с женщиной, он подвергнется такому публичному посрамлению, какое только сумеют измыслить остальные придворные».

Мой государь, придется лично вам
Нарушить этот строгий пункт, коль скоро
Французская принцесса едет к нам.
Добиться лично с вами разговора
Больной отец велел ей. Хочет он,
Чтоб вы ему вернули Аквитанию.
Поэтому: иль зря был пункт внесен,
Иль зря принцесса пустится в скитанья.

К о р о л ь

Об этом мы забыли, господа.

Б и р о н

Ученье перелет дает всегда:
Учась, как сделать то, чего желаешь,
Ты сделать то, что должен, забываешь;
Пусть даже ты добился своего,—
Что в том? Ты город взял, но сжег его.

К о р о л ь

Придется отступить нам от декрета:
Необходимость оправдала это.

Б и р о н

Нас триста раз в течение трех лет
Необходимость отступать заставит:
Ведь от страстей, с которыми на свет
Мы рождены, лишь благодать избавит.
Итак, коль я не соблюду обета,
Необходимость оправдает это.
Поэтому его я подпишу

(подписывает)

И каждого, кем он не будет сдержан,
Бесчестным навсегда провозглашу:
Ведь я соблазну, как и все, подвержен.
Но я, хоть мне противен этот бред,
Надеюсь дольше всех хранить обет.
Ужели без забав нам жить три года?

К о р о л ь

Отнюдь. Один испанец, отпрыск рода
Дворян кастильских, при дворе гостит.
Он искушен во всех новинках моды;
Сентенциями мозг его набит;
Он из людей, которых опьяняет
Звук собственных речей, как сила чар;
И правый, и неправый избирает
Его судьей в решение разных свар.
Армадо, детище воображенья,
Нас будет в час досуга забавлять
И доблесть миром преданных забвенью
Воителей испанских восхвалять.
И, что бы ни сказали вы об этом,
Мне весело с таким лгуном ответым.
Пускай придворным станет он поэтом.

Б и р о н

В Армадо пропасть блеска и ума:
Он — рыцарь моды и речист весьма.

Л о н г в и л ь

Коль он с Башкой нам будут развлеченьем,
Три года не покажутся мученьем.

Входят Тупица с письмом и Башка.

Т у п и ц а

Где здесь король собственной особой?

Б и р о н

Вот он, приятель. Чего тебе надо?

Т у п и ц а

Я самолично представляю собой его величество, потому что
состою констеблем на службе его величества; но мне желательно
видеть его особу в телесном обличье.

Б и р о н

Вот он.

Т у п и ц а

Сеньор Арм-Арм свидетельствует вам свое почтение. Вышло
скверное дело: подробности найдете в письме.

Б а ш к а

Ваше величество, в письме и про меня написано.

К о р о л ь

Это письмо от великолепного Армадо?

Б и р о н

Как бы ничтожно ни было содержание письма, оно, уповаю на милость божью, выражено высоким слогом.

Л о н г в и л ь

Высокие упования по ничтожному поводу? Дай нам, боже, терпенья.

Б и р о н

Дослушать до конца или удержаться от смеха?

Л о н г в и л ь

Выслушать кротко и посмеяться умеренно или удержаться и от того и от другого.

Б и р о н

Отлично, сударь. Пусть степень его высокопарности сама подскажет нам степень веселости.

Б а ш к а

Ваше величество, там речь идет обо мне, поскольку письмо касается Жакнеты. Дело в том, что я попался на деле.

Б и р о н

Как это на деле?

Б а ш к а

Вот так что на деле или, согласно букве устава, на трех делах. Я был замечен, когда бездельничал с Жакнетой во дворце, — раз. Я сидел с нею — два. Я шел следом за ней по парку — три. А согласно букве устава, из этих трех проступков следует, что они в целом и составляют дело. Ибо из буквы устава известно, что когда мужчина вступил с женщиной в разговор об известном деле, это уже целое дело, согласно известной букве устава.

Б и р о н

Ну, и что же из этого следует?

Б а ш к а

А это уж смотря по тому, какое мне воспоследует наказание. И да защитит господь правого!

К о р о л ь

Угодно вам выслушать письмо?

Б и р о н

Мы слушаем его, как оракула.

Б а ш к а

Как в простоте душевной человек слушает веления плоти!

К о р о л ь

(читает)

«Великий престололюбоститель, наместник тверди небесной и единый владыка Наварры, земное божество души моей и питатель тела».

Б а ш к а

А ведь о Башке пока что ни слова!

К о р о л ь

«Случилось так...».

Б а ш к а

Всегда что-нибудь случается, но если он пишет, что случилось так, он, по правде говоря, не стоит того, чтобы с ним что-нибудь случилось.

К о р о л ь

Стой смирно!

Б а ш к а

А я всегда смирный, как всякий, кто в драку не лезет.

К о р о л ь

Ни слова!..

Б а ш к а

...о чужих секретах, покорнейше прошу.

К о р о л ь

«Случилось так, что, постигнутый черной меланхолией, решив я вверить свое мрачно-подавленное настроение целительному действию наилучшего в мире лекарства — твоего животного воздуха — и, как благородный дворянин, предпринял прогулку. Ты задашь вопрос: в какое время? Около шести часов, то есть в ту пору дня, когда охотнее всего пасутся стада, клюют корм птицы и люди садятся за свою трапезу, которую они нарекли ужином. Это все, что могу я сказать о времени. Теперь о территории, — я имею в виду территорию, по которой я следовал, прогуливаясь: ее именуют твоим парком. Что же касается места, — я разумею то место, где стал я очевидцем непотребного и наипредосудительнейшего происшествия, извлекающего из мое-

го белоснежного пера эбеновые чернила, которые ты усматриваешь, созердаешь, зришь и видишь в настоящую минуту, — что же касается этого места, то оно расположено к северо-северо-востоку, на восточной стороне западного угла твоего замысловатозвивистого сада. Там-то и явился взору моему этот недоумок, этот деревенщина, это низкое ничтожество, служащее к твоему увеселению...»

Б а ш к а

Это про меня?

К о р о л ь

«...это невежественное и непросвещенное созданис...»

Б а ш к а

Это про меня?

К о р о л ь

«...эта мелкая рабская душа...»

Б а ш к а

Опять про меня?

К о р о л ь

«...которого, насколько мне помнится, именуют Башкой...»

Б а ш к а

Конечно, это я!

К о р о л ь

«...в обществе и общении, вопреки установленному и объявленному тобой декрету и пребывающему в силе указу о...о...о...о!..о...но с кем? Мне тяжело сказать с кем...»

Б а ш к а

С бабенкой!

К о р о л ь

«...с дочерью праматери нашей Евы, с особью женского пола, или — для более просветленного понимания твоего величества — с женщиной! Движимый неослабным сознанием долга, я препровождаю его к тебе на предмет достодожного ему наказания в сопровождении служителя твоего пресветлого величества Энтони Тупицы, человека отменной репутации, обращения, воспитанности и почтенности».

Т у п и ц а

Это уж про меня, с вашего соизволения. Я и есть Энтони Тупица.

К о р о л ь

«Что же касается Жакнеты, ибо так зовется вместилище слабости, застигнутое мною в обществе вышепоименованного деревенщины, то я задержал ее у себя, как вместилище для ярости твоих законов, и при малейшем указании твоего пресветлого величества представляю ее пред судилище. Прими выражение совершенной преданности и всежигającego сознания долга от твоего

дона Адриано де Армадо».

Б и р о н

Это не так хорошо, как я ожидал, но лучше всего, что мне доводилось слышать.

К о р о л ь

О да, лучшее из наихудшего. Ну, любезный, что вы на это скажете?

Б а ш к а

Ваше величество, насчет бабенки — сознаюсь.

К о р о л ь

Вы разве не слышали того, что было объявлено?

Б а ш к а

Честное слово, я так усердно это слушал, что все и прослушал.

К о р о л ь

Ведь было же объявлено: год тюрьмы тому, кто будет иметь дело с женщиной.

Б а ш к а

Да я с женщинами дела не имел. Я имел дело с барышней.

К о р о л ь

Ну и что же? Объявление касалось и барышень.

Б а ш к а

Да она вовсе не барышня. Она девственница.

К о р о л ь

Это ничего не меняет. Объявление относилось и к девственницам.

Б а ш к а

Ну, если так, то я отрицаю за ней девственность. Я имел дело просто с девушкой.

К о р о л ь

Эта девушка, сударь, вам ни в чем не поможет.

Б а ш к а

Эта девушка, государь, мне кое в чем поможет.

К о р о л ь

Вот вам мой приговор, сударь: вы будете неделю поститься на воде и мякине.

Б а ш к а

Я предпочел бы целый месяц молиться на похлебке и жарком.

К о р о л ь

И дон Армадо будет вашим стражем.

Бирон, к нему Башку препроводите.

Идемте ж, господа, осуществлять

Все то, в чем мы друг другу клятву дали.

К о р о л ь, Д ю м е н и Л о н г в и л ь у х о д я т.

Б и р о н

Я голову поставлю против шляпы,

Что посмеется жизнь над их затеей.

Идем, мошенник.

Б а ш к а

Я страдаю из-за честности, сударь. Ведь, по чести говоря, я имел дело с Жакнетой, а она — честная девушка. Поэтому — добро пожаловать, горькая чаша благополучия. Будет день, и печаль вновь улыбнется мне, а до тех пор сиди здесь, скорбь!

У х о д я т.

С Ц Е Н А 2

Там же.

Входят Армадо и его паж Мотылек.

А р м а д о

Мальчик, в чем выражается меланхолия великого духом человека?

М о т ы л е к

Главным образом в том, что у него грустный вид.

Армадо

Но разве грусть и меланхолия — не одно и то же, дорогое дитя?

Мотылек

Нет, нет, сударь! Что вы, совсем нет!

Армадо

В чем же ты усматриваешь различие меж ними, нежный юноша?

Мотылек

В их внутреннем проявлении, загрубелый старец.

Армадо

Почему «старец»? Почему «загрубелый»?

Мотылек

Почему «нежный»? Почему «юноша»?

Армадо

Я назвал тебя «нежным юношей», потому что эпитет этот соотносится с твоим юным возрастом, который можно именовать нежным.

Мотылек

А я вас — «загрубелым старцем», потому что название это соотносится с вашим пожилым возрастом, который можно именовать загрубелым.

Армадо

Мило и метко.

Мотылек

Что вы имеете в виду, сударь? Что я мил, а слова мои метки, или что я меток, а слова мои милы.

Армадо

Ты мил, ибо мал.

Мотылек

Значит, я мало мил, ибо мал. А почему меток?

Армадо

Потому меток, что изворотлив.

Мотылек

Хозяин, это вы в похвалу мне говорите?

Армадо

Да, в соответствующую твоим заслугам похвалу.

Мотылек

Я бы такой же похвалой и угря похвалил.

Армадо

Как, разве угорь находчив?

Мотылек

Угорь изворотлив.

Армадо

Я хочу сказать, что ты изворотлив в ответах. У меня от них кровь закипает.

Мотылек

Вот я и получил ответ.

Армадо

Я не люблю, когда мне перечат.

Мотылек

(с сторону)

Не любишь, когда перечат,— не говори другим поперек!

Армадо

Я дал обещание пробыть три года в ученье вместе с королем.

Мотылек

Да вы и за час всему научиться сумеете, сударь.

Армадо

Это немыслимо.

Мотылек

Сколько будет трижды один?

Армадо

Я не силен в счете. Это дело буфетчика.

Мотылек

А вы, сударь, дворянин и игрок.

Армадо

Сознаюсь и в том и в другом. Оба эти качества необходимы воспитанному человеку.

Мотылек

Ну, значит, вы знаете, сколько составят в сумме туз и двойка.

Армадо

Их сумма на одно очко больше, чем два.

Мотылек

То, что в просторечье называется «три»?

Армадо

Верно.

Мотылек

Видите, как спорится у вас ученье. Вы три раза глазом моргнуть не успели, а уж дошли до трех. К слову «три» легко прибавить «года», — вот и свелись три года ученья к двум словам. Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает.

Армадо

Тонко рассчитано.

Мотылек

(в сторону)

Еще бы, если в итоге выходит, что ты нуль.

Армадо

Засим должен я сознаться, что влюблен. И насколько низок влюбленный воин, настолько же низко происхождение женщины, в которую я влюблен. Если бы, обнажив свой меч против любовного недуга, мог я избавиться от греховных помыслов о ней, я бы взял в плен свое вождение и отдал бы его какому-нибудь французскому придворному в обмен на новоизобретенную любезность. Я презираю вздыхателей и мог бы, думается, устрасить Купидона. Утешь меня, мальчик, поведай, кто из великих людей был влюблен.

Мотылек

Геркулес, хозяин.

Армадо

Сладчайший Геркулес! — Побольше знаменитых примеров, дорогой мальчик, побольше имен; и пусть, милое дитя мое, принадлежат они людям с положением и весом.

Мотылек

Самсон, хозяин; он-то уж был человек с весом, с большим весом, потому что весьма весомые городские ворота мог на плечах унести. Он тоже был влюблен.

Армадо

О плотно сбитый Самсон! О прочно сшитый Самсон! Я превосхожу тебя в искусстве владения рапирой, как ты меня — в искусстве ношения ворот. И я тоже влюблен. В кого был влюблен Самсон, мой дорогой мальчик?

Мотылек

В женщину, хозяин.

Армадо

Какого темперамента?

Мотылек

Всех четырех, или трех, или двух, или одного из четырех.

Армадо

Определи мне точнее ее темперамент.

Мотылек

Зеленый, цвета морской воды, сударь.

Армадо

Да разве есть такой темперамент?

Мотылек

Судя по тому, что я читал, это самый лучший из всех.

Армадо

Конечно, зеленый цвет означает любовь, но, по-моему, Самсону не стоило выбирать себе возлюбленную зеленого цвета. Наверно, он полюбил ее за ум.

Мотылек

Так оно и есть, сударь. У нее был ум зеленого цвета.

Армадо

У меня же возлюбленная совершенно непорочного белого и алого цвета.

Мотылек

Сударь, под таким цветом и скрываются довольно порочные мысли.

Армадо

Объясни, объясни, образованный отрок.

Мотылек

Да помогут мне ум моего отца и красноречие матери!

Армадо

Какое звучное воззвание в устах младенца! Очень мило и патетично.

Мотылек

Где с белым цветом алый слит,
Там спрятан грех под маску:
Ведь щеки женщин страх белит,
А стыд бросает в краску.
И где тут стыд, и где тут страх —
Уразумей, поди ты;
Ведь от рождения на щеках
У них два цвета слиты.

Довольно опасные стихи, хозяин, насчет белого и алого цвета.

Армадо

Мальчик, разве нет баллады про короля и нищенку?

Мотылек

Был грех: наши прадеды сочинили такую балладу, но теперь ее, кажется, нигде не услышишь, а если и услышишь, то слова и напев ни на что не годны.

Армадо

Я хотел бы заново обработать этот сюжет, дабы заблуждения моего чувства были освящены каким-нибудь авторитетным примером. Мальчик, я влюблен в юную поселянку, которую застиг в парке с этим человекоподобным животным Башкой. Она вполне достойна...

Мотылек

...порки и уж во всяком случае любовника получше, чем мой хозяин.

Армадо

Спой, мальчик! У меня на душе тяжело от влюбленности.

Мотылек

Это странно, потому что любите вы женщину довольно-таки легковесную.

Армадо

Спой, прошу тебя.

Мотылек

Дайте пройти этой компании.

Входят Тупица, Башка и Жакнета.

Тупица

Сударь, король соблаговолил поручить вам надзор за Башкой. Вы не должны ему мирволить, но и притеснять его не следует. Нужно только присматривать, чтоб он постился три дня в неделю. А эту девицу мне приказано держать в парке. Пусть послужит коровницей. Мое почтение.

Армадо

Я выдаю себя румянцем.— Девушка!

Жакнета

Мужчина!

Армадо

Я навещу тебя в коровнике.

Жакнета

До этого далеко.

Армадо

Я знаю туда дорогу.

Жакнета

Скажите, какой ученый!

Армадо

Я расскажу тебе чудесные вещи.

Жакнета

С такой-то наружностью?

Армадо

Я люблю тебя.

Жакнета

Старые песни.

Армадо

Итак, до встречи.

Жакнета

Ветер вам в корму!

Тупица

Пошли, Жакнета, поторапливайся.

Тупица и Жакнета уходят.

Армадо

Презренный, ты будешь поститься за свои проступки, пока не заслужишь прощения.

Башка

Слушаюсь, сударь. Надеюсь, что смогу делать это с полным желудком.

Армадо

Расплата с тобой будет тяжелою.

Башка

Ну, значит, я буду вам более признателен, чем ваши слуги, с которыми вы расплачиваетесь куда легковеснее.

Армадо

Увести этого негодяя и заточить!

Мотылек

Идем, строптивый раб! Живо!

Башка

Не велите меня запирать, сударь. Я предпочитаю поститься по воле.

Мотылек

Ну нет, сударь. Кто же по своей воле на хлеб и воду сядет. Тебя посадят в тюрьму.

Башка

Ладно. Но если я вновь увижу веселые дни моей печали, которые я видел, то кое-кто увидит...

Мотылек

Что увидит?

Башка

Ничего особенного, господин Мотылек. Увидит только то, что увидит. Узнику не годится быть слишком скупым на слова, поэтому я ничего и не скажу. Слава богу, терпенья у меня поменьше, чем у других, поэтому я и могу быть спокоен.

Мотылек и Башка уходят.

Армадо

Я обожаю даже почву, сей низкий предмет, который попирает ее башмак, предмет еще более низкий и приводимый в движение ее ногой, предметом самым низким. Полюбив, я делаюсь клятвопреступником, а это первейший признак лживости. Между тем не бывает истинной любви там, где к ней примешана лживость. Любовь — домовый, любовь — дьявол, любовь — самый злой из всех злых духов. Тем не менее она искусила Самсона, а ведь он обладал несравненной мощью; она соблазнила Соломона, а ведь он был отменно мудр. Перед стрелой Купидона не устояла палица Геркулеса; тем более — это неравное оружие для рапиры испанца. Первый и второй поводы для картеля мне не подходят: *passado*¹ Купидон пренебрегает, на *duello*² не обращает внимания. Мы, мужи, оскорбляем его, именуя мальчиком, а он торжествует, покая нас, мужей. Прощай, мужество! Ржавей, клинок! Умолкни, барабан! Повелитель ваш влюблен. Да, он любит! Приди мне на помощь, гений импровизации. Я, вне всякого сомнения, примусь сочинять сонеты. Изошряйся, ум! Строчи, перо! Я расположен заполнить целые фолианты!

(Уходит.)

¹ Удар, выпад — фехтовальный термин. (Слегка искаженное *итал. passata*.)

² Дуэль. (*Итал.*)

А К Т II

С Ц Е Н А I

Там же.

Входят французская принцесса, Розалина, Мария, Катерина, Бойе, вельможи и слуги.

Бойе

Должны, принцесса, вы на помощь ныне
Призвать всю ясность духа своего.
Подумайте, кого, к кому, зачем
Сюда послал король, родитель ваш!
Вам, столь высокочтимой повсеместно,
Он поручил вести переговоры
С тем, кто один владеет всем, что мы
В мужах считать привыкли совершенством,—
С Наваррцем несравненным. Речь идет
О целой Аквитании, стране,
Достойной стать приданым королеве.
Так расточайте ж то очарование,
Тот дар прелестный, коим вашу прелесть
Природа одарила, расточив
Его на вас в ущерб всем остальным.

Принцесса

Хоть красота моя невелика,
Не нужно ей таких похвал цветистых.
Оценку красоте дают глаза
Того, кто пожелал купить ее,

А не язык хвастливый продавца.
И, внемля вам, я менее горда,
Чем сами вы в стремлении прослыть
За остролова вашим восхваленьем.
Но с человеком дела — ближе к делу!
Бойе, известно вам, — молва об этом
Шумит повсюду, — что король Наварры
Решил три года посвятить наукам,
Не допуская женщин в свой приют.
Поэтому нам не мешает, раньше
Чем постучать в запретные ворота,
Знать мнение короля на этот счет.
И вам ввиду достоинств ваших быть
Ходатаем за нас мы поручаем.
Скажите их величеству, что с ним
По делу неотложному хотела б
Увидеться французская принцесса.
Итак, спешите. Мы же будем здесь
Смирненно ждать монаршего решения.

Б о й е

Гордясь доверьем, в путь я рад пуститься.
(Уходит.)

П р и н ц е с с а

Кто горд, тот рад возможности гордиться.
Скажите, господа, кто дал обет
Подвижничества вместе с королем?

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Лонгвиль, к примеру.

П р и н ц е с с а

Вы знакомы с ним?

М а р и я

Он мне знаком. Когда лорд Перигор
С прелестной дочкой Джека Фоконбриджа
В Нормандии свою справляли свадьбу,
Мне довелось увидеть там Лонгвиля.
Он — человек достоинств самых редких:
В искусствах сведущ, на войне прославлен.
За что б ни взялся, сделать все сумеет.
Блеск доблести его одним запятнан,
Коль может быть на доблести пятно:

В нем ум остер, и воля беспощадна.
Готов он срезать каждого, а тем,
Над кем шутить он волен, нет пощады.

П р и н ц е с с а

Как видно, он к насмешкам страсть питает?

М а р и я

Да, каждый, с кем знаком он, так считает.

П р и н ц е с с а

Ум скороспелый быстро отвечает.
Кто ж остальные?

К а т е р и н а

Есть между ними юноша, Дюмен,
За добродетели любимый каждым,
Кто любит добродетель. Делать зло
Тем меньше хочет он, чем больше может.
Ума в нем хватит, чтоб украсить все,
Что чуждо красоте; а красоты —
Чтоб даже без ума казаться милым.
У д'Алансона в герцогском дворце
Его видала я. Но слишком бледен
Мой отзыв о достоинствах его.

Р о з а л и н а

Еще один затворник здешний был
С Дюменом там. Коль я не ошибаюсь,
Его зовут Бироном. Столь веселых
(Конечно, в рамках должного приличья)
Людей еще нигде я не встречала.
Уму его находит пищу зренье:
На что ни взглянет он, во всем находит
Предлог для шутки тонкой и пристойной,
Которую язык его умеет
Передавать таким изящным слогом,
Что, слушать даже старикам приятно,
А молодежь приходит в восхищенье,
Внемя его изысканной беседе.

П р и н ц е с с а

Спаси нас бог! Все фрейлины влюбились,
Судя по красноречию, с которым
Они хвалой свой выбор осыпают.

Первый вельможа

Вот и Бойе.

Возвращается Бойе.

Принцесса

Ну, что решил король?

Бойе

Наваррец знает о приезде вашем.
И он и все сподвижники его
Еще до моего приезда встретить
Готовы были вас. Но предпочел бы
Король, чтоб в поле вы остановились,—
Как будто замок осадить решили,—
И не пришлось ему обет нарушить,
Вас во дворце безлюдном принимая.
Да вот и сам он.

Принцесса и ее спутницы надевают маски. Входят король, Лонг-
виль, Дюмен, Бирон и приближенные.

Король

Прекрасная принцесса, будьте гостьей!

Принцесса

«Прекрасную» я вам возвращаю обратно, а гостьей еще не
стала. Это не ваш дворец, потому что кровля здесь чересчур вы-
сока для вас, а быть гостьей в чистом поле — чересчур низко
для меня.

Король

Принцесса, будьте гостьей при дворе.

Принцесса

На это соглашаюсь я. Идемте.

Король

Постойте. Дал обет я перед богом...

Принцесса

Бог да поможет вам его нарушить.

Король

Обет не преступлю я своевольно.

П р и н ц е с с а

Преступите, и по своей же воле.

К о р о л ь

Принцесса, вам неведомо, в чем дело.

П р и н ц е с с а

Мудрее чуждый мудрости невежда,
Чем алчущий невежества мудрец.
Давать обет подобный — смертный грех,
И нарушать — не лучше.
Но извинить прошу за откровенность —
Ученого учить не смею я.
Прочтите здесь изложенную просьбу
И на нее с ответом поспешите.

(Подает королю свиток.)

К о р о л ь

Отвечу я, но в спешке нужды нет.

П р и н ц е с с а

Уеду я, лишь получу ответ,
Чтоб не пришлось вам нарушать обет.

Б и р о н

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

Р о з а л и н а

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

Б и р о н

Уверен в этом.

Р о з а л и н а

А к чему ж тогда
Вопрос подобный?

Б и р о н

На ответ вы скоры.

Р о з а л и н а

Но вы мой ум прищипорили вопросом.

Бирон

Ваш ум — как конь. Галоп его запалит.

Розалина

Но раньше седока с седла он свалит.

Бирон

Не знаете ль, который час?

Розалина

Да тот,
Когда дурак вопросы задает.

Бирон

Пусть вашей маске счастья бог пошлет!

Розалина

Не маске, а лицу,— я полагаю.

Бирон

Поклонников побольше вам желаю.

Розалина

Аминь. Без вас найду.

Бирон

Что ж делать! Отойду.

Король

Принцесса, ваш родитель извещает,
Что мне вернул уже сто тысяч крон,
А это половина лишь того,
Что мой отец ссудил ему на войны.
Но если б даже я иль мой отец
Их получили (что отнюдь не так),
Сто тысяч остаются,— и за них
В залог нам Аквитания дана,
Хотя она не стоит этой суммы.
Когда бы ваш отец мне уплатил
Оставшуюся половину долга,
Ему я Аквитанию вернул бы
И с ним вступил бы в дружбу и союз.
Но, кажется, он к этому не склонен.
В письме он предлагает дать ему
Еще сто тысяч крон и обещает

По выплате указанных ста тысяч
От прав на Аквитанию отречься,
Хоть мне приятней было б получить
Моим отцом одолженные деньги,
Чем эту истощенную страну.
Не будь столь безрассудны предложенья,
Я изъявил бы, вопреки рассудку,
На них согласие, чтобы вы, принцесса,
Могли уехать удовлетворенной.

П р и н ц е с с а

Черните вы и моего отца
И ваше уважаемое имя,
Упорно отрицая получение
Того, что вам уплачено исправно.

К о р о л ь

Клянусь, впервые слышу. Докажите
Мне это, и верну я вам сто тысяч
Иль Аквитанию.

П р и н ц е с с а

Ловлю на слове.
Бойе, вручите королю расписку,
Которой казначей его отца
Уплату подтверждает.

К о р о л ь

Я прошу вас.

Б о й е

Простите, государь, еще не прибыл
Из Франции пакет с распиской вашей,
Но будет завтра мною вам представлен.

К о р о л ь

Надеюсь я, что, рассмотрев ее,
Пойду на все разумные уступки.
Теперь согласие дайте на прием,
Который, чести не пятная, честь
Окажет вам, достойная принцесса.
Хотя нельзя вам в мой дворец вступить,
Вас в парке примут так, что вы поймете,
Какое место вам я в сердце дал,
Не оказав гостеприимства в доме.

Ваш благородный ум простит меня.
Прощайте! Завтра вас я навещу.

П р и н ц е с с а

Пускай во всем ждет вас преуспеянье!

К о р о л ь

Желаю, чтоб сбылись твои желанья!

(Уходит.)

Б и р о н

Сударыня, я хотел бы предоставить вашему вниманию мое сердце.

Р о з а л и н а

Сделайте одолжение, предоставьте. Интересно на него взглянуть.

Б и р о н

Мне хочется, чтобы вы слышали его стоны.

Р о з а л и н а

Глупышка болен?

Б и р о н

Сердечною болезнью.

Р о з а л и н а

Так сделайте ему кровопусканье.

Б и р о н

Поможет ли такое врачеванье?

Р о з а л и н а

Как врач, отвечу: «Попытаться стоит».

Б и р о н

Так пусть ваш взор его пронзит и вскрыет.

Р о з а л и н а

Я и ножом могу его вспороть.

Б и р о н

Ну нет, пошли вам много лет господь.

Р о з а л и н а

А вам дай бог не слишком долго жить.

Б и р о н

За это трудно вас благодарить!

(Отходит в сторону.)

Д ю м е н

Кто эта дама там,— узнать бы я не прочь.

Б о й е

То — Катерина, д'Алансона дочь.

Д ю м е н

Она прекрасна. До свиданья, сударь.

(Уходит.)

Л о н г в и л ь

Вон, сударь, особа вся в белом. Кто это?

Б о й е

Чтоб даму узнать в ней,— довольно тут света.

Л о н г в и л ь

Да, вид у ней светский. А как ее звать?

Б о й е

Все так же, как в детстве звала ее мать.

Л о н г в и л ь

Но кто ее отец?

Б о й е

Мужчина, как известно.

Л о н г в и л ь

Насмешка неуместна!

Б о й е

Прошу вас, успокойтесь!

Она — дочь Фоковбриджа.

Л о н г в и л ь

Отходчив я, не бойтесь.

Прелестнейшая дама!

Б о й е

Что ж, я согласен с вами.

Лонгвиль уходит.

Б и р о н

А та, что в шляпе, кто?

Б о й е

Розалина. А что?

Б и р о н

Кого в мужа ей прочат?

Б о й е

Кого сама захочет.

Б и р о н

Прощайте, сударь. До свиданья.

Б о й е

Свиданье — вам, а мне — прощанье.

Б и р о н уходит. Дамы снимают маски.

М а р и я

Последним уходил Бирон, остряк известный.
Он вечно с новой шуткой.

Б о й е

И вечно — с неуместной.

П р и н ц е с с а

Вы остратку ему дали с ловкостью лестной.

Б о й е

Я ведь тоже не промах в дуэли словесной!

М а р и я

Прямо бой двух баронов.

Б о й е

Баранов, верней:

Коль лужайка — ваш рот, попасусь я на ней.

М а р и я

Мало чести сравнение делает вам.

Б о й е

Хорошо здесь пастись!

(Хочет ее поцеловать.)

М а р и я

Да не всяким скотам:

Частный выгон мой рот — не общинное поле.

Б о й е

Кто ж владелец его?

М а р и я

Я да божия воля.

П р и н ц е с с а

Неуместна война остроумия боле.

Лучше б тратили вы залпы шуток отборных

На Наваррца и слишком ученых придворных.

Б о й е

Насколько я вижу, — а это уменье

Во взорах читать красноречье волненья

Меня не обманет, — король заражен.

П р и н ц е с с а

Но чем?

Б о й е

Знакомой болезнью: он просто влюблен.

П р и н ц е с с а

А где доказательства?

Б о й е

Он замер. Из тела ушедшая сила

Желаньем дворцы его глаз озарила,

А сердце, печать, на которой ваш лик

Свой оттиск прекрасный оставил в тот миг,

Так формой своей возгордилось отныне,

Что их преисполнило блеском гордыни.

Язык запинался, сердясь, что во взгляд

Преобразоваться слова не спешат.

Все чувства пытались со зрением слиться,

Стремясь красотой из красот насладиться,

И были сокрыты в сиянии глаз,

Как будто в хрустальной шкатулке алмаз,
Где камень такую игрой ослепляет,
Что каждый купить его страстно желает.
Так жадно вам в очи он взоры вперял,
Что в книге лица на полях я читал:
«Бери Аквитанию. Все уступлю я,
Лишь дай мне вкусить твоего поцелуя».

П р и н ц е с с а

Пойдемте в шатер мой. Бойе в настроенье...

Б о й е

Лишь высказать то, что увидело зренье.
Очей королевских безмолвную речь
Язык мой сумеет словами облечь.

Р о з а л и н а

В грех может столь опытный сводник вовлечь!

М а р и я

Еще б! В волокитстве Бойе искушен:
Приходится внуком ему Купидон.

Р о з а л и н а

Ну, значит, лишь в мать уродилась Венера,
Поскольку отец безобразен сверх меры.

Б о й е

Послушайте...

М а р и я

Нет.

Б о й е

Вы же видите сами...

Р о з а л и н а

Что время уйти нам.

Б о й е

Не сладить мне с вами!

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Там же.

Входят Армадо и Мотылек.

Армадо

Спой, мальчик. Воспламени мой слух.

Мотылек
(поет)

Ля-ре-ми-ля.

Армадо

Прелестный напев! — Нежный цвет юности, возьми этот ключ, ступай освободи мужлана и незамедлительно доставь его сюда. Я хочу через его посредство направить письмо к моей возлюбленной.

Мотылек

Хозяин, а вы не пробовали воздействовать на нее по-французски?

Армадо

Что ты под этим понимаешь? Объясняться с ней по-французски?

Мотылек

О нет, досточтимый хозяин. Вам нужно только насвистывать джигу языком и выделывать ногами канарийские коленца, вращая при этом глазами, вздыхая и вообще издавая разные звуки

то горлом, словно вы влюбленно давитесь любовными словами, то носом, словно вы влюбленно вдыхаете любовный запах; шляпу надвинуть на глаза, как навес на окна лавки; руки скрестить на вашем обвислом камзоле, как кролик лапки на вертеле, или засунуть в карманы, как рисовали на старинных портретах. И не задерживаться слишком долго на одном и том же: сделал,— и за другое. Этими приемами, этими хитростями и ловят милых женщин, а уж они только и ждут, чтоб их поймали. Таким-то образом мужчины — оцените мои слова! — и нагоняют себе цену.

Армадо

Как ты приобрел такую опытность?

Мотылек

Имея на грош наблюдательности.

Армадо

«О стыд! О стыд!»

Мотылек

«...Конек-скакунок позабыт!»

Армадо

Уж не мою ли возлюбленную ты к коньку-скакунку приравниваешь?

Мотылек

Нет, хозяин. Конек-скакунок — жеребчик, а ваша возлюбленная — кобылка, да, наверно, еще и заезженная. Но разве вы позабыли вашу возлюбленную?

Армадо

Почти что.

Мотылек

Какая нерадивость! Вы должны бы знать ее на память.

Армадо

Да, на память, храня ее образ на сердце и в сердце.

Мотылек

И вне сердца, хозяин. Все эти три положения я берусь доказать.

Армадо

Что же ты докажешь?

Мотылек

Умереть мне на месте, если я не докажу своей правоты, и при-
том — мигом. Возлюбленная у вас на сердце потому, что вы не
можете на нее наглядеться; в сердце — потому, что вы влюблены
в нее; вне сердца — потому, что, будучи для вас недостижимой,
она не может удовлетворить ваши желания.

Армадо

Все три положения ко мне подходят.

Мотылек

Да будь их хоть трижды три, из них все равно ничего
не выйдет.

Армадо

Приведи сюда мужлана. Я хочу послать его с письмом.

Мотылек

Удачный выбор: лошадь для осла самый подходящий посол.

Армадо

Что? Как ты сказал?

Мотылек

Видите ли, сударь, вам следовало бы послать этого осла на
лошади, потому что он изрядный тихоход. Но я иду.

Армадо

Дорога не длинна. Поспешай!

Мотылек

Быстрее свинца, сударь.

Армадо

Что это значит, любезный мой выдумщик?

Свинец ведь тяжкий, грузный, медлительный предмет.

Мотылек

Minime ¹, мой хозяин; мне кажется, что нет.

Армадо

Свинец — не скор.

Мотылек

Но слишком поспешен ваш ответ.

Свинец-то разве медлит, когда летит из пушки?

¹ Менее всего. (Лат.)

Армадо

О, перл риторики!

Ты — бомба, раз я — пушка. И выпалить собрался
В мужлана я тобою.

Мотылек

Ну, залп! И я помчался.

(Уходит.)

Армадо

Остер речистый отрок не по летам порою.
Теперь тебе, о небо, я грусть свою открою
И мужество отброшу, чтоб повздыхать с тоскою.
Но вот и мой посланец.

Возвращается Мотылек с Башкой.

Мотылек

Беда: Башке лодыжку, хозяин, вправить надо.

Армадо

Начни с посыла, бросив загадки и шарады.

Башка

Вот именно: очень мне гадко, и отрады никакой нет. И не получал я, сударь, ни посыла, ни посылки. Ох, сударь! Одно горе! Горе горькое! Не посыл, не посылка, а горе!

Армадо

Клянусь честью, как ни крепись, а рассмеешься. Его тупость разгоняет мою меланхолию. Движение моих легких вызывает у меня неподобающую мне улыбку. О, простите меня, светила небесные! Этот недоумок путает посыл с посылкой и посылку с посылом!

Мотылек

А разве умник не сделает того же: посыл или посылка — не все ли равно?

Армадо

Нет, паж! Посыл — концовка иль вывод, придающий
Отчетливость и ясность всей речи предыдущей.

Например:

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

Это — данное. Теперь — посыл.

Мотылек

Повторите-ка данное. Я сам сделаю посыл.

Армадо

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

Мотылек

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.

Теперь я начну с данного, а вы прибавьте посыл.

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

Армадо

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.

Мотылек

Отличный посыл в виде гуся! Чего еще душе желать?

Башка

И вовремя же парень гуся припел, клянусь!
Удачна сделка, сударь, когда упитан гусь.
На рынке этот малый обманет все и вся
И для посылы купит вам жирного гуся.

Армадо

Постой! В чем было дело, когда я в спор вступил?

Мотылек

Башке лодыжку, сударь, я вправить предложил.
А вам посыл был нужен.

Башка

Тут охнул я, а парень, придумав свой посыл,
На данное ответил и вам гуся всучил.
Тем торг и был закончен.

Армадо

Но скажи на милость, каким же это образом у Башки повреждена лодыжка?

Мотылек

Извольте, я расскажу об этом с чувством.

Б а ш к а

Да нет, ты не сумеешь, так как сам-то этого не почувствовал. Лучше уж я расскажу об этом в виде посылы:

К вам я, Башка, пустился бежать, не чуя ног,
Но вывихнул лодыжку, споткнувшись о порог.

А р м а д о

Ну, хватит разговаривать об этой материи.

Б а ш к а

Покуда из распухшей лодыжки не вытечет вся материя.

А р м а д о

Слушай, Башка, я решил позволить тебе раскрепоститься.

Б а ш к а

Да, поститься мне не очень-то по душе: я больше люблю гусиные посылы.

А р м а д о

Клянусь моей нежной душой, я хотел сказать, что возвращаю тебе свободу, выпускаю тебя на волю, ибо ты пребывал в заключении, в темнице, в тюрьме, под запером.

Б а ш к а

Так, так, а вы, значит, будете вроде слабительного при моем запере?

А р м а д о

Я дарую тебе свободу, отпускаю тебя на волю и взамен этого ставлю одно условие: передай поселанке Жакнете этот знак внимания. *(Дает ему письмо.)* А вот тебе репарация *(дает ему деньги)*, ибо главная гарантия моего высокого достоинства в том, что я гарантирую вознаграждение моим подчиненным. Мотылек, следуй за мной. *(Уходит.)*

М о т ы л е к

Как день вослед за ночью. Прощай, Башка почтенный!

Б а ш к а

О, лакомый кусочек! Лукавства перл бесценный!

Мотылек уходит.

А теперь посмотрим, что это еще за репарация. Репарация! Да это латинское слово означает всего-навсего три гроша. Три гроша — репарация. «Сколько стоит эта лента?» — «Три гро-

ша».— «Нет, я заплачу вам репарацию». Вот это да! Репарация-то звучит внушительнее, чем французская крона. Никогда не буду ни покупать, ни продавать без этого слова.

Входит Бирон.

Бирон

А, милейший Башка! Вот кстати я с тобой встретился.

Башка

Скажите, пожалуйста, сударь, сколько лент тельного цвета можно купить на репарацию?

Бирон

А что такое репарация?

Башка

Осмелюсь доложить, сударь, три гроша.

Бирон

Значит, и купить можно на три гроша.

Башка

Покорно благодарен, ваша милость. Имею честь кланяться.

Бирон

Стой, малый! Порученье есть,
И ты его исполнишь, если хочешь
Мое благоволение заслужить.

Башка

А когда его нужно исполнить?

Бирон

Сегодня днем.

Башка

Слушаюсь, сударь, будет исполнено. До свиданья.

Бирон

Но ты же не знаешь, в чем оно заключается.

Башка

Исполню, так узнаю.

Бирон

Брось дурачиться, мошенник! Нужно раньше знать, в чем дело.

Б а ш к а

Вот я и приду к вашей милости завтра утром пораньше.

Б и р о н

Нет, это надо сделать сегодня же. Слушай, поручение состоит в следующем:

Сюда придет охотиться принцесса.
С ней будет благородная девица,
Чье имя Розалина. Нет на свете
Имен нежнее! Ты ее отыщешь
И в руки белоснежные ей вложишь
Вот эту запечатанную тайну.
Возьми свой гонорарий и ступай.

(Дает ему шиллинг.)

Б а ш к а

Гонорарий? Очень приятный гонорарий. Лучше, чем репарация. На целых одиннадцать пенсов и один грош лучше. Очень-очень приятный гонорарий. Все сделаю, сударь, как по писаному. Гонорарий! Репарация! *(Уходит.)*

Б и р о н

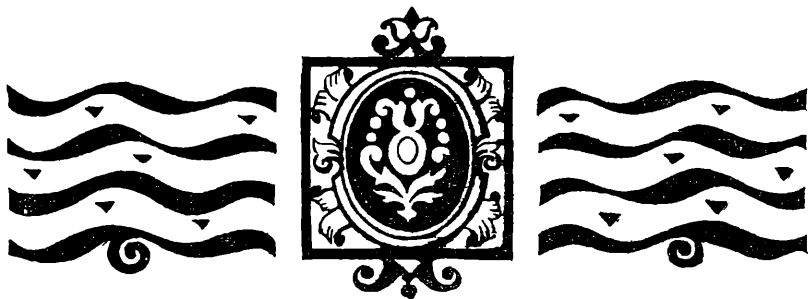
Как? Я на самом деле влюблен? Я, который всегда был бичом любви,

Гонителем заядлым томных вздохов,
Их критиком, суровым полицейским,
Я, кто был строже, чем педант-учитель
Со школьником, с мальчишкой Купидоном!
Слепой, плаксивый, своенравный мальчик,
Дитя и старец, карлик и гигант,
Правитель рифм, властитель рук сплетенных,
Помазанник унылых воздыханий,
Король разочарованных лентяев,
Владыка юбок и монарх штанов,
Ты — император и верховный вождь
Прелюбодеев. Как я слаб душою!
Мне ль быть капралом в армии твоей
И, как шуту, цвета твои носить?
Что? Я влюблен? За женщиной охочусь?
Она ж непостоянней, ненадежней,
Капризней, чем немецкие часы,
Которые всегда неверно ходят,
Как ни трудись ухаживать за ними.

Но худшее — в том, что обет нарушил
И худшую из трех я полюбил:
Белесую, бровастую бабенку
С шарами смоляными вместо глаз.
Клянусь, ее от блуда не удержишь,
Хоть Аргуса поставь над нею стражем.
А я по ней томлюсь! Молю ее!
Из-за нее не сплю! Наверно, мне,
Презревшему могущество его,
Мстит всемогущий крошка Купидон.
Что ж! Вздохи, письма, просьбы пустим в ход:
Ведь любишь ту, кого судьба пошлет.

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Там же.

Входят принцесса со свитой, Розалина, Мария, Катерина, Бойе и лесничий.

П р и н ц е с с а

Кто там коня прищпоривал так рьяно,
На холм взлетая? Это был король?

Б о й е

Не знаю, но сдается, что не он.

П р и н ц е с с а

Кем бы он ни был, дух его высок.
Ну, господа, покончив с делом нынче,
В субботу мы во Францию уедем.
Эй, друг-лесничий, укажи нам чашу,
Где мы могли б в убийство поиграть.

Л е с н и ч и й

Пройдемте на опушку этой рощи —
Там самая прекрасная охота.

П р и н ц е с с а

Прекрасна я, и страсть моя — охота.
Не потому ль, все это сопоставив,
Ты мне сулишь прекрасную охоту?

Л е с н и ч и й

Простите, я не то в виду имел.

П р и н ц е с с а

Как? Ты хвалу обратно взять посмел?
Увы! Недолго ж слава тешит нас!

Л е с н и ч и й

Прекрасны вы.

П р и н ц е с с а

Не льсти на этот раз.
Прекрасной я не стану от прикрас.
Возьми-ка мзду, правдивое зеркало.

(Дает ему деньги.)

Дать золотой за брань — отнюдь не мало.

Л е с н и ч и й

Все дышит в вас одну красотой!

П р и н ц е с с а

Как? Красоту вернул мне золотой?
Вот где порок, присущий нашим дням:
Хвалить мы склонны тех, кто платит нам.
Ко мне, мой лук! Я доброты полна,
Но, раз охочусь, злою быть должна.
Нет, на охоте не грозит мне срам:
Сошлюсь на жалость, если промах дам,
И объясню, попав, что не убить
Хотелось мне, а ловкость проявить.
Вот так порой, и в этом нет сомненья,
Кичливость порождает преступления.
Меняем мы на почести и лесть
То лучшее, что в нашем сердце есть.
И лань я из тщеславия убью,
Хоть к ней ни капли злобы не таю.

Б о й е

Не то же ль чувство воодушевляет
Ту дрян-жену, которая желает
Себя над мужем госпожой поставить?

П р и н ц е с с а

О да, тщеславье. И должны мы славить
Жен, спесь с господ своих сумевших сбавить.

Входит Башка.

Но вот один из королевской братьи.

Б а ш к а

Добрый день всей компании. Скажите на милость, где здесь
дама, которая всем голова?

П р и н ц е с с а

А разве ты, приятель, сам не можешь догадаться: ведь у
остальных-то нет голов.

Б а ш к а

Кто здесь самая на́большая, самая высокая?

П р и н ц е с с а

То есть самая толстая и самая длинная?

Б а ш к а

Кто толще и длинней всех прочих? Ваша правда.
Ваш стан, будь он так тонок и гибок, как мой разум,
В браслет любой из этих девиц пролез бы разом.
Вы — толще всех и, значит, всем прочим голова?

П р и н ц е с с а

Чего же ты желаешь?

Б а ш к а

Письмо для Розаливы Бирон прислал со мною.

П р и н ц е с с а

Мы с ним друзья, любезный. Письмо сама я вскрою.
Подай его... Дичину, Бойе, вы резать мастер.
Вскрывайте ж птичку.

Б о й е

Вам я служить почту за счастье.
Но адрес перепутан посланцем, без сомненья.
Посланье-то — к Жакнете.

П р и н ц е с с а

Довольно промедленья.
Сверните шею воску и начинайте чтение.

Б о й е

(читает)

«Клянусь небом, несомненно, что ты прекрасна, неоспоримо, что ты красива, истинно, как сама истина, что ты привлекательна. Ты, которая красивее красоты, привлекательней привлекательности, истинней истины, сжался над твоим героическим вассалом! Доблестный и достославный король Кофетуа обратил взоры свои на пагубную и несомненную нищенку Зенеловон. И он имел полное право сказать: *veni, vidi, vici*, что в переводе на язык черни — о, этот низкий и невятный язык! — означает, *videlicet*¹: пришел, увидел, победил. Пришел — раз, увидел — два, победил — три. Кто пришел? Король. Зачем пришел? Чтоб увидеть. Зачем увидел? Чтобы победить. К кому пришел? К нищенке. Кого увидел? Нищенку. Кого победил? Нищенку. В итоге — победа. На чьей стороне? На стороне короля. Жертва выиграла. На чьей стороне выигрыш? На стороне нищенки. Катастрофа же заключается в браке. С чьей стороны? Со стороны короля? Нет, со стороны обоих в одном или со стороны одного в обоих. Я — король, ибо на это указывает сравнение. Ты — нищенка, ибо об этом свидетельствует твое низкое происхождение. Прикажу ли я тебе любить меня? Мог бы. Прибегну ли для этого к насилью? Сумел бы. Стану ли искать твоей любви? Намереваюсь. Что получишь ты в обмен на отречься? Наряды. В обмен на убожество? Почести. В обмен на себя? Меня. В ожидании ответа оскверняю мои губы твоими стопами, глаза — твоим обликом, сердце — всеми частями твоего тела.

Твой, в глубочайшей готовности к служению пребывающий
дон Адриано де Армадо.

Овечка, слышишь, как Немейский лев
Рычит, свирепо лапой землю роя?
Склонись пред ним, и он смягчит свой гнев,
И с жертвой позабавится игрою.

¹ Следовательно, то есть. (Лат.)

Но если с ним попробуешь бороться,
Стать пищей для него тебе придется».

П р и н ц е с с а

Кто мог сложить такое послание в стихах?
Петух самовлюбленный? Иль щеголь-вертопрах?

Б о й е

Коль я не ошибаюсь, мне этот слог знаком.

П р и н ц е с с а

Еще б! Прочесть успели вы подпись под письмом.

Б о й е

Письмо писал испанец Армадо, нравом вздорным
Похожий на Монархо и служащий придворным
И королю забавой.

П р и н ц е с с а

Ответь, приятель, внятно,
Кто дал тебе посланье.

Б а ш к а

Мой господин, понятно.

П р и н ц е с с а

К кому ж ты им отправлен?

Б а ш к а

К кому? Известно, к даме.

П р и н ц е с с а

Кто господин? Кто дама?

Б а ш к а

Меня сюда направил мой господин Бирон.
Шлет даме Розалине письмо со мною он.

П р и н ц е с с а

Ты адресом ошибся. Ну, время нам идти.

(Розалине.)

Письмо еще получишь. Бедняжка, не грусти.

П р и н ц е с с а со свитой уходит.

Б о й е

Кто это в сердце ранен?

Р о з а л и н а

Ответить вам, друг мой?

Б о й е

О чудо совершенства, ответь!

Р о з а л и н а

Олень лесной.

Вам мой ответ по вкусу?

Б о й е

Да, нынче насмерть много зверей рогатых ранят,
Но после вашей свадьбы их втрое больше станет.
А мой ответ по вкусу?

Р о з а л и н а

Ну, что ж! Теперь мой выстрел.

Б о й е

А дичь-то где же ваша?

Р о з а л и н а

Хотите, так рогами и вам я лоб украшу.
Вам мой ответ по вкусу?

М а р и я

Не в бровь, а в глаз попал он. Бойе, сдавайтесь.

Б о й е

А ей попало ниже. Что? Меток я? Сознайтесь.

Р о з а л и н а

Насчет твоей меткости я могу сказать стишком, который уже состарился к тому времени, когда король Пипин Французский был еще мальчишкой.

Б о й е

А я тебе тоже отвечу песенкой, которая уже состарилась к тому времени, когда королева Джиневра Британская была еще девчонкой.

Р о з а л и н а

Попасть ты не можешь, не можешь, не можешь,
Не можешь, мой друг дорогой.

Б о й е

Пусть я не могу, не могу, не могу,
Но сможет попасть другой.

Б а ш к а

Ну и потеха, право! Стрелки, видать, умелы.

М а р и я

Да, точно в центр мишени они вгоняют стрелы.

Б о й е

В мишень? Тогда давайте начертим круг на ней,
Чтоб в бок не угодил я, спеша, стрелой своей.

М а р и я

Вы цель пробить не в силах: слаба у вас рука.

Б а ш к а

А вы б поближе встали — так легче для стрелка.

Б о й е

В моей руке нет силы, но есть в руке ее.

Б а ш к а

Пусть в круг сама рукою направит острие.

М а р и я

Фи, мерзость! Вряд ли можно найти язык грязнее!

Б а ш к а

Играть в шары вам лучше: в стрельбе не сладить с вею.

Б о й е

Я расколоть боюсь их. Эй, филин, честь имею!

Б о й е и М а р и я уходят.

Б а ш к а

Клянусь душой моею, он просто грубиян.
Но дамами и мною ему урок был дан.
Ух, до чего ж все ловки. Крепка любая шутка:
На первый взгляд невинна, а непристойна жутко.
Вот, например, Армадо.— Ну, чем не кавалер!
Как вьется возле дамы, ей веер подает,
Целует нежно ручки, пускает клятвы в ход!

А паж его! О боже! Совсем мозгляк на вид,
Зато поди поспорь с ним — троих переострит.

За сценой шум охоты.

Э-гей! Э-гей!

(Убегает.)

СЦЕНА 2

Там же.

Входят Олоферн, отец Натаниэль и Тупица.

Натаниэль

Воистину забава сия достойна уважения, что и могу засвидетельствовать с чистой совестью.

Олоферн

Олень, как вы видели, был sanguis ¹ — хороших кровей, зрелый, как наливное яблоко, которое, подобно рубину, висит и висит в ухе соелум — неба, тверди, небосвода, — а потом вдруг низвергается, как плод дикой яблони, на лик terra — земли, почвы, континента.

Натаниэль

Воистину, господин Олоферн, вы разнообразите эпитеты ваши с приятностью, которой позавидует любой ученый, но смею вас заверить, сударь, что это был козел, еще не менявший первых рогов.

Олоферн

Отец Натаниэль, haud credo ².

Тупица

Да не haud credo это был, а козленок.

Олоферн

Какое невежественное сопоставление! Это прямо ипсинуация, сделанная in via — на пути к экспликации, которая имела целью facere ³ реплику или скорее ostentare — раскрыть ваше намерение с помощью столь неподобающей, неучливой, невежливой, необдуманной, неуклюжей, вернее, необразованной, или, что еще вернее, вовсе несообразной попытки уподобить мое haud credo оленю.

¹ Кровь. (Лат.)

² Не верю. (Лат.)

³ Сделать. (Лат.)

Т у п и ц а

А я говорю, что зверь был не *haud credo*, а козленок.

О л о ф е р н

Дважды прокипяченная глупость.

О, как твой чудовищный облик, невежество, странен и дик!

Н а т а н и э л ь

Но он ведь не пробовал меда, что мы извлекаем из книг.

Он, смею так выразиться, не ел бумаги и не пил чернил, так что ум его не получил пищи. Он вроде животного, у которого восприимчивостью обладают только самые грубые органы.

Вид этих бесплодных растений признательность должен внушать.

Нам, людям, которые могут плоды воспитанья вкушать.

Как глупым, болтливым, тщеславным я не в состоянии быть,

Так было б нелепо за книгу подобных невежд засадить.

Но я, говоря *omne bene*¹, сошлюсь на старинное мнение:

«Иной, кому по сердцу буря, от ветра приходит в смятенье».

Т у п и ц а

Вы оба — ученые люди. Кто мне, господа, назовет,

О ком говорится в загадке: «Четыре недели в тот год,

Как Каин родился, мне было, а пятая — все не идет»?

О л о ф е р н

О Диктине, добрейший Тупица, о Диктине.

Т у п и ц а

Это что еще за Диктина?

Н а т а н и э л ь

Это наименование Фебы, Липае, луны.

О л о ф е р н

Когда Адаму месяц исполнился всего,

Луна была на небе ровесницей его.

Хотя с тех пор он прожил пять раз по двадцать лет,

Луна не постарела: пяти недель ей нет.

От перемены названий соотношение не меняется.

¹ Все хорошо. (Лат.)

Т у п и ц а

Что верно, то верно: от перемены названий сношение не меняется.

О л о ф е р н

Да укрепит твой разум Всевышний. Я говорю: от перемены названий соотношение не меняется.

Т у п и ц а

Ну и я говорю, что от перемены названий поношение не меняется. Луне больше месяца отродясь не бывало. А еще я говорю, что олень, застреленный принцессой, был козленком.

О л о ф е р н

Отец Натаниэль, угодно вам выслушать симпровизированную мной эпитафию на смерть этого животного? Для вящего понимания невежд я именую оленя, которого застрелила принцесса, козлом.

Н а т а н и э л ь

Perge¹, почтеннейший Олоферн, perge, но только избегайте, пожалуйста, неблагопристойностей.

О л о ф е р н

Я позволил себе некоторую игру созвучий, ибо это придает стихам легкость.

Принцесса, прелести полна, прицелившись, попала
В козла, который скок козлом в кусты, но меж кустов
Свалился с ног, стрелой сражен. Собачья стая стала
Рвать раны робкой жертвы в кровь, рыча под рев рогов.
Так, зло и всем козлам назло, беззлобному козлу
Принцесса причинила зло, хоть не склонна ко злу.

Н а т а н и э л ь

Редкая способность!

Т у п и ц а *(в сторону)*

Драть чужие уши. Это он доказал.

О л о ф е р н

Природа дарования, коим я обладаю, очень-очень проста. Ум мой от рождения предрасположен к фантазии, причудливо выражающейся в образах, фигурах, формах, предметах, понятиях, представлениях, порывах и отступлениях. Зачинаются они во

¹ Продолжай, валяй. (Лат.)

чреве памяти, возрастают в лоне *ria mater*¹ и рождаются на свет с помощью благосклонной случайности. Но дарование расцветает лишь в том, в ком оно достигает остроты. Мне на свое жаловаться не приходится.

Н а т а н и э л ь

Сударь, я благодарю творца, пославшего нам вас. И мои прихожане тоже. Вы отлично печетесь об их сыновьях, да и дочерям их от вас большая польза. Вы — добрый член нашей общины.

О л о ф е р н

Mehercle!² Если их сыновья сообразительны, я не обделю их познаниями; если их дочери способны, я приспособлю их к делу. Но *vir sapit, qui rausa loquitur*³. Какая-то особа женского пола приветствует нас.

Входят Жакнета и Башка.

Ж а к н е т а

Добрый день, наш духовный отец.

О л о ф е р н

«Духовный» — «Дух-овный»! Почти что «дух овна́». Кого же вы это подразумеваете?

Б а ш к а

Отца Натаниэля, господин учитель. Ведь он больше всех личиком на барана похож.

О л о ф е р н

Овен — баран! Какой проблеск остроумия в этой щепоти праха! Для кремня в нем довольно искры, для свиньи — бисера. Очень мило! Очень удачно!

Ж а к н е т а

Отец мой, будьте добры, прочтите мне это письмо. Мне принес его Башка, а прислал дон Армадо. Прошу вас, прочтите, пожалуйста.

О л о ф е р н

«Fauste, presor gelida, quando pecus omne sub umbra ruminat...⁴» и так далее. О, добрый старый Мантуанец! Смею сказать о тебе то же, что путешественники о Венеции:

¹ Мозговая оболочка. (Лат.)

² Клянусь Геркулесом. (Лат.)

³ Малоречивый муж мудр. (Лат.)

⁴ «Фауст, прошу тебя — пока весь скот пасется в прохладной тени...». (Лат.)

«Venegia, Venegia,
Chi non te vede, non te pregia»¹.

Старый Мантуанец! Старый Мантуанец! Тебя не ценит лишь тот, кто не понимает. До-ре-соль-ля-ми-фа.— Прошу прощения, сударь, каково содержание письма? Или, вернее, как говорит Гораций в своих... каких, то есть, стихах?

Н а т а н и р л ь

Да, сударь, в стихах и притом очень искусных.

О л о ф е р н

Дайте мне прослушать какую-нибудь строфу, один куплет, один стих. *Lege, domine*².

Н а т а н и р л ь

«Как клясться мне в любви? Я клятву преступил.
Ах, лишь одной красе мы верность соблюдаем.
Но, изменив себе, тебе я верен был.
Мой дух, сей дуб, тобой, как ветвь лозы, сгибаем.
В тебе паука вся. Твои глаза — родник,
Где можно почерпнуть все радости ученья.
Тот, кто познал тебя, познания достиг;
Тот мудр, чей ум сумел тебе воздать хваленья.
Лишь неуч не придет в восторг перед тобой.
Коль горд я смею быть, горжусь, что обожаю
И пламя глаз твоих, и голос гневный твой,
Который музыкой небесной почитаю.
О неземная, я простить меня молю
За то, что языком земным тебя хвалю».

О л о ф е р н

Вы скандируете небрежно, и поэтому теряется размер. Дайте мне взглянуть на канцонетту... Здесь соблюдено только количество стоп, но изящество, легкость и золотая поэтическая каденция — *caret*³. А вот Овидий Назон был мастером в этих делах. За что его называли Назоном? За то, что он имел нюх на благоуханные цветы воображения, на причуды вымысла. *Imitari*² — грош цена: и собака подражает псарю, обезьяна — хозяину, выезженная лошадь — седоку. Итак, девственная *damosella*³, письмо адресовано вам?

¹ «Венеция, Венеция, кто тебя не видит, не может тебя оценить». (Итал.)

² Читайте, сударь. (Лат.)

³ Отсутствует, не хватает. (Лат.)

⁴ Подражать. (Лат.)

⁵ Девица. (Искаж. франц.)

Жакнета

Так точно, сударь. Оно от Бирона, придворного иноземной принцессы.

Олоферн

Жажду взглянуть на адрес. «В белоснежные руки прелестнейшей госпожи Розалины». Просмотрю-ка еще раз все письмо, чтобы узнать из подписи имя отправителя. «Вашей милости покорнейший слуга Бирон». — Отец Натаниэль, этот Бирон — один из сподвижников короля по обету затворничества. Письмо же написано им одной из фрейлин иностранной принцессы и, по ошибке или по пути следования, попало не по назначению. — (*Жакнете.*) Ты, душа моя, отчаливай, беги и вручи это послание королю в собственные руки. Оно может иметь большое значение. Не мешкай, прощаясь. Освобождаю тебя от этой условности. До свиданья!

Жакнета

Идем со мной, добрый Башка. — Храни вас бог, сударь!

Башка

Пошли, девочка.

Башка Жакнета уходит.

Натаниэль

Сударь, вы поступили как человек богобоязненный. По этому поводу сказано у одного из отцов церкви...

Олоферн

Сударь, не говорите мне об отцах церкви. Я боюсь преувеличенных похвал. Но возвратимся к стихам. Понравились они вам, отец Натаниэль?

Натаниэль

Написаны они великолепно.

Олоферн

Сегодня я зван на обед к отцу одного из моих питомцев. Если вы сообразовите почтить эту трапезу своим присутствием и благословением, я ручаюсь, — ибо пользуюсь влиянием на родителей вышесказанного дитяти или питомца, — вы будете там *ben venuto*¹. И я докажу вам, что эти стихи безграмотны и лишены аромата поэзии, изобретательности и остроумия. Не откажите составить мне компанию.

¹ Желанный гость. (*Итал.*)

Н а т а н и э л ь

Покорно благодарю, ибо компания, как гласит писание, украшает жизнь.

О л о ф е р н

И на этот раз текст писания непогрешимо верен.

Т у п и ц а

Вас, приятель, я тоже приглашаю. Никаких отговорок,— рауса verba¹. Вперед! Господа забавляются охотой. Не худо и нам развлечься.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же.

Входит Бирон с бумагой в руке.

Б и р о н

Король гонится за оленем, а я — за самим собой. Он расставляет силки и мажет их смолой, а я сам запутался в них и выпачкался в смоле. А смола марает. Замаран — мерзкое слово. Ну, что ж! Посиди со мной, скорбь. Так, говорят, говорил шут. И я говорю то же. Значит, я тоже шут. Верная мысль! Клянусь создателем, любовь безумна, как Аякс. Он убивал баранов, она убивает меня. Стало быть, я тоже баран. Опять-таки верная мысль! Не хочу я быть влюбленным! Пусть меня повесят, если лгу. Совсем не хочу. Но глаз у нее! Ах, не будь этого глаза, я б не влюбился. Глаза. Два глаза! А ведь я только и делаю, что лгу. Да еще самому себе. Видит небо, я влюблен. Любовь обучила меня стихотворству и меланхолии. И вот уже готов образец моих стихов и моей меланхолии. У госпожи в руках один из моих сонетов. Послал его шут, отнес дурак, получила дама. О милый шут, дурак милее тебя, а уж дама всех милее. Клянусь, я б не стал беспокоиться так, попадись и другие впросак. Да вот один из них; в руках у него бумага. Помогите ему, господа, повздыхать в свое удовольствие. *(Влезает на дерево.)*

Входит король с бумагой в руках.

К о р о л ь

Ах!

² Без лишних слов. *(Лат.)*

Б и р о н *(в сторону)*

Ей-богу, и он ранен. Продолжай, милый Купидон. Твоя пернатая стрела угодила ему под левый сосок. Сейчас узнаю все его тайны.

К о р о л ь
(читает)

«Луч золотого солнца не затмит,
В час утра розу влажную целую,
Твой взор, с моих стирающий ланит
Росу, которой ночью их залью я.

Светлей, чем полный месяц в небесах,
Глядящийся в серебряные волны,
Твой лик, который отражен в слезах,
Из глаз моих струящихся безмолвно.

Меж них любую ты считать могла б
Своею колесницей триумфальной:
Тебе в слезе, которой плачет раб,
Тем больше чести, чем она печальней.

Так не люби, коль хочешь, чтоб сверкал
Твой лик всегда из этих слез-зеркал.
Цариц царица, ум и речь не властны
Постичь и передать, как ты прекрасна».

Как ей поведать о моей печали?
Письмо в ветвях оставляю. О листва,
Мое безумье скрой! — Кто там идет?

(Прячется за дерево.)

Входит Лонгвиль с бумагой в руке.

К о р о л ь
(в сторону)

Лонгвиль! Ба, он читает. Слух, внимли!

Б и р о н
(в сторону)

Уже три дурака сюда пришли.

Л о н г в и л ь

Ах! Я обет попрал!

Б и р о н
(в сторону)

Бумагу держит
Он, как клятвопреступник, на груди.

К о р о л ь
(в сторону)

Влюблен! Я рад, что делит он мой срам.

Б и р о н
(в сторону)

Пьянчужек любит тот, кто выпил сам.

Л о н г в и л ь

Ужели первым я обет презрел?

Б и р о н
(в сторону)

Утешься! От двоих ты уж отстать успел.

Триумвират наш полон. Вслед двум другим

влюбленным

На рель тройную вздернут ты будешь Купидоном.

Л о н г в и л ь

А вдруг сложил бездарные стихи я?

Любви моей владычица! Мария!

Порву их. Ведь не все из нас пииты.

Б и р о н
(в сторону)

Стихи — галун, в штаны Амура вшитый.

Не рви его одежду.

Л о н г в и л ь

Будь что будет.

(Читает.)

«Хоть ты смогла риторикой очей,—

Кто с ней, небесной, спорить в состоянье? —

Меня от клятвы отвратить моей,

Я не страшусь за это наказанья.

Нет, не презрел я клятву. Ты — богиня,

А я от женщин отрекался лишь

И получу помилованье ныне,

Коль милостью меня ты подаришь.

Обет — дыханье, а дыханье — пар.

Вливай его, как солнце в вышине,

Не отвергая мой смиренный дар.

Хоть я виновен, нет вины на мне:
Какой глупец откажется от рая,
Земной обет нарушить не желая?»

Б и р о н
(в сторону)

Богинею гусыню и мясо божеством
Он счел, влюбясь. Что делать с таким еретиком?
Прости, господь, но страсти нас всех с пути сбывают.

Входит Дюмен с бумагой в руке.

Л о н г в и л ь
Как переслать? — Бежим. Сюда идут.
(Прячется за дерево.)

Б и р о н
(в сторону)

Играют в прятки ребятишки тут.
Как полубог, вверху я восседаю,
За тайпами безумцев наблюдаю.
Дюмен! На мельницу еще мешок!
Четвертый карп попался на крючок.

Д ю м е н
Божественная Кет!

Б и р о н
(в сторону)

Эх, простачок!

Д ю м е н
Клянусь, сияешь ты красой небесной!

Б и р о н
(в сторону)

Клянусь, он лжет: она весьма телесна.

Д ю м е н
Ты золото затмишь своей косой.

Б и р о н
(в сторону)

Вот диво! Ворон масти золотой!

Д ю м е н

Стройна, как кедр!

Б и р о н
(в сторону)

Вот врать ему не лень:
Плечом она крива.

Д ю м е н
Светла, как день!

Б и р о н
(в сторону)

Да, если с хмурым днем сравнить ее.

Д ю м е н
Осуществись, желанье.

Л о н г в и л ь
(в сторону)
И мое!

К е р о л ь
(в сторону)
О боже, и мое сверши!

Б и р о н
(в сторону)
Аминь — да и мое! Молитвы хороши!

Д ю м е н
Она, как жар, живет в моей крови:
Хочу забыть, но помню о любви.

Б и р о н
(в сторону)

Как жар в крови? О, бред пустой, хоть сладкий!
Пустите кровь — и будет все в порядке.

Д ю м е н

Еще разок письмо я прочитаю.

Б и р о н
(в сторону)

Еще одной я глупости внимаю.

Д ю м е н
(читает)

«Раз весной,— увы, весь год
Для любви весна цветет,—
Розу я увидел вдруг.
Ветер тихо дул на луг
И, резвясь, лобзал слегка
Венчик бархатный цветка.
Я, ревнуя к ветерку
И томясь, сказал цветку:
— Если б этих нежных щек
Я, как он, коснуться мог!
Но тебя мне рвать не след:
Руки мне связал обет.
Ах, он тяжек молодым:
Розы рвать в охоту им.
Не сочти за грех, молю,
Что его я преступлю.
Если б Зевс тебя нашел,
Он жену б арапкой счел,
О бессмертье позабыл
И тебя одну любил!»

Послав стихи, письмо к ним приложу.
В нем о сердечных муках расскажу.
О, если бы король, Лонгвиль, Бирон
Влюбились тоже, был бы извинен
Мой грех и смыт с чела позора след —
Где виноваты все, виновных нет.

Л о н г в и л ь
(подходит)

Дюмен, любовь безжалостна твоя.
Зачем в тоске тебе нужны друзья?
Бледнеешь ты? Я б стал красней огня,
Подслушай так же кто-нибудь меня.

К о р о л ь
(подходит)

Красней! Раскрыта и твоя измена.
Ты согрешил вдвойне, браня Дюмена.
О да! К Марии нет любви в Лонгвиле.
Вы в честь ее сонет не сочинили.
Руками вы не стискивали грудь,
Чтоб сердце успокоить как-нибудь.
Тем временем я здесь в кустах сидел
И, видя вас, за вас двоих краснел.
Я слышал все греховные признанья,
Стихи и речи, вздохи и стенанья.
Один взывал: «Увы!», другой — «Зевес!» —
«Ах, злато кос!» — «Ах, очи — синь небес!»

(Лонгвилю.)

Один, чтоб в рай войти, нарушил слово.

(Дюмену.)

Распутником стал Зевс в устах другого.
Что б вам сказал Бирон, будь он при этом
Глумленье над торжественным обетом?
Как издевался б, как торжествовал,
Острил, смеялся, прыгал, ликовал!
За всю мою казну, скажу по чести,
Быть не хотел бы я на вашем месте.

Б и р о н

Ну, время наказать ханжей настало.

(Слезает с дерева.)

Мой государь, прошу простить вассала.
Вы за любовь корите двух червей,
А сами влюблены еще сильней.
Не ваши ль слезы словно колесницы?
Не в них ли лик принцессы сохранится?
О, нет! Уж вы-то клятвы не презрели!
Сонеты ж пишут только менестрели!
Не стыдно ль вам за ханжество такое,
В котором вы уличены все трое?
В глазах вы сор узрели у других;
В них вижу я бревно у всех троих.
О, при какой присутствовал я сцене!
Безумье, грусть, стенанья, вздохи, пени!

О, как я долго молча возмущался
Тем, что монарх в букашку превращался.
Что на скрипиде Геркулес пиликал,
Что джигу мудрый Соломон мурлыкал,
Что Нестор в чехарду с детьми играл
И что Тимон их игры одобрял!
Дюмен любезный, что за мрачный вид?
Лонгвиль, признайтесь, что у вас болит?
У вас, король? Живот? Грудная клетка?
Эй, рвотного!

К о р о л ь

Ты шутишь слишком едко.
Ужель наш срам тобой разоблачен?

Б и р о н

Не мною вы — я вами осрамлен,
Я, честный, я, паивный, я, считавший
Грехом презреть обет, меня связавший.
Как посрамлен за дружбу с вами я,
Мои непостоянные друзья!
Видали ль вы, чтоб я стихи строчил,
Вздыхал по юбкам, щегольством грешил?
Пришлось ли вам когда-нибудь слышать,
Чтоб восхваляя я формы, плечи, стать,
Походку, ручки, ножки, грудь, персты,
Глаза...

(Хочет бежать.)

К о р о л ь

Зачем бежать, раз честен ты.
Лишь вору есть нужда в подобной прыни.

Б и р о н

Бегу любви. Влюбленные, пустите.

Входят Жакнета и Башк

Ж а к н е т а

Храни вас бог, король.

К о р о л ь

С чем вы пришли?

Б а ш к а

С изменой.

К о р о л ь

Как вы впасть в нее могли?

Б а ш к а

Никак.

К о р о л ь

А если так, то вы с изменой вашей
Уйдите с глаз моих, иль вас прогонят взашей.

Ж а к н е т а

Письмо, государь, соизвольте прочесть.
Священник сказал, что измена в нем есть.

К о р о л ь

Бирон, читай.

(Дает ему письмо.)

Кто дал тебе его?

Ж а к н е т а

Как кто? Башка.

К о р о л ь

(Башке)

Кто дал тебе его?

Б а ш к а

Дун Аграмадьо, дун Аграмадьо.

К о р о л ь

Бирон, да что с тобою? Зачем ты рвешь листки?

Б и р о н

Вы, государь, не бойтесь: там только пустяки.

Л о н г в и л ь

Однако он взволнован. Прочту-ка я клочки.

(Подбирает их.)

Д ю м е н

Да то Бирона почерк. И подпись здесь его.

Б и р о н

(Башке)

Ублюдок, ты причина позора моего!
Виновен я, виновен и каяться готов.

К о р о л ь

В чем?

Б и р о н

В том, что перед вами четвертый из глупцов.
Вы, я и эти двое уличены в обманах.
Пусть Купидон повесит нас, как воров карманных.
Ушлите посторонних, чтоб я во всем сознался.

Д ю м е н

Числом мы стали четным.

Б и р о н

Четвертым я попался.

Пусть голубки уходят.

К о р о л ь

А ну-ка вон! Живее!

Б а ш к а

Изменники остались, а честных гонят в шею.

Жакнета и Башка уходят.

Б и р о н

Друзей в любви обнять позвольте мне!
Верны, как плоти кровь, себе мы были.
С тех пор как солнце светит в вышине,
Старик-закон и юность не дружили.
Наперекор ему мы рождены,
А потому и клятве не верны.

К о р о л ь

Как? Тот листок запиской был любовной?

Б и р о н

Еще б! Кто ж, видя Розалину, словно
Дикарь-индеец в час, когда сверкнет
С востока луч восхода раскаленный,
Не рухнет ниц и к праху не прильнет,
Смиранный и сияньем ослепленный?
Кто б мог, на красоту ее лица
Орлиным оком дерзновенно глядя,
Не превратиться тотчас же в слепца?

К о р о л ь

Как много слов звезды неяркой ради!
Как солнце, блещет госпожа моя,
Твоя же — только спутница светила.

Б и р о н

Без Розалины, — или я не я, —
Навеки б тьма вселенную сокрыла.
Все краски, слив сверканье свое,
Украсили собой ее ланиты.
Так совершенна красота ее,
Что в ней одной все совершенства слиты.
О риторы, язык мне дайте ваш! —
Нет, прочь, ненужны ваши ухищренья!
Пусть хвалит жалкий свой товар торгаш,
А Розалину лишь хулят хваленья.
Лет пятьдесят из сотни с плеч долой
Отшельник, заглянув ей в очи, сбросит
И, к детству возвращенный красотой,
Не костылей, а помочей попросит.
Как солнце, блеск всему дает она.

К о р о л ь

Но ведь она лицом смолы чернее.

Б и р о н

Она, хоть и черна, да мне нужна.
Я буду счастлив обвенчаться с нею.
Где Библия? Я присягну сейчас,
Что даже красота с уродством схожа,
Коль нет у ней таких же черных глаз,
Коль у нее чуть-чуть светлее кожа.

К о р о л ь

Софизм! Черны темница, ад и мгла,
А красота сиянием одета.

Б и р о н

Особенно опасны духи зла,
Принявшие обличье духов света.
Она черна, но с горя, — из-за тех,
Кто блеклый лик под париком румянит,
Чтобы склонять поклонников на грех.
Но скоро черный цвет всем сладок станет.

Она изменит моду наших дней:
Румяна навсегда в забвенье канут
И все, красою тщась сравниться с ней,
Чернить, а не румянить щеки станут.

Д ю м е н

За Феба трубочиста мы сочтем.

Л о н г в и л ь

Нам угольщик покажется прекрасен.

К о р о л ь

Начнет хвалиться негр своим лицом.

Д ю м е н

Не будет свеч, раз мрак, как полдень, ясен.

Б и р о н

Под дождь не посылайте ваших дам,
Не то румяна могут отвалиться.

К о р о л ь

А вашей под дождем,— признаюсь вам,—
Не худо б прогуляться, чтоб умыться.

Б и р о н

Хваля ее, на Страшный суд приду я!

К о р о л ь

Кто с чертом свыкся, тем не страшен ад.

Д ю м е н

Хвалить барышник клячу рад худую!

Л о н г в и л ь

(указывает на свой сапог)

Она и мой сапог — сестра и брат.

Б и р о н

Когда б глазами вымостить ты мог
Путь перед нею,— он ее не стоит.

Д ю м е н

О, стыд! Тогда все то, что выше ног,
Вниз головой идя, она откроет.

К о р о л ь

К чему слова! Любой из нас влюблен.

Б и р о н

И клятву все нарушили, конечно.

К о р о л ь

Оставим споры! Докажи, Бирон,
Что наша страсть законна и безгрешна.

Д ю м е н

Грех оправдать попробуй как-нибудь.

Л о н г в и л ь

У адвокатов перейми ухватки,
Чтоб крючкотворством черта обмануть.

Д ю м е н

Примеры приведи.

Б и р о н

Они — в достатке.

Итак, вперед, соратники в любви!
Какой обет мы принесли? Поститься,
Учиться и от женщины отказаться.
Но это значит молодость предать.
Пост не под силу юным животам,
Грозит им воздержание недугом.
А клятву дав учиться день и ночь,
Мы отреклись от истинного знания:
Ведь в жизни есть не только созерцанье.
Нельзя ни вам, мой государь, ни нам
К истокам дивным знания подняться
Без лицемерья женской красоты.
Из женских глаз доктрину вывожу я:
Они — тот кладезь, тот первоисточник,
Где Прометей огонь свой почерпнул.
Увы, коренья вечное над книгой
Скует наш дух и кровь оледени,
Равно как от чрезмерных переходов

У путника все мускулы слабеют.
Итак, отказ смотреть на лица женщин
Есть в то же время наш отказ от зренья,
От знания, которого мы алчем.
Какой философ лучше женских глаз
Сумеет красоту нам преподать?
Наука — добавление к человеку:
Где человек, там и его познания,
И, взор вперяя в женские глаза,
Мы всю науку нашу видим в них.
О господи! Обет учиться дав,
Мы отреклись тем самым и от книг.
Ни вы, король, ни мы не почерпнули б
В свинцовом созерцанье те стихи,
Чьи пламенные строки так недавно
Продиктовал нам взор наставниц наших.
В мозгу коснел, прочие науки
Скупую жатвой редко награждают
Служителей своих за тяжкий труд.
Одна любовь, преподавшая нам
Глазами женщин, мозг не тяготит,
Как мертвый груз, но с быстротою мысли
Стихийно разливается по телу.
Она, все наши чувства изошряя,
Им остроту двойную сообщает.
Она дает такую силу зренья
Любовнику, что блеск его зрачков
Способен ослепить глаза орла.
Слух любящего ловит даже шорох,
Невнятный настороженному вору.
Чувствительней и тоньше, чем рога
Улитки, осязанье у влюбленных,
А вкус — разборчивее, чем у Вакха.
Любовь, затмив отвагой Геркулеса,
Плод Гесперид всегда искать готова.
Она мудрее сфинкса; мелодичней
И сладостней, чем лютня Аполлона.
Любовь заговорит — и небеса
Баюкает согласный хор богов.
Поэт не смеет взяться за перо,
Не разведа чернил тоской любовной.
Зато стихом слух дикарей пленяет
И пробуждает в деспотах смирение.
Из женских глаз доктрину вывожу я:
Лишь в них сверкает пламя Прометей,

Лишь в них — науки, книги и искусства,
Которыми питается весь мир;
Без них нельзя достигнуть совершенства.
Безумьем было от любви отречься,
Безумье — соблюдать такой обет.
Во имя мудрости, любезной людям,
Любви, которой столь любезны люди,
Мужчин, на свет производящих женщин,
И женщин, породивших нас, мужчин, —
Нарушим клятву, сохранив себя,
Не то, ее храня, себя разрушим.
Измена наша вере не противна:
Ведь милосердье есть основа веры,
А там, где нет любви, нет милосердия.

К о р о л ь

Святой Амур, ура! Вперед, солдаты!

Б и р о н

Знамена развернем, и на врагов!
Повалим их. Пусть будет, господа,
В сражение э́том верх всегда за нами.

Л о н г в и л ь

За дело. Хватит болтовни. Итак,
Француженок мы будем добиваться?

К о р о л ь

И покорим их. А теперь должны мы
Придумать развлечение для них.

Б и р о н

Сперва пойдем, проводим их к палаткам.
Пусть каждый, руку ей подав, ведет
Свою красавицу. А пополудни
Потешим наших дам такой забавой,
Какую время изобрести позволит.
Ведь танцы, игры, песни, маскарад —
Всегда любви передовой отряд.

К о р о л ь

Не будем медлить. Поскорее в путь.
Упущенной минуты не вернуть!

Б и р о н

Аллопс! ¹ Кто сеет плевел, ржи не жнет.
Весы судьбы точны и справедливы.
Изменника брак с потаскушкой ждет:
Червонца не купить за грош фальшивый.

Уходят.

¹ Идем! (Франц.)

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Там же.

Входят Олоферн, отец Натаниэль и Туница.

О л о ф е р н

Satis quod sufficit¹.

Н а т а н и э л ь

Благодарю господу, создавшего вас, сударь. Беседа ваша за трапезой была остра и назидательна, забавна без грубости, остроумна без напыщенности, смела без наглости, учена без педантизма, оригинальна без ереси. Quondam² на днях говорил я с одним из сотоварищей короля, титулуемым, именуемым и называемым доном Адриано де Армадо.

О л о ф е р н

Novi hominem tanquam te!³ Характер у него самоуверенный, речь заносчивая, язык острый, взгляд высокомерный, поступь спесивая, и весь облик — надутый, смехотворный и чванный. Он чересчур чопорен, чересчур франтоват, чересчур жеманен, чересчур неестествен и, по правде, если смею так выразиться, чересчур обыноземен.

¹ Довольно того, что достаточно. (Лат.)

² Как-то. (Лат.)

³ Я знаю этого человека так же хорошо, как тебя. (Лат.)

Н а т а н и э л ь

(записывает выражение в записную книжку)

Какой изысканный и оригинальный эпитет!

О л о ф е р н

Уток его рассуждений выткан искусней, чем основа его доводов. Терпеть не могу таких фанатичных фантазеров, таких необщительных и натянутых собеседников, таких палачей правописания, которые вместо «кого» говорят «каво», вместо «конечно» произносят «канешна», а вместо «милость» мямлят «милась». Это мне так отовратительно (они-то бы сказали «отвратительно»!), что доводит меня почти до умалишенности,— не intelligis, domine? ¹— то есть до безумия, до бешенства.

Н а т а н и э л ь

Laus Deo, bone intelligo ².

О л о ф е р н

Bone? Bone вместо bene! Присциан получил пощечину, но ничего, стерпится!

Входят Армадо, Мотылек и Башка.

Н а т а н и э л ь

Videsne, quis venit?

О л о ф е р н

Video et gaudeo ³.

А р м а д о

(Мотыльку, шепелявя)

Эй, ссенóк!

О л о ф е р н

Quare ⁴ ссенóк, а не щенок?

А р м а д о

Счастлив видеть вас, мирные люди.

О л о ф е р н

Привет вам, воинственный муж.

¹ Понимаете ли вы, сударь? (Лат.)

² Слава богу, отлично понимаю. (Лат.)

³ Видишь, кто идет? — Вижу и радуюсь. (Лат.)

⁴ Почему? (Лат.)

Мотылек

Они оба побывали на каком-то словесном пиру и наворовали там обедков.

Башка

Да они уж давно на словесной помойке отбросами кормятся. Удивляюсь я, как это твой хозяин еще не сожрал тебя, приняв за чье-нибудь чужое слово. Ведь ты на целую голову короче такого словечка, как *honorificabilitudinitatibus*¹. Тебя-то уж легче проглотить, чем вино с зажженной паклей на закуску.

Мотылек

Тихо. Перестрелка начинается.

Армадо
(Олоферну)

Скажите, monsieur, вы ведь из ученых?

Мотылек

Правильно. Он обучает мальчишек букварю.— (Олоферну.) А что получится, если «э» и «б» прочесть навыворот, подрисовав к ним рога?

Олоферн

Pueritia!² Если подрисовать рога, выйдет «бэ».

Мотылек

Бэ-э! И впрямь баран с рогами! — (К Армадо.) Видите, сударь, какой он ученый.

Олоферн

Quis, quis?³ Что ты подразумеваешь под этим созвучием?

Мотылек

Назовите мне последний гласный звук, а я назову вам шстой,— вот и получите ответ.

Олоферн

Сейчас соображу. Я.

Мотылек

А теперь и я скажу: а, е, и, о, у, ы. Вы и есть баран.

¹ Бессмысленное слово, склеенное из ряда латинских слов и слогов.

² Детство. (Лат.)

³ Кто, кто? (Лат.)

Армадо

Клянусь соленой влагой Средиземноморья, отличный удар, меткий выпад остроумия! Раз, два, три — и попал в цель! Мой разум наслаждается таким неподдельным остроумием.

Мотылек

Которое ребенок, как рог изобилия, подносит старцу. Вот и получается — старый рогоносец.

Олоферн

Что это за фигура? Что за фигура?

Мотылек

Рогатая.

Олоферн

Ты рассуждаешь по-детски. Ступай-ка лучше гонять кубарь.

Мотылек

Тогда одолжите мне ваши рога, а я сделаю из них кубарь и буду гонять ваш позор *circum, circa*¹. Из рогов рогоносца выйдет отличный кубарь!

Башка

Да будь у меня за душой хоть грош, я б и его отдал тебе на пряники! Вот репарация, которую я получил с твоего хозяина. Возьми-ка ее себе, грошовый кошелек ума, голубиное яичко рас-судительности. Ох! Если б небу было угодно сделать тебя моим сыном, хоть незаконным,—какого бы веселого папашу ты из меня сделал! Валяй, малыш! Ведь ума у тебя, как говорится, пол-пая лядунка.

Олоферн

Тут запахло подпорченной латынью: он говорит — лядунка вместо — *ad unguem*².

Армадо

Ученый муж, *praeambula*³: удалимся от этих невежд. Скажите, не вы ли воспитываете юношество в общеползном заведении, стоящем на вершине вон той горы?

Олоферн

Вернее, *mons* — холма.

Армадо

Это уж как вам заблагорассудится: пусть холма.

¹ Кругом (по окружности). (Лат.)

² Полным-полно. (Лат.)

³ Проходи мимо. (Лат.)

О л о ф е р н

Воспитываю, sans question ¹.

А р м а д о

Сударь, король соизволил и пожелал почтить своим вниманием принцессу в закатной части сего дня, которую невежественная толпа именует вечером.

О л о ф е р н

Закатная часть дня, ваша милость,— выражение очень подходящее, соответствующее и равноценное для обозначения вечера. Это слово удачно подобрано и употреблено. Это мило и метко, смею вас уверить, сударь, смею уверить.

А р м а д о

Сударь, король — благородный человек и мой близкий, смею вас уверить, мой закадычный друг... Не стану распространяться о нашей с ним близости.— «Прошу тебя, избавь меня от этих церемоний, прошу тебя, накройся!» И заметьте, все это во время неотложнейших и серьезнейших разговоров, которые имеют, поверьте мне, огромное значение... Но оставим это. Клятвенно заверяю вас еще и в том, что нередко его величеству угодно бывает опереться на мое жалкое плечо, играя своими королевскими перстами атрибутом моей доблести — mustachio ². Но оставим это, любезнейший. Клянусь, я не басни вам рассказываю. Его величество оказывает немало особых милостей своему Армадо, воителю и скитальцу, повидавшему мир. Но оставим и это. Дело в том,— однако, любезнейший, я умоляю вас сохранить это в тайне,— что король желает, чтобы я развлек эту очаровательницу-принцессу каким-нибудь усладительным увеселением, зрелищем, спектаклем, пантомимой или фейерверком. А посему, сведав, что священник и вы, дражайший мой, не чужды вышесказанным импровизациям и внезапным излияниям веселости, пожелал я обратиться к вам, дабы просить вас содействовать мне в этом деле.

О л о ф е р н

Сударь, советую вам вывести перед принцессой «Девять героев». Отец Натаниэль, поелику речь идет о времяпрепровождении принцессы в закатной части дня, об устройстве некоего увеселения для нее, в котором по воле короля и этого доблестного, достославного и образованного дворянина и мы должны принять участие,— лучше всего, мнится мне, будет представить «Девять героев».

¹ Без сомнения. (*Франц.*)

² Усы, борода. (*Исп.*)

Н а т а н и э л ь

Но где же найдете вы людей, пригодных для этого?

О л о ф е р н

Иисусом Навином будете вы сами; Иудой Маккавеем — я или этот доблестный кавалер; мужлан этот ввиду громадности своей корпуленции, или телосложения, сойдет за Помпея Великого, а паж — за Геркулеса.

А р м а д о

Прошу прощения, сударь, но вы заблуждаетесь. Ведь паж ростом всего с большой палец этого героя; он меньше кончика его палицы.

О л о ф е р н

Соблаговолите выслушать меня. Он будет представлять Геркулеса во младенчестве, и вся роль его сведется к тому, что он задушит змею. Я же на этот случай сочиню специальный аполог.

М о т ы л е к

Славно придумано! Если кто-нибудь из публики начнет мне свистеть, вы всегда можете закричать: «Браво, Геркулес, ловко же ты душишь змею!», то есть обратить порицание в похвалу, а ведь это не каждый умеет.

А р м а д о

А как же быть с остальными героями?

О л о ф е р н

Я берусь сыграть сразу трех.

М о т ы л е к

Ах, трижды геройский кавалер!

А р м а д о

Угодно вам выслушать меня?

О л о ф е р н

Прошу вас.

А р м а д о

Если дело у вас не пойдет на лад, разыграйте пантомиму. Соизвольте следовать за мной.

О л о ф е р н

Via¹, почтеннейший Тупица! А ты за все время так и не проронил ни слова.

Т у п и ц а

Да и не понял ни одного, сударь.

¹ В путь! (Лат.)

О л о ф е р н

Allons! Мы и тебя приспособим к делу.

Т у п и ц а

Я танцевать согласен — умею я плясать;
Могу на барабанах героям поиграть.

О л о ф е р н

Вы скромны, друг Тупица. Ну марш, нельзя нам ждать.
Уходят.

СЦЕНА 2

Там же.

Входят принцесса, Катерина, Розалина и Мария.

П р и н ц е с с а

Богачками мы станем до отъезда,
Коль будем столько получать подарков.
Я гнусь уже под тяжестью алмазов.
Взгляните, что король влюбленный шлет.

Р о з а л и н а

Он ничего не приложил к подарку?

П р и н ц е с с а

Как ничего? Стихов любовных столько,
Что ими сплошь исписан без полей
И с двух сторон огромный лист бумаги,
А воск печати за нехваткой места
Приложен прямо к слову «Купидон».

Р о з а л и н а

Лепить из воска любит он, как в детстве,
Хотя уже пять тысяч лет мальчишке.

К а т е р и н а

Ах, этот злой, коварный озорник!

Р о з а л и н а

Ты — враг ему: сестры тебя лишил он.

К а т е р и н а

Ее он вверг в тоску, печаль, унынье
И тем сгубил. А если б у нее
Был, как у вас, нрав легкий и веселый,

Прабабушкой могла бы стать она,
Как, без сомненья, станете вы, ибо
Век долгоденств у того, кто сердцем легок.

Розалина

Ты в слово «легкий» темный смысл влагаешь,

Катерина

Да, легкость права красоту темнит.

Розалина

Темны намеки. Свет на них пролей.

Катерина

Нет, ибо на свету вам станет жарко.
Пусть лучше остаются в темноте.

Розалина

Да, все творить ты в темноте привыкла!

Катерина

Еще б! Ведь я не так легка, как вы.

Розалина

Конечно, легче я, раз вешу меньше.

Катерина

Меня вам взвесить не пришлось ни разу.

Розалина

Равно как и тебе свои слова.

Принцесса

Ловки вы обе в мяч играть. Ничья!
Но, Розалина, ведь и вам подарок
Был прислан. От кого и что?

Розалина

Скажу.

Будь я, как вы, красавицей, подарки
Богаче были бы. Но посмотрите:
Стихи Бирон прислал мне. Что ж, спасибо.
Размер их верен, но, приняв на веру
Их смысл, себя сочла б я божеством:

Я сравнена в них с тысячью красавиц.
В письме Бирон портрет мой набросал.

П р и н ц е с с а

И что же? Сходство есть?

Р о з а л и н а

Большое — в буквах, малое — в оцке.

П р и н ц е с с а

Так, значит, ты красива, как чернила.
Удачно же подобрано сравненье!

К а т е р и н а

Бела, как прописное «Б» в тетрадке!

Р о з а л и н а

Полегче с краской. Иль забыли вдруг вы,
Что вы — как календарь, где красны буквы?
Ведь сотней «О» лицо у вас покрыто.

К а т е р и н а

Пусть оспой будет и твое изрыто!

П р и н ц е с с а

(Катерине)

Что шлет Дюмен возлюбленной своей?

К а т е р и н а

Перчатку.

П р и н ц е с с а

Как? Одну? Где ж пара к ней?

К а т е р и н а

Их две, а к ним добавок — и немалый:
Стихов любовных с тысячу, пожалуй.
Они — набор нелепый чувств притворных,
Смесь фраз глубокомысленных и вздорных.

М а р и я

А мне был жемчуг прислан от Лонгвиля
И с жемчугом — письмо длиной в полмилл.

П р и н ц е с с а

А ты в душе желала б получить
Письмо короче и длиннее нить?

М а р и я

Такую, чтоб в руках не уместить!

П р и н ц е с с а

Умны же мы, коль можем так смеяться!

Р о з а л и н а

А как еще с глупцами обращаться?
Бирона я заставлю настрадаться.
О! Залучи его я дней на семь,
Он стал бы у меня ручным совсем.
Как умолял бы он, просил, скучал,
Свой ум в стихах ненужных расточал,
Считал законом мой каприз любой
И, гордость потеряв, был горд собой,
А я б его звездой несчастной стала
И, как судьба, глупцом повелевала!

П р и н ц е с с а

Никем нельзя так прочно завладеть,
Как мудрецом, решившим поглупеть.
Ведь глупость, порожденная умом,
Опору для себя находит в нем,
И разум, отшлифованный ученьем,
Глупцам ученым служит украшеньем.

Р о з а л и н а

Кровь в юношах и та кипит слабей,
Чем воздержание в сердцах мужей.

М а р и я

Тот, кто не видит глупости в глупце,
Ее всегда заметит в мудреце,
Который ищет в разуме и знанье
Своим поступкам глупым оправданье.

Входит Б о й е.

П р и н ц е с с а

Вот и Бойе. Он к нам спешит, ликуя.

Б о й е

Принцесса где? Ох, со смеху умру я.

П р и н ц е с с а

Что нового?

Б о й е

Готовьтесь, дамы, к бою!

На ваш покой враги идут войною,
Личиною ученой прикрываясь
И вас врасплох застичь намереваясь.
Итак, ваш ум и волю напрягите
Иль с поля, словно трусы, убегите.

П р и н ц е с с а

Ударь на Купидона, Сен-Дени!
Ну, а враги, лазутчик, кто они?

Б о й е

Под явор я забрался и прилег
В тени ветвей, чтобы вздремнуть часок,
Но не успел и глаз сомкнуть, как вдруг
Невдалеке шагов слышал звук.
То сам король с друзьями шел туда.
Отполз в кустарник тихо я тогда
И услышал,— как слышите вы тут,—
Что ряжеными к вам они придут.
Герольдом ими избран паж-юнец.
Роль вытвердил на память сорванец.
Они ему давали наставленья:
«Так говори, а так держись в движенье»,
Хоть опасались, что придет повеса
В растерянность при виде вас, принцесса.
Король предупреждал: «Хоть встретишь в ней
Ты ангела, душою не робей!»
«Ну, ангел добр! — ответил мальчик смело.—
Будь дьяволом она, другое дело». —
Тут все, смеясь, давай трепать юнца,
Хвалою удвоив храбрость храбреца.
Один божился, потирая плечи,
Что в жизни не слышал удачней речи.
Прищелкивая пальцами, другой
Вопил: «Via! Мы выиграем бой!»
«Идет на лад!» — кричал, танцуя, третий.

Четвертый шлепнулся на пируэте.
Попадали за ним и остальные,
От смеха надрываясь, как шальные,
И хохотали б до изнеможенья,
Не брызги градом слезы от волненья.

П р и н ц е с с а

Как! Удостоят нас они визита?

Б о й е

Ну да. Наряжены король и свита
Как русские, иначе московиты.
Их цель — шутить, ухаживать, плясать,
По собственным подаркам опознать
Своих избранных, несмотря на маски,
И смелостью завоевать их ласки.

П р и н ц е с с а

Кто верх возьмет — еще мы поглядим!
Сударыни, мы в масках выйдем к ним,
Но вопреки мольбам и просьбам их
Пред ними не откроем лиц своих.
Алмаз мой, Розалина, нацепи,
А мне свои брильянты уступи,
И будет в заблуждение введен
Тобой — король, а мною — твой Бирон.

(Марии и Катерине.)

Вы с ней подарки тоже обменяйте
И тем своих влюбленных обманите.

Р о з а л и н а

Идет! Подарки выставим на вид.

К а т е р и н а

В чем ваша цель, принцесса, состоит?

П р и н ц е с с а

В том, чтоб идти наперекор их целям:
Угодно им над нами посмеяться,
Мне — смехом за насмешки рассчитаться.
Пусть выдадут они свои секреты
Чужим возлюбленным, а мы за это
При первой встрече на смех их поднимем,
Представ уже без масок перед ними.

Р о з а л и н а

Принять ли нам на танцы приглашение?

П р и н ц е с с а

Нет. Лучше смерть, чем сделать хоть движение!
Любезникам один ответ давайте:
Чуть рот раскроют, к ним спиной вставайте.

Б о й е

Но ведь из-за презренья полной встречи
Они лишиться могут дара речи.

П р и н ц е с с а

Да, таково намеренье мое.
Кто с роли сбился, не войдет в нее.
Вот это шутка: шутку подхватить
И ею шутников перешутить!
Расстроив так их замысел смешной,
Мы их прогоним, осмеяв, домой.

Трубы за сценой.

Б о й е

Труба! Они идут. Наденьте маски.

Дамы надевают маски.

Входя с музыкой мавры, за ними Мотылек, король, Бирон,
Лонгвиль и Дюмен в масках и русских костюмах.

М о т ы л е к

«Привет пышнейшей красоте земли!»

Б и р о н

Пышней их красоты тафта их масок.

М о т ы л е к

«Священное собрание дам прелестных...»

Дамы поворачиваются спиной.

«Что к взорам смертных обратили... спины».

Б и р о н

(Мотыльку)

Мерзавец, очи, очи!

Мотылек

«Что к взорам смертных обратили очи.
Вон...»

Бойе

Верно! Вон его скорей!

Мотылек

«Вонмите, духи неба, просьбе нашей
Закрыть сиянье...»

Бирон

(*Мотыльку*)

Плут, «открыть сиянье».

Мотылек

«Открыть сиянье лучезарных глаз...
Лучезарных глаз...»

Бойе

Не жди ответа на эпитет льстивый.
Не проще ли сказать «девичьих глаз»?

Мотылек

Не слушают они, и сбит я этим.

Бирон

Вот так оратор! Убирайся, плут!

Мотылек уходит.

Розалина

Бойе, порасспросите иноземцев,
И, если им известен наш язык,
Пусть вам о цели своего прихода
Они расскажут.

Бойе

Что вам здесь угодно?

Бирон

Быть принятыми мирно и любезно.

Розалина

Чего они хотят?

Бойе

Быть принятыми мирно и любезно.

Розалина

Их приняли. Теперь пускай уходят.

Бойе

Ответ таков: вы приняты; уходите.

Король

Скажите, что прошли мы сотни миль,
Чтоб в танце с нею по траве пройтись.

Бойе

Он говорит, что сотни миль прошел,
Чтоб в танце с вами по траве пройтись.

Розалина

У них спросите: сколько дюймов в миле?
Нетрудно будет, сделав столько миль,
Расчет подобный сделать им для каждой.

Бойе

Раз вы сумели сделать столько миль,
Принцесса просит сделать ей расчет,
По сколько дюймов будет в каждой миле.

Бирон

Скажи: лишь вздохи мы в пути считали.

Бойе

Она вам внемлет.

Розалина

Сколько тяжких вздохов
Успели сделать вы в пути тяжелом,
И сколько их приходится на милю?

Бирон

Трудясь для вас, усилий не считаешь!
Наш труд так беспредельно всеобъемлющ,
Что может продолжаться без конца.
Откройте нам свой лик, чтоб перед ним
Простерлись мы, как дикари пред солнцем.

Розалина

Он, как луна, за тучами не виден.

К о р о л ь

Блаженны тучи. Их удел завиден!
Луна и звезды, бросьте из-за туч
На влагу наших глаз свой яркий луч.

Р о з а л и н а

Просите-ка луну о чем-нибудь,
Что поважней, чем на воду взглянуть.

К о р о л ь

Раз вы просить даете разрешение,
Прошу принять на танец приглашение.

Р о з а л и н а

Эй, музыканты! Я плясать склонна.

Играет музыка.

Нет, не пойду. Изменчива луна.

К о р о л ь

Но что же вынуждает вас к отказу?

Р о з а л и н а

То, что луна уже сменила фазу.

К о р о л ь

Хоть вы — луна, я — человек на ней.
Последуем за музыкой скорей.

Р о з а л и н а

Я следовать за ней готова слухом.

К о р о л ь

Не проще ль следовать ногой, чем ухом?

Р о з а л и н а

Я не хочу обидеть чужестранцев.
Вот вам моя рука, но не для танцев.

К о р о л ь

На что ж она тогда нам?

Р о з а л и н а

На прощанье.
Поклон примите наш — и до свиданья!

К о р о л ь

Что стоит вам сплясать со мной хоть раз?

Р о з а л и н а

Цена чрезмерно высока для вас.

К о р о л ь

За сколько ж нам купить любезность можно?

Р о з а л и н а

Цена — уход ваш.

К о р о л ь

Но она безбожна!

Р о з а л и н а

Так бросим торг. Не тратьте зря слова.
Вам — полпоклона, вашей маске — два.

К о р о л ь

Потолковать мы можем не танцуя.

Р о з а л и н а

Но не при всех.

К о р о л ь

Об этом и прошу я.

Отходят в сторону разговаривая.

Б и р о н

Дай мне услышать сладостное слово!

П р и н ц е с с а

Вот три: мед, сахар, молоко коровы.

Б и р о н

Коль ты сластена, их число удвой
Мальвазию, брагой и сытой.
Шестерка на костях! За мною кон.
Шесть сладких слов!

П р и н ц е с с а

А вот седьмое — «Воп!»

Я в кости с плутом не хочу играть.

Б и р о н

На пару слов!

П р и н ц е с с а

Чур, сладких избегать.

Б и р о н

Вы желчь во мне разбредили злобно.

П р и н ц е с с а

Да, желчь — горька.

Б и р о н

Ну, значит, вам подобна.

Отходят в сторону разговаривая.

Д ю м е н

Словцом не обменяться ль с вами нам?

М а р и я

Каким?

Д ю м е н

Красавица...

М а р и я

Я вам отдам

Красавца за красавицу.

Д ю м е н

Вдвоем

Сперва поговорим. Уйду — потом.

Отходят в сторону разговаривая.

К а т е р и н а

Иль языка у вас под маской нет?

Л о н г в и л ь

Мне цель вопроса вашего известна.

К а т е р и н а

Ах, вот как? Что ж, спешите дать ответ.

Л о н г в и л ь

У вас два языка. Во рту им тесно,
И вы мне уступаете второй.

К а т е р и н а

Пускай теленок одолжит вам свой.

Л о н г в и л ь

Зачем он мне?

К а т е р и н а

Затем, что ваш — пропал.

Л о н г в и л ь

Я не теленок.

К а т е р и н а

Тот бы хоть мычал.

Едва ли выйдет бык из вас с годами!

Л о н г в и л ь

О свой язык не уколитесь сами.

Склонны вы наставлять рога, монашка?

К а т е р и н а

До них не дорастете вы, бедняжка.

Л о н г в и л ь

Пока еще я жив, скажу вам, как...

К а т е р и н а

Мясник услышит,— не мычите так.

Отходят в сторону разговаривая.

Б о й е

Насмешницы! Так остр у них язык,
Что волосок, невидимый для взора,
Как бритва, перерезать может вмиг.
Мысль тщетно ловит смысл их разговора,
Но как его осмыслишь, если мчится
Он побыстрей, чем ветер, пуля, птица.

Р о з а л и н а

Ни слова больше. Гости пусть уйдут.

Б и р о н

Клянусь, изрядно нам досталось тут.

К о р о л ь

Прощайте, привередницы шальные!

П р и н ц е с с а

До встречи, московиты ледяные!

К о р о л ь, вельможи и мавры уходят.

Но как их счесть за умников могли?

Б о й е

Вы их умы задули, словно свечи.

Р о з а л и н а

Мозги в них слою жира заросли.

П р и н ц е с с а

Как плоски шулки и убоги речи!

Клянусь, теперь им всем один конец:

Повеситься иль век ходить под маской.

Сконфузился Бирон, хоть он наглец.

Р о з а л и н а

Мы их смутили всех крутой остраткой.

Король уныло слова ласки ждал.

П р и н ц е с с а

Бирон до исступления божился.

М а р и я

Дюмен себя и меч мне отдавал

И языка, услышав: «Нет!» — лишился.

К а т е р и н а

Лонгвиль твердил: «Как тошно мне сейчас!»,

Назвав меня...

П р и н ц е с с а

Наверно, тошнотую?

К а т е р и н а

Вот именно.

П р и н ц е с с а

Боюсь, стошнит и нас.

Розалина

Умы острей под шапкой шерстяною.
Вы знаете, король в любви признался.

Принцесса

Бирон мне клятву верности принес.

Катерина

Лонгвиль служить мне вечно обязался.

Мария

Как ствол к коре, Дюмен ко мне прирос.

Бойе

Красавицы мои, даю вам слово,
Что к нам в своем обычном платье снова
Они сейчас вернутся вчетвером:
Им не переварить сухой прием.

Принцесса

Возможно ли?

Бойе

Да. Не придут — прискачут,
Хоть от побоев ваших чуть не плачут.
Итак, скорей подарками меняйтесь
И, словно розы утром, распускайтесь.

Принцесса

Что слово «распускайтесь» значить может?

Бойе

С цветком в бутоне дамы в масках схожи.
Явив без масок розовые лица,
Они должны, как розы, распуститься.

Принцесса

Молчи, напыщенность! — Как нам встречать их,
Когда они придут в обычных платьях?

Розалина

Советую над ними вновь смеяться,
Как если б в масках нам пришлось остаться.
Пожалуемся им сперва сердито
На дурней, ряженных как московиты,

Расспросим, кто они, чего хотят,
К чему весь этот глупый маскарад,
И заключим, что был нелеп пролог,
А сам спектакль — напыщен и убог.

Б о й е

Скрывайтесь, дамы! Враг подходит к вам.

П р и н ц е с с а

Бежим в шатры, как лани по лесам.

Прицесса, Розалина, Катерина и Мария уходят.
Входят король, Бирон, Лонгвиль и Дюмен в обычном
 платье.

К о р о л ь

Храни вас, сударь, бог! А где принцесса?

Б о й е

В шатре. Быть может, вам через меня
Ей передать угодно что-нибудь?

К о р о л ь

Скажите, что принять меня прошу.

Б о й е

Она к вам поспешит, как я спешу.

(Уходит.)

Б и р о н

Как голубь корм, остроты он клует
И где попало их пускает в ход.
Ум продавая в розницу, с товаром
Он бродит по пирам, торгам, базарам,
А мы, хоть оптом продаем остроты,
Сбыть с рук товар пока не можем что-то.
Любезник так прельщает женщин всех,
Что, будь Адамом, ввел бы Еву в грех.
Как шепелявит, как жаркое режет,
Как дам воздушным поцелуем нежит!
А как поет! Как знает этикет!
Monsieur, учтивостью пленивший свет,
Мартышка мод, он даже за костями
Бранится лишь пристойными словами.

Он «душечкой» слывет у милых дам.
Ступени лестниц льнут к его ногам.
Цветок, дарить улыбки всем готовый,
С зубами белыми, как ус китовый!
Кто хочет должное Бойе воздать,
Его «медоточивым» должен звать.

К о р о л ь

Ему б язык намазать дегтем надо
За то, что с роли сбил пажу Армадо.

Б и р о н

Да вот и он.— Учтивость, чем ты стала,
Отдавшись в руки этого нахала!

Входят принцесса под руку с Бойе, Розалина, Мария и
К а т е р и н а.

К о р о л ь

Позвольте вам здоровья пожелать.

П р и н ц е с с а

Но и без пожеланий я здорова.

К о р о л ь

Меня прошу я не перебивать.

П р и н ц е с с а

А я прошу не говорить пустого.

К о р о л ь

Пришли мы во дворец вас отвести.
Не откажите двинуться в дорогу.

П р и н ц е с с а

Мне — в поле жить, а вам — обет блюсти:
Клятвопреступник — враг и мне и богу.

К о р о л ь

Не ставьте мне свою вину в упрек:
Обет мой сила ваших глаз сломила.

П р и н ц е с с а

При чем здесь сила? Слабость и порок —
Вот что обет забыть вас побудило,

Порукой мне моя девичья честь —
Она чиста, как лилия, покуда, —
Что я готова муки предпочесть,
Но гостьей во дворце у вас не буду!
Мне совесть никогда не даст прощенья,
Коль вас толкну на клятвопреступленье.

К о р о л ь

Томит здесь скука вас и ваших дам.
В глуши вас видеть стыдно мне и больно.

П р и н ц е с с а

О нет, мой государь, ручаюсь вам.
Здесь развлечений и забав довольно.
Недавно были русские у нас.

К о р о л ь

Как! Русские?

П р и н ц е с с а

Да, государь. Учтиво
Они нас развлекали целый час.

Р о з а л и н а

Не верьте, государь. Хвала — фальшива.
Принцесса то, что следует хулить,
Готова из любезности хвалить.
Да, вчетвером явились московиты
И с нами час протолковали битый,
Но не сумели нам сказать они
Двух умных слов за время болтовни.
Боюсь их звать глупцами, но, коль глотку
Дерет им жажда, пьют глупцы в охотку.

Б и р о н

Таких остроумцев наслушавшись, запьешь.
Красавица, ваш разум с солнцем схож,
А тот, кто в око неба взор вперяет,
От света свет своих очей теряет.
Вот так и ум ваш превращать готов
Богатых в бедных, умников в глупцов.

Р о з а л и н а

Вы, значит, умник и богач, поскольку...

Б и р о н

Вам кажется, что глуп и нищ я только.

Р о з а л и н а

Хоть воровать чужие мысли гадко,
Прощаю вас, так как верна догадка.

Б и р о н

Взять можете взамен меня всего вы.

Р о з а л и н а

Всю глупость?

Б и р о н

Хоть ес, раз нет другого.

Р о з а л и н а

Признайтесь мне, в какой вы маске были?

Б и р о н

Я? В маске? Здесь? Что вы вообразили?

Р о з а л и н а

Да, в маске, под личиною нарядной
Пытаюсь скрыть свой облик неприглядный.

К о р о л ь

Попались мы. Нас засмеют они.

Д ю м е н

Сознаемся, все в шутку обратив.

П р и н ц е с с а

Что с вами, государь? Вы нездоровы?

Р о з а л и н а

Он бледен. Эй, воды!.. Болезнь морская:
Ведь к нам он из Московии приплыл.

Б и р о н

Мстят звезды тем, кто клятву преступил.
Чей медный лоб снесет позор подобный?
Красавица, казни: я согрешил.

Рази презреньем, бей насмешкой злобной,
Мечом острот мой ум в куски рубя,
Сарказмом раздави меня, невежду.
Не стану я на танцы звать тебя,
У московитов занимать одежду,
В речах кудрявых чувство изливать,
Мальчишке в важном деле доверяться,
В поэта, как слепой арфист, играть
И маской от любимой закрываться.
Прочь, бархат фраз, ученых и пустых,
Парча гипербол, пышные сравненья.
Они — как мухи. От укусов их
Распухла речь моя до омерзенья.
От них отрекшись, я даю обет
Перчатке белой с ручки белоснежной
Лишь с помощью сермяжных «да» и «нет»
Отныне объясняться в страсти нежной.
Итак, начну.— Я обожаю вас
Без фальши, без притворства, без прикрас.

Розалина

Оставьте ваши «без».

Бирон

Хоть надо мной
Опять возобладал недуг былой,
Я вылечусь.

(Показывает на других мужчин.)

А им троим должны
Вы надписать на лбу: «Заражены».
Чума занесена в сердца несчастных
Опасным блеском ваших глаз прекрасных.
Но ею не одни они задеты:
Я вижу и на вас ее приметы.

Принцесса

(показывая на подарок, украшающий ее платье)

Ну что ж, назад вы можете их взять.

Бирон

Не стыдно ль вам банкротов добивать?

Розалина

Солгали вы, а ложь — не оправдание:
Кто нищ, банкротом стать не в состоянии.

Бирон

Вам что за дело? Дел не вел я с вами.

Розалина

Быть и не может дела между нами.

Бирон

Я сдался, господа. Сражайтесь сами.

Король

Принцесса, как нам заслужить прощенье?

Принцесса

Признание — путь кратчайший к искуплению.
Скажите: в маске к нам вы приходили?

Король

Да.

Принцесса

Помните ль вы то, что говорили?

Король

Да, наизусть.

Принцесса

Тогда узнать нельзя ли,
Что вашей даме вы в ушко шептали?

Король

Что чту ее превыше всех на свете.

Принцесса

Боюсь, что лживы заверенья эти.

Король

Клянусь, что нет.

Принцесса

Как верить в ваши клятвы,
Раз две из них нарушили подряд вы!

К о р о л ь

Коль я солгал, презрением казните.

П р и н ц е с с а

Ах, вот как! Розалина, подойдите.
Что на ухо шептал вам московит?

Р о з а л и н а

Что выше всех меня на свете чтит,
Что я ему дороже, чем зеницы
Очей, что жаждет он на мне жениться
Иль должен будет с жизнью распротиться.

П р и н ц е с с а

Молю творца вам счастье с ним послать!
Король не может слова не сдержать.

К о р о л ь

Но от меня, клянусь вам, дама эта
Не слышала подобного обета.

Р о з а л и н а

Нет, слышала, но возвратить и слово
И дар, его скрепивший, я готова.

К о р о л ь

И дар и слово я принцессе дал.
Ее я по алмазу опознал.

П р и н ц е с с а

О, нет. Алмаз мой был на Розалине,
А я Бирону суждена отныне.

(Бирону.)

Меня иль жемчуг,— что вы взять склонны?

Б и р о н

Нет, мне ни вы, ни жемчуг не нужны.
Мне все понятно: разгадав наш план,
Они решили нас ввести в обман
И разыграть, как ряженных в сочельник.
Какой-то сплетник, блюдолиз, бездельник,

Угодник, льстец, лакей, болтун пустой,
На сладкие улыбки не скупой,
Умеющий до колик дам смешить,
Им ухитрился наш секрет раскрыть.
Тогда подарки дамы обменяли,
И мы своих любимых не узнали,
Свершив двойное клятвопреступление:
Раз — с умыслом, раз — по неразуменью.
Беда одна не ходит.

(К Бойе.)

Уж не вы ли
Наш замысел коварно разгласили?
Ловки вы мерку с ножек дамы снять,
Захотать — чуть подмигнет шутиливо,
Меж нею и огнем камина встать
И кушанья ей подавать учтиво.
Паж вами сбит, но вам-то все сойдет:
Не саван — юбка вас по смерти ждет.
Коситесь вы? Страшнее ваши взоры,
Чем сабля оловянная!

Б о й е

Как скоро
Он обскакал арену, алча боя.

Б и р о н

Что ж, подходи! Померимся с тобою.

Входит Б а ш к а.

Вот тот, чей ум решит все наши споры.

Б а ш к а

Я послан, сударь, вас спросить,
Не время ль трем героям выходить?

Б и р о н

Как трем? А шесть сбежали?

Б а ш к а

Да нет, идет все гладко:
Троих играет каждый.

Б и р о н

А трижды три — девятка.

Б а ш к а

Нет, сударь, уж простите, а что-то здесь не так.
С того, в чем я уверен, меня не сбить никак.
Я думаю, что трижды три...

Б и р о н

Не девять. Так, что ли?

Б а ш к а

Вы уж простите, сударь, я сам знаю, сколько это будет.

Б и р о н

А я-то всегда считал, что трижды три — девять.

Б а ш к а

О господи! Вот было бы несчастье, сударь, если б вам пришлось зарабатывать на хлеб счетоводством.

Б и р о н

Так сколько же, по-твоему, это будет?

Б а ш к а

О господи! Да вам, сударь, сами герои, то бишь исполнители, покажут, сколько это будет. А на мою долю, как они сказали, придется одна роль. Я — человек маленький и буду изображать всего одного человека, да зато — Помпиона Великого.

Б и р о н

Выходит, ты тоже будешь героем?

Б а ш к а

Им угодно было поручить мне роль героя Помпиона Великого. Я уж там не знаю, вправду ли он был герой, но изображать-то мне придется именно его.

Б и р о н

Ступай. Вели приготовляться.

Б а ш к а

Уж мы-то не сплосшаем. Сумеем постараться.

(Уходит.)

К о р о л ь

Бирон, прогнать их нужно. Мы осраимся с ними.

Б и р о н

Но нам прямой расчет при нашем сраме
Искать таких, кто хуже, чем мы сами.

К о р о л ь

Не смей впускать их!

П р и н ц е с с а

Простите, государь, но вы неправы.
Чем безыскусней, тем милей забавы.
Стремленье проявить излишек рвения
Лишает смысла лучшие стремленья,
И тем быстрее, чем сложнее их форма,
Большие мысли превратим во вздор мы.

Б и р о н

Усилий наших верная картина!

Входит Армадо.

А р м а д о

Помазанник божий! Испрашиваю такое количество вашего благодатного монаршего дыхания, которого довольно для произнесения двух слов. *(Отходит с королем в сторону, вручает ему бумагу и беседует с ним.)*

П р и н ц е с с а

Этот человек — слугитель божий?

Б и р о н

Почему вы так думаете?

П р и н ц е с с а

Потому что он говорит не так, как все прочие люди.

А р м а д о

Это совершенно все равно, мой достославный, драгоценнейший и сладчайший повелитель, ибо школьный учитель, уверяю вас в этом, человек характера крайне причудливого и слишком, слишком тщеславного. Но мы, как говорится, все-таки положимся на fortuna della guerra¹. Прошу у царственных особ позволения пожелать им душевного спокойствия! *(Уходит.)*

К о р о л ь

Похоже, что сейчас перед нами пройдут парадом славные герои. Вот этот человек изображает Гектора Троянского, шут — Помпея Великого, приходский священник — Александра, паж Армадо — Геркулеса, школьный учитель — Иуду Маккавея.

¹ Военная удача. *(Итал.)*

Коль удадутся роли героев четверых,
Они, сменив костюмы, сыграют остальных.

Б и р о н

Но и сейчас уже их пять.

К о р о л ь

Вы не умеете считать.

Б и р о н

Школьный учитель, фанфарон, попик, шут и мальчишка!

Никто, играй он в кости хоть целые года,
Не выбросит пятерки подобной никогда.

К о р о л ь

Корабль под парусами и к нам плывет сюда.

Входит Башка, изображающий Помпея.

Б а ш к а

«Вот я, Помпей...»

Б о й е

Поверить трудно мне.

Б а ш к а

«Вот я, Помпей...»

Б о й е

С пантерой на броне.

Б и р о н

Недурно! Могу примириться с таким шутником я вполне.

Б а ш к а

«Вот я, Помпей, по прозвищу Огромный».

Д ю м е н

Великий.

Б а ш к а

Так точно, сударь, Великий.

«...Помпей, по прозвищу Великий,
Который в битвах истреблял врагов мечом и пикой.

Придя сюда издалека, я счастлив меч ужасный
Снять и сложить во прах у ног француженки
прекрасной».

Если ваше высочество скажет мне: «Спасибо, Помпей», то я
свою роль окончил.

П р и н ц е с с а

Великому Помпею — великое спасибо.

Б а ш к а

Ну, такого великого я, конечно, не стою. Но надеюсь, что не
оплошал. Только вот на «великом» малость сбился.

Б и р о н

Ставлю свою шляпу против гроша, что Помпей-то и окажется
самым лучшим из героев.

Входит отец Натаниэль, изображающий Александра.

Н а т а н и э л ь

«Когда я в мире жил, над миром я царил,
Юг, север, и восток, и запад покорив.
Я — Алисандр, и в том мой герб вас убедил...»

Б о й е

Нет, вы — не Александр, так как ваш нос не крив.

Б и р о н

(к Бойе)

А ваш — отменно чуток, такой изъян открыв.

П р и н ц е с с а

Насмешками в героя не охлаждайте пыл.

Н а т а н и э л ь

«Когда я в мире жил, над миром я царил...»

Б о й е

Ты впрямь, я вижу, Алисандром был.

Б и р о н

Помпей Великий!

Б а ш к а

Он же и Башка, ваш покорный слуга.

Б и р о н

Уведи-ка завоевателя, уведи Алисандра.

Б а ш к а

Ну, сударь, провалились вы с вашим Алисандром-завоевателем. Стащат с вас теперь ваши расписные доспехи, вашу пантеру, которая расселась с алебардой на стульчаке, и отдадут Аяксу, девятому герою. Тоже мне завоеватель: двух слов связать не может. Уходи-ка, Алисандр, от стыда подальше.

Н а т а н и р л ь уходит.

Вот он, с вашего позволения, человек хоть глуповатый, но тихий и порядочный, а сбить его с толку — легче легкого. Сосед он превосходный, и в шары хорошо играет, только в Алисандры, сами видите, не вышел. Вовсе не годится! Но зато следующие герои совсем по-другому заговорят.

П р и н ц е с с а

Отойди-ка в сторону, любезный Помпей.

Входят О л о ф е р н, изображающий Иуду Маккавея, и М о т ы л е к, изображающий Геркулеса.

О л о ф е р н

«Сей юноша — великий Геркулес,
Кем Цербер побежден, треглавый canis ¹,
Кто сыном был властителя небес,
Кто в детстве змей душил своею manus ².
Quoniam ³ он ребенок по годам,
Я, ergo ⁴, аполог исполнил сам»

(Мотыльку.)

Теперь уйди, сохраняя достойную осанку.

Мотылек отходит в сторону.

«Иуда я...»

Д ю м е н

Иуда!

О л о ф е р н

Не Искарriot, сударь.

«Иуда я, что прозван Маккавеем...»

¹ Пес (правильно: canis). (Лат.)

² Рука. (Лат.)

³ Так как. (Лат.)

⁴ Следовательно. (Лат.)

Д ю м е н

Отбрось Маккавея — все равно. остается Иуда.

Б и р о н

Лобзающий предатель, как же ты стал Иудой?

О л о ф е р н

«Иуда я...»

Д ю м е н

Тем больше сраму для тебя, Иуда.

О л о ф е р н

Позвольте, сударь...

Б о й е

Позволяю Иуде пойти и повеситься.

О л о ф е р н

Покажите пример: вы — древнее.

Б и р о н

Недурно сказано. Древний Иуда тоже повесился на древе.

О л о ф е р н

Я не позволю касаться моей личности.

Б и р о н

Да у тебя нет никакой личности, потому что и головы нет.

О л о ф е р н *(подносит руку к лицу)*

А это что?

Б о й е

Головка на цитре.

Д ю м е н

Головка булавки.

Б и р о н

Мертвая голова, вырезанная на печатке.

Л о н г в и л ь

Голова на стертой римской монете.

Б о й е

Рукоять меча, принадлежавшего Цезарю.

Д ю м е н

Резная пробка солдатской пороховницы.

Б и р о н

Полщеки святого Георгия на пряжке.

Д ю м е н

Да еще на оловянной.

Б и р о н

Носимой зубодерами на шляпе.

Ну, дальше. С личностью твоей все ясно.

О л о ф е р н

Я из-за вас голову потерял.

Б и р о н

Паоборот, мы-то тебя сю и наградили. И притом не одной.

О л о ф е р н

И все это для того, чтобы оскорбить мою личность!

Б и р о н

Будь ты хоть львом, мы сделали бы то же.

Б о й е

А так как ты осел, тебе здесь быть негоже.

Иди, Иуда, прочь. Чего ж ты встал, осел?

Д ю м е н

Ему не хватает удара кнутом.

Б и р о н

Я помогу ему. А ну, пошел!

О л о ф е р н

Учтивей и умней вы быть могли б!

Б и р о н

Огня monsieur Иуде, чтоб нос он не расшиб.

П р и н ц е с с а

Злосчастный Маккавей! Как ты осмеян!

Входит А р м а д о, изображающий Гектора.

Б и р о н

Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор.

Д ю м е н

Вот теперь я посмеюсь хоть на свою же голову.

К о р о л ь

По сравнению с этим настоящий Гектор был самым заурядным троянцем.

Б о й е

Да разве это Гектор?

К о р о л ь

Думается мне, Гектор был не так хорошо сложен.

Л о н г в и л ь

Для Гектора у него ноги толстоваты.

Д ю м е н

Особенно в икрах.

Б о й е

Нет, настоящий Гектор был куда тщедушнее.

Б и р о в

Какой это Гектор!

Д ю м е н

Он либо бог, либо художник: все время делает рожи.

А р м а д о

«Копьёметатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору...»

Д ю м е н

Золоченый орех.

Б и р о в

Лимон.

Л о н г в и л ь

С воткнутой в него гвоздикой.

Д ю м е н

Нет, просто с гвоздем.

А р м а д о

Внимание!

«Копьёметатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору, троянскому герою,
Такую мощь, что тот с зари сражаться мог,

До темноты не прерывая боя.
Я — этот цвет...»

Д ю м е н

Чертополоха.

Л о н г в и л ь

Мяты.

А р м а д о

Дорогой Лонгвиль, обуздай свой язык.

Л о н г в и л ь

Наоборот, мне нужно его разуздать, потому что он должен угнаться за Гектором.

Д ю м е н

А Гектор — быстр, как гончая.

А р м а д о

Славный воин умер и истлел. Милые дети, не ворошите прах усопшего. Пока он дышал, он был настоящим человеком. Но продолжаю свою роль. (*Принцессе.*) Очаровательная принцесса, обрати ко мне чувство слуха твоего королевского высочества.

П р и н ц е с с а

Говори, храбрый Гектор, мы с удовольствием тебя послушаем.

А р м а д о

Я боготворю туфлю твоего прелестного высочества.

Б о й е (*тихо, Дюмену*)

Его любовь ограничивается пятками.

Д ю м е н (*тихо, к Бойе*)

Потому что выше ему не добраться.

А р м а д о

«Сей Гектор Гавпибала превзошел...»

Б а ш к а

Плохо дело, друг Гектор, плохо. Оно уже два месяца тянется.

А р м а д о

Что ты имеешь в виду?

Б а ш к а

Ей-богу, если вы не будете честным троянцем,— бедной бабенке пропадать. Она на сносях. Ребенок уже шевелится у нее в животе, а ведь он от вас.

А р м а д о

Ты диффамируешь меня перед владельтельными особами! Ты заслуживаешь смерти.

Б а ш к а

А Гектор заслуживает порки за то, что обрюхатил Жакнету, и виселицы за то, что убил Помпея.

Д ю м е н

Несравненный Помпей!

Б о й е

Достославный Помпей!

Б и р о н

Великий из великих, превеликий, величайший Помпей! Непомерный Помпей!

Д ю м е н

Смотрите, Гектор трепещет.

Б и р о н

Помпей разгневался. Сюда, Ата! Трави их, трави!

Д ю м е н

Гектор вызовет его на бой.

Б и р о н

Даже если в нем крови не больше, чем нужно блохе на ужип.

А р м а д о

Северным полюсом вызываю тебя на поединок.

Б а ш к а

Ни полюсом, ни палицей я драться не умею, а вот мечом могу! Пожалуйста, верните мне оружие Помпея.

Д ю м е н

Место для разгневанных героев!

Б а ш к а

Я буду драться в одной рубашке.

Д ю м е н
Неустрашимый Помпей!

М о т ы л е к

Хозяин, позвольте мне расстегнуть вас. Разве вы не видите, что Помпей разоблачается для боя? Чего же вы ждете? Вы погубите свою репутацию.

А р м а д о

Извините меня, господа, но я не хочу биться в рубашке.

Д ю м е н

Вам нельзя отказываться: ведь вызов сделан Помпеем.

А р м а д о

Драгоценные мои, я желаю только того, что могу.

Б и р о н

Что это значит? Объяснитесь.

А р м а д о

Открою вам голую правду: у меня нет рубашки и я надеваю шерстяной камзол прямо на тело, как власяницу.

Б о й е

Он правду говорит. На него эту эпитимью наложили в Риме за то, что у него не водится белья. С тех пор, ручаясь вам, он никогда не надевал белья, если не считать кухонной тряпки Жакнеты, которую он носит на груди, как залог любви.

Входит Меркад.

М е р к а д

Бог да хранит принцессу!

П р и н ц е с с а

Вам, Меркад,

Я рада, хоть забаву вы прервали.

М е р к а д

Я удручен, что должен сообщить
Вам горестную весть. Король, отец ваш...

П р и н ц е с с а

Он умер? Боже!

М е р к а д

Да, вы угадали.

Б и р о н

Герои, скройтесь с омраченной сцены.

Г е р о и уходят.

К о р о л ь

Принцесса, успокойтесь!

П р и н ц е с с а

Бойе, мы едем ночью. Собирайтесь!

К о р о л ь

Останьтесь с нами, умоляю вас.

П р и н ц е с с а

Нет, собирайтесь. Слышите? — Спасибо
Вам за прием любезный, господа.
Надеюсь всей душой моей печальной,
Что ваш широкий ум нас извинит
За слишком смелые порой насмешки.
И если с вами были мы дерзки,
То лишь терпенье и учтивость ваши
Тому виной. Прощайте, государь!
Кто грустен сердцем, на слова не щедр.
Простите ж мне скупую благодарность
За исполнение столь огромной просьбы.

К о р о л ь

Бег времени в последнюю минуту
События нередко ускоряет,
Мгновенно разрешая все, о чем
До этих пор шли безуспешно споры.
Хоть горе дочери и несовместно
Со светлой и смеющейся любовью,
Как ни чисты ее святые цели,
Но если к ним она уже открыто
Пошла своим путем, пусть тучи скорби
Его не затемнят. Благоразумней
Искать себе отраду в новых ближних,
Чем сокрушаться о потере старых.

П р и н ц е с с а

Я вас не понимаю. Скорбь — глуха.

Б и р о н

Вонмет и скорбь простой и ясной речи.
Я объясню намеки короля.
Лишь ради вас мы, расточая время,
Обет презрели; ваша красота
Преобразила нас, и чувства наши
Наперекор намереньям пошли.
Вот почему вы нас сочли смешными.
Любовь порывиста до неприличья,
Капризна, как дитя, тщеславна, вздорна.
Из глаз родясь, она, как и глаза,
Полна страннейших образов и форм,
Меняющихся с той же быстротою,
С какой глаза меняют впечатленья.
И если мы в одежде шутовской
Глазам небесным вашим показались
Пустыми и бесчестными лгунами,
То кто же, кроме глаз небесных ваших,
Нас уличивших, в этом виноват?
Вы породили в нас любовь, а значит,
И все ее ошибки. Мы обет
Нарушили, чтоб верность сохранить
Вам, кто его заставил преступить.
И этим самым зло измены нашей,
Само себя очистив, стало благом.

П р и н ц е с с а

Пришли от вас любовные посланья
С подарками — посланцами любви,
Но наш совет девичий их почел
За шутку, за любезность, за узор
Для вышиванья по канве досуга,
И мы, всерьез подарки не приняв,
Отвечили насмешкой на любовь,
В которой лишь насмешку увидали.

Д ю м е н

Отнюдь не шуткой были наши письма.

Л о н г в и л ь

И взоры...

Розалина

Мы их поняли иначе.

Король

Так удостойте нас любви хотя бы
В последний час.

Принцесса

Час — слишком краткий срок
Для заключения вечного союза.
Нет, государь, вы тяжко провинились,
Обеты преступив. А потому,
Коль вам нужна моя любовь (чему я
Пока не верю), поступите так:
Клятв не давайте мне, но поскорее
В какой-нибудь заброшенный приют
От светского веселья удалитесь
И ждите там, пока не совершат
Свой круг двенадцать знаков зодиака.
И если в одиночестве суровом
Не охладее пыл желаний ваших,
И если от постов, нужды и стужи
Не облетит любви цветок веселый,
Из испытаний выйдя столь же пышным,
Тогда, чуть год окончится, во имя
Своих заслуг моей любви потребуй,—
И этой девственной рукой, которой
Твою сжимаю, клятву я даю
Тебе принадлежать. А я отныне
Уединюсь в своем жилище мрачном,
В котором буду горькими слезами
Оплакивать усопшего отца.
А коль не хочешь — руки разомкнем,
Чтоб врозь сердца пошли своим путем.

Король

Коль побоюсь я променять покой
На искус этот иль еще труднее,
Пусть глаза мне смерть смежит рукой.
Навеки сердце отдаю тебе я.

Бирон

А мне что скажет милая моя?

Р о з а л и п а

Как и король, должны вы искупить
Грех клятвопреступленья и обмана.
И если вам нужна моя любовь,
Вы будете в больнице за больными
Ухаживать без отдыха весь год.

Д ю м е н

Жду слова и от вас, моя любовь.

К а т е р и н а

Вот три: здоровья, честности, усов
Я вам желаю с нежностью тройною.

Д ю м е н

Могу ль теперь я вас назвать женою?

К а т е р и н а

Пока что — нет. Но год и сутки ровно
Глуха я буду к болтовне любовной.
Когда ж принцесса под венец пойдет,
И вам кроха любви перепадет.

Д ю м е н

Слугою вашим быть даю вам слово.

К а т е р и н а

Без клятв! Иль вы нарушите их снова.

Л о н г в и л ь

А вы, Мария?

М а р и я

Траурное платье
На друга через год могу сменять я.

Л о н г в и л ь

Хоть долг срок, придется подождать.

М а р и я

Мой долговязый друг, он вам под стать.

Б и р о н

О чем ты так задумалась? Взгляни
В мои глаза, как в окна сердца, чтобы

В них прочитать смиренную готовность
Любой ценой снискать твою любовь.

Р о з а л и н а

Бирон, еще до нашего знакомства
О вас мне слышать много приходилось.
Молва везде твердит, что вы — насмешник,
Обидных прозвищ и сравнений мастер,
Всегда готовый высмеять любого,
Кто попадется вам на язычок.
Чтоб выполоть ваш плодовый ум
И тем завоевать мою любовь,
Которой вам без этого не видеть,
Благоволите провести весь год
В больнице меж страдальцами немыми,
Даря беседой лишь калек брюзгливых
И тратя остроумье лишь на то,
Чтобы больных заставить улыбнуться.

Б и р о н

Как! Вырывать из пасти смерти смех?
Я не могу! Мне это не под силу.
Агонию смягчить не властна шутка.

Р о з а л и н а

Но это укрощает едкий ум,
Опасный лишь благодаря хвале
Глупцов, чей хохот вторит остряку.
Остроту делают удачной уши
Тех, кто внимает ей, а не язык
Того, кто отпустил ее. И если
Те, кто оглох от собственного стога,
Ваш вздор согласны слушать, что ж! — острите,
Я вас приму и с этим недостатком.
А если нет,— старайтесь от него
Избавиться, чтоб я при встрече с вами
Порадовалась этой перемене.

Б и р о н

Хоть срок велик, придется с ним смириться.
Отправлюсь на год я острить в больницы.

П р и н ц е с с а
(королю)

Теперь нам, государь, пора проститься.

К о р о л ь

Но мы вас проводить еще желаем.

Б и р о н

Не так, как в старых фарсах, мы кончаем:
В них Джени получает Джек, а нам
Достался лишь отказ от наших дам.

К о р о л ь

Нам не отказ, а срок годичный дали.

Б и р о н

Да зритель вытерпит его едва ли.

Входит А р м а д о.

А р м а д о

Светлейший государь, соблаговолите...

П р и н ц е с с а

Не Гектор ли это?

Д ю м е н

Доблестный троянский воитель.

А р м а д о

Я жажду облобызать монаршие персты и откланяться. Меня связал обет: я поклялся Жакнете три года ходить за плугом ради ее сладчайшей любви. Но не угодно ли будет теперь вашему досточтимому величеству послушать диалог, сочиненный двумя учеными мужами в похвалу сове и кукушке? Им и могло бы завершиться наше представление.

К о р о л ь

Зови их скорее: мы согласны.

А р м а д о

Эй! Входите.

Входят О л о ф е р н, Н а т а н и э л ь, М о т ы л е к, Б а ш к а и другие.

С одной стороны — Niems, Зима; с другой — Ver, Весна. Одну олицетворяет сова, другую — кукушка. Ver, начинай.

П Е С Н Я

В е с н а

Когда фиалка голубая,
И желтый дрок, и львиный зев,
И маргаритка полевая
Цветут, луга ковром одев,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!

Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.

Когда пастух с дудой дружен,
И птицы вьют гнездо свое,
И пахарь щебетом разбужен,
И девушки белят белье,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!

Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.

З и м а

Когда свисают с крыши льдинки,
И дует Дик-пастух в кулак,
И леденеют сливки в крынке,
И разжигает Том очаг,
И тропы занесло снегами,
Тогда сова кричит ночами:

У-гу!

У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

Когда кругом метут бураны,
И онемел от кашля поп,
И красен нос у Марианны,
И птица прячется в сугроб,
И яблоки румянит пламя,
Тогда сова кричит ночами:

У-гу!
У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

А р м а д о

Слова Меркурия режут ухо после песен Аполлона. А теперь
разойдемся кто куда.

Уходят.

**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

«ТИТ АНДРОНИК»

Уже в начале (I, 2) трагедии на сцену вносят гроб, и в нем покоятся останки двадцати сыновей Тита Андроника, погибших в сражениях. Триумф полководца Тита венчается тем, что одного из пленных принцев, Аларба, уведат, чтобы разрубить на куски и сжечь на костре как жертву богам. Эта казнь возбуждает у пленной царицы Таморы жажду мести, которая послужит причиной многих последующих событий.

Убийства следуют одно за другим. Тит Андроник закалывает своего сына Муция, осмелившегося ослушаться его. Сын Таморы Деметрий убивает Бассиана и сваливает вину на двух сыновей Тита, которых казнят. Деметрий и его брат Хирон насилуют дочь Тита Лавинию и, чтобы она не выдала их, отрезают ей язык и руки, лишая возможности и говорить и писать. Тит Андроник, поверив коварному мавру Арону, отрубает себе левую руку, надеясь этой жертвой спасти двух осужденных сыновей. Мавр Арон закалывает кормилицу царицы, чтобы та не выдала тайну его связи с Таморой, и обещает сделать то же самое с поживавшей бабкой, помогавшей царице разрешиться от бремени.

На казнь отправляют крестьянина, передавшего императору Сатурнину дерзкое послание Тита. Тит осуществляет месть пад насильниками, обесчестившими его дочь, и, в то время как он наносит смертельные раны связанным Деметрию и Хирону, Лавиния в обрубках рук держит таз, в который стекает кровь ее обидчиков. Но и отмщенная Лавиния не остается в живых — ее убивает отец, чтобы она не пережила своего позора. Тит убивает и своего главного врага — Тамору, но сначала он угощает ее пирогом, в который запечено мясо ее сыновей. Сатурний мстит за смерть своей жены, убивая Тита Андроника, а сын последнего Луций поражает мечом Сатурнина. И, наконец, мавра Арона, злобного интригана, подстроившего ряд убийств, подвергают страшной казни: закапывают живым в землю в отместку за содеянное им зло.

Четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа, три отрубленные руки, один отрезанный язык — таков инвентарь ужасов, наполняющих эту трагедию.

Мог ли написать ее Шекспир, тот, кого современники называли «благородным», «медоточивым», «сладостным»? Тот, кто написал столь изысканные комедии и такие глубокие философские трагедии?

Многие критики отказываются верить этому. Содержание «Тита Андроника» столь грубо, низменно, жестоко, говорят они, что невозможно признать это произведение плодом гения Шекспира, хотя бы и молодого. Никакая незрелость не может оправдать столь чудовищное нагромождение ужасов. Только дурной вкус и примитивная фантазия могли породить трагедию такого рода, создать которую мог кто угодно, только не Шекспир.

Весь арсенал средств критики был привлечен для того, чтобы «обелить» Шекспира и смыть пятно, марающее чистую одежду гения. Ссылались на то, что три прижизненных издания «Тита Андроника» (1594, 1600, 1611) были напечатаны без имени автора на титульном листе.

Приводили слова драматурга XVII века Эдуарда Рейвенскрофта, который в предисловии к своей переделке «Тита Андроника» (поставленной в 1678 и напечатанной в 1687 г.) писал: «Люди, издавна осведомленные в театральных делах, говорили мне, что эта пьеса первоначально не принадлежала Шекспиру, а была принесена посторонним автором, и он лишь приложил руку мастера к одной или двум ролям или характерам; и я склонен поверить этому, ибо из всех его произведений это самое неубогаваемое; оно напоминает скорее кучу мусора, нежели постройку».

Текстологи посредством скрупулезных сравнений стиля показывают, что «Тит Андроник» отличается лексикой, фразеологией, версификационными приемами от пьес, достоверно являющихся шекспировскими. Они приводят данные, свидетельствующие о сходстве трагедии с пьесами его предшественников, среди которых будто бы и следует искать автора трагедии, каковым мог быть Марло, Грин, Кид, Нэш, Пиль — кто угодно, но только не божественный Уильям.

Но против всей массы доказательств, предположений и умозаключений критиков есть два непоколебимых свидетельства, возлагающих ответственность за «Тита Андроника» на Шекспира. Френсис Мерес, перечисляя в 1598 году известные ему пьесы Шекспира, называет в числе других и «Тита Андроника». А Хемминг и Кондел, друзья Шекспира, приготовившие первое собрание его сочинений, включили «Тита Андроника» в фоллио 1623 года. И от этих двух фактов никуда не уйдешь: они делают неопровержимой и бесспорной принадлежность этой пьесы Шекспиру, как бы мы ни оценивали ее с точки зрения художественности.

Другое дело вопрос, является ли Шекспир единоличным автором пьесы. Здесь можно допустить, что он работал по тексту уже ранее существовавшей пьесы и, переделывая ее, дополнял, сокращал и, может быть, сохранил кое-что из рукописи предшественника. Но если это имело место, то, так или иначе, Шекспир принял на себя ответственность за пьесу, а мы знаем по другим драмам, что Шекспир всегда перерабатывал старые тексты самым кардинальным образом.

Соображения, выдвигавшиеся против авторства Шекспира, были не только эстетическими. Смущало не одно лишь то обстоятельство, что создатель этой трагедии нагромодил кучу убийств и злодейств, вызывающих у зрителей начиная с XVIII века и по наше время лишь чувство отвращения. Против авторства Шекспира говорил как будто и то, что пьеса полна выпренности, ложного пафоса, крикливой декламации, психологическая мотивировка поступков либо до крайности примитивна, либо просто отсутствует.

Отрицать это невозможно. «Тит Андроник» действительно не имеет ничего общего ни с другими «римскими» трагедиями Шекспира, ни с «Ромео и Джульеттой», ни с «Гамлетом», ни с «Лиром». Но это не дает основания отрицать его авторство.

Пути писательские неисповедимы. Творческие биографии величайших художников сложны, противоречивы и складываются из фактов, кажущихся несовместимыми. Разве мы поверили бы, что Гёте, написавший «Фауста», был также автором «Триумфа чувствительности», если бы не знали этого наверняка? Разве не было у Лопе де Вега и Кальдерона пьес пустых и просто плохих?

«Тита Андроника» написал Шекспир. И от этого он становится для нас более достоверно живым человеком и писателем. Этот факт его творческой биографии делает очевидным то, что в начале своей драматургической деятельности Шекспир пробовал разные пути, искал и ошибался, прежде чем обрел те качества, которые сделали его тем

великим художником, который покори́л мир. Не в готовом виде, не из головы Зевса, не из пены морской, а в процессе борьбы и исканий родилось искусство Шекспира. Именно родилось, и пьесы, подобные «Титу Андронику» и трем частям «Генриха VI», ценны для нас тем, что раскрывают Шекспира-художника в процессе его развития. Они — первые ступени его творчества. И отнюдь не бесплодным является открытие исследователей, показавших сходство «Тита Андроника» с драматургией конца 80-х — начала 90-х годов XVI века.

Шекспир во всех жанрах начинал с того, что вступал на уже проторенные пути. Так было и с жанром трагедии. Одной из первых форм этого жанра, утвердившихся на сцене английского театра эпохи Возрождения, была «кровавая трагедия», высшие образцы которой дали Марло и Кид. Есть писатели, начинающие с того, что отвергают все сделанное предшественниками. Шекспир не принадлежал к числу таких. Его стремление состояло в другом: превзойти предшественников в том, в чем они сами были сильны.

«Испанская трагедия» Томаса Кида поразила воображение театральной публики того времени чудовищным нагромождением злодеяний. Мы можем как угодно расцепивать вкусы этой публики, но остается фактом, что жанр «кровавой трагедии» пользовался большой популярностью.

Шекспир не был художником-творцом, сидевшим в башне из слоновой кости, где он творил шедевры для будущих поколений. Он был театральным деятелем, чутко реагировавшим на запросы зрителей. Он следовал закону, что театр должен давать публике то, чего она хочет. И он написал «Тита Андроника». При этом он не стремился нарушить основы жанра «кровавой трагедии», а, наоборот, в полной мере следовал им. Как автор, он поставил себе лишь одну задачу — «переиродить самого Ирода», как выразится впоследствии Гамлет. И действительно, Шекспир превзошел в «Тите Андронике» все ужасы «Испанской трагедии», не преминув при этом использовать некоторые приемы Кида, доказавшие свою театральную эффективность.

Жанр «кровавой трагедии» отнюдь не стремился угодить «низменным вкусам толпы», как это представляют иногда буржуазные историки драмы. Он имел исторические истоки как в самой жизни, так и в культуре эпохи. Старинные летописи и современная хроника в изобилии давали материал для пьес такого рода. Кровавая месть, физическое истребление соперников, тайные и явные убийства, совершаемые самыми изощренными способами, были не плодом воображения писателей, а повседневной жизненной практикой. В особенности в среде высшего сословия насилие было постоянным средством разрешения жизненных конфликтов. «Кровавая» драма эпохи Возрождения лишь отразила реальные факты.

Этот жанр явился важной вехой в развитии драматического искусства. Он был одним из знамений рождения нового искусства и нового миропонимания. Средневековое мировоззрение, отразившееся и в драме того времени, воспринимало жизнь как некое организованное явление, в котором индивидуальное всегда было отклонением от нормы и закона. Эпоха Возрождения отмечена тем, что прежнему единству жизни, основанной на иерархии, противопоставлено бесконечное разнообразие враждующих между собой индивидуальных стремлений. Это мы видим и в «Испанской трагедии» и в «Тите Андронике». Перед нами мир, управляемый не богом, не гражданскими законами, а единственно лишь действиями индивидов, составляющих общество.

Если внимательно вчитаться в «Тита Андроника», то раскроется, что трагедия при всей ее кажущейся примитивности не лишена определенного идейного стержня.

Тит Андроник — носитель патриотического начала. Его жизненный идеал — служение родине, Риму, которому он принес в жертву все свои силы и кровь многочисленных сыновей. Он желает гражданского мира и потому отказывается от предложенной ему власти в пользу Сатурнина, лишь бы избавить Рим от раздоров.

Но патриархальные добродетели Тита Андроника уже не являются гарантией внутреннего мира. Им противостоят честолюбие Сатурнина, мстительность Таморы и хищническая жестокость Арона. Вероятно, не случайно то, что разрушителями внутреннего мира выступают чужеземцы — Тамора и Арон, эти пленники римского полководца, хитро проникшие к источнику власти и разрушающие Рим изнутри.

Тематически и идейно трагедия о Тите Андронике смыкается с трилогией о Генрихе VI. И здесь и там основу конфликта составляет распад патриархального уклада жизни под натиском своекорыстного индивидуализма. Сюжет и его идейное наполнение в «Тите Андронике» содержат, таким образом, зерна подлинной трагедии, имеющей исторически эпохальное значение. Но само понимание трагического и его художественное облагачивание здесь еще примитивны. Так мы подходим к литературным и драматургическим истокам жанра.

Понимание трагического у гуманистов эпохи Возрождения формировалось под влиянием римской драматургии. Хотя «Поэтика» Аристотеля и была известна гуманистам, не она определила их понимание жанра, а единственные доступные тогда его образцы — трагедии Сенеки. В «кровавых» драмах эпохи Возрождения трагическое предстает лишь в чисто внешнем качестве — как ужасное. И таково то понимание трагического, которое лежит в основе «Тита Андроника».

Сопоставив это с тем, как начинал Шекспир в области комедии, мы убедимся в том, что «Тит Андроник» так же представляет собой примитивное понимание трагического, как «Комедия ошибок» дает элементарное выражение комического, заключающегося в случайных и внешних совпадениях. Оба произведения находятся на одном и том же эстетическом уровне, что косвенно подтверждает авторство Шекспира в отношении «Тита Андроника», как и не случайна связь обеих пьес с традициями «римской» драмы.

Обращение молодого Шекспира к античному сюжету было вполне в духе эпохи Возрождения, когда гуманисты культивировали изучение истории и литературы древнего мира. Не забудем, что изучение латыни и памятников римской литературы составляло главное содержание обучения в грамматической школе, которую окончил Шекспир, возможно, после этого и сам преподававший некоторое время. Интерес Шекспира к античности сказался не только в «Тите Андронике». Напомним, что его «Комедия ошибок» представляет собой переработку «Менехмов» Плавта. Наконец, об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки на античную мифологию и историю в таких ранних произведениях, как «Укрощение строптивой», «Бесплодные усилия любви», в «Генрихе VI» и т. д.

Мы не знаем, правда, источника, послужившего основой сюжета «кровавой трагедии» Шекспира. Возможно, что он опирался на не дошедший до нас полупоэтический рассказ. Не менее вероятно, что источником ему послужила чья-либо пьеса на тот же сюжет. В записях театрального антрепренера той эпохи Филиппа Хенсло встречаются упоминания пьес со сходным названием, но никаких оснований для суждения по этому вопросу они не дают.

Для нашего восприятия «Комедия ошибок» более приемлема эстетически, чем «Тит Андроник», в силу того что эмоции, вызываемые комическим даже в его самой примитивной форме, связаны все же

с удовольствием, тогда как трагическое в его элементарном проявлении вызывает лишь отвращение. Но не такова была реакция современников Шекспира. Документальные данные свидетельствуют о популярности пьесы. Шекспир написал и поставил ее около 1594 года, но она имела долгую сценическую жизнь. Даже появление «Гамлета» и «Короля Лира» не могло вытеснить «Тита Андроника», и Бен Джонсон в 1614 году с иронией отмечал в прологе к своей комедии «Варфоломеевская ярмарка», что «Испанская трагедия» и «Тит Андроник» продолжают находить поклонников. По мнению Бена Джонсона, «тот, кто клянется, что «Иеронимо» (другое название «Испанской трагедии»).— *Ред.*) и «Тит Андроник» являются лучшими пьесами, показывает, что его вкус не сдвинулся с места за прошедшие 25—30 лет».

Кровавая драма была вскоре превзойдена трагедией более высокого художественного уровня. Но и на своем новом этапе искусство трагедии сохранило некоторые элементы более ранней формы жанра. В «Гамлете», «Макбете» и «Короле Лире» зритель видит достаточное количество ужасов и злодейств. Однако внешние трагические отступает там на второй план по сравнению с истинно трагическим.

Хотя «Тит Андроник» в художественном отношении бесконечно ниже великих трагедий Шекспира, но и в этой пьесе есть черты примечательные. Это прежде всего энергия, с какой ведется действие, и несомненная театральность. Автор уже тогда обладал чувством драматизма. Каждая сцена пьесы представляет собой стычку, столкновение, конфликт. Сюжет развивается стремительно и целеустремленно.

Хотя здесь нет еще характеров и персонажи представляют собой типы, лишённые индивидуальности, контуры фигур обладают драматургической определенностью. Добродетельный воин, гражданин и отец Тит Андроник, страдальца Лавиния, злодей Арон, коварная Тамора, безумный эгоист Сатурнин и другие наполняют сцену кипением страстей, изливающихся в речах, полных условной театральной патетики, среди которой изредка сверкают искорки истинных чувств и подлинной поэзии. Некоторые из этих персонажей — первые, весьма несовершенные типы характеров, которые получают впоследствии глубокое раскрытие у Шекспира. Наибольший интерес в этом отношении представляют два образа. В Таморе есть черты, предвещающие и леди Макбет и Клеопатру, а мавр Арон — первый эскиз Яго, Эдмунда и других подобных гениев зла в пьесах зрелого Шекспира.

Самые несовершенства «Тита Андроника» интересны для нас как показатели того, с чего Шекспир начинал в сфере трагедии, они помогают лучше понять и оценить стремительное развитие его гения, уже вскоре давшего в «Ромео и Джульетте» новое и более глубокое понимание трагического.

А. Анжист

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ТИТА АНДРОНИКА»

Стр. 8. ...чьёю особой волей мы облечены...— Марк — народный трибун.

...по прозванью Пий...— Пий (лат. Pius) значит «благочестивый».

Стр. 9. Хранитель Капитолия великий — верховный бог римлян Юпитер.

Стр. 10. Стикс — река в подземном царстве, на берегах которой, согласно верованиям древних, души блуждали, пока их тела не предавали погребению.

Стр. 11. ...возможность беспощадно отомстить в его шатре фракийскому тирану...—Троянская царица Гекуба вырвала глаза фракийскому царю Полиместору, убившему одного из ее сыновей.

Стр. 13. Солон — афинский мудрец и законодатель VII—VI веков до н. э., по преданию, полагал, что истинно счастливыми можно считать лишь умерших, потому что они более неподвластны превратностям судьбы.

...и повые навлечь на вас заботы? — Заботу о необходимости избрать нового правителя.

Стр. 18. Фебя — одно из наименований Дианы, богини луны.

Стр. 20. И ты меня ударил, Марк, по шлему! — то есть нанес оскорбление.

Стр. 21. Ведь греки предали земле Аякса...— Греки под Троей по совету Одиссея, сына Лаэрта, предали погребению Аякса, который в припадке ярости хотел перебить их и затем в отчаянии покончил с собой.

Стр. 25. День любви — юридический термин, означавший день, назначенный для мировых соглашений.

Стр. 27. Дубин, дубин! — обычный крик английских горожан, призывавших стражу, чтобы разнять уличную свалку.

...твой бок украсила мечом для танцев...— Для танцев кавалеры времен Шекспира привешивали к поясу бутафорские мечи, которыми пельза было сражаться.

Стр. 29. Вулкана украшение — рога, так как жена Вулкана Венера изменила ему с Марсом.

Стр. 30. Храм Славы — или, что почти то же, Молвы — в представлении древних весь состоял из глаз, ушей и языков.

Стр. 33. Скиталец-принц — Эней, история любви которого к карфагенской царице Дидоне, составляющая один из эпизодов его страстей после разрушения греками Трои, рассказана в «Энеиде» Вергилия.

Сатурн. — По астрологическим верованиям, лица, родившиеся под планетой Сатурном, отличались холодностью чувств.

Об истории Филомелы см. предисловие к пьесе.

Стр. 34. Актеон — юный охотник, подсмотревший, как Диана купалась со своими нимфами. Разгневанная богиня обратила Актеона в оленя, после чего он был разорван собственными псам.

Твой черный киммернец...— О киммерийцах в «Одиссее» сообщается, что они обитали на крайнем Западе, в области, куда никогда не проникали лучи света. В историческое время киммерийцами назывался народ, живший на Таврическом полуострове. Однако ни тем, ни другим черный цвет кожи не приписывался. Слово «черный» здесь применено в переносном смысле — лишенный света, мрачный душой.

Стр. 35. ...к столу грозящего бедою тиса...— Тис считался злоеущим деревом, весьма пригодным для всякого колдовства.

Стр. 36. Семирамида — полумифическая царица Ниневии, по преданию, отличавшаяся чрезвычайной жестокостью.

Стр. 40. Так свет луны Пирама озарял, когда лежал он, весь в крови девичьей. — В «Метаморфозах» Овидия рассказывается история любви Пирама и Фисбы. Придя на свидание, Фисба встретила льва и бежала от него, оставив свое покрывало, которое лев, перед тем кого-то растерзавший, разорвал и испачкал своей окровавленной мордой. Явившись немного позже на свидание, Пирам увидел покрывало и, решив, что его возлюбленная погибла, закололся мечом. Вернувшаяся Фисба, увидев труп Пирама, тоже покончила с собой.

Ксизит — река в загробном мире.

Стр. 44. Титан — одно из наименований бога солнца Феба.

Стр. 45. ...у ног фракийского поэта Цербер. — Пес Цербер, сторожащий вход в загробный мир (ад), заснул, убаюканный сладостным пением Орфея, отправившегося в ад за своей женой Эвридикой.

Стр. 57. Энея ль принуждать, чтоб гибель Трои и скорбь свою поведал дважды он? — Свой рассказ Дидоне о пережитых им бедствиях Эней в «Энеиде» Вергилия начинает следующими словами: «Царица, ты приказываешь мне вновь пережить невыразимое страданье».

Стр. 61. Ах! Сыновьям Корнелия читала... стихи и книгу Туллия «Оратор». — Корнелия — мать Гракхов, воспитавшая в них самоотверженный патриотизм и любовь к пароду. Туллий — Марк Туллий Цицерон.

Стр. 63. Magni Dominator... — два слегка измененных стиха из трагедии Сенеки «Ипполит».

Стр. 64. И ты, мой мальчик, в ком надежду видит наш римский Гектор! — Как надеждой троянского Гектора был его малолетний сын Астианакс, так надеждой «римского Гектора» — Люция является его юный сын Люций.

...как Юний Брут с отцом и мужем жертвы насилия — Лукреции невинной... — Юний Брут поклялся вместе с отцом и мужем обесчещенной Лукреции отомстить за нее. Согласно преданию, результатом этого было свержение в 509 году до н. э. царской власти в Риме и установление республики.

Северные ветры песок развеют, как листы Сивиллы... — Легендарные «книги Сивиллы», будто бы содержавшие пророчества о грядущих судьбах Рима, хранились в Капитолии под надзором жрецов. Позже они исчезли при неизвестных обстоятельствах.

Стр. 65. Марк, будь ему, безумному, опорой! — Не поняв горького сарказма предыдущих слов Тита, Марк решает, что он от горя лишился рассудка.

Стр. 66. Латинская цитата из «Од» Горация (книга I, ода XXII).

Стр. 67. Не счастье ль было — у ворот дворца трибуну вызов бросить перед Титом? — Намек на события, изображенные в акте III, сцене 1.

Стр. 70. ...пи Экелад с исчадьями грозящими Тифона, и славный сам Алкид... — Экелад и Тифон — гиганты, побежденные Зевсом (Юпитером). Алкид — Гераклес.

Он отвергает все цвета другие. — Арон хочет сказать, что черный цвет нельзя закрасить никаким другим.

Стр. 73. Латинская цитата из «Метаморфоз» Овидия, где рассказывается, что Астрей, богиня справедливости, покинула землю после наступления «железного века», сменившего «золотой», и с тех пор сияет на небе в виде созвездия Девы.

...и прорубиться в самый центр ее... — В поисках Астрей, которой больше уже нет на земле.

Стр. 74. Ad loven... — Адресатами стрел являются столько же бесные светила, сколько и самые боги, имена которых носят эти светила.

Стр. 75. ...и Бык, задетый, Овна так боднул, что во дворец рога барана сбросил. — Марк делает вид, что принимает упавшие на землю стрелы за отбитые им куски созвездий.

Стр. 76. ...трибуну (трибуну) ...имперьяльских (императорских)... — Здесь и дальше, подобно другим шутовским персонажам Шекспира, парень иногда коверкает слова.

Стр. 90. Гиперион — одно из наименований Гелиоса (Солнца).

Стр. 95. ...пир более жестокий и кровавый хочу устроить я, чем пир кентавров.— На свадебном пиру царя лапифов Пирифона приглашенные в качестве гостей кентавры, напившись, хотели похитить невесту, но были перебиты.

Стр. 96. ...дочь умертвив своей рукой за то, что чести и невинности лишилась? — Шекспир допускает неточность: согласно преданию, древний римлянин Виргиний убил свою дочь для того, чтобы предупредить грозившее ей бесчестье.

Стр. 98. Как встарь наш предок...— Эней считался родоначальником римлян.

Синон — хитрый грек, который соорудил деревянного коня, погубившего Трои. Синон уговорил троянского царя Приама ввезти в город этого коня, из которого потом вышли спрятанные в нем греческие воины.

«КОМЕДИЯ ОШИБОК»

Пьеса эта — одно из самых ранних произведений Шекспира — при жизни его никогда не издавалась и была напечатана лишь в посмертном фолио 1623 года. Известно, что на сцене она шла уже до 1594 года. Но установить еще точнее время ее возникновения помогает один намек, содержащийся в ее тексте.

В акте III, сцене 2 Дромий Сиракузский, уподобляя отдельные части тела дородной кухарки разным странам, на вопрос своего хозяина: «А где находится у нее Франция?» — отвечает: «На лбу, вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос (against her hair)». В этих словах содержится каламбур, основанный на созвучии слов hair — «волосы» и heir — «наследник». Именно, помимо прямого смысла — что кухарка лысеет, — здесь можно обнаружить еще и скрытый — что Франция воюет со своим наследником. А это намек на гражданскую войну, начавшуюся в августе 1589 года, после смерти Генриха III Валуа, между новым королем, протестантом Генрихом IV, основателем династии Бурбонов, и Католической лигой. Война эта закончилась в 1593 году, когда Генрих IV, перешедший в католичество, окончательно утвердился на французском престоле. Отсюда можно заключить, что пьеса написана до 1593 года, вернее всего — в 1591 году, когда королева Елизавета послала на помощь Генриху IV отряд войск под начальством Эссекса: именно в этом году Франция могла бы начать войну на французские дела должен был быть особенно злободневным.

Существует, правда, и другое толкование, основанное на том, что слово France может означать не только «Франция», но и «французский король», и на том, что в момент смерти Генриха III других «королей» во Франции, кроме Генриха IV, не было. А между тем Генрих III, хотя и назначил этого последнего своим наследником, находился с ним во враждебных отношениях, доходивших до военных столкновений. В таком случае пришлось бы признать, что пьеса возникла не после, а до августа 1589 года.

Такое толкование, однако, совершенно не обязательно, да и вообще очень маловероятно, чтобы Шекспир уже до 1589 года, то есть через каких-нибудь два года после приезда в Лондон, писал и ставил на сцене свои пьесы. Но практически это разногласие не представляет никакого значения, ибо и в том и в другом случае пьеса является первой комедией, написанной Шекспиром. За это говорят и многие ее стилистические черты, характерные для «первой манеры» Шекспира, как обилие рифмованных стихов, каламбуров, симметрическое расположение

действующих лиц и т. п. На то же указывают влечение к школьной эрудиции, проявившееся в выборе сюжета, и решительное преобладание игровой занимательности над разработкой характеров и какой-либо социально-моральной проблематикой.

«Комедия ошибок» — не что иное, как переделка комедии римского писателя III—II века до н. э. Плавта «Менехмы» (личное имя обоих героев ее), где разворачивается аналогичная история двух близнецов со всеми вытекающими из их сходства недоразумениями. К фабуле этого основного источника Шекспир добавил еще несколько черт, взятых из других комедий Плавта, особенно из «Амфитриона», откуда почерпнута вторая, дополнительная пара двойников — слуг. Этот выбор материала и манера его обработки проливают свет на истинный характер шекспировской пьесы.

Интерес к античной комедии возник в Англии — как и в других странах Европы — в конце XV века. Сперва подлинные пьесы Плавта — на латинском языке или в переводе на английский, — а затем вольные подражания им появляются на английской сцене начиная с 1520 года. Но всякий раз эти постановки происходят либо в университетских колледжах — в порядке практики студентов в латинском языке или для более глубокого ознакомления с античной литературой, — либо в придворном театре, либо, наконец, на закрытых сценах в домах каких-нибудь вельмож. Так, например, «Менехмы» Плавта исполнялись в 1527 году в присутствии кардинала Вулси, первого министра Генриха VIII, а «Комедия ошибок», поставленная в 1594 году на закрытом спектакле в зале собраний лондонских юристов, была затем возобновлена в 1604 году в дворцовом театре Якова I, тогда как пет никаких следов того, чтобы она шла когда-либо на сценах публичных театров. За пределы узкого круга интеллигенции — преимущественно аристократической — интерес к этой классицизирующей драматургии ни в дошекспировскую, ни в шекспировскую эпоху никогда не выходил.

«Комедия ошибок» — определенно «классическая» пьеса, притом единственная из всех пьес Шекспира, принадлежащая к данному типу. На то, что пьеса предназначалась для закрытой сцены, указывает и необычайная краткость ее (всего лишь 1777 строк). Характерно также подсказанное античностью соблюдение в ней не только единства времени (одни сутки), но и — в слегка расширенном смысле — единства места (в одном городе).

Все это находится в полном согласии с тем, что в первые годы по прибытии в Лондон, стремясь в своих хрониках, ставившихся на сцене публичного театра, к общению с самым широким, народным зрителем, Шекспир в то же время жадно пытался овладеть знаниями, художественным мастерством, всей культурой Возрождения, а это лучше всего он мог приобрести в среде образованных молодых юристов или в кружках просвещенных аристократов, как Саутгемптон и его друг Эссекс, Уолтер Роли, Филипп Сидни и другие. Некоторые из этих вельмож держались весьма передовых взглядов и были склонны к вольномыслию, питательной средой для которого была античная, а также итальянская ренессансная культура. В этой атмосфере, очень далекой от каких-либо феодальных и реакционных традиций, и возникла «Комедия ошибок»; знакомство с этой средой чувствуется также в сонетах и обеих поэмах Шекспира, в «Бесплодных усилиях любви», в «Сне в летнюю ночь» и в некоторых фразах интродукции к «Укрощению строптивой». Во всех этих произведениях Шекспир не отходит от народного и национального начала, а приближается к нему, но сложным путем, развивающим и обогащающим его искусство. Он берет из этой культуры не эстетизи-

рованные и окаменелые, а наиболее живые и передовые черты, отлично соединяющиеся с его народным и гуманистическим мироощущением.

Своеобразие освоения Шекспиром античности хорошо раскрывается при сопоставлении его комедии с возникшей лет за сорок до того на основе другой плавтовской комедии пьесы Николаса Юделла «Ралф Ройстер-Дойстер»¹. Тогда как Юделл делает плавтовскую пьесу лишь своей исходной точкой, развивая сюжет по-своему и всюду вводя английские типы, нравы и понятия, Шекспир сохраняет почти весь сценарий, основной дух и тон античной комедии. Но при этом — как он умеет это делать, обрабатывая готовые сюжеты, — немногими добавочными, взятыми из современности чертами и оттенками он придает заимствованному материалу совсем иное звучание и новую выразительность. В результате получается как бы своеобразное слияние двух культур.

Отклонения от римского образца и добавления к нему идут по трем основным линиям. С одной стороны, Шекспир разными средствами еще усиливает фарсовый комизм. Прежде всего он еще более усложняет головоломные недоразумения плавтовской комедии, введя вторую пару близнецов (двоих Дромио), а также гротескную фигуру заклинателя Пивча, прообразом которого, возможно, послужил известный лондонский шарлатан того времени Джон Дн. Комизм усилен также внесением черт современности и шуток на злободневные сюжеты, например политические намеки при обсуждении прелестей кухарки (III, 2), фейерверк английских каламбуров в устах слуг и т. п.

Более близкой шекспировскому зрителю — а тем самым и более забавной — делало пьесу включение черт английского быта. Так, например, в древнем Эфесе действуют пристава; дома, как и в шекспировском Лондоне, носят собственные имена («Дикобраз», «Кентавр» и т. д.); мать Антифолов оказывается «аббатисой»; бойкот Эфесом сиракузских купцов должен был напоминать тогдашние отношения между Англией и Испанией. Но все эти черточки рассыпаны в пьесе очень умело и бережно, и они не стирают ее древнеримского колорита. Тот же самый метод мы обнаружим позже и в «римских» трагедиях Шекспира. Отличие от Юделла, с одной стороны, и от археологизирующего Бена Джонсона («Сеян»), с другой, — очевидно.

Добавим, что живописность и гротескная занимательность повышаются в пьесе использованием добавочных красок из итальянской комедии дель арте. Это особенно относится к ролям обоих Дромио, весьма напоминающих разбитного и дурашливого Дзанни итальянской комедии. Любопытно, что наряду с античными формами имен некоторые персонажи носят итальянские имена — Анджело, Бальтазар, Адриана, Люциана. Один раз даже встречается выражение «синьор Антифол». Хотя не всегда итальянский колорит выступает осязательно, легкий оттенок его не раз чувствуется в пьесе.

Существеннее, чем все это, смягчение и облагораживание многих образов и мотивов комедии. С этим связана и известная индивидуализация их, совершенно отсутствующая у Плавта. Приезжий Антифол, воспитанный у отца, мягче, тоньше, чем его брат. На его характере лежит отпечаток какой-то меланхолии, мечтательности. Но и Антифол Эфесский при всей своей грубости не лишен честности и прямоты. Это не бесчувственный солдат Плавта, ворующий плащ у своей жены. Напротив, он хочет сам подарить ей золотую цепь, и, только когда дверь собственного дома оказывается перед ним запертой, он отправляется обедать к «веселой девчонке», отношения с которой у него не до конца ясны (у Плавта это обыкновенная гетера), ибо, по его уверению,

См. о ней подробнее во вступительной статье к т. I, стр. 17—18.

жена ревнует его к этой особе «без достаточной причины» (III, 1). Вообще эпизод с куртизанкой сильно отодвинут Шекспиром на задний план.

Есть также различие и между обоими слугами. Дромио Эфесский, под стать своему хозяину, грубее своего брата; он приучен к побоям и обладает лишь пассивным комизмом, будучи лишен самобытного, творческого остроумия. Еще более отчетлива разница в обрисовке ревнивой жены. У Плавта комедия кончается тем, что раб местного Менехма ввиду отъезда своего хозяина в Сиракузы объявляет к продаже его дом, все имущество и заодно его сварливую жену. Последнее добавление он делает, конечно, в шутку, но все же в пьесе хозяйка его обрисована истинной фурией. Между тем у Шекспира ревность Адрианы основана на подлинной любви к мужу и изображена в более мягких тонах. То, как она расписывает перед аббатисой свое обращение с мужем (V, 1), объясняется ее желанием заслужить одобрение этой почтенной особы. На самом деле у Адрианы есть глубокочеловечные черты. Она оплакивает свою полуувядшую красоту и недостаток ума и в светлые минуты искренне сожалеет о своем характере.

Но наиболее важным новшеством, крайне характерным для Шекспира, является внесение в этот, казалось бы, пассивный фарсовый сюжет идеальных чувств и лирических тонов. Это относится, во-первых, к драматизации роли отца, который у Шекспира отправляется на поиски утраченного нежно любимого сына и при этом чуть не платится жизнью, попав во враждебный его родине город. Великолепен по своим краскам и глубине чувства монолог Эгеона (I, 1), вызывающий сострадание у всех присутствующих. И еще раз нотки той же семейной и человеческой нежности звучат в сцене счастливой развязки (V, 1).

Второй момент лирического характера — это эпизод, когда приезжий Антифол влюбляется в сестру ревнивой Адрианы — Люциану (образ, кстати сказать, целиком созданный Шекспиром, как и образ матери Антифолов), и его пламенное признание ей в своем чувстве. Получается трогательная и вместе с тем острокомическая ситуация. Люциана, принимая присяжого Антифол за мужа сестры, приходит в ужас от его чувства и всячески убеждает его быть верным Адриане. А в то же время какой-то инстинкт влечет ее к нему, и она не в силах его отвергнуть. Здесь, в этой первой комедии Шекспира, мы уже встречаем мотив, который станет потом одним из самых типичных для него и найдет свое наиболее полное и законченное выражение в двух последних его «романтических» комедиях: чем смешнее, тем трогательнее, — и чем трогательнее, тем забавнее.

А вместе с тем внесение в фарсовую основу элемента лиризма и высоких чувств намечает путь развития общей концепции комедии у Шекспира, стремящегося к синтезу этих двух начал. То, что включение лирического элемента произведено не случайно, не просто ради разнообразия, доказывается тем, в каких местах он помещен в пьесе: в самом начале, в середине, где происходит кульминация интриги, и в финале — как раз там, где Шекспир обычно расставлял «сигналы», долженствующие помочь зрителю верно понять общий характер, «тональность» пьесы. Из этих трех точек «романтическое» начало бросает свой светлый отблеск на всю пьесу, соответственным образом настраивая зрителя.

Все это сделано настолько свежо и оригинально, до такой степени по-шекспировски, что совершенно отпадает предположение некоторых исследователей, будто Шекспир мог почерпнуть кое-какие из своих новшеств и дополнений к Плавту в промежуточном звене между римской пьесой и его комедией. А именно: до нас дошло сведение, что в

1576 году в Лондоне шла пьеса под названием «История ошибок»; но мы не знаем ни ее содержания, ни имени автора, и, если эта пьеса действительно разрабатывала сюжет «Менехмов», она была, вероятно, механическим переложением комедии Плавта, не оставившим в английской драматургии никакого следа.

«Комедия ошибок» писалась, видимо, очень торопливо, на что в ее тексте указывают несколько мелких несогласованностей. Возраст близнецов в I, 1 и V, 1 дан по-разному; рассказ их матери в V, 1 не вполне согласован с рассказом отца в I, 1; кухарка в III, 1 называется Люс, а в III, 2 — Нелль; Анджело в III, 2 забыл то, что он говорил в III, 1. Но эти мелкие царапинки, попадающиеся иногда и в других пьесах Шекспира и почти не встречающиеся у прочих драматургов, его современников, — служат тоже своеобразной «меткой» его стремительного, но глубокого творчества, в котором фактическая точность всегда отступала на второй план перед остротой и верностью мысли.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КОМЕДИИ ОШИБОК»

Стр. 103. Действующие лица.

Имена персонажей комедии представляют смешение латинских (Антифол, Дромियो, Эгеон и так далее), итальянских (Анджело, Бальтазар) и даже английских форм (Люс). Имя Пинч — смысловое: pinch значит «ущемление, стесненное положение» (памяк на малозначительность и бедность этого персонажа).

Стр. 106. Эпидамн — город на северном побережье Адриатического моря, ныне Дуррес.

Стр. 107. Эпидавр — город на восточном побережье Греции.

Стр. 110. «Кентавр» — название гостиницы.

Стр. 111. Шесть пенсов те... — Шекспир здесь больше, чем в какой-либо другой из своих пьес, переносит в древнюю и далекую обстановку современные английские понятия и черты быта.

Стр. 112. Мне приказали привести вас... в наш дом, дом «Феникса»... — Во времена Шекспира не только гостиницы, но и частные дома носили особые названия (обычно по лепным украшениям на их фасаде).

Да только то пинки, не марки... — В подлиннике игра двойным значением слова marks — «марки» (монеты) и «отметки» (зарубки, шрамы).

Стр. 120. Задаток крупный. — В подлиннике игра двойным значением слова earnest — «серьезный» и «задаток».

Вы принимаете мою башку за какую-то крепость и собираетесь штурмовать ее? — В подлиннике игра двойным значением слова «sconce» — «череп» и «крепостные укрепления».

Стр. 121. Ее надо побить и полить. — В подлиннике basting с двойным значением: «бить» и «поливать» (жарящееся мясо).

Стр. 123. Вот ты и кончил лысым заключеньем. — В подлиннике игра созвучием слов: bald — «лысый» и bold — «смелый», «дерзкий».

Стр. 130. ...ты б сменил лицо и имя, чтобы стать ослом... — намек на упомянутое выше «превращение» Дромियो.

Стр. 133. Лом? Долбить? Без перьев галку, значит, вам добыть? — В подлиннике игра двойным значением слова crow — «ворона», «галка» и «лом».

Стр. 136. Я ослеплен, и сам не знаю как.— В подлиннике игра созвучием: *not mad, but mated* — «не безумен, а ослеплен», с добавочной игрой двойным значением слова *mated* — «приведен в смятение» и «женат» (здесь — «обручен»).

Стр. 138. ...и в нее, как в бочку, можно наливать эль: три четверти не заполняют ее от бедра до бедра.— В подлиннике игра созвучием слов: *Nell* — женское имя (уменьшительное от Елена) и *ell* — «локоть» (мера длины). Дромио говорит: «Ее имени и трех четвертей (то есть локтя и трех четвертей) не хватит, чтобы измерить ее от бедра до бедра».

Стр. 139. А Шотландия? — Где голо и шероховато: на ладонях.— Намек на неплодородную почву и гористость Шотландии.

А Франция? — На лбу, вооружившемся и поднявшемся войною против собственных волос.— Разъяснение каламбура, который содержится в этих словах, см. в общей статье к пьесе.

...о бе Индии — Вест-Индия и Ост-Индия.

Стр. 145. ...закону должен я повиноваться.— За исполнение законных требований частных лиц во времена Шекспира полицейские получали лично от них определенную плату.

Стр. 148. ...так птички крик отводит от гнезда...— Адриана хочет сказать, что она бранит мужа для того, чтобы другим женщинам он казался дурным; как птичка, отлетая в сторону и крича, старается этим отвлечь человека или собаку от своего гнезда.

Стр. 150. Оно банкрот: не может долга мгновению отдать.— Смысл этой фразы таков: время (в абстрактном смысле — совокупность условий жизни, «наш век») иногда бывает не в состоянии удовлетворить всем требованиям, предъявляемым отдельным моментом (положением, стечением обстоятельств); поэтому время, взятое в целом, беднее своей частицы — мгновения.

Иль город здесь лапландских колдунов? — Лапландия славилась своими колдунами.

А где же образ древнего Адама, вырядившегося по-новому? — Дромио называет пристава «древним Адамом», потому что, подобно Адаму (согласно библейской легенде, одевшемуся после грехопадения в звериные шкуры), пристав тоже одет в кожу (буйволую куртку), только скроенную по-новому.

Стр. 151. ...дать локотку постель в местах заключения.— В подлиннике игра созвучием слов: *rest* — «отдых» и *arrest* — «арест».

...и вот в мешке ангелочки...— В Англии XVI в. существовали монеты, называвшиеся ангелами.

Стр. 152. ...в образе легких и светлых ангелов...— В подлиннике: *angels of light* с игрой двойным значением слова *light* — «легкий» и «свет».

...кто ест с дьяволом, у того должна быть длинная ложка — старая пословица.

Стр. 153. «Не чваньтесь, дама», — говорил павлин.— Павлин, распуская хвост, как бы говорит женщинам: «Не чваньтесь своими нарядами».

Стр. 155. Мой добрый друг доктор Пинч...— «Доктор» здесь — в общем значении «ученый муж».

Стр. 169. ...слуга ж стрижет макушку, как безумцу...— Сумасшедшим подбрасывали волосы на темени и по каплям лили на бритое место холодную воду.

Стр. 172. Не опои́ла ли уж вас Цирце́я? — В «Одиссее» рассказывается, что колдунья Цирцея напоила спутников Одиссея волшебным напитком, под действием которого они превратились в свиней и утратили способность разумно мыслить.

Стр. 173. Лишь час наза́д я точно́ был привязан... — Дромио играет созвучием слов: bondman — «раб» и bound man — «связанный человек».

«УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ»

Комедия эта при жизни Шекспира ни разу не издавалась и впервые была напечатана лишь в посмертном F 1623 года. В списке шекспировских пьес, опубликованном в 1598 году Мересом, она не фигурирует, из чего, однако, нельзя делать вывод, что она была написана позже, так как перечень Мереса мог быть и неполным, а кроме того, в его списке значится загадочная пьеса «Вознагражденные усилия любви», что могло быть вторым заглавием шекспировской комедии — вроде того как это имело место с пьесой «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Наконец, не исключена возможность, что Мерес просто смешал пьесу Шекспира с одноименной пьесой другого, анонимного автора на тот же сюжет. Вообще анонимная пьеса должна быть в первую очередь учтена при решении вопроса и о датировке шекспировской комедии и о ее возникновении.

Эта вторая пьеса была издана в 1594 году, а затем дважды переиздана — в 1596 и 1607 годах. Однако по некоторым признакам она была написана за несколько лет до ее первого издания. Называлась она: «Забавно придуманная история, именуемая — Укрощение одной строптивиды». Отличие от заглавия шекспировской пьесы сводится к двум последним словам: у анонима — «одной строптивиды» (a shrew), у Шекспира же просто «строптивой» (the shrew) — оттенок совсем незначительный и не поддающийся точному переводу на русский язык.

Все в анонимной пьесе — фабула с ее тремя темами (интродукция с пьяницей Слаем, укрощение Катаринины, история замужества Бьянки), почти все персонажи с их характерами, даже в основном «мораль» пьесы — соответствует шекспировской комедии. Мелкие расхождения сводятся лишь к следующему. У анонима действие происходит не в Падуе, а в Афинах; все имена персонажей другие: главный герой зовется Феррандо, героиня всегда сокращенно Кет, и т. п.; у Кет не одна, а две сестры — Эмилия и Филена, к каждой из которых сватается какой-нибудь один юноша, тогда как у Шекспира выведена одна сестра, имеющая зато нескольких поклонников; тайного брака у анонима нет, и вся развязка скомкана; расширена роль пьяницы в интродукции, который у Шекспира исчезает вскоре после начала настоящей пьесы, тогда как у анонима он остается до конца на сцене, прерывая действие своими смешными возгласами, и т. д.

Чередование эпизодов и развитие действия в обеих пьесах одинаковы, и в некоторых местах (особенно в сцене с портным, IV, 3) одна из них прямо копирует другую. Тем не менее самый текст всюду различен, и на всю пьесу приходится лишь шесть строк, в точности совпадающих. И это различие текстов таково, что комедию Шекспира мы должны признать шедевром комедийного искусства, тогда как анонимная пьеса — ремесленное изделие. Касается это не только тонкой разработки характеров в шекспировской пьесе, главным образом Петруччо и Катаринины, мотивировки поведения персонажей, великолепного языка, смягчения тона, придающего даже самым грубым фарсовым мотивам

оттенок живого юмора и веселого удалства,— но и того, как подана «мораль» пьесы и каково ее истинное содержание.

Внешнее сходство обеих пьес столь велико, что при отсутствии общего сюжетного источника, самостоятельными переработками которого они могли бы явиться, приходится допустить, что одна из них послужила моделью для другой. Но какая же комедия более ранняя?

С давних пор господствующим среди шекспироведов было мнение, что Шекспир получил предложение от своей труппы, ввиду появления анонимной пьесы, возникшей не позже 1592 года и шедшей с успехом на одной из лондонских сцен, создать нечто вроде нового варианта того же сюжета, который труппа Бербеда могла бы противопоставить этой пьесе. Эту переработку Шекспир выполнил с блеском — создав, судя по метрическим и стилистическим признакам, около 1594 года, по существу, глубоко оригинальное произведение, полное юного вдохновения и поэтической прелести.

Однако уже лет сто тому назад возникла и другая гипотеза, пашедшая в новейшее время убежденных очень авторитетных защитников (Крейденых, Смарта, П. Александр). По их мнению, первой возникла шекспировская пьеса, а анонимная является очень неуклюжим плагиатом некоего писателя, который, чтобы замаскировать свой литературный грабеж и создать впечатление новизны пьесы, переписал весь текст заголово. Если принять эту теорию, пришлось бы отодвинуть дату шекспировской комедии на два или три года назад.

Хотя в пользу второй точки зрения было приведено немало остроумных доводов, все же старая теория нам, как и большинству критиков, кажется более убедительной. Решающим здесь является следующее соображение. Для Шекспира крайне характерен такой способ переработки чужих пьес, когда он, заимствуя фабулу и образы, создает целиком новый текст, где использует лишь две-три фразы или выражения старой пьесы, но при этом все содержание ее необычайно углубляет, украшает и наполняет нередко совершенно новым смыслом. Примеры этому из раннего периода его творчества — «Комедия ошибок» и некоторые хроники («Король Иоанн», фальстафовская часть «Генриха IV»), позже — «Мера за меру», «Лир», вероятно, «Гамлет». Наоборот, для многочисленных других тогдашних «переработчиков» чужих пьес типично беззащитное использование старого текста; бывали даже случаи, когда они ограничивались добавлением одной или двух сцен и переделкой нескольких реплик. Нечего и говорить, что до внутреннего обогащения пьесы дело почти никогда не доходило.

Надо еще заметить, что все три темы комедии Шекспира помимо анонимной пьесы были широко распространены в ту эпоху в самых разнообразных формах и версиях. Так, например, тема интродукции («халиф на час») встречается в английских народных балладах, в дидактических трактатах, в английском переводе сказок «Тысячи и одной ночи»; история укрощения строптивой — во множестве назидательных повестушек, песен, анекдотов; история Бьянки с переодеванием ее поклонников учителями была известна хотя бы по знаменитой комедии Аристо «Подмененные», переведенной на английский язык еще в 1566 году Гаскойнем. Из всех этих произведений Шекспир заимствовал некоторые выразительные добавочные черты; но основным источником ему все же послужила анонимная пьеса.

Этому происхождению «Укрощение строптивой» обязано многими своими жанровыми и стилистическими особенностями, внушенными или хотя бы подсказанными Шекспиру анонимной пьесой, заинтересовавшей неутомимого искателя драматических форм и возможностей, каким был Шекспир. Действительно, многое ставит эту комедию Шекспира особ-

няком в его творчестве. Дело тут не в таких деталях, как большое количество вставных латинских и итальянских слов или примесь стихов неправильного, шутовского размера (так называемых «догрелей»). Эти черты, указывающие на близость молодому Шекспиру забавных школьных воспоминаний, встречаются и в других ранних пьесах его, как, например, «Тит Андроник», «Бесплодные усилия любви» и т. п. Но ни в одной из остальных его пьес мы не находим такого сильного влияния итальянской комедии дель арте и такого безраздельного господства фарсового тона. Эти два момента тесно здесь связаны между собой.

Из всех персонажей пьесы лишь два представляют собой яркие, живые, хорошо разработанные характеры: это Катарина и Петруччо, и лишь с очень большими оговорками можно к ним еще присоединить Бьянку. Все же остальные персонажи — условные фигуры, шаблонные гротески, очень близкие к маскам итальянской комедии. Добродушный и глуповатый скупой старик Баптиста очень похож на таких же одурченных отцов итальянской комедии, ловкий слуга Транио — на хитрого Бригеллу, молодой старик Гремю — на дурашливого венецианца Панталоне, и т. п. Этому соответствует и насквозь фарсовый характер действия (всевозможные проделки, потасовки, сплошной хохот), без всякой примеси хотя бы самого легкого лиризма, нежных, идеальных чувств, какая есть, например, в почти одновременной, по существу — тоже фарсовой «Комедии ошибок». Соответственно этому язык персонажей сочен и резок без малейшего намека на характерный для раннего Шекспира эвфуизм. Это случай почти уникальный во всем творчестве Шекспира: только еще «Уиндзорские насмешницы» могут быть причислены к чисто фарсовому жанру.

Это объясняет и ту внутреннюю скрепу, которая соединяет интродукцию с самой пьесой. Тщетно искали «философствующие» критики связь между ними в единстве мысли или морали (никто не должен выходить за грань назначенного ему удела; все существующее — мираж, и т. д.). На самом деле Шекспир охотно воспроизвел интродукцию старой пьесы как подготовляющую и оправдывающую буффонный характер самой комедии. Она разыгрывается страстующими комедиантами с целью развлечь больного — естественно, что ждешь от нее зрелища легкого, грубоватого, чисто увеселительного, без всякой сложности и глубины.

И тем не менее в пьесе содержится в скрытом виде глубокая проблема, воплощенная в образах Катарины и Петруччо, не случайно разработанных по-особому и неизмеримо более содержательных, чем у анонима. Ее трактовка служит камнем преткновения для многих исследователей, а между тем это момент центральный для понимания смысла пьесы и раскрытия ее художественного интереса.

Концепция пьесы не может вызывать сомнений. Избалованная и своевольная Катарина усмирена своим умным и ловким женихом, а затем мужем Петруччо. Плоды его стараний не замедлили сказаться: она превратилась в идеальную по благонравию жену. В финале пьесы, когда происходит своеобразное испытание жен, оказывается, что бывшая смиренница Бьянка успела превратиться в сварливую капризницу, тогда как сама Катарина стала воплощением кротости и приветливости. Пьеса заканчивается ее знаменитым монологом, в котором она утверждает природную слабость женщин и призывает их к покорности мужьям.

Такая мораль как будто плохо согласуется с нашим представлением о свободолюбии Шекспира, создателя образов смелых, инициативных, борющихся за свои человеческие права, за свободу своих чувств женщин (Джульетта, Дездемона, Гермия из «Сна в летнюю ночь», Елена из «Конца делу венец» и многие другие).

Что не только нас, но и некоторых современников Шекспира эта мораль шокировала, видно из того, что драматург Флетчер написал в противовес ей комедию «Укрощенный укротитель» (точная дата неизвестна), где женщина берет реванш. Герой пьесы, который также называется Петруччо, влюбляется (видимо, после смерти Катарины — в пьесе это ясно не сказано) в одну девушку и решает на ней жениться, причем жена обращается с ним так же, как у Шекспира его Петруччо обращается с Катариной. Пьеса кончается словами: «Укрощен укротитель! Но так, что ни один мужчина не имеет права жаловаться, если учтет, что ему не предназначено в этом мире быть тираном женщины. Однако и женщины не найдут здесь основания для торжества и насмешек, ибо мы теперь признали равенство между мужчиной и женщиной, как и должно быть. Мы учим любви ради любви!»

Многие критики пытались «реабилитировать» Шекспира, обелить его пьесу с помощью разных натяжек и самых произвольных толкований, начиная с заявления, что, поскольку Шекспир взял готовый сюжет, ему «пришлось» сохранить и его мораль или что Катарина не есть рупор Шекспира, который сам смотрел на дело иначе, и кончая допущением, что Катарина и Петруччо борются между собой лишь ради забавы и что Катарина свой знаменитый монолог произносит только для того, чтобы посмеяться над Гортензио и его супругой, сама же несколько не верит в то, что говорит. Все эти домыслы идут вразрез с прямым смыслом текста. Они к тому же совершенно антиисторичны.

Шекспир, несмотря на всю свою гениальность и прогрессивность критики современного ему общества, был все же сыном своего века, которому не могла даже в голову прийти мысль о полной юридической и бытовой эмансипации женщины. Буржуазия такого равенства полов не знала. Видимость равенства существовала в некоторых кругах передового дворянства, но там она носила эпигурейский характер и служила тому, чтобы повысить цену эгоистического наслаждения вплоть до утверждения полной свободы адюльтера и утонченного аморализма. Прообразом морали для Шекспира в данной его пьесе — как, впрочем, и во всех других — могла скорее всего послужить народная мораль крестьянской семьи, признающая внутреннее (нравственное и практическое) равенство мужа и жены, но тем не менее в смысле направляющего и руководящего начала отдающая первенство мужу.

Этот живой образец и источник мысли Шекспира отлично согласовался с той стадией гуманистического сознания, которую он выражал в своей борьбе против хищнического, анархического аморализма эпохи первоначального капиталистического накопления. Шекспир, восстававший против всякого тиранического насилия над человеческой личностью и всегда защищавший свободу детей и жен от грубого и тупого деспотизма отцов и мужей, вместе с тем никоим образом не отказывался от признания необходимости твердого строя в семье, обществе и государстве. Без этого строя, по мнению Шекспира, невозможно разумное и гармоничное устройство человеческого общества, которое является такой же задачей гуманистов, как и завоевание свободы человеческой личности. Восхвалению этого строя и идеальной гармонии, должествующей господствовать в обществе и государстве, подобно тому как она господствует в природе, посвящена знаменитая речь Улисса в «Троиле и Крессиде»: «Везде свой строй — и на земле внизу и в небесах, среди планет горящих: законы первородства всюду есть. Есть первенство во всем, есть соразмерность — в обычаях, в движении, в пути...» (I, 3).

Так, считает Шекспир, должно быть и в семье, где мужу принадлежат ведущая роль и решающий голос. Мысль эту можно найти не

только в «Укрощении строптивой», но и в ряде других пьес Шекспира. В «Комедии ошибок» Люциана стыдит свою ревнивую и сварливую сестру, убеждая ее быть кроткой и покорной по отношению к мужу. Такую же робость и кротость проявляет по отношению к Бруту его благородная, героическая подруга Порция («Юлий Цезарь», II, 1, в конце).

Однако все дело в том, каковы формы и назначение такой покорности мужу. Ее цель — не утверждение эксплуатации и порабощения женщины в согласии с феодальными нормами, а внесение в семью того «порядка» и «гармонии», которые Шекспир в соответствии с общественным и культурным состоянием эпохи мог представлять себе лишь в тех формах, какие мы находим в его произведениях.

В «Укрощении строптивой», несмотря на резкость отдельных выражений (значительно меньшую, однако, чем в старой пьесе), речь идет всего лишь о том, кому должно принадлежать решающее слово — мужу или жене. Петруччо надо сломить только «строптивость» Катарини, после чего в их жизни установится гармония.

Чтобы полностью оценить это, следует хотя бы бегло сравнить комедию Шекспира не только с анонимной пьесой, но и с другими более старыми разработками той же темы, бесспорно, известными драматургу. Сравнение это в основном должно коснуться двух моментов — во-первых, характера героини, во-вторых, характера отношений, которые устанавливаются между нею и мужем, и вообще всей атмосферы, окутывающей действие.

В старых, в основном средневековых, версиях строптивца представлена в отталкивающем виде, уродливой в своем гневе и взбалмошных причудах, как зачинщика беспричинных ссор и отравительница покоя. Отголоски такого отношения звучат и в пьесе Шекспира, где окружающие называют Катарину «чертовкой», «ведьмой», «зловредной», «злойшей», «строптивой и грубой свыше всякой меры». Но такова ли она в пьесе Шекспира на самом деле? Проследим все ее поведение вместе с теми обстоятельствами, в которых оказывается героиня.

Катарина появляется в самом начале пьесы (I, 1). Ее отец объявляет женихам, сватающимся к Бьянке, что выдаст ее не раньше, чем устроит Катарину, старшую дочь. Катарина, зная общее к ней отношение, чувствует всю унижительность своего положения и высказывает прямо свою обиду: «К чему, отец, вам превращать меня в посмешище для пары дураков?» Следует перепалка, в которой она лишь отвечает — хотя достаточно резко — на насмешки и оскорбления женихов сестры. Бьянка начинает плакать, что вызывает гневную реплику Катарини: «Глаза у ней всегда на мокром месте». Ее раздражение и здесь понятно. Поведение «кроткой страдалицы» Бьянки, ее духовное убожество, прямо задевает Катарину, выставил ее каким-то чудовищем, виновницей несчастья сестры. Отец уходит с Бьянкой, бросив старшей дочери: «Останься, Катарина», на что та возмущенно восклицает: «А мне нельзя уйти отсюда, что ли? Указывают! Будто я сама не знаю, что мне надо, что не надо» — и уходит, провожаемая ругательствами женихов сестры. Она права — что ей делать здесь, среди враждебно настроенных к ней людей?

До сих пор мы наблюдали в Катарине резкость, даже грубость, но «сварливости» в подлинном смысле слова мы не видели. Она была стовой не нападающей, а защищающейся.

Но следующее ее появление (II, 1) раскрывает в ней как будто нечто худшее. Оставшись наедине со своей «тихой» сестрой, она связала ей руки и бьет ее. За что же? Ответ Бьянки все разъясняет: она воображала, будто Катарина хочет отнять у нее все платья и драгоценности,

и выражает готовность отдать ей все свои наряды «вплоть до юбки» на том основании, что ее «долг святой — повиноваться старшим». Катарина добивается от нее, который из женихов ей больше нравится, — и тогда Бьянка, решив, что один из них, может быть, приглянулся ее сестре, уверяет, что она ни одному из них не отдает предпочтения и готова уступить ей любого.

Такое духовное убожество, безличие, склонность истолковывать все свободолюбивые порывы сестры на свой собственный, низменный лад окончательно выводят из себя Катарину, которая пыталась найти у этой куклы хоть какое-либо проявление чувства, что-нибудь похожее на живую душу. И отсюда — гнев Катарины и жестокость по отношению к сестре. Сцена заканчивается появлением Баптисты, который утешает плачущую тихоню Бьянку и, по обыкновению, сурово укоряет Катарину. Конечно, в этой сцене все сочувствие зрителей — как во времена Шекспира, так и в наши дни — на стороне Катарины, ведущей смелую борьбу за права женщины как личности.

В третий и последний раз до ее «укрошения» мы видим Катарину в непосредственно следующей за этим сцене ее объяснения с Петруччо. Этот решает сразу ее ошеломить — осыпает комплиментами, хвалит ее «любезность, красоту и кротость», которую все «превозносят»... Естественно, что на это издевательство Катарина отвечает резкостями. Происходит забавная перепалка с фейерверком острот, и в заключение Петруччо объявляет Баптисте, что они «поладили» и что «свадьба со стоитя в воскресенье». Катарина в последний раз огрызается: «Увижу раньше, как тебя повесят!» — и замолкает. Здесь мы меньше всего видим «строптивницу». Катарина лишь пытается защититься от грубо ворвавшегося насильника. Что же касается ее колкостей, то в них ей немногим уступят получившие весьма тонкое воспитание и Розалинда из «Бесплодных усилий любви» и Беатриче из «Много шума из ничего». Правда, после одной из дерзостей Петруччо она дает ему пощечину, чего те, вероятно, не сделали бы. Но ведь и Бирон или Бенедикт не стали бы вести себя так, как Петруччо. На то это и фарс, в котором любой из персонажей (кроме лицемерной Бьянки) в грубости поспорят с Катариной.

После этого мы видим сразу же «укрошенную» Катарину. Да и при каких обстоятельствах происходит это укрощение? Не в ответ на своеволие, а просто так, без всякого повода Петруччо унижает жену, морит ее голодом, принуждает делать и говорить нелепости. В итоге в пьесе перед нами — женщина, борющаяся за свое достоинство и после всех испытаний обретающая заслуженное ею счастье.

Общий тон пьесы по сравнению со старыми обработками сюжета в корне иной. Там мрачная, «монастырская» атмосфера, беспощадная жестокость (муж бьет жену или пытается утратить ее, убивая на ее глазах любимого коня, гонимого пса или сокола), приводящая к превращению молодой женщины, морально сложенной, в бессловесную рабу. Здесь смех, веселье (хотя иногда и небезболезненные) проделки — предвестие счастливой, полнокровной жизни в лучах ласкового и горячего итальянского солнца.

Катарина — цветущая, даровитая девушка со смелым и сильным характером, задыхающаяся в кругу пошлых ничтожеств (не исключая отца и сестры), среди которых она обречена жить. Она рождена, чтобы встретить такого же сильного и смелого, такого же живого человека, как она сама. И она встречает его — дерзкого искателя приключений, темпераментного и остроумного, из породы конкистадоров, отчаянных мореплавателей XVI века, любимцев фортуны. Конечно, он элементарен и эгоистически ограничен в своем жадном порыве к жизни, но тип исто-

рически глубоко верен и к тому же трактован в ярко фарсовом плане. Стоило Петруччо и Катарине встретиться, и между ними сразу же пробегает электрическая искра — залог того, что их борьба и ее испытания закончатся не тоской и неволей, а большим человеческим счастьем.

В целом пьеса — и в этом ее глубокое, передовое для той эпохи значение — утверждает идею не «равноправия», а «равноценности» мужчины и женщины. Как и во многих других пьесах Шекспира, Катарина обнаруживает такое же богатство внутренней жизни, как и Петруччо. Это такая же сильная и полноценная натура. Подобно тому как это произошло между Беатриче и Бенедиктом, их толкнули друг к другу свойственные обоим прямота, избыток здоровья и жизнелюбность. Каждый нашел в другом достойного противника — и партнера. Человеку ей враждебному или безразличному Катарина, конечно, не подчинилась бы. Тяжба между ними, имеющая серьезный, проблемный характер, ими самими переживается как увлекательная, радостная игра, потому что между ними уже вспыхнула любовь и потому что они ощущают в себе избыток молодых сил, требующих разрядки.

Замысел Шекспира имеет гораздо более глубокий характер, чем мораль пьесы Флетчера, где защита «престижа» женщины достигается снижением и мужчины и женщины, обрисованных как натуры мелочные, лишённые размаха и полноценности шекспировских героев.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «УКРОЩЕНИЯ СТРОПТИВОЙ»

Стр. 183. Ричард Завоеватель — вместо «Вильгельм Завоеватель». Знатнейшие английские феодалы кичились своим происхождением от баронов, пришедших в Англию вместе с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем, покорившим Англию в 1066 году.

Стр. 187. Играл я, верно, Сото, ваша милость. — *Сын фермера по имени Сото фигурирует в комедии Флетчера «Женщины довольны». Но он не ухаживает там за дворянкой, и, кроме того, пьеса эта написана была позже «Укрощения строптивой» (по-видимому, около 1620 г.). Вместо «Сото» F₁ дает «Синкло» — имя второстепенного актера шекспировской труппы.*

Стр. 189. Бертонская Пустошь (Бертон-Хит) — деревня в Йоркшире, где жили родственники Шекспира, Ламберты.

Мернан Хеккет — личность реальная; она была родом из Глостершира.

Уинкот — деревня близ Стретфорда; здесь жил дед Шекспира с материнской стороны.

Стр. 190. Семирамида — легендарная царица древней Ассирии, славившаяся своей роскошью и изнеженностью.

Цитерей — Венера. А допис — юноша, в которого Венера была влюблена.

Ио — дочь аргосского царя, возлюбленная Зевса (Юпитера).

Дафна — нимфа, которую преследовал своей любовью Аполлон.

Стр. 192. ...ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало... — В подлиннике: «Джон Непс из Греции», с игрой созвучием: Greese — «Греция», grease — «жир», «сало».

Мадама Элс или мадама Джен? — Слай принимает слово «мадам» за фамилию.

Стр. 196. *Mi pardonate...*— Сценический вариант: «Прошу прощенья, добрый мой хозяин».

...Овидием нельзя пренебрегать.— Овидий здесь имеется в виду как автор «Искусства любви».

Торжественно встречают нас, наверно.— Существовал обычай высылать делегацию навстречу знатым лицам, прибывавшим в город.

Входят Баптиста. ...Гортензио.— В перечне вошедших персонажей к имени Гортензио фоллио прибавляет сценическую характеристику: «Панталоне» (маска *commedia dell'arte* — смешной старик, одуряченный в своих любовных исканиях).

Стр. 198. Минерва — богиня мудрости у древних римлян, соответствующая греческой богине Афине-Палладе.

Стр. 200. Ведь для меня ты так же дорог.. как Анна для царицы Карфагенской...— Анна — сестра Дидоны, Карфагенской царицы (в «Энеиде» Вергилия).

Стр. 201. *Redime te...*— фраза из комедии Теренция «Евнух». Сценический вариант: «Старикесь откупиться подешевле».

...такой лишь Агенора дочь блистала...— Европа, похищенная Зевсом (Юпитером) и поселенная им на Крите.

Стр. 202. ...возьми-ка плащ мой и цветную шляпу...— Знатым лица носили цветные шлпы.

Стр. 206. *Con tutto il cuore...*— Сценический вариант: «Душевно рад вас снова повидать».

Alla nostra casa ben venuto...— Сценический вариант: «Добро пожаловать, синьор достойный».

Нет, синьор, тут латынью не отговоришься.— Одна из условностей елизаветинской драматургии: предыдущие итальянские фразы никак не могли итальянцу Грумио показаться латынью.

Стр. 207. ...дурней жены Флорентия...— В средневековой повести о рыцаре Флорентии рассказывается, что он женился на чрезвычайно уродливой женщине, которая, разгадав загадку, спасла ему э́тим жизнь.

Сивилла — прорицательница в древнеримских сказаниях — в эпоху Возрождения всегда изображалась как дряхлая старуха.

Ксантиппа — жена Сократа, была известна своей сварливостью.

Стр. 211. ...вы решили... венчаться с этой дикой кошкой? — Игра слов: *cate* — «кошка»; *Kate* — «Катарина».

Стр. 214. Дочь Леды тьму вздыхателей имела.— Елена Прекрасная, возлюбленная Париса, была дочерью смертной женщины Леды и Зевса (Юпитера).

Стр. 217. ...а мне остаться старой девой, что ли, и из-за вас в аду мартышек нянчить? — Согласно пословице, старым девам суждено в аду прогуливать (точнее — водить на помочах) чужих детей за то, что они при жизни не имели своих.

Стр. 220. Люченцио зовут вас? — Комментаторы полагают, что Баптиста мог узнать имя мнимого Люченцио или во время тихого разговора с ним в стороне, или потому, что Транио — Люченцио надписал свое имя на связке принесенных им книг. Но елизаветинские драматурги не задавали таких хитрых загадок своим зрителям, и скорее всего здесь простая небрежность со стороны автора.

Стр. 223. Кет — кошечка, Кет — лакомый кусочек.— В подлиннике игра слов: *Kate* — «Катарина», *cate* — «кошка», *cates* — «сласти».

Стр. 227. Ты не хромаешь! — Так как перед этим Петруччо отрицал сварливость Катарины, из этого места можно было бы заклю-

чить, что она хромая. На самом деле это лишь шутка: Петруччо намеренно смешивает правду с выдумкой, чтобы окончательно сбить Катарино с толку.

Стр. 228. Гр изельда — героиня популярного в средние века рассказа, образец кротости и смирения (история ее рассказана, между прочим, в последней новелле «Декамерона» Бокаччо).

Лукреция — древняя римлянка, лишившая себя жизни после того, как ее обесчестил сын царя Тарквиния (на этот сюжет Шекспиром написана поэма «Оскорбленная Лукреция»).

Стр. 231. Он весь увешан тирскими коврами... — Тир — город в Сирии, славившийся в средние века своими коврами.

Стр. 235. Нис ибат Симоис... — Двустипные из «Геронд» Овидия.

Стр. 236. Эакид — потомок Эака.

Стр. 241. Где видано такое? Тут дело не простое и т. д. — по-видимому, отрывок из старинной баллады.

Стр. 244. ...когда же кончился обряд венчания, потребовал вина... — Новобрачные сразу после венчания, согласно распространенному в те времена обычаю, выпивали в церкви кубок вина.

Стр. 250. «Эх, Джек! Ах, Джек!» — начало застольной песни.

Стр. 254. «Где ты, жизнь моя была...», «Жил монах, молился богу...» — отрывки из старинных песен.

Стр. 268. ...отдавай мне свой ярд... — Яр — английская мера длины (91 сантиметр) и соответствующая ей мерка (палка).

Стр. 285. Вступительная ремарка. Десерт, состоявший из фруктов, сладостей и вина, подавался через некоторое время после трапезы и при этом обязательно в другой комнате.

«ДВА ВЕРОНЦА»

Хотя «Два веронца» были впервые напечатаны лишь в F 1623 года, все данные свидетельствуют о том, что комедия была создана Шекспиром в ранний период его творчества. Сведений о постановке ее на сцене не сохранилось, но Френсис Мерес в 1598 году в своем обзоре английской литературы, перечисляя комедии Шекспира, ставит на первое место в списке «Два веронца». Исследователи датируют пьесу по-разному, в пределах 1591—1595 годов. По мнению авторитетнейшего шекспироведа XX века Э. К. Чэмберса, ее появление относится к началу сезона 1594/95 года.

Источником сюжета комедии является история Феликса и Фелисмены из испанского пасторального романа «Диана» Монтемайора. Однако едва ли Шекспир был непосредственно знаком с ним в оригинале, так как испанского языка не знал. Он мог читать его перевод в рукописи, сделанный Бартоломью Юнгом, но вероятнее всего, что он знал пьесу «Феликс и Филомена», представление которой давалось при дворе труппой королевы в 1585 году. Возможно даже, что комедия Шекспира представляет собой переработку этой пьесы, но судить об этом мы не можем, ибо текст ее не сохранился.

Комедия Шекспира далека от совершенства. Внимательное изучение ее привело к обнаружению некоторых противоречий и несогласованности ряда моментов. Давно уже был замечен явный географический ляпсус: Валентин едет из Вероны в Милан на корабле, тогда как оба города находятся в глубине страны. В другом месте просто описка: Спид приветствует Ланса с прибытием в Падую, тогда как на самом деле они встречаются в Милане, где происходит значительная часть

действия. Но больше всего недоумений вызывает финал. Об этом будет сказано ниже.

Исследователи спорят о том, на чей счет следует отнести несовершенства пьесы. Одни видят в них свидетельство незрелости самого автора, что естественно, если пьеса действительно была продуктом его раннего творчества. Но редакторы «Нового Кембриджского издания» сочинений Шекспира А. Куиллер-Кауч и Дж. Довер Уилсон полагают, что их следует в значительной степени объяснить дефектностью рукописи, с которой печатался текст. Дж. Довер Уилсон утверждает, что перед нами не воспроизведение рукописи Шекспира, а сводный текст, составленный из списков отдельных ролей при помощи плана спектакля (plot). Отсюда будто бы и явные сокращения в тексте и частичная несогласованность отдельных моментов.

Возможно, что это было так. Но при всем том «Два веронца» несомненно выделяются не только над уровнем всей дошекспировской комедиографии, но и над его собственными комедиями, написанными до того. По сравнению с «Комедией ошибок» и «Укрощением строптивой» «Два веронца» представляют собой явный шаг вперед, притом в новом направлении.

Названные две комедии принадлежат еще к фарсовой традиции, хотя они кое в чем переросли ее. «Два веронца» — первая «романтическая» комедия Шекспира. И дело не только в том, что действие здесь строится не на случайном совпадении, не на фарсовых недоразумениях и перебранках. Новым здесь является центральный мотив сюжета, отношение к людям, к их духовному миру.

«Два веронца» — пьеса о любви и дружбе. Шекспир здесь заглядывает в человеческие души глубже, чем в «Комедии ошибок» и «Укрощении строптивой». Вполне оставаясь на почве реальности, Шекспир вводит в «Два веронца» мотивы идеальные. Речь идет о высоких человеческих чувствах и больших нравственных ценностях — о верности в любви и дружбе.

Но необходимо сразу же сказать, что морализаторские цели Шекспиру чужды в этой комедии, как и в остальном драматургическом творчестве. Он создает характеры, и раскрытие их в действии составляет его главную цель как художника. Перед нами обнаруживаются различия в поведении героев, охваченных чувством, и мы видим, что различия эти обусловлены характером.

Валентин — чистая, цельная натура. В речи он прям, чувство и выражение его последовательны. Он стоек в дружбе, верен своей любви даже в разлуке. Его характеризует благородная простота и решительность. В одном он только проявил свою робость — он не покоритель сердец, как его друг, и не он, а Сильвия сделала первый шаг к их сближению. Такой же цельностью отличается нежная, хрупкая Джулия. Она не сразу поддавалась ухаживанию Протея, но, полюбив его, всем сердцем отдалась своему чувству. Во имя него она готова и на жертву и на подвиг.

В отличие от робкой Джулии, Сильвия решительна и уверена в себе. Она смела, умна, насмешлива, остроумна, готова прибегнуть к крайним средствам для достижения счастья с любимым.

Как ни различны они, есть черта, свойственная им в равной мере, — цельность натуры, верность чувству. Именно этим они отличаются от героя, которого Шекспир многозначительно назвал именем мифологического персонажа, менявшего свой облик, — Протея.

Как правило, Шекспир не давал своим героям имен со значением. Это осталось у него принадлежностью персонажей комических. Но фигура Протея не шутовская. И, добавим, не злодейская.

Правильному пониманию «Двух веронцев» всегда мешает то, что мы хотим оценить смысл драматического конфликта в плане противопоставления этических норм и принципов. Это не входило в замысел Шекспира и только запутывает зрителя и читателя. Конфликт у Шекспира не этический, а психологический. В Протее нет ничего злодейского, хотя поведение его оказывается весьма предосудительным.

Протей — человек чувства. Жить без любви, без страсти он не может. Не случайно, что любовь проснулась в его сердце раньше, чем у друга. Валентин еще посмеивался над любовным увлечением Протея, когда мы знакомимся с ними. Ему, Валентину, свойственны другие стремления: он честолюбив, хочет проявить себя в деле, завоевать положение. До всего этого Протею дела нет: он живет жизнью сердца, и это дает ему высшие радости.

Но чувство Протея отличается одной особенностью. Ему необходимо, чтобы предмет его любви был перед ним. Нельзя сказать, что его чувство поверхностно. По-своему оно глубоко, но оно нуждается в повседневной пище. Когда Протей разлучился с Джулией, она как бы выпала из его сердца. Им овладела страсть к Сильвии. А так как эмоции его очень сильны и властно требуют удовлетворения, то Протей со всей присущей ему страстностью стал бороться за Сильвию, презрев и преданность Джулии, и дружбу к Валентину, и все правила добропорядочности.

Можно и, вероятно, нужно оценить поведение Протея с точки зрения норм нравственности. Но не это интересовало Шекспира и его современников. В эпоху Возрождения и критерии морали были несколько иными. Высшая человеческая добродетель усматривалась не в том, чтобы быть моральным (так думали пуритане), а в том, чтобы следовать своей природе, стремлениям ума и сердца, проявляя максимум энергии в достижении цели. Вот почему и Валентин и Джулия оказываются в состоянии простить неверность Протею, как только он изъясняет готовность признать свою неправоту и исправиться. Каждый из них знает, как велика сила чувства, и в этом смысле они могут не только понять, но и простить Протея.

Здесь мы уже подошли к тому месту пьесы, которое подало повод для разных оценок и споров критиков. Развязку комедии находили недостаточно моральной, неэстетичной и психологически неоправданной. Новейшие исследователи, как Дж. Довер Уилсон, предложили для «оправдания» Шекспира текстологические мотивы. Довер Уилсон считает, что развязка дошла до нас в значительно сокращенном виде, притом с изменениями, сделанными не самим Шекспиром, а кем-то другим, отчего и происходят все несообразности финала.

Мы не видим необходимости в таком объяснении и полагаем, что Довер Уилсон переоценивает значение неясностей развязки. Если сокращения и имели место, то в целом дошедшую до нас финальную сцену можно считать вполне шекспировской. Другое дело, что современному сознанию она представляется неоправданной. Правильно понять ее можно, лишь учитывая своеобразие ренессансного мировоззрения. С точки зрения людей эпохи Шекспира не было ничего несообразного ни в том, что Протей расканваается, ни в том, что друг и возлюбленная прощают его.

Правда, если зритель нашего театра незнаком с этими обстоятельствами, он будет испытывать некоторое неудовлетворение такой развязкой. Помочь здесь сможет лишь творческая инициатива театра, умение так воссоздать атмосферу ренессансной жизни, так динамически построить спектакль, что финал покажется оправданным в той напряженной эмоциональной атмосфере, в какой живут герои.

Пьеса вся пронизана духом эпохи Возрождения. Недаром действие ее происходит в Италии, обетованной земле Ренессанса. Юг с его знойными страстями, стремительностью и горячностью людей во многом дает знать о себе в «Двух веронцах». Но четкая локализация действия никогда не была свойственна Шекспиру. Свое национальное, английское властно вторгалось в его пьесы, где бы ни происходило их действие. Так это случилось и здесь.

Валентин, изгнанный из Милана, сразу попадает в лес, который совсем не похож на итальянский. Английский зритель шекспировского времени безошибочно узнавал в нем Шервудский лес, в котором прятался Робин Гуд со своими лесными братьями. Английская природа и английский фольклор придают дополнительный романтический колорит комедии Шекспира.

Мы сказали «комедии», и надо уточнить это жанровое обозначение применительно к пьесам Шекспира. В «Комедии ошибок» и «Укрощении строптивой» все было форсированно комедийным. В «Двух веронцах» отнюдь не все действие является комедийным. Нет ничего смешного в драме преданной Джулии, совсем не комичны последствия предательства Протея для Валентина и Сильвии. «Два веронца» — первая из комедий Шекспира, в которой определилось своеобразие этого жанра у великого драматурга. Серьезное и смешное уживаются рядом. Счастливая развязка обращает все происшедшее в повод для веселья. Собственно комическое составляет лишь часть действия, но столь значительную, что оно определяет колорит всей пьесы. Мы имеем в виду шутовские эпизоды со слугами.

Рядом со стихией возвышенных романтических чувств героев соседствует самая откровенная клоунада. Искусство Шекспира проявилось в том, что вставные клоунские интермедии были им органически слеплены с основным сюжетом. Замечательная пара слуг здесь не так безлика, как в «Комедии ошибок». В первой комедии Шекспира Дромио Эфесский и Дромио Сиракузский не только внешне неразличимы. Они похожи друг на друга и во всем остальном. В «Двух веронцах» Ланс и Спид наделены определенностью характера. При этом они контрастны не только по отношению друг к другу, но и в сравнении со своими господами. У прямодушного Валентина, несколько медлительного и, если так можно выразиться, внутренне неповоротливого, — ловкий, изворотливый, быстрый Спид (самое имя его по-английски означает «быстрый»). У гибкого, изменчивого Протея — медлительный, меланхолический Ланс. Он очень смешон, и недаром Энгельс писал, что один только Ланс со своей собакой Кребсом стоит всех немецких комедий, вместе взятых.

Шекспир написал потом комедии более тонкие и изящные. Но путь к ним лежал через «Двух веронцев». Именно в этой пьесе исток всего того нового, что внес Шекспир в искусство комедии: романтика высоких чувств, озаренных молодостью, красотой, изяществом мысли, сочетание всего этого с бравурным площадным юмором и реминисценциями фольклорных сказочных мотивов.

У Ланса и Спида будет потом целая серия продолжателей — и ткач Основа (в «Сне в летнюю ночь»), и Оселок (в «Двенадцатой ночи»), и даже трагический шут короля Лира. И мы увидим также, как разовьет Шекспир психологические мотивы, представленные в образах героев комедии. Джулия найдет свое продолжение в образе Виолы («Двенадцатая ночь»), Сильвия — в Порции («Венецианский купец») и Розалинда («Как вам это понравится»). Валентин открывает собой целую галерею юных героев комедий, он предшественник и Лизандра, и Орlando, и других. Но наибольший интерес представляет развитие и

углубление тех психологических мотивов, с которыми мы впервые сталкиваемся в образе Протея. Это Клавдио (в «Много шума из ничего») и в особенности Анджело (в «Мера за меру»), это и некоторые другие герои поздних комедий Шекспира.

Сравнение «Двух веронцев» с более зрелыми комедиями Шекспира, естественно, не всегда в пользу этого раннего произведения. Но оно имеет свою прелесть — прелесть открытия художником новой, неизведанной области жизни. И молодой Шекспир с упоением щедро накладывал краски на холст, создавал резкие контрасты, не боясь ярких цветовых пятен. Это еще не до конца отделанное полотно, а скорее этюд, по этюдам гения.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ДВУХ ВЕРОНЦЕВ»

Стр. 297. Действующие лица.— *Протей* — древнегреческое божество, обладавшее будто бы способностью менять свой облик; вследствие этого его имя стало синонимом человека крайне непостоянного.

Спид (Speed) — значит «спешка». — *Ланс* (Lance) — быть может, диалектальная форма слова lance — «копье». Обозначение обоих этих персонажей — «дурашливые» (clownish) слуги — указывает на их театральное амплуа «шутов» (clowns).

Стр. 298. ...о том, как море переплыл Леандр... глубокой, как пучина Геллеспонта.— Леандр — герой древнегреческого сказания. В Сесте, на европейском берегу Геллеспонта (Дарданелльского пролива), жила Геро, жрица Афродиты (Венеры). Леандр, ее возлюбленный, живший на малоазиатском берегу, в Абидосе, каждый вечер, спеша к ней на тайное свидание, переплывал Геллеспонт, а затем, под утро, таким же способом возвращался обратно, пока однажды, в бурную ночь, не утонул.

Стр. 299. Мой отец уже в дороге, меня он провожает на корабль.— Одна из географических небрежностей Шекспира. Верона и Милан — отнюдь не приморские города. Однако, хотя в подлиннике стоит слово the goad («рейд»), возможно, что Шекспир представлял себе эти два города сообщавшимися между собой с помощью каналов.

Стр. 303. Не под водой, а в петле твой конец! — Существовала поговорка: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

Стр. 304. Откроем счет красавцем Эгламуром.— Неожиданное упоминание здесь Эглмура, жившего при герцогском дворе в Милане (см. IV, 3), — небрежность Шекспира.

Стр. 308. Пой на мотив: «Блаженный свет любви». — «Свет любви» — популярная во времена Шекспира песенка.

Стр. 317. ...вы бранили синьора Протея за то, что он ходит без подвязок! — Беспорядок в одежде — в частности, незавязанные подвязки — считался признаком влюбленности.

Стр. 319. Синьор Валентин, мой слуга, две тысячи раз доброе утро! — Мой слуга — в подлиннике слово servant, то есть «слуга» в смысле признанный, официальный поклонник.

Стр. 322. Если любовь, этот хамелеон, питается воздухом... — Существовало нелепое мнение, что хамелеон (вид ящерицы) питается воздухом.

Стр. 323. Имя собаки Сгаб может означать либо «краб», либо — что более вероятно — «дикая яблоня» (также — яблоко с нее).

Стр. 324. Упустишь час прилива... а лучше бы я упустил прилив. Потому что это самая невоспитанная скотина...— В последних словах Пантино и в ответе Ланса содержится игра слов: to lose the tide — «пропустить прилив», to lose the tied — «потерять привязанного» (то есть пса).

Стр. 337. ...недостойн имени христианина... Потому что не хватает в тебе милосердия, чтобы угостить христианина пивом.— В подлиннике: to go to the ale. Словом «эль» («пиво») обозначался также народный христианский праздник (в котором не могли участвовать евреи). Для таких праздников духовенство готовило пиво, которое продавалось в церквях и на кладбищах, а доход шел на ремонт церковных зданий.

Стр. 338. А Джулия... пред Сильвией черна, как эфипона.— Темный цвет лица и волос считался недостатком у женщины. В своем раздражении Протей приписывает Джулии мнимые «недостатки» (Джулия — блондинка).

Стр. 340. Я подвяжу их шелковой нитью и заплету двенадцатью узлами...— Сложные прически были в ходу не только у дам, но и у кавалеров той эпохи.

Стр. 347. Фазтон — сын Феба — Аполлона и смертной женщины Климены, Тем, что он назван сыном Метропа (мужа Климены), выражается сомнение в его божественном происхождении.

Стр. 348. На его шкуре нет ни одного волоска, который не был бы Валентином.— Намек на народное поверье, согласно которому в день святого Валентина (14 февраля) птицы начинают спариваться, вследствие чего это имя стало синонимом брака.

Стр. 351. А всяких штук она знает—что твоя водолазная собака.— В подлиннике — «водяной спаньель» — порода собак, особенно хорошо поддающихся дрессировке.

Стр. 352. И да поможет тебе святой Николай.— Святой Николай считался покровителем школьников (грамматеев).

Стр. 359. Орфей, создав магическую лютню, поэтов жилы взял для вещей струн...— Согласно одному из вариантов сказания об Орфее, струны его лютни были сделаны из жил умерших поэтов.

Левифан — упоминаемое в библии морское чудовище.

Стр. 363. Ручаюсь плечью старого монаха из удалой ватаги Робин Гуда...— «Старый монах» — монах Тек, лихой подвижник Робин Гуда, знаменитого «великодушного разбойника» XII века, героя народных баллад.

Стр. 367. Вы ошиблись, мне музыкант не нравится.— В подлиннике игра слов, не поддающаяся переводу: the musicians likes me not может значить и «музыкант мне не нравится» и «музыкант меня не любит».

Стр. 378. Под маскою не прячется от солнца...— Во времена Шекспира дамы носили для защиты от солнца бархатные маски.

Стр. 379. Я Ариадну представлял тогда, убитую предательством и бегством изменника Тезея.— Тезей — прославленный герой древнегреческих мифов, совершивший множество подвигов. Наиболее известный из них — победа над чудовищем Минотавром, с которым Тезей сразился в лабиринте критского царя Миноса. Дочь Миноса Ариадна помогла Тезею выбраться из лабиринта. Победив Минотавра, Тезей увез с собой Ариадну, но на пути в Афины высадил ее на острове Наксосе и оставил там.

«БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»

Комедия эта была впервые напечатана в 1598 году под заглавием «Забавная и остроумная комедия, называемая Бесплодные усилия любви, как она была представлена перед ее величеством в минувшее рождество, вновь исправленная и дополненная У. Шекспиром».

Уже одно заглавие это доказывает, что комедия была написана раньше, быть может, задолго до 1598 года. О том же свидетельствует и целый ряд стилистических черт, характерных для ранней манеры Шекспира: огромное количество рифмованных стихов (значительно более половины всего текста), обилие мифологических образов, вставных иносюзычных слов и фраз, каламбуров и вообще всяких языковых прикрас, свойственных эвфуизму. В этой пьесе Шекспир заканчивает начатое им в «Комедии ошибок» усвоение гуманистической литературной культуры в той форме, в какой он мог познакомиться с нею в кружках передовой английской аристократии (см. выше статью о «Комедии ошибок»).

Анализ сюжета пьесы позволяет примерно определить время ее возникновения. В отличие от большинства других пьес Шекспира комедия не представляет собой обработки какой-либо готовой фабулы. Да фабулы в ней, в сущности, и нет. Что же касается фона, на котором разворачивается действие, то он навеян историческими фактами и персонажами. Место действия комедии — Наварра (на юге Франции), герой ее — никогда не существовавший король Фердинанд, в котором нетрудно узнать популярного в эпоху Шекспира Генриха Наваррского, вступившего в 1589 году на французский престол под именем Генриха IV. Выступающие в пьесе приближенные короля — Бирон, Лонгвиль, Дюмен — также являются историческими лицами, игравшими видную роль в политических событиях 1581—1590 годов. Маршал Бирон и герцог Лонгвиль были соратниками Генриха во время «религиозных» войн, а герцог Дюмен (de Mayenne) — его политическим врагом, одним из вождей Католической лиги. Что касается французской принцессы, то в ней нетрудно узнать Маргариту Валуа, сестру королей Карла IX и Генриха III, первую жену Генриха Наваррского, с которой он расстался после организованной в день их свадьбы католиками резни — Варфоломеевской ночи (1572). Осенью 1578 года Маргарита, якобы для примирения с мужем, совершила поездку в местечко Нейрак, где Генрих жил уединенно в кругу своих приверженцев. Приезд Маргариты вызвал ряд блестящих празднеств, служивших прикрытием для политических интриг, которые являлись главной целью поездки Маргариты.

Итак, при всей своей галантной условности фабула пьесы имеет реальную основу в исторических фактах, являвшихся злободневными в 1590—1591 годах, когда внимание всей Европы, а в особенности Англии, было устремлено на французские события. Королева Елизавета была союзницей Генриха и помогала ему в борьбе против Лиги. В октябре 1591 года граф Эссекс отправился во главе английской армии в Дьепп и вместе с маршалом Бироном действовал против Руана. В это время интерес английского двора к борьбе гугенотского короля за власть достиг своего апогея. В следующем году граф Эссекс вернулся в Англию, а вслед за тем Генрих парализовал происки папы, поддерживавшего Лигу, своим переходом в католичество (1593). Это ренегатство разгневало Елизавету, и Генрих сразу утратил свою популярность в Англии. Таким образом, возникновение первой редакции комедии можно с большой вероятностью отнести к 1590—1591 годам, а оконча-

тельную обработку ее — на основании стилистических признаков — скорее всего к 1594 или 1595 году.

В чем состояла эта переработка, мы можем лишь догадываться. По всей вероятности, дело свелось главным образом к вставкам в IV и V акты разных дивертисментных номеров (маскарад «москвитов», интермедия «Девять героев» и т. п.), предназначенных для увеселения придворной публики. Отсюда непомерная длина этих двух актов по сравнению с первыми тремя, совсем короткими.

На представлении в сезон 1597/98 года комедия имела, по-видимому, успех у придворной публики, так как в 1604 году она была снова поставлена при дворе по инициативе графа Саутгемптона. Но несомненно, что у широкого зрителя эта почти бессюжетная и очень изысканная по стилю пьеса не могла иметь успеха. До нас все же дошло известие об одном ее представлении на сцене публичного театра. Но дошло также стихотворение (1598) некоего Тофта, очевидно, выразителя вкусов широких слоев горожан, отзывавшегося об этой комедии как о «натянутой» и «фальшивой».

По своему построению и стилю «Бесплодные усилия любви» являются, формально рассуждая, типичной пьесой придворно-аристократического театра. Она приближается к тому жанру галантно-любовных, аллегорических или пасторальных представлений, которые назывались в Англии «масками» и являлись излюбленным украшением придворных празднеств. Весь последний акт комедии с его любовными поединками, дивертисментными номерами и ряженым вводит нас в атмосферу придворных маскарадных представлений.

Также и основная ситуация комедии — создание группой молодых образованных вельмож философской «академии» с полным отрешением от житейских забот и сердечных страстей уводит нас в ту же среду. Италия позднего Возрождения была полна такого рода «академиями», где дебатировались и излагались в стихах и прозе всякого рода морально-философские вопросы, проблемы любви, пристойного жизненного поведения. Европейскую славу приобрел сборник таких бесед, происходивших в герцогском кружке г. Урбино, записанных Бальдассаре Кастильоне, озаглавленный «Придворный» (1528). Подобные «академические» заседания происходили и при дворе французского короля Генриха III (ум. в 1589 г.). Были такие кружки и в Англии — например кружок, собиравшийся в 1592 году в доме сэра Уолтера Роли, или другой, группировавшийся вокруг покровительствовавшего Шекспиру Саутгемптона и его друга Эссекса. Дошло сведение, что граф Нортемберленд, патрон многих ученых и поэтов, в том числе, по-видимому, и Марло, написал этюд, в котором доказывал несовместимость любви с наукой. Вообще вопросы о природе любви, о ее правах и возможностях — конечно, любви «возвышенной», в плане платонического мировоззрения — волновали всю «философствующую» Европу XVI века.

Для задуманной им картины Шекспир использовал материал и краски весьма различного происхождения. Одним из источников послужило ему творчество драматурга Лили, создателя эвфуистического стиля, затейливого и утонченно-изысканного. Влияние Лили проявилось не только в стиле, но и в построении комедии и ее сюжетных ситуациях. В композиции пьесы царит четкая симметрия. Она сказывается и в распределении персонажей (с одной стороны — король с тремя придворными, с другой — принцесса с тремя дамами) и в построении отдельных сцен и диалогов, состоящих из правильно чередующихся, точно соразмеренных реплик. Рисунок диалога имеет четкость балетных фигур и как бы подчиняется правилам светского этикета. Сюда присоединяется

правильное чередование сцен верхнего и нижнего плана — лирических и буффонных. Введение параллельной интриги низшего плана, как бы пародирующей основную, — тоже излюбленный прием Лили. Отдельные ситуации комедии также имеют свои прототипы в изящных комедиях Лили — «Сафо», «Мидас», «Метаморфоза любви» и особенно «Энди-мион», в котором мы находим прототипы испанца Армадо и его паж Мотылька.

Другим источником — именно для персонажей низшего плана — послужила очень привлекавшая молодого Шекспира итальянская комедия дель арте. Здесь на первом месте стоит долговязый дон Адриано де Армадо, напоминающий излюбленный в итальянской комедии тип Капитана, находящийся в родстве с плавтовским «хвастливым воином». Подобно итальянскому Капитану, Армадо — испанец, и карикатурная фигура его должна была казаться особенно злободневной в годы ожесточенной борьбы между Англией и Испанией. Самое имя причудливого испанца напоминало публике о разгроме «Непобедимой Армады» английским флотом (1588). Заметим, однако, что дон Армадо имеет у Шекспира очень мало национальных черт; он совсем не пользуется иностранным акцентом, и самый стиль его речей не носит отпечатка причудливой напыщенности, характерной для Капитана итальянской комедии. В основе его стиля лежит скорее велеречивый педантизм, лишенный, однако, южного колорита.

Такой же традиционно комической фигурой является педант Олоферн, имя которого восходит, по-видимому, к «великому ученому софисту, именуемому господином Тубал Олоферн» из знаменитого романа Рабле. Но вместе с тем он имеет общие черты и с весьма популярным в итальянской комедии типом Педанта, или Доктора. Однако, в отличие от последнего, Олоферн — карикатура не на ученого юриста, а на школьного учителя, вследствие чего он и разглагольствует преимущественно на темы из области грамматики и филологии. Олоферн — хронологически первый тип педанта на английской сцене. Дополнением к нему является священник Натаниэль, его почитатель и подражатель.

К этим основным комическим типам присоединяется ряд буффонных персонажей, которые, хотя и имеют известную связь с масками итальянской комедии, все же в гораздо большей степени восходят к народной английской основе, к бытовым крестьянским театрализованным типам. Таков шут Башка, который при известном сходстве с типом «второго Дзанини» заключает в себе достаточно национальных черт и должен быть рассматриваем как тип английского клоуна. Его достойным партнером является другой клоун, констебль Тулица. Наконец, предмет вожделений Башки и дона Армадо крестьянка Жакнета представляет собой яркий тип здоровой и жизнерадостной английской крестьянки, чуждой ухищрений и изворотов светского обхождения и, при всей своей простоте, в душе посмеивающейся над ними.

Но все перечисленные элементы пьесы, все эти великосветские и итальянские влияния — лишь материал, которым Шекспир воспользовался совсем в других, противоположных целях. Подобно тому как позже, в «Сне в летнюю ночь» и в «Как вам это понравится», предлагая сходный материал в весьма с виду привлекательном, как бы опортезированном виде, он, по существу, его развенчивает, — так и здесь уже он противопоставляет ему правду живых и естественных чувств.

Псевдоисторическая костюмерия и аристократическая декоративность послужили Шекспиру лишь поводом для утверждения самых передовых идей и реального чувства жизни. Изысканность придворных персонажей пьесы изобличает сама своя пустота, и эвфуизм их стиля

и чувств незаметно переходит в пародию на него. В пьесе высмеивается попытка молодых эстетизированных фантазеров уйти от жизни, от действительности в абстракцию, в пустые претенциозные бредни. Жизнь опрокидывает их нелепый замысел, и все их философические обеты летят кувырком с приездом принцессы и ее подруг.

Так же плачевно заканчиваются и другие, едва намеченные интриги пьесы. Выспренный дон Армадо позорно отсечен в его любовных искательствах грубоватым, но житейски неглупым шутом Башкой, а «премудрые» Олоферн и его дружок сэр Натаниэль, добродушно высмеянные персонажами верхнего плана, стушевываются и бесследно исчезают из пьесы.

Рупором идей Шекспира в этой комедии является самый умный, самый живой, самый привлекательный из ее персонажей — Бирон. Непринужденная веселость, лркость, правдивая жизненность его речей и жестов проходят красной нитью через всю пьесу, начиная с первой сцены (у Шекспира почти всегда очень важной), где он потешается над «заповедями», которые ему пытаются навязать, и кончая двумя его блестящими монологами (V, 2), резюмирующими весь смысл и содержание пьесы.

В первом из них (примерно в середине сцены) он отрекается от всякого притворства и жеманности, призывая к простоте, к естественности как самих чувств, так и их выражения. Острыми и точными, притом горячими, идущими от души словами он отвергает всякий эвфуизм и вычуры, высмеивая их весело и жестоко.

Во втором (к концу пьесы) — Бирон произносит вдохновенное словословие любви, которую его легкомысленные сотоварищи хотели изгнать из своей жизни, заменив абстрактным мудрствованием, холодной метафизикой. Нет, любовь к женщине и есть единственный живой источник всякой мудрости, всякого знания. Это главный светоч человека, истинный огонь Прометей.

Мысль эта в теоретических рассуждениях XVI века была широко распространена. Восходя к идеалистической концепции любви у трубадуров, подхваченная всей школой «сладостного нового стиля», включая Данте, она получила новое и пышное развитие в неоплатонической философии позднего Ренессанса. Но дело не в теоретической формулировке ее, а в палчице реального переживания, живого и глубокого внутреннего опыта, с которым она связана. Бирон — тот из всей компании, который способен наиболее искренне и пылко чувствовать. И отсюда его огненные слова, пламенная вера в то, что он говорит. А говорит он, в сущности, о торжестве жизни, о правде чувства, о радости реальной действительности, перед которой должны скрыться все метафизические призраки.

Пьеса как будто бы не имеет развязки. Согласия на брак ни одна из четырех красавиц не дала, и все они потребовали отсрочки на один год. Но, собственно говоря, это и есть вполне удовлетворительная развязка, заключающаяся в себе очень важную и иптересную мысль. Счастье не падает человеку само в руки. Нужно его заслужить, нужно суметь стать достойным его. Молодые метафизики только что предавались смешным бредням. Теперь они должны проверить свои внезапно всплывшие чувства, должны стать людьми по-настоящему простыми и верными. Счастье — не формула, а путь, и они должны показать себя способными идти по этому пути. Но, как всегда в комедиях Шекспира, мысль эта выражена без всякой назидательности, а в легкой, юмористической форме разных шутливых заданий, даваемых красавицами влюбленным в них юношам.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «БЕСПЛОДНЫХ УСИЛИЙ ЛЮБВИ»

Стр. 393. Действующие лица.— Фердинанд, король Наварры,— см. статью о пьесе. В самом тексте имя короля ни разу не встречается. Переименование Генриха в Фердинанда было сделано, вероятно, для того, чтобы избежать обвинения со стороны цензуры в каком-либо пежелятельном, с ее точки зрения, политическом намеке.

Бирон, Лонгвилль, Дюмен, Армадо — см. статью о пьесе.

Имя пажа Мотылек указывает на его миниатюрность и подвижность.

Натаниэль (франц. форма имени Нафанаил) — одно из популярных среди пуритан библейских имен.

Стр. 400. Аквитания — первоначально область Галлии от реки Гаронны до Пиренеев. Затем она вошла в состав Франции, образовав провинцию Гюйенна.

Стр. 409. Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает.— Намек на популярную в то время дрессированную лошадь, известную под кличкой Марокко, о которой упоминают современники Шекспира.

Стр. 410. ...весьма весомые городские ворота мог на плечах унести.— Намек на библейское сказание о Самсоне, который, будучи заперт филистимлянами в одном из их городов, снял ворота с петель, взвалил их себе на плечи и унес.

Стр. 411. Баллада про короля и нищенку — часто упоминаемая у Шекспира баллада о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

Стр. 428. Конек-скакун — одна из забав английских народных гуляний и ярмарочного театра: кукла в виде конской головы с грудью прикреплялась к спине или шее человека, который, упершись руками в колени, прыгал, изображая лошадь. Под влиянием пуритан забава эта во времена Шекспира начала выходить из моды.

Стр. 430. Посыл — последняя строфа из стихотворения, содержащая восхваление лица, которому оно адресовано.

Данное — основная часть стихотворения, излагающая исходное положение или задание.

Стр. 432. ...что это еще за репарация.— В подлиннике remuneration — «вознаграждение». Слово это, непонятное для деревенского простака Башки, обыгрывается в последующих строках.

Стр. 435. Аргус — в греческой мифологии стоголазый великан.

Стр. 439. ...Немейский лев рычит...— Один из подвигов Геркулеса состоял в том, что он убил грозного льва, жившего в Немейском лесу.

Стр. 440. Монархо — прозвище, которое дал себе один полубезумный итальянец, вообразивший себя «императором мира». Во времена Шекспира он проживал в Англии.

Стр. 441. Пипин Французский — король франков Пипин Короткий, отец Карла Великого, живший в VIII в. н. э.

Джиневера Британская — жена Артура, легендарного короля древней Британии.

Стр. 444. Диктина — критское божество, древними отождествлявшееся с Дианой, богиней луны.

Стр. 446. «Фауст, прошу тебя...» — первые слова латинской эклоги поэта XV в. Баптисты Спаньолы, уроженца Мантуи.

Стр. 447. «Венеция, Венеция...» — итальянское двустипение, которое приводится в учебнике итальянского языка Флорио, изданном в Лондоне в 1591 г.

За что его назвали Назоном? — Назон как имя нарицательное по-латыни означает — большой нос.

Стр. 449. ...любовь безумна, как Аякс,—нарек на предание об Аяксе, одном из героев Троянской войны, который в припадке безумия бросился с мечом на стадо баранов, приняв их за обидевших его греков, и принялся их избивать. Сказание это составило сюжет трагедии Софокла «Аякс-Биченосец».

Стр. 468. Что за фигура? — Рогатая. — Здесь нарек на так называемый «рогатый силлогизм» (фигура логики), сводящийся к шуточному рассуждению, пользовавшемуся большим успехом у средневековых школяров: «То, что ты не потерял, у тебя еще есть?» — «Есть». — «Ты не терял рогов?» — «Нет». — «Значит, ты рогат».

Стр. 469. ...вывести перед принцессой «Девять героев». — «Девять героев» — одно из излюбленных театрализованных зрелищ, показывавшихся на городских и придворных празднествах позднего средневековья. Обычно трое из героев, состав которых иногда менялся, избирались из числа библейских персонажей, трое — из древнегреческих героев и трое — из героев средневековых сказаний.

Стр. 473. Ведь сотней «0» лицо у вас покрыто. — Имеются в виду кружки веснушек или оспинок на лице.

Стр. 476. Наряжены король и свита как русские, иначе московиты. — В хронике Холла, из которой Шекспир часто черпал данные для своих драматических хроник, приводится случай, когда на банкете при дворце Генриха VIII явилось несколько лордов, переодетых русскими.

Стр. 485. Умы острей под шапкой шерстяною. — Лондонские горожане были обязаны ходить в шерстяных колпаках, тогда как шляпы с перьями были исключительным достоянием дворян. Розалина хочет сказать, что простые люди — и те умнее напыщенных вельмож.

Стр. 487. С зубами белыми, как ус китовый! — Китовый ус — совсем не белый. Но в XVI в. иногда путали кита с моржом, кости и клыки которого, действительно очень белые, шли на всякие поделки.

Стр. 496. С пантерой на броне. — На броне Помпея оттиснуто изображение пантеры.

Стр. 497. Нет, вы не Александр, так как ваш нос не крив. — На античных бюстах голова Александра Великого немного склонена набок, вследствие чего можно в шутку сказать, что нос его несколько «искривлен».

Стр. 498. Иуда я, что прозван Маккавеем... — Исполнитель роли Иуды подчеркивает, что он не Иуда Искаротский, предавший Христа, а Иуда Маккавей, военачальник иудеев, боровшихся за независимость родины. Рвение, которое проявляет исполнитель, вполне понятно: в те времена зрители, не слишком четко отличавшие исполнителя от его роли, иногда избивали актеров, исполнявших роль Иуды.

Стр. 499. ...у тебя нет никакой личности... — В подлиннике face — слово, имеющее ряд смыслов (личность, лицо, контур лица и так далее); именно это дает возможность отпустить ряд замечаний, построенных на образах: личность, головка, изображаемая на деке цитры, головка булавки, Адамова голова на печати и так далее.

Стр. 500. Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор. — Во всех средневековых пересказах истории Троянской войны идеальным героем изображался не Ахилл, а Гектор.

Стр. 501. Он либо бог, либо художник: все время делает рожи. — Бог создавал людей (и их лица), художник рисует их.

Стр. 502. А Гектор — быстр, как гончая. — Во время единоборства Гектора с Ахиллом Гектор, преследуемый противником, семь раз бежал вокруг Трои.

Стр. 503. А та — в античной мифологии божество мести и раздора.

СОДЕРЖАНИЕ

ТИТ АНДРОНИК. Перевод А. Курошовой	5
КОМЕДИЯ ОШИБОК. Перевод А. Некора	103
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ. Перевод П. Мелковой	181
ДВА ВЕРОНЦА. Перевод В. Левица (стихи) и М. Морозова (проза)	295
БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ. Перевод Ю. Корнеева	393
А. Аникст. Послесловие к «Титу Андронику»	515
А. Смирнов. Послесловие к «Комедии ошибок»	522
А. Смирнов. Послесловие к «Укрощению строптивой»	534
А. Аникст. Послесловие к «Двум веропцам»	536
А. Смирнов. Послесловие к «Бесплодным усилиям любви»	542

Примечания к текстам пьес составлены

А. Смирновым

Уильям Шекспир

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ. т 2

Редактор Т. А. Путинцева

Оформление художников А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова

Художественный редактор В. П. Богданов

Технический редактор Г. Я. Шебалина

Корректоры Н. Г. Антокольская и С. И. Габина

Сдано в набор 9/IX 1957 г. Подп. в печ. 24/II 1958 г. Форм. бум. 60 × 92/16. Печ. л. 34,875

Уч.-изд. л. 28,42. Тираж 225 000 экз. (1 — 125 000). Ш. 01859.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25. Изд. № 12071. Зак. тип. № 2372.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР.

Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 15 руб.

